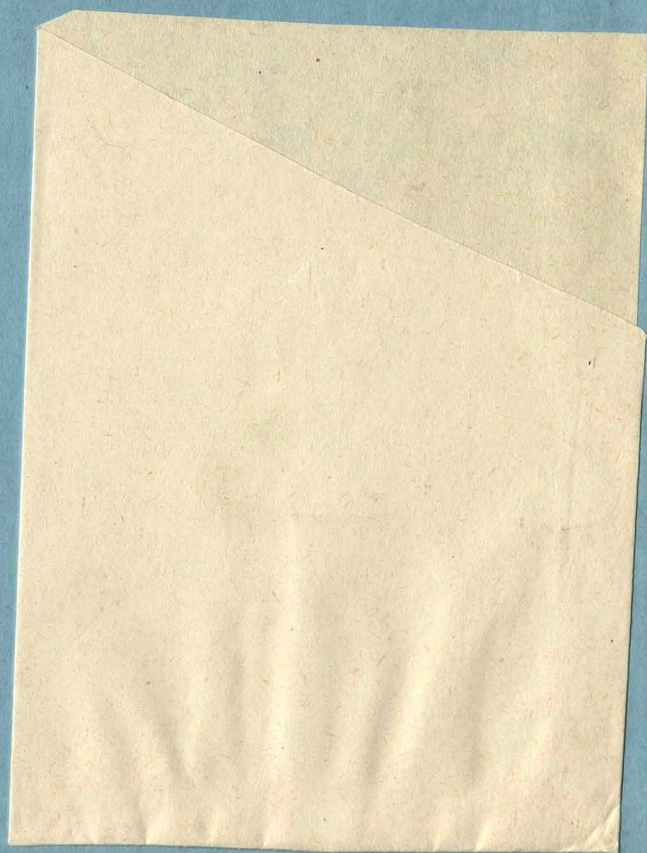
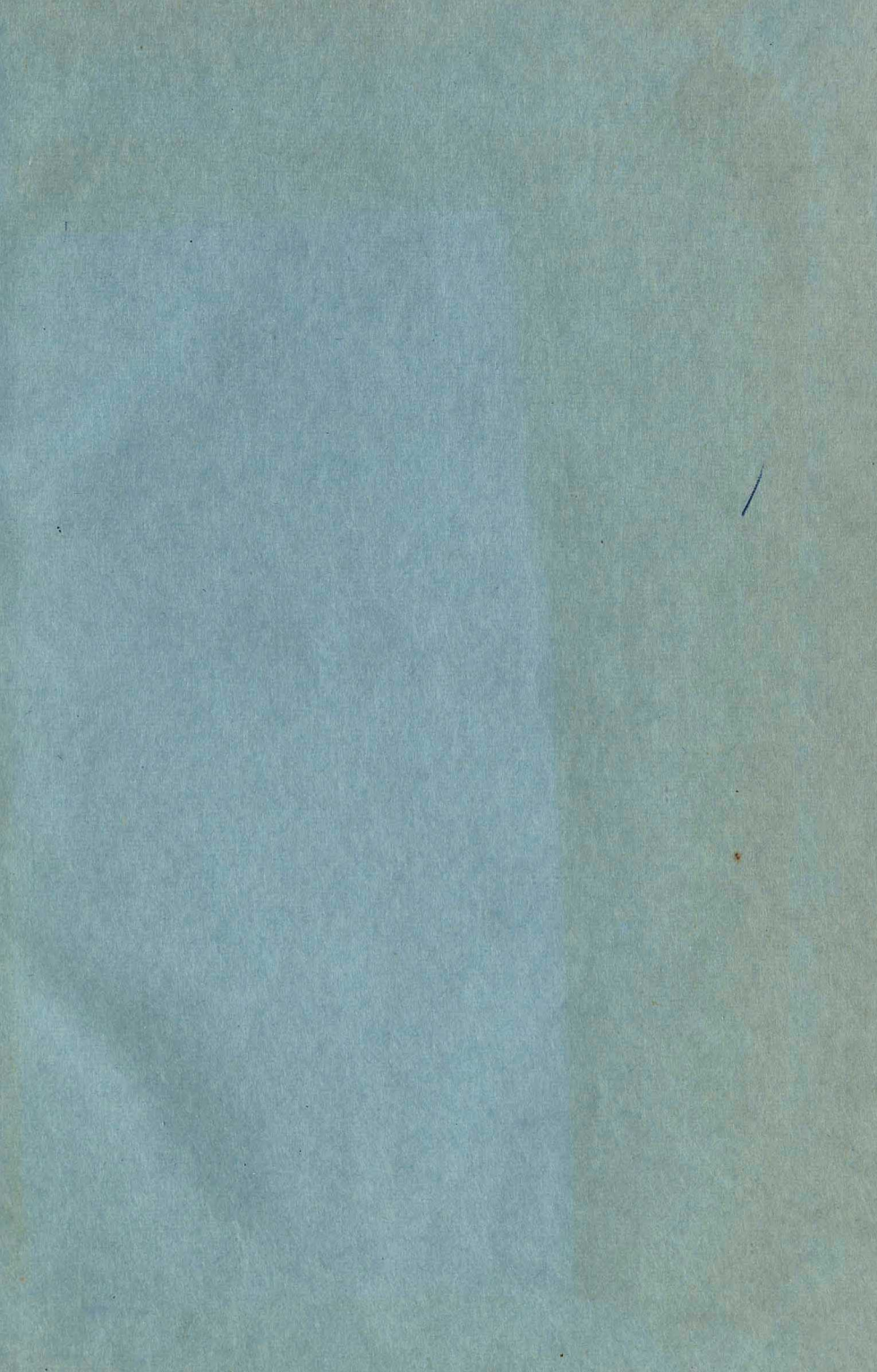

M $\frac{42}{109}$

End. 1889

M 42
109

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ.

(LES MALADIES EPIDÉMIQUES DE L'ESPRIT).

ИСТОРИКО-ПСИХІАТРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Д-РА ПОЛЯ РЕНЬЯРА,
ПРОФЕССОРА ОБЩЕЙ ФИЗИОЛОГІИ.

Переводъ съ французскаго
ЭЛ. ЗАУЭРЪ.

Съ 110 рисунками и статьей д-ра В. О. ПОРТУГАЛОВА:
«Повальные чудачества».

ЦѢНА 1 Р. 75 К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Хромолитографія А. Траншель, Стремянная, № 12.

1889

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

(Продаются во всех книжных магазинах. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. Спб., Лештуковъ пер. № 2).

Для дѣтей и для юношества.

- ДВА ПРОКАЗНИКА.** Шуточный рассказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданій. Около 100 рис. Цѣна 60 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р. 25 к.
- ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ!** Сборникъ дѣтскихъ рассказовъ. А. Лякида. Съ рисунками. Цѣна 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 25 к.
- РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ.** А. Брянчанникова. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к. Въ перепл.—3 р.
- ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ.** Е. Конради. Со мно- жеств. рисунок. Цѣна 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.
- ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ.** П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна каждого въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.
- ХОРОШЕ ЛЮДИ.** В. Острогорскаго. Съ 45 рисунками. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл.—2 р.
- ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ.** А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
- ПОСЛУШАЕМЪ!** Дѣтскіе рассказы. А. Нольде. Съ 28 рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. Въ перепл.—1 р. 50 к.
- ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ.** Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.
- ЖИЗНЬ РОБИНЗОНА.** Н. Блинова, съ 128 рис. Цѣна 1 р. Въ папкѣ—1 р. 25 к. Въ пер. 1 р. 50 к.
- НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ.** (Дѣтскія за- дачи въ картинахъ) Ф. Павленкова. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рисунковъ). Цѣна 1 р. „Объясненіе“ къ нимъ 5 к.
- МУЧЕНИКИ НАУКИ.** Г. Тисандье. Переводъ подъ редакціей Ф. Павленкова. Съ 55 рис., 2-е изд. Цѣна 2 р. Въ перепл. 2 р. 50 к.
- НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.** Г. Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова. 2-е изд., съ 353 рисунк. Цѣна 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.
- МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ.** 50 теоремъ, до- казывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего дѣлаго, и пр. Составилъ В. Обренмовъ. 2 изд. Цѣна 40 к.
- ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА.** В. Обренмова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Цѣна 1 р.
- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.** Живопис- ные очерки отдаленныхъ странъ. С. Ворис- гофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к. Въ пер.—2 р. 50 к.
- ЧРЕЗЪ ДѢВРИ И ПУСТЫНИ.** Скитанья молодого бѣглеца. С. Ворисгофера. Съ иллюстра- ціями. Цѣна 2 р., въ папкѣ—2 р. 25 к., въ пе- репл.—2 р. 75 к.
- СКАЗОЧНАЯ СТРАНА.** Путевыя приключенія двухъ юныхъ матросовъ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Цѣна 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к. Въ перепл.—2 р. 75 к.
- ВЕЧЕРНИЕ ДОСУГИ.** А. Круглова. Съ 70 рисун. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.
- РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬ-**

- ЩИКА.** П. Засодимскаго. Съ рисун. Цѣна каждой книжки по 35 коп.
- ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УБѢДА.** А. Кругло- ва. Съ 6 рис. Ц. 25 к.
- ЖИВЫЯ КАРТИНКИ.** А. Смирнова. Сбор- никъ рассказовъ, съ 50 рис. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2 р.
- НЕЗАБУДКИ.** А. Круглова. Сборникъ расска- зовъ, съ 50 рисунками. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2 р.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА.** Э. Кандеза. Съ 67 рисун. Цѣна 2 р., въ папкѣ—2 р. 25 к., въ перепл.—2 р. 50 к.
- СКАЗКИ ГУСТАФОНА.** Цѣна 1 р. 25 к., въ пап- кѣ—1 р. 50 к., въ перепл.—1 р. 75 к.
- ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ.** Ламе Флерп. 2-е изданіе. Со многими рисунками. Ц. 75 к.

Учебныя руководства и пособія.

- КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ.** Профессора Лѣснаго Института Д. К. Лачи- нова. Съ 120 рисунками и 11 картами. Ц. 2 р.
- ОБЩІЯ ОСНОВЫ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГІИ.** В. Селезнева. Больше 60 рисунк. Ц. 1 р. 50 к.
- ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ.** А. Ганю. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. 1315 рис. 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, ме- теорология и краткая химія. Цѣна 4 руб.
- УЧЕБНИКЪ ХИМІИ.** А. Альмедингена. Курсъ реальнаго училищъ. 96 рис. и 140 задачъ Ц. 2 р.
- ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА.** А. Ганю. Перевелъ съ франц. Ф. Павленковъ, 3-е изданіе. Съ 604 рис. Цѣна 2 р.
- ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ.** Н. Вальберха и Ф. Павленкова. 3-е изд. 50 рис. Ц. 40 к.
- ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ.** В. Потоцкаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
- САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ** въ начальной школь. Т. Лубенца. Ц. 15 к.
- МЕТОДИКА АРИМЕТИКИ.** С. Житкова. Ц. 75 к.
- СБОРНИКЪ АРИМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ.** Приложение къ „Методику ари- метики“. С. Житкова. Цѣна 40 к.
- СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИМЕТИКѢ.** Задачникъ для учениковъ. С. Жит- кова. Ц. 25 к.
- УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ** для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. 30 к.
- НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ.** Корнеля. 11-е изданіе, съ 10 раскраш. карт. и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.** А. Кузнецова, 2-е изд. Ц. 1 р.
- КАКЪ ОБУЧАТЬ ГРАМОТѢ РЕБѢТЪ И ВЗРОС- ЛЫХЪ.** Н. А. Корфа. Ц. 10 к.
- НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА.** Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.
- ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ“.** Ф. Павленкова. 7-е изданіе. Ц. 15 к.
- РОДНАЯ АЗБУКА.** Ф. Павленкова, 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
- АЗБУКА - КОПѢЙКА.** Ф. Павленкова. 8-е изд., 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.

801-93

10308-X

M⁴²
109

УМСТВЕННЫЯ

ЭПИДЕМИИ.

ДЕМОНИЗМЪ, ИСТЕРІЯ, ГИПНОТИЗМЪ, МОРФИНОМАНІЯ и МАНІЯ ВЕЛИЧІЯ.

ИСТОРИКО-ПСИХІАТРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Д-РА ПОЛЯ РЕНЬЯРА,

ПРОФЕССОРА ОБЩЕЙ ФИЗІОЛОГІИ.

Переводъ съ французскаго
ЭЛ. ЗАУЭРЪ.

Съ 110 рисунками и статьей д-ра В. О. ПОРТУГАЛОВА:
«Повальные чудачества».

Изданіе Ф. Павленкова.

ЦѢНА 1 Р. 75 К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Хромолитографія А. Траншель, Стремянная, № 12.

1889

УЧЕБНИКЪ
ЭЛЕМЕНТАРНАГО
АРИТМЕТИКИ

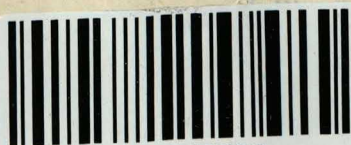
СЪСТАВЛЕНЪ И ИЗДАНЪ С. И. СЕРЕБРЯКОВЪМЪ

МОСКОВСКАГО УЧЕБНАГО ЗАВѢДѢНІЯ

Д-РА П. П. ПОПОВА

Дозволено цензурою. Москва, 19-го Ноября 1888 г.

42213-0

2011141888

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ.

УЧЕБНИК РИШЕВ

42213-0

201141888

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введеніе I—IV

Пятнадцатый, шестнадцатый и семнадцатый вѣка.

Демонизмъ или колдовство 1

Восемнадцатый вѣкъ.

Сентъ-Медарскія явленія (Истерія и Эпилепсія) 73

Восемнадцатый и девятнадцатый вѣкъ.

Сонъ и сомнамбулизмъ 121

Девятнадцатый вѣкъ.

Морфиноманія и эфироманія 177

Девятнадцатый вѣкъ.

Манія величія. 219

Двадцатый вѣкъ.

Эпилоть (будущіе психозы) 283

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ всѣхъ атрибутовъ нашего духа, мы, разумѣется, болѣе всего гордимся своей свободой.

По мнѣнію философовъ, человѣку присуща свобода воли—онъ дѣйствуетъ по собственному произволу; изъ нравственной независимости людей и вытекаетъ ихъ отвѣтственность за совершаемые поступки. На этомъ основномъ принципѣ зиждется все ученіе о наградахъ и наказаніяхъ. Не слѣдуетъ однако полагать, чтобъ онъ пользовался всеобщимъ признаніемъ: теорія свободы воли встрѣтила отпоръ со стороны философской школы, пытавшейся доказать, что мы не свободны и что наша независимость можетъ вполнѣ проявиться лишь въ весьма рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Развѣ мы не подчиняемся физическимъ законамъ? Развѣ всякое наше уклоненіе отъ ихъ требованій не влечетъ за собой и со-отвѣтственного наказанія? Напротивъ, это—безспорный фактъ, хотя онъ и не входитъ въ рамки нашего предмета.

Физиологи обращаютъ вниманіе представителей чисто психологической школы на то, какъ часто свобода воли встрѣчаетъ на своемъ пути препятствія. Если втеченіи одной только минуты кровь или кислородъ перестанутъ притекать къ мозгу, развѣ этого недостаточно, чтобы все наше нравственное существо, т. е. сознаніе, умъ, воля, разумъ и чувствительность моментально исчезли? Капля алкоголя или эфира достигаетъ нашихъ нервныхъ центровъ—и этого довольно для временнаго ослабленія на-

шей разсудочной дѣятельности, для направленія нашего ума въ сферу дикихъ идей, безсмысленныхъ словъ и совершенія дѣйствій, въ которыхъ мы раскаемся, когда пройдетъ временное дѣйствіе яда.

Всѣ эти замѣчанія, направленные противъ абсолютной нравственной свободы человѣка, несомнѣнно имѣютъ значеніе; но оно менѣе важно, чѣмъ склонны думать лица, ихъ высказывающія. Эти замѣчанія, въ дѣйствительности, относятся къ патологическому состоянію, въ которое впадаетъ человѣкъ послѣ того, какъ его интеллектъ перестаетъ нормально функционировать. Развѣ можно утверждать, что люди вообще не обладаютъ нравственной свободой, на томъ только основаніи, что ее утратили отдѣльные лица? Это то же самое, какъ если бы стали утверждать, что человѣкъ вообще лишенъ зрѣнія и слуха потому, что иногда встрѣчаются слѣпые и глухіе.

Понятно, что не такими грубыми аргументами можно поколебать ученіе объ абсолютной свободѣ воли *).

Даже въ нашихъ чисто психическихъ отправленіяхъ мы не бываемъ совершенно свободны. Существуетъ извѣстнаго рода *соціальный мимикризмъ*, увлекающій насъ. Ребенокъ воспитывается помощью примѣра, онъ подражаетъ родителямъ. Въ обществѣ люди подражаютъ другъ другу; всѣ эти условія подражанія, взятые вмѣстѣ, и составляютъ то, что принято называть умѣньемъ держать себя. Сначала это дѣлается сознательно, а впослѣдствіи становится инстинктивнымъ. Подражаніе можетъ быть неудержимымъ, заразительнымъ, внезапнымъ и иногда опаснымъ. Возьмите людей самыхъ благоразумныхъ, вполне владѣющихъ собой, составьте изъ нихъ собраніе—и что-

*) Здѣсь было бы неумѣстно заниматься богословіемъ; но, какъ извѣстно читателю, сама церковь ограничиваетъ нашу нравственную свободу, утверждая, что мы не въ состояніи побѣждать грѣховные соблазны собственными силами и достигаемъ этого только при помощи божественной благодати. Знаменитые богословскіе споры, посвященные этому вопросу, заняли собою весь конецъ XVII вѣка.

же?—нельзя поручиться, чтобы, вследствие увлечения, они не совершили дѣйствій и не приняли рѣшеній, въ которыхъ каждый изъ нихъ отдѣльно будетъ раскаяваться, оставшись наединѣ съ самимъ собой. Опуститесь ступенью ниже, наберите какихъ ни попало людей и образуйте изъ нихъ толпу. (Вы тогда увидите, какимъ излишествомъ она будетъ въ состояніи предаться. Эта наклонность къ подражанію давно уже была подмѣчена законодателями всѣхъ временъ; вотъ почему мы всюду встречаемъ законы, направленные противъ скопищъ.)

Въ области идей болѣе возвышенныхъ, мы опять таки вліянію мимикризма должны приписать внезапныя рѣшенія, увлекающія цѣлыя націи въ войну, революцію или возмущеніе, въ то самое время, когда онѣ, повидимому, пользуются полнѣйшимъ миромъ и покоемъ.

Исторія кишитъ подобными внезапными пробужденіями, вызванными небольшою группою людей рѣшительныхъ, *увлекающихъ массу своимъ примѣромъ*: это выраженіе получило полное право гражданства.

На ряду съ подражаніями добру, встречаются и подражанія злу. Бываютъ моменты, когда цѣлою націей какъ будто овладѣваетъ недугъ, и она утрачиваетъ свободу воли. Эта сильно свирѣпствующая эпидемія затѣмъ мало-по-малу утихаетъ и смѣняется періодомъ успокоенія, который можетъ продлиться болѣе или менѣе продолжительное время. Существуетъ сумашествіе по подражанію. На ряду съ физическими эпидеміями встречаются также и умственные. Сущность ихъ всегда одна и та же; обстоятельства вліяютъ лишь на формы эпидемій, обусловливаемые средой, первоначальнымъ импульсомъ и окружающими условіями. Средневѣковыя эпидемическія сумашествія основываются на томъ же принципѣ, какъ и наши, но онѣ тѣмъ не менѣе не похожи на нихъ.

Я былъ занятъ изученіемъ этихъ социальныхъ недуговъ, когда почтеннымъ деканомъ парижскаго Faculté des Sciences, г. Мильнъ-Эдвардсомъ, мнѣ было предложено

изложить передъ Французской Научной Ассоціаціей новѣйшія открытія въ области нервной патологии.

Мой трудъ, разумѣется, не можетъ претендовать на полноту; чтобы удовлетворить послѣднему требованію, онъ долженъ былъ бы обнять исторію всѣхъ народовъ: я выбралъ для своихъ публичныхъ лекцій тѣ именно умственные эпидеміи, которыя являются особенно характерными для каждой данной эпохи, и пренебрегъ нѣкоторыми изъ нихъ (напр. алкоголизмъ), потому что они слишкомъ извѣстны.

Въ выполненіи задачи мнѣ много помогли мои знаменитые коллеги. Профессору Шарко угодно было, во время моего пребыванія въ Сальпетриерѣ, допустить меня до участія въ его ежедневныхъ работахъ; гг. Жюль Луи, Мэнэ, Маньянъ, Бруардель и мои друзья Бурневиль и Шарль Рипшэ сообщили мнѣ свои личныя наблюденія и матеріалы. Приношу имъ въ томъ мою искреннюю благодарность.

Публика большаго амфитеатра Сорбонны удостоила мои лекціи благопріятнаго приѣма. Не знаю, какая судьба ожидаетъ книгу, въ которой онѣ собраны; но я былъ бы счастливъ, еслибъ она могла сколько нибудь расширить кругозоръ читателя на одну изъ интереснѣйшихъ сторонъ человѣческой жизни.

Сентябрь 1886 г.

ХV, ХVI и ХVII ВѢКЪ.

КОЛДОВСТВО.

Колдовство.

(Въ 20-й главѣ книги *Левитъ* находится фраза, неудачное толкованіе которой имѣло не менѣе пагубныя послѣдствія для человѣчества, чѣмъ наиболѣе смертоносныя огнестрѣльныя изобрѣтенія и самыя ужасныя войны: „Мужчина или женщина, одержимые Пиономъ или духомъ ясновидѣнія, да будутъ преданы смерти“!)

Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать начала великихъ преслѣдованій, мрачное изображеніе которыхъ мнѣ предстоитъ нарисовать передъ читателемъ. Не знаю, какое впечатлѣніе произведетъ на него эта картина; что касается меня лично, то мнѣ кажется, что нѣтъ предмета печальнѣе того, изученію котораго я посвятилъ себя и результаты котораго намѣренъ изложить въ этой книгѣ.

Эпохой процвѣтанія колдовства были Средніе вѣка и періодъ Возрожденія; къ этому именно времени относится наибольшее количество ея жертвъ.

Повидимому, XV и XVI вѣкъ особенно страдали этимъ ужаснымъ недугомъ. Древность тоже вѣрила въ колдуновъ, видя въ нихъ однако существъ, вдохновленныхъ самими богами; ихъ окружали почетомъ изъ боязни передъ ними и никогда бы не рѣшились вредить имъ: въ греческой и римской мифологіи богъ ада не находится во враждѣ съ властителемъ Олимпа; онъ—его братъ, союзникъ, и въ случаѣ надобности исполняетъ его приказанія; колдунъ не есть воинъ враждебнаго стана, а вдохновляется одновременно обоими повелителями; вотъ почему онъ и пользуется почетомъ.

Въ средніе вѣка религіозность приняла, наоборотъ, иное направленіе: два существа, почти равныя, оспариваютъ другъ

у друга власть; у Бога есть личный врагъ, котораго Онъ могъ бы уничтожить, но котораго Онъ, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ: Божество, по своей неизреченной *справедливости*, позволяетъ ему терзать челоуѣчество, съ тѣмъ чтобы люди, противоудѣствуя злему началу, укрѣплялись въ добродѣтели; это—первородный грѣхъ, стремящійся привлечь къ себѣ души и вырвать ихъ у Искушителя. Онъ борется, онъ противится своему владыкѣ и уступаетъ ему лишь въ послѣдней крайности. Древность создала Ормузда и Аримана; Средніе вѣка, увлеченные манихействомъ, хотя и не сознаваясь въ этомъ, противопоставили Богу и его избраннымъ Сатану съ его неслѣтными легіонами.)

Между двумя враждебными началами возгорается война; они стремятся уравновѣсить свои силы: у Всемогущаго есть ангелы и небесные полки, а у Сатаны — безчисленные полчища демоновъ, имя которыхъ легіонъ. Рати его многочисленны. Кадры ихъ образуются военачальниками, имена которыхъ дошли до насъ: Вельзевулъ, Асмодей, Магогъ, Дагонъ, Магонъ, Астаротъ, Азazelъ и Габоримъ *). Это нѣчто вродѣ командировъ когортъ, у которыхъ есть свои ассистенты, а за ними уже тянется громадная толпа демоновъ, борющихся съ ангелами въ рукопашную. У всякой души, на ряду съ охраняющимъ ее ангеломъ, есть и демонъ, внушающій зло; ей предоставленъ выборъ между ними.

Обѣими сторонами прилагаются и аналогичные приемы, вслѣдствіе справедливой терпимости Бога, предоставляющаго своему врагу равенство оружія. Богъ воплотилъ себя во Христѣ для спасенія рода челоуѣческаго, а *завистливый Сатана* входитъ въ наиболѣе слабыя существа, овладѣвая ими при помощи ихъ устъ. Онъ уничтожаетъ ихъ индивидуальность: они становятся такимъ образомъ *одержимыми*. Во время припадковъ бѣшенства онъ даже вторгается въ тѣла самыхъ отвратительныхъ животныхъ, и только одна смерть можетъ удалить его оттуда, если не удалось изгнать его заклинаніями во имя неба.

Не трудно представить себѣ теперь ужасъ, внушаемый подобнымъ вѣрованіемъ: всякій можетъ ждать, что не сего-

*) Рисунки демоновъ, помѣщенные въ этой книгѣ, не сочинены нами, а взяты изъ книги Коллена де-Планси, одобренной въ 1844 году парижскимъ архіепископомъ, и въ 1862 году—епископомъ Арраскимъ.

дня-завтра его небесный заступникъ будетъ побѣжденъ и что онъ самъ попадетъ беззащитный во власть злаго духа. Отъ подобныхъ опасеній до сумашествія всего одинъ только шагъ.

Но *одержимость* или *вселеніе бѣса* — не единственное оружіе Сатаны: онъ, главнымъ образомъ, является въ роли соблазнителя. Власть, предоставленная ему небомъ, дѣлаетъ его способнымъ оборачиваться въ разныхъ лицъ и принимать любую личину. Онъ вдругъ появляется передъ бѣдной женщиной, умирающей отъ нищеты и голода: его руки полны золота, онъ обѣщаетъ оставить ей все это богатство, подъ тѣмъ

Демонъ Азazelъ.

однако условіемъ, чтобъ она предалась ему въ договорѣ, начертанномъ и подписанномъ кровью. Злой демонъ всюду бродитъ: мы его встрѣчаемъ въ замкахъ, хижинахъ и лѣсахъ; вездѣ какой-нибудь его приспѣшникъ готовъ немедленно приняться за совращеніе злосчастнаго, покинутого Богомъ хотя бы только на минуту. Можно, слѣдовательно, свободно отдаться злему духу и въ такомъ случаѣ превратиться въ колдуна. Человѣкъ становится служителемъ Сатаны въ этомъ мірѣ, прежде чѣмъ сдѣлаться его рабомъ на томъ свѣтѣ.

У Бога есть священнослужители и вѣрные на землѣ; каждое воскресеніе Онъ собираетъ ихъ въ храмъ своемъ. Са-

тана тоже имѣть своихъ слугъ и преданныхъ ему людей; онъ установилъ для своихъ цѣлей какъ бы особый пріемный день и собираетъ ихъ ночью въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ; это и есть шабашъ.

По богословскому міросозерпанію Среднихъ вѣковъ, колдунъ есть человѣкъ, дезертировавшій изъ арміи добра и перекрѣстившійся въ станъ Сатаны; онъ—его рабъ на землѣ, слѣпо повинующійся ему и совершающій, по его требованію, всѣ преступленія противъ избранниковъ Божіихъ. Колдунъ есть, слѣдовательно, злѣйшій врагъ всего человѣчества: онъ—из-

Демонъ Габоримъ.

мѣнникъ, скрывающійся въ арміи добра, втайнѣ наносящій болѣзни и отравы по приказанію своего повелителя; его преступленіе превосходитъ всѣ существующія; оно—самое ужасное, вслѣдствіе присущей ему таинственности. Колдунъ не заслуживаетъ пощады. Вотъ когда вновь появляются на сцену грозныя слова изъ книги Левитовъ: „Одержимый духомъ Пиѳона да будетъ преданъ смерти!“

Этотъ воинъ Сатаны, этотъ слуга зла—какимъ образомъ достигаетъ онъ своихъ цѣлей? Мы узнаемъ это изъ тщательнаго разбора процессовъ и допросовъ колдуній. Я очень

внимательно просмотрѣлъ большую часть относящихся сюда юридических документовъ и, сознаюсь, что они производятъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Въ нихъ безмысленное примѣшивается къ ужасному, вульгарное встрѣчается на ряду съ возвышеннымъ, мужество обвиняемыхъ поразительно, а тупость судей коробитъ душу: чувствуешь, что вращаешься среди безумцевъ, но затрудняешься сказать, кто же изъ нихъ сильнѣе помраченъ — несчастные ли, обвиняющіе себя, или судьи, ихъ приговаривающіе. Чтеніе такихъ процессовъ въ одно и то же время и грустно, и смѣшно. Одно изъ свѣтилъ французской медицины слѣдующимъ образомъ опредѣлило его: „это чтеніе повергаетъ читателя пыткой щекотанія—смѣхъ примѣшивается къ страданію“.

Мишлэ гдѣ-то говоритъ, что колдуньи были порожденіемъ отчаянія. Источникомъ этой формы сумашествія дѣйствительно была бѣдность, страданія или горе, подобно тому, какъ и нынѣ указанные нами факторы часто вызываютъ меланхолическій или горделивый бредъ; форма помѣшательства была иная, вслѣдствіе различія въ нравахъ эпохи, но результатъ былъ одинаковъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ являлся по большей части къ женщинѣ, подверженной конвульсивнымъ припадкамъ, изящный и граціозный кавалеръ; онъ нерѣдко входилъ черезъ открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, выростая какъ бы изъ земли. Соблазнитель почти никогда не имѣлъ отталкивающаго вида...

Посмотримъ, какъ описываютъ его колдуньи на судѣ: онъ одѣтъ въ бѣлое платье, а на головѣ у него черная бархатная шапочка съ краснымъ перомъ, или же на немъ роскошный кафтанъ, осыпанный драгоценными камнями, вродѣ тѣхъ, что носятъ вельможи. Незнакомецъ является или по собственной инициативѣ, или на зовъ, или же на заклинаніе будущей своей жертвы. Онъ предлагаетъ вѣдмѣ обогатить ее и сдѣлать могущественной; показываетъ ей свою шляпу, полную денегъ; но, чтобы удостоиться всѣхъ этихъ благъ, ей придется отречься отъ крещенія, отъ Бога и отдаться Сатанѣ душой и тѣломъ.

Не трудно догадаться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ формой ясно выраженной галлюцинаціи. Женщина, которую гложетъ какое нибудь горе, вдругъ видитъ передъ собой образъ, похожій на видѣнія, описанія которыхъ ей такъ часто приходилось слышать съ самаго дѣтства. Это существо, внушающее

страхъ, есть Сатана; онъ предлагаетъ всѣ блага съ тѣмъ, чтобы отдались ему... Прочь колебанія! Современные галлюцины поступаютъ совершенно также, но только въ ихъ видѣніяхъ фигурируютъ принцы и государи, подносящіе имъ отличія и подпрефектуры. Сатана прибѣгаетъ къ маскировке только при первомъ его появленіи; но затѣмъ онъ не скрываетъ болѣе своей личности и совершенно ясно объявляетъ—кто онъ такой: на первый предложенный ему вопросъ онъ отвѣчаетъ перечисленіемъ всѣхъ своихъ достоинствъ. Дьяволъ высшей категоріи появляется такимъ образомъ лишь весьма рѣдко; обыкновенно же это бываетъ простой рядовой изъ полчищъ Сатаны, призывающій на подмогу одного изъ своихъ начальниковъ только въ случаѣ, если первая по-

Магическіе знаки, встрѣчающіеся въ договорахъ Сатаны.

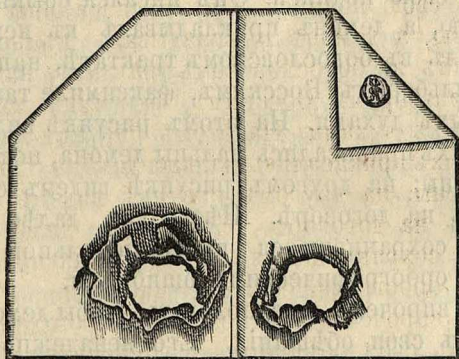
По Коллену де-Планси).

пытка окажется неудачной. Принципъ раздѣленія труда, по-видимому, царитъ въ аду, равно какъ и очень строгая іерархія, такъ какъ самый благоразумный изъ извѣстныхъ намъ демонологовъ, Жанъ Вейеръ, насчитываетъ въ Сатанинской арміи 62 герцоговъ, маркизовъ и графовъ и 7.405,928 чертенятъ.

Стремясь къ обращенію новой жертвы, дьяволъ считаетъ для себя всѣ средства дозволительными (обратите вниманіе на оборотъ, принимаемый галлюцинаціей); онъ нерѣдко даже говоритъ о Богѣ, и притомъ только хорошее. Однажды ему повстрѣчалась близъ Дуэ, Луиза Марешаль, шедшая на богомоліе для упокоенія души своего мужа; онъ совѣтуетъ ей усердно молиться Богу и надѣяться. Затѣмъ онъ вручаетъ ей

маленькій раскрашенный шарикъ, обладающій свойствомъ обрывать гибели все, къ чему онъ прикоснется. Луиза Марешаль, уличенная въ пользованіи этимъ шарикомъ въ своей семьѣ, была сожжена живой въ Валансьенѣ.

Въ другой разъ демонъ появляется въ Сентъ-ле-Дюкѣ; онъ совѣтуетъ той же женщинѣ идти на богомолье въ Сентъ-Гиланъ и заказать тамъ заупокойную обѣдню для своего мужа. Этотъ фактъ нелогиченъ, но за то весьма драгоцѣненъ для медиковъ, такъ какъ и у нынѣшнихъ галлюцинаторовъ мы констатировали эту же особенность. Непродолжительной службы при лечебницѣ для душевно-больныхъ достаточно, чтобы увидеть тамъ принцессъ, объявляющихъ, что онѣ будутъ принимать свой дворъ послѣ того, какъ уберутъ посуду.

Слѣды, оставленные демономъ на договоръ.

(Извлечено изъ книги Ж. де Востъ 1825 г.).

Не думайте, чтобы демонъ исключительно обращался къ престарѣлымъ субъектамъ; онъ, напротивъ, любитъ дѣтей. Въ большихъ умственныхъ эпидеміяхъ они обыкновенно заражаются первыми. Катерина Полюсъ была вѣдьмой въ 8 лѣтъ; она происходила изъ семьи, въ которой всѣ страдали сумашествіемъ, и объяснила, что была посвящена дьяволу. Марія Девинъ стала колдуньей въ 13 лѣтъ.

Но возвратимся къ посвященію въ вѣдьмы. Демонъ, сдѣлавъ извѣстныя предложенія вѣдьмѣ, объявлялъ ей свое имя: характерно при этомъ то, что онъ никогда не носилъ библейскихъ именъ, столь излюбленныхъ демонологами. Въ своихъ галлюцинаціяхъ крестьянка давала ему мужицкое имя:

онъ назывался: Жоли, Робэнъ и т. п. Въ свою очередь, изъ зависти къ небу, демонъ крестилъ вѣдму, не заботясь о томъ, именемъ ли святой онъ ее креститъ или нѣтъ. (Затѣмъ онъ налагалъ на нее знакъ, получившій впоследствии большую важность — прикасался къ ея рукѣ, лбу, мѣсту за ухомъ, и съ этого момента всѣ эти точки становились на вѣки нечувствительными: можно было колоть ихъ, не вызывая ни боли, ни крови.) Мы увидимъ, какіе результаты были извлечены изъ этого обстоятельства во время процессовъ вѣдмъ; оно породило представленіе о *печати сатаны*.

Демонъ часто навѣщалъ вновь обращенную жертву, утѣшалъ ее и въ заключеніе вручалъ ей документы, свидѣтельствующіе о ея формальномъ приѣмѣ въ царство преисподней. Это и былъ договоръ, на которомъ каждый вновь приобщенный помѣщалъ свою подпись. Онъ писался обыкновенно собственной кровью, а демонъ прикладывалъ къ нему свой коготь. Я отыскалъ въ богословскомъ трактатѣ, напечатанномъ въ 1625 г. Жильберомъ Восскимъ, факсимиле такихъ подписей, оставленныхъ дѣлами. На этомъ рисункѣ видно, что всѣ точки, до которыхъ прикасались пальцы демона, покрыты ржавчиной и выжжены; на другомъ рисункѣ виденъ слѣдъ, оставленный духомъ на договорѣ. Нѣсколько далѣе я приведу письмо демона, сохранившееся въ Національной Библіотекѣ и испещренное ореографическими ошибками.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, предполагать, чтобы демонъ въ точности исполнялъ свои обѣщанія. Его ненадежность обнаруживалась весьма быстро, потому что тотчасъ по его уходѣ вѣдма замѣчала, что вмѣсто золота и драгоценностей, будто бы данныхъ ей, у нея оставалось всего лишь охапка сухихъ листьевъ или нѣсколько кусочковъ дерева. (Современнымъ душевно-больнымъ тоже не чужды подобныя непріятныя разочарованія, когда, по прошествіи галлюцинаціи, они убѣждаются въ томъ, что ихъ скипетры, шпаги и драгоценности на самомъ дѣлѣ — самые обыденные, некрасивые и нецѣнные предметы.)

Я уже говорилъ, что для Сатаны всѣ средства хороши и всякія мистификаціи возможны. Если демонъ рѣшилъ прельстить какого-нибудь великаго святаго или высокочтимаго отшельника, то онъ наплетъ на него легіонъ чертовокъ чудесной красоты, такъ какъ въ аду, по видимому, есть и женщины. Таковъ излюбленный его приѣмъ и часто съ успѣхомъ

имъ примѣняемый; но случается, что онъ бываетъ отброшенъ съ урономъ: припомните по этому случаю св. Антонія. Нерѣдко, для болѣе успѣшной мистификаціи, волкъ облачается въ личину пастыря, а злой духъ—въ маску отшельника. На одной старинной гравюрѣ злой духъ изображенъ въ лицѣ монаха; онъ забрался въ такомъ видѣ въ монастырь Сент-Лефроя, но былъ узнанъ по своимъ куринымъ лапамъ и ему жестоко досталось.

(Въ заключеніе скажемъ, что колдовство или, точнѣе, демонопатія, подобно всѣмъ формамъ помѣшательства, начинается рядомъ галлюцинацій.) На первый разъ можетъ казаться поразительнымъ сходство галлюцинацій у всѣхъ колдуній. Въ этомъ, однако, нѣтъ ничего страннаго; на форму помѣшательства дѣйствительность имѣетъ рѣшающее вліяніе: въ прежнія времена безумцамъ являлись видѣнія демоновъ и духовъ; современныхъ душевно-больныхъ, заключаемыхъ въ лечебницы, нерѣдко преслѣдуетъ физика и имъ мерещатся индукціонныя катушки и электромагниты. Я помню одну больную учительницу, находившуюся въ Сальпетриерѣ, которая до такой степени бредила статическимъ электричествомъ, что ходила цѣлые дни и даже спала съ фарфоровой умывальной чашкой на головѣ, объясняя это дурной электропроводимостью фарфора. Процессъ помѣшательства всегда одинаковъ; господствующія идеи только измѣняютъ его внѣшнія проявленія.)

Но возвратимся къ нашей колдунѣ и посмотримъ, во что превратилась ея жизнь съ того момента, какъ она отдалась Сатанѣ. Прежде всего она обязана была ему повиновеніемъ, такъ какъ входила въ составъ арміи зла; Сатана имѣлъ право рассчитывать на ея службу и содѣйствіе. (Она могла слезать и совершала злокозненные поступки; вмѣстѣ съ тѣмъ она подвергалась конвульсивнымъ припадкамъ, на которыхъ намъ необходимо остановиться нѣкоторое время.) Лишь послѣ внимательнаго чтенія процессовъ вѣдмъ можно отдать себѣ отчетъ въ преступленіяхъ, которыя имъ ставились въ вину. Боданъ, Богэ, де-Ланкръ, Николай Реми, представители судебного міра, которымъ поручалось въ разныя времена производство дознаній въ процессахъ вѣдмъ, постарались оставить намъ подробное ихъ описаніе. (Всѣхъ преступленій, въ которыхъ они уличаются, 15: изъ нихъ 10 — противъ Бога и 5 — противъ людей.) Прежде всего колдуньи отрекаются

отъ Бога, предають Его поруганію, поклоняются дьяволу, заключаютъ съ нимъ договоръ, посвящаютъ своихъ дѣтей Сатанѣ, умерщвляютъ ихъ до крещенія, занимаются пропагандой, призываютъ дьявола и, наконецъ, не признають законовъ природы. Въ преступленіяхъ противъ людей пункты обвиненія отличались бѣльшей точностью: они не касались преступленій противъ вѣры, а лишь нарушеній общаго права, отличавшихся отъ обыкновенныхъ преступленій только необычайностью средствъ, пущенныхъ въ дѣло, и способа приобрѣтенія этихъ средствъ.

(Съ перваго же свиданія дьяволъ даритъ вѣдьмѣ волшебные порошки; стоитъ только примѣшать ничтожное количество этого порошка къ пищѣ какого нибудь человѣка, чтобы онъ тотчасъ погибъ, или же умеръ медленной смертію отъ истощенія.) Иногда вѣдьмѣ достаточно было только бросить щепотку магическаго порошка на прохожаго, чтобы онъ ментально умеръ. Иногда же, для приданія дѣйствительности средству, ей надо было произнести нѣсколько магическихъ словъ. У Бодэна и Вейера сохранились эти страшныя слова, и, если вы не боитесь магическаго ихъ дѣйствія, то я дерзну начертать ихъ здѣсь: „Joth, aglanabarothe el abiel ena thiel amasi sidomel gayes folonia elias ischiros athanatos ymas eli messias.

Порошокъ приготовлялся изъ труповъ новорожденныхъ, главнымъ же образомъ изъ ихъ сердецъ; его дѣлали еще изъ смѣси толченыхъ костей мертвецовъ съ пѣной жабы. Вотъ почему колдуньи нерѣдко обвиняются въ томъ, что воспитывали этихъ животныхъ и пасли ихъ, что не совсѣмъ ясно. Кромѣ порошковъ, были еще мази, но онѣ рѣдко употреблялись, такъ какъ для обращенія съ ними нужно было много умѣнья: въ составъ ихъ входилъ жиръ мертвецовъ и мандрагора; эти снадобья фигурируютъ и на шабашахъ. Нельзя не отмѣтить того страннаго обстоятельства, что всѣ такіе порошки были совершенно безвредны въ рукахъ обыкновенныхъ людей: для проявленія ихъ дѣйствія, необходимо было, чтобы они исходили отъ вѣдьмы. Это служило лучшимъ доказательствомъ ихъ магическаго свойства, и самая безвредность этихъ препаратовъ превращалась въ подавляющій аргументъ противъ вѣдьмы: такъ велика была логика судей.

Когда вѣдьма разсѣвала свои порошки по жатвѣ, то всходы начинали чахнуть, поля покрывались сусликами, чер-

вами, жабами и громадными змѣями; иногда посыпанья этимъ порошкомъ или нѣсколькихъ магическихъ словъ было достаточно, чтобы перенести плодородіе съ поля одного крестьянина на поле сосѣда. (Вѣдьмы имѣли еще власть насылать проливные дожди и градъ; для этого имъ стоило только ударить по лужѣ палкой.) Когда субъектъ, чувствуя себя жертвой козней колдуньи, желалъ уклониться отъ нихъ, то прибѣгалъ къ употребительнымъ въ такого рода случаяхъ средствамъ. Они были разнообразны. Можно было, напримѣръ, прибѣгать къ заклинаніямъ: есть такія магическія слова, которыя обладаютъ свойствомъ изгонять дьявола—толстый томъ въ 400 страницъ исключительно наполненъ ими; но эта многочисленность вспомогательныхъ средствъ прямо указываетъ на ихъ слабость, потому что, еслибы существовало какое-нибудь *вполнѣ* дѣйствительное средство, то оно одно и сохранилось бы. Иезуиты, капуцины и доминиканцы спеціально занимались заклинаніями.

Вообще, удобнѣе всего было вступать въ *компромиссъ* съ *дьяволомъ*. Первый фактъ, который необходимо было установить потерпѣвшему, это—личность колдуна или колдуньи. (Ничего не могло быть проще: съ этой цѣлью нужно было кипятить иглы вмѣстѣ съ дубовыми щепками въ новомъ глиняномъ горшкѣ. Первое лицо, которое затѣмъ явится въ домъ, и есть колдунья; тогда можно безъ всякихъ колебаній донести на нее въ судъ. Изъ этого видно, какъ опасно было въ тѣ времена посѣщать своихъ друзей.)

Разъ колдунъ разысканъ, необходимо было молить его объ избавленіи. Тогда онъ вызывалъ Сатану и погружалъ фунтовый хлѣбъ въ освященную воду; тѣмъ дѣло и кончалось. Служитель Сатаны, употребляющій святую воду, какая въ этомъ звучитъ иронія!!!

Если колдунья постоянно наносила ущербъ окружающимъ, то изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобъ ея собственная жизнь была непрерывнымъ празднествомъ. Мы уже видѣли, какъ дьяволъ обманывалъ ее, превращая въ негодные предметы подносимыя ей драгоценности. Хуже того, при малѣйшей попыткѣ неповиновенія съ ея стороны, демонъ билъ и терзалъ свою жертву, вселялся въ нее и дѣлалъ ее одержимой, какъ говорили въ тѣ времена; онъ выступалъ вмѣсто нея и ея устами изрекалъ кощунства, направленные противъ самого Бога. Тогда происходилъ цѣлый рядъ явленій, пред-

ставляющихъ большой интересъ въ медицинскомъ отношеніи. Обращаю на нихъ вниманіе читателя, такъ какъ мы съ ними вновь встрѣтимся при изученіи одной болѣзни, очень хорошо извѣстной въ наши дни. Знакомство съ ними позволитъ намъ

Начало припада у колдуньи.

(Изъ книги Абрама Палинга 1659 г.).

объяснить реальный элементъ въ колдовствѣ. Въ присутствіи заклинателя борьба обыкновенно принимала этотъ характеръ, и дьяволъ, чтобы не упустить своей жертвы, вселялся въ нее. Иногда онъ скручивалъ одержимую и повергалъ ее въ страш-

ныя конвульси: толпа сосѣдей собиралась на это зрѣлище, и не трудно было предвидѣть, что несчастной угрожала близость уголовного процесса.

Описаніе такихъ припадковъ у колдуній завело бы насъ слишкомъ далеко. А потому я заимствую изъ трактата о демонизмѣ, напечатаннаго въ 1659 г. въ Амстердамѣ Абрамомъ Палингомъ, нѣсколько гравюръ, которыя познакомятъ читателя съ различными ихъ моментами. Во время обѣда,

Конецъ припадка—рвота.

(Изъ книги А. Палинга 1659 г.).

напримѣръ, колдунья вдругъ падала на полъ (стр. 16), издавая страшный крикъ; она судорожно билась, лицо ея утрачивало человѣческой образъ и самъ дьяволъ сводилъ ея черты. Посмотрите, какой испугъ написанъ на лицахъ всѣхъ приглашенныхъ. Все ея тѣло вздрагивало, она оглашала воздухъ воплями, изо рта у нея шла пѣна. Наконецъ дьяволъ покидалъ ее, причемъ выходъ его изъ тѣла бѣсноватой сопровождался страшными припадками рвоты.

Вотъ еще гравюра того же автора, въ которой колдунья представлена въ томъ же состояніи, съ тою лишь разницей, что припадокъ совершается иначе, и присутствующимъ стоитъ ужасныхъ усилій удержать несчастную, пытающуюся броситься въ окно. Затѣмъ у того же автора мы находимъ колдунью, падающую на полъ во время семейнаго совѣщанія (стр. 21); обратите вниманіе на то, какъ у ней сведены назадъ кисти рукъ; это — характерный признакъ, къ которому я вскорѣ возвращусь.

Бѣсноватая хочетъ выброситься изъ окна.

(Изъ книги А. Палинга 1659 г.)

Особенно часто случались подобные припадки бѣснованія во время проповѣдей и церковныхъ обрядовъ. Привожу еще одну гравюру, заимствованную у Палинга, въ которой изображенъ припадокъ, начинающійся въ самой церкви, въ то самое время какъ проповѣдникъ трактуетъ о власти демона (стр. 20).

Внимательно знакомясь съ описаніями припадковъ, убѣждаешься въ томъ, что сведенія членовъ у бѣсноватыхъ могли достигать необычайной степени; посмотрите на эту старин-

ную картинку: на ней изображенъ несчастный, стоящій на головѣ вверхъ ногами и приводящій въ большое изумленіе всѣхъ присутствующихъ (стр. 21). Другихъ сводило въ видѣ дуги: онѣ опирались лишь на затылокъ и на пятки, затѣмъ

Сведеніе рукъ во время припадка.

(Изъ книги А. Палинга 1659 г.).

ими овладѣвали конвульсіи, во время которыхъ ихъ подбрасывало вверхъ; припадокъ завершался бредомъ и рвотой.

Перехожу къ очень важному явленію въ колдовствѣ, а именно къ ряду вызванныхъ (*provoqués*) галлюцинацій, по-

давших поводъ къ образованію представленія о шабашахъ вѣдьмъ. Изъ зависти къ Богу, дьяволъ задумалъ, подобно ему, разъ въ недѣлю собирать своихъ приверженцевъ; съ этой цѣлью онъ учредилъ шабашъ, на которомъ совершаются въ искаженномъ видѣ всѣ церковные обряды.

Существуетъ два главныхъ шабаша—малый и большой; они однородны: вся разница между ними заключается лишь въ томъ, что на большой шабашъ собираются колдуньи цѣ-

Припадокъ во время проповѣди о власти демона.

(Изъ книги Палинга 1659 г.).

лаго округа. Обыкновенно это сборище происходитъ ночью, въ пустынной мѣстности, заросшей верескомъ, на покинутомъ кладбищѣ, вокругъ висѣлицы, развалинъ замка или монастыря. Чтобы попасть туда, вѣдьмы пользуются весьма простымъ средствомъ: дьяволъ вручилъ колдуньѣ специальную мазь, приготовленную изъ печени дѣтей, умершихъ некрещеными. Колдуньѣ достаточно только намазать себѣ тѣло этой мазью, произнести магическія слова и сѣсть верхомъ на помело, чтобы тотчасъ же полетѣть по воздуху: по мнѣнію

всѣхъ, въ составъ этихъ мазей входилъ сокъ паслена, мандрагоры и белладоны, обладающихъ свойствомъ вызывать продолжительныя и связныя галлюцинаціи. Взгляните на приложенную гравюру XVII вѣка; на ней изображена колдунья, намазывающая себѣ тѣло, въ то время какъ другая вылетаетъ уже изъ трубы, верхомъ на палкѣ (стр. 22). Иногда же колдунья просто призывала своего демона; тотъ сажалъ ее себѣ

Колдунъ.

(Изъ книги А. Палинга 1659 г.).

на плечи и летѣлъ съ ней. Нѣчто подобное изображено на гравюрѣ, заимствованной нами изъ „Богословскаго Трактата“, написаннаго въ XVI вѣкѣ преподобнымъ отцомъ Гуаціусомъ.

Колдуньи предохраняли себя отъ дождя во время пути какими нибудь магическими словами. Посѣтители шабаша подвергались предварительному осмотру и должны были доказать, что носятъ на тѣлѣ печать Сатаны. Затѣмъ, разъ

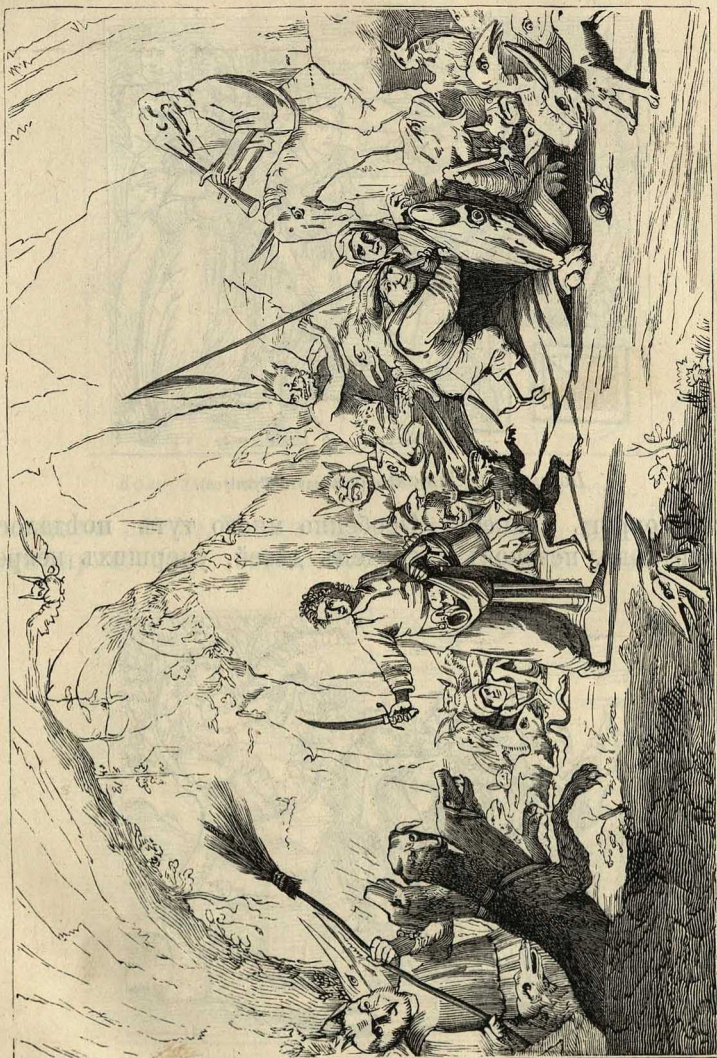
вступивши на шабашъ, надлежало совершить поклоненіе Сатанѣ, какъ предсѣдателю собранія. Онъ сидѣлъ на тронѣ, не переряженный и не переодѣтый, причѣмъ голова и ноги оказывались у него козлиныя (старинное преданіе о богѣ Панѣ); кромѣ того, его украшалъ громадный хвостъ и крылья, какъ у летучей мыши. (Впрочемъ онъ иногда принималъ и другой обликъ (вѣдь галлюцинаціи не могли же совпадать у всѣхъ колдуній), и тогда онъ являлся въ видѣ осла, большаго кипариса, чернаго кота и т. п.)

Отправленіе на шабашъ.

(Изъ книги А. Палинга 1659 г.).

На шабашѣ все происходило на изнанку: Сатанѣ отвѣщивали низкіе поклоны, но только повернувшись къ нему спиной; затѣмъ торжественно отрекались отъ Бога, Богородицы, Святыхъ и посвящали себя Сатанѣ. Привожу старинныя гравюры XVI вѣка, на которыхъ изображены эти различные эпизоды. Но Сатана шелъ еще дальше: онъ крестилъ вновь обращеннаго, издѣваясь надъ истиннымъ таинствомъ крещенія, и принуждалъ всякаго наступать на крестъ; далѣе всѣ колдуны, вооруженные факелами, танцовали, образуя изъ себя кругъ, но повернувшись другъ къ другу спинами. Когда била полночь, всѣ падали ницъ передъ своимъ повелителемъ. Это была минута наивысшаго поклоненія.

Шабашъ.

(По картинѣ Д. Геннера).

Послѣ того происходило пиршество; самая старая колдунья, царица шабаша, садилась рядомъ съ Сатаной, и всѣ помѣ-

Посвященіе Сатаны. (Изъ книги Гуачіуса).

щались вокругъ трапезы. Особенно много тутъ поѣдалось жабъ, труповъ, печенокъ и сердець дѣтей, умершихъ некре-

Балъ на шабашѣ. (Изъ книги Гуачіуса).

щеными. Послѣ пира возобновлялись танцы, причемъ самъ Сатана не прочь былъ принять въ нихъ участіе или же исполнять роль оркестра.

Марія Девинь, бѣдная дѣвушка, сожженная въ Валансенѣ, рассказывала, что она слышала, какъ Сатана однажды пѣлъ

Колдунья истребляетъ жатвы. (Изъ книги Гуачіуса).

комическую пѣсню. Танцы были въ высшей степени циничны, и мнѣ приходится всѣхъ любопытствующихъ относительно

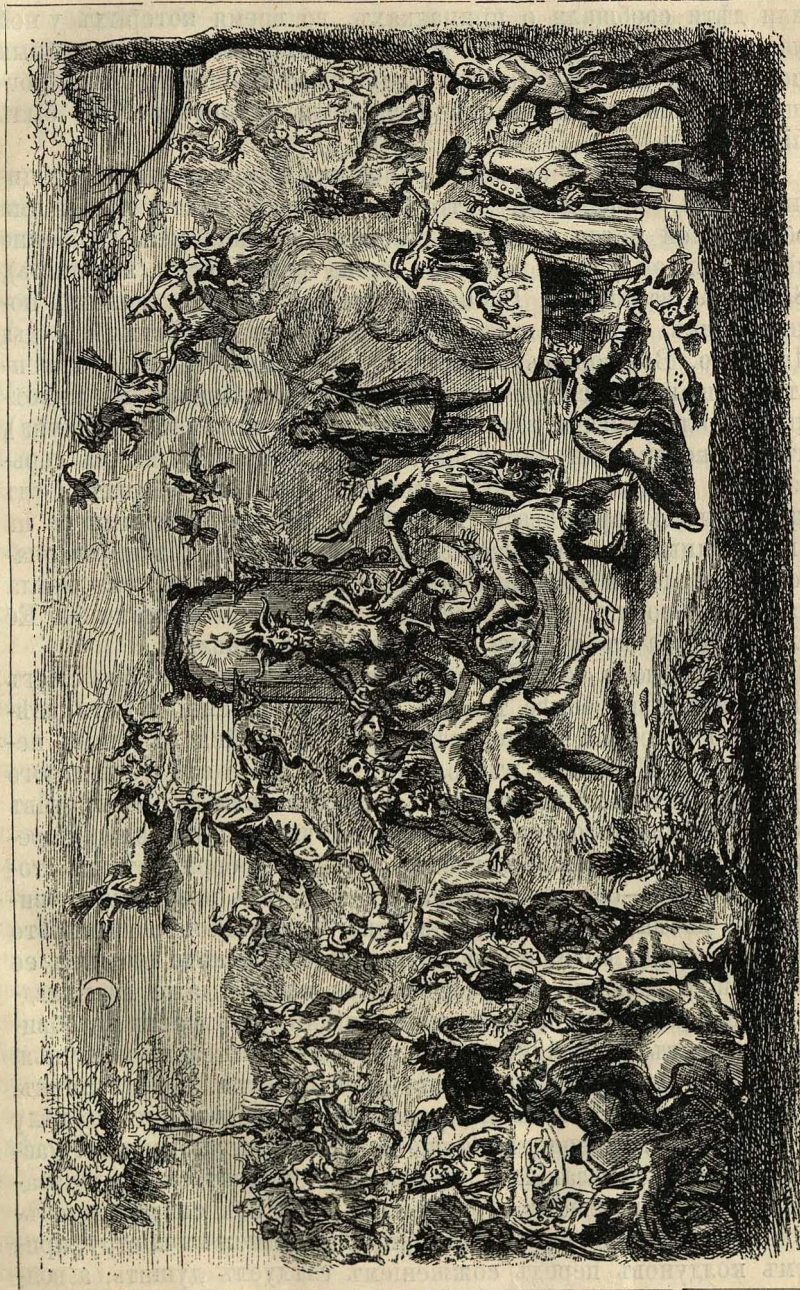
Возвращеніе съ шабаша. (Изъ книги Гуачіуса).

этого предмета отослать за свѣдѣніями о подробностяхъ къ оригинальнымъ авторамъ, писавшимъ почти исключительно по латыни.

Къ концу шабаша происходила *черная обѣдня*. Сатана, облаченный въ черную ризу, восходилъ на алтарь и пародировалъ обѣдню, повернувшись спиной къ св. Дарохрани-
 тельницѣ. Это служило общимъ посмѣшищемъ: въ моментъ возношенія св. Даровъ, онъ предлагалъ для поклоненія свеклу или крупную красную морковь. Толпа вновь принималась плясать до появленія зари и пѣнія пѣтуховъ: тогда все исчезало и присутствующіе разлетались, какъ стая ночныхъ птицъ, спугнутыхъ наступленіемъ дня. На пути колдунья выбрасывала свои мази и яды на жатву своихъ враговъ. Если путь былъ очень дальній, то Сатана превращалъ колдунью въ какое-нибудь заурядное домашнее животное; она могла такимъ образомъ возвратиться домой не замѣченной.

Сообщенные мною факты, можетъ быть, показались читателю странными и даже смѣшными: нельзя не изумляться тому, какимъ образомъ человѣческій умъ могъ дойти до подобныхъ заблужденій, а эпидемическое и заразительное безуміе—довести несчастныхъ галлюцинатовъ до признанія себя виновными въ странныхъ преступленіяхъ, о которыхъ я только что говорилъ. Но что навѣрно покажется читателю еще болѣе страннымъ, такъ это приемы, употреблявшіеся судами по отношенію къ колдуньямъ. Я бы воздержался отъ этихъ подробностей, еслибы мы не должны были почерпнуть здѣсь важныхъ свѣдѣній съ медицинской точки зрѣнія.

Колдовство считалось исключительнымъ преступленіемъ; вотъ почему общія юридическія слѣдственные инструкціи не могли быть примѣнены къ нему. Булла папы Иннокентія VIII запрещаетъ обвиняемому имѣть даже защитника. Иногда судилище, призванное рассмотреть процессъ о колдовствѣ, состояло исключительно изъ свѣтскихъ лицъ; это часто практиковалось въ Валансьенѣ, гдѣ было сожжено множество колдуній. Въ другихъ случаяхъ персоналъ суда былъ смѣшанный и состоялъ на половину изъ духовныхъ, наполовину изъ свѣтскихъ лицъ; обыкновенно же въ его средѣ засѣдали одни духовные. На колдунью или женщину, обвиненную въ чародѣйствѣ, обыкновенно поступалъ доносъ отъ ея близкихъ: ее видѣли бродящей ночью, или она зашла къ сосѣдкѣ, у которой послѣ того внезапно умеръ ребенокъ, или заглянула въ стойло, въ которомъ скотина вскорѣ заболѣла; или же градъ выпалъ въ тотъ день, когда ее видѣли стоящей близъ лужи. Кромѣ того, слышно было, какъ она билась дома; ея мужъ

Шабашъ. (По картинѣ Бартелеми Шпенгера).

или дѣти сообщали о припадкахъ, во время которыхъ у ней изо рта шла пѣна и она извивалась, принимая необычайныя положенія. Въ виду доноса, судьи разсматривали улики, могшія убѣдить имъ въ виновности лица, на которое онъ былъ направленъ.

Первой уликой служило самое имя заподозрѣнной женщины, хотя, повидимому, трудно повѣрить факту, чтобы имя обвиняемой могло свидѣтельствовать противъ нея. Особенно убѣдительною уликой служили имена вродѣ Pâyen (язычникъ), Sarrazin (сарацинъ), Bucher (костерь), Verdet (золотой дорожникъ) и пр.; намъ это сообщаетъ извѣстный судья Дель-Рю. Во-вторыхъ, блѣдность, нечистоплотность, долженствовавшая происходить отъ частаго превращенія въ животныхъ, полъ (тысяча вѣдмъ приходилась на одного колдуна), нѣсколько эксцентричная одежда, становились весьма серьезными уликами противъ злосчастныхъ обвиняемыхъ. Судъ приказывалъ арестовать колдунью; сбирры стерегли ее на углу улицы и набрасывались на свою жертву сзади, изъ опасенія передъ ея плевыми и порошками, которые она могла на нихъ бросить, послѣ чего они неминуемо погибли бы. Ее влекли тогда къ судьямъ и втайнѣ допрашивали.

Заимствую у чловѣка, гордившагося тѣмъ, что онъ сжегъ на своемъ вѣку болѣе тысячи вѣдмъ, а именно у Богэ, свѣдѣнія о судебной процедурѣ, примѣнявшейся къ этимъ несчастнымъ. Извлекаю нѣсколько статей: „Не слѣдуетъ строго придерживаться обыкновенныхъ юридическихъ формъ противъ колдуній; простаго подозрѣнія достаточно для оправданія ареста. Если обвиняемая опускаетъ глаза или бормочетъ въ сторону, то это—серьезная улика. Не слѣдуетъ разрѣшать обвиняемой посѣщеніе бани: епископъ Трирскій признаетъ это грѣхомъ. Если обвиняемая не сознается, то надо посадить ее въ тѣсную тюрьму. Ее разрѣшается пытать даже въ праздничный день. Если общественное мнѣніе указываетъ на обвиняемую какъ на колдунью, то она—дѣйствительно колдунья. Сынъ можетъ давать показанія противъ отца. Преступникъ, подвергнувшійся наказанію, можетъ быть свидѣтелемъ по дѣлу о колдовствѣ. Малолѣтніе тоже могутъ давать показанія. Разногласіе въ показаніяхъ не должно приниматься за доказательство невинности обвиняемаго, если всѣ свидѣтели объявляютъ его колдуномъ. Онъ приговаривается къ костру, причемъ колдуновъ передъ сожженіемъ слѣдуетъ душить, а вол-

ковъ-оборотней — сжигать живьемъ. Приговоръ можетъ быть справедливъ, не смотря на отсутствіе доказательствъ, если человѣкъ навлекъ на себя подозрѣніе“. И я еще пропустилъ самыя блестящія изъ этихъ статей!!!

Обыкновенно начинали съ допроса колдуньи, стараясь доказать ея виновность. Иногда она сразу сознавалась во всемъ, что объясняется живостью ея галлюцинацій или страхомъ пытки; да впрочемъ къ чему могло повести отрицаніе въ виду юридическихъ доводовъ, вродѣ слѣдующаго, напримѣръ? Заимствую этотъ фактъ у Аксенфельда и привожу его дословно: „Колдунья сознается въ томъ, что вырыла недавно погребеннаго ребенка и съѣла его—ее приговариваютъ къ сожженію. Мужъ осужденной требуетъ провѣрки факта. Могилу отыскаютъ и находятъ трупъ ребенка въ полной неприкосновенности. Но судья и не думаетъ сдаться передъ очевидностью, а, опираясь на сознаніе подсудимой, объявляетъ, что вырытый трупъ ребенка есть простая иллюзія, произведенная хитростью демона. Эта женщина была сожжена живой“.

По окончаніи допроса, переходили къ испытаніямъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно же въ Германіи, какъ сообщаетъ Бейль, были распространены испытанія водой (ордалии): подозрѣнную женщину бросали въ воду; если она погружалась въ нее и тонула, то это свидѣтельствовало о ея невинности; если же она всплывала, то, значить была колдунья—и ее сжигали: выборъ былъ, какъ видите, не изъ утѣшительныхъ.)

Во Франціи прибѣгали главнымъ образомъ къ испытаніямъ при помощи стилета (небольшаго кинжала). Судья, ассистиремый врачомъ, приказывалъ разоблачить обвиняемую и завязать ей глаза. Затѣмъ, при помощи остраго стилета, ей прокалывали кожу во многихъ мѣстахъ: это дѣлалось для обнаруженія „печати дьявола“, т. е. нечувствительнаго пункта, который можно прокалывать, не вызывая ни капли крови. Я сейчасъ докажу, что его почти всегда должны были находить. Какъ только пунктъ этотъ являлся, улика была на лицо; затѣмъ судьи добивались еще сознанія подсудимой и выдачи ея соучастниковъ; съ этой цѣлью прибѣгали къ пыткамъ. Я не имѣю никакого желанія чрезмѣрно сгущать красокъ въ изображеніи этихъ позорныхъ фактовъ и если тѣмъ не менѣе сообщаю объ нихъ, то съ цѣлью излечь отсюда рядъ аргументовъ, которые намъ понадобятся впослѣдствіи для чисто научныхъ выводовъ.

Заимствую у Люиса, долго занимавшагося этой стороной дѣла, перечень приемовъ допроса; вмѣстѣ съ тѣмъ привожу нѣсколько гравюръ, извлеченныхъ мною изъ *Диалоговъ о колдовствѣ*, напечатанныхъ въ 1659 г. Абрамомъ Палингомъ.

Само собою разумѣется, что пытки были разнообразны; въ изобрѣтательности этого рода католическое правосудіе могло поспорить лишь съ китайскимъ. Самой обыкновенной пыткой въ процессахъ вѣдьмъ была пытка „испанскихъ сапоговъ“;

„Испанскіе сапоги“.

(Изъ книги А. Палинга 1659 г.).

ногу обвиняемой помѣщали между двумя пилами или досками, которыя связывались веревками, а между ногой и досками вколачивали клинья. Сжатая нога въ концѣ концовъ сплющивалась въ такой степени, что изъ костей выступалъ мозгъ. Далѣе шла дыба. Обвиняемаго подвизывали руками къ веревкѣ, прикрѣпленной къ потолку, и кромѣ того прицѣпляли къ его ногамъ тяжести. Его оставляли въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не издавалъ мучительныхъ воплей. Тогда судья приказывалъ ему сознаться; въ случаѣ отказа, пытаемаго под-

вергали жестокому сѣченію розгами, приче́мъ невольныя подергиванія, вызванныя болью, усиливали его страданія. Если обвиняемая и послѣ этого не сознавалась въ своей винѣ, то ее подымали на гирихъ до потолка и съ этой высоты вдругъ сбрасывали внизъ. Эта процедура возобновлялась вновь до тѣхъ поръ, пока пытаемая не сознавалась.

Если дыба оказывалась не дѣйствительной, то прибѣгали къ „деревянной кобылѣ“. То было трехгранное бревно съ верхнимъ острымъ угломъ, на которое верхомъ сажали обви-

Дыба и сѣченіе.

(Изъ книги А. Палинга 1653 г.).

няемую. Къ ея ногамъ подвязывали при этомъ рядъ гирь. Острый клинъ входилъ медленно но вѣрно въ тѣло, и при каждомъ новомъ отказѣ сознаться, палачъ прибавлялъ тяжесть. Марія Карле, 13 лѣтъ, была подвергнута этой пытке въ 1647 г. Она продолжалась нѣсколько часовъ и приходилось до трехъ разъ прибавлять гири, чтобы заставить ее сознаться. Она была сожжена живой. Вслѣдствіе ея молодости и чтобы не вызывать жалости въ толпѣ, ее казнили на зарѣ.

Кромѣ того, употреблялось еще одно средство—такъ на-

зывается ошейникъ. Это было ничто иное, какъ желѣзное кольцо, утыканное внутри гвоздями и придѣланное къ столбу; въ него продѣвали голову обвиняемаго, и въ то время, какъ гвозди мало по малу входили въ тѣло несчастной, ноги ея поджаривались на сильномъ огнѣ. Вслѣдствіе боли, она дѣлала произвольныя движенія и такимъ образомъ какъ бы сама способствовала все болѣшему и болѣшему углубленію гвоздей.

Пытка „ошейникъ“.
(По книгѣ А. Палинга 1659 г.).

Въ недоумѣніи спрашиваешь себя, какимъ образомъ такія ужасныя муки не вызывали немедленнаго сознанія виновности у пытаемыхъ. Не слѣдуетъ впрочемъ упускать изъ виду, что это сознаніе повлекло бы за собой немедленно смерть на кострѣ, безъ всякаго снисхожденія. Кромѣ того, многія изъ этихъ несчастныхъ выносили пытку потому именно, что ничего не чувствовали, подобно нынѣшнимъ колдуньямъ, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе: онѣ были анестезированы. Иногда, вслѣдствіе страшныхъ страданій, онѣ даже

впадали въ экстазъ. Ихъ вдругъ посѣщало видѣніе любимого демона, и тогда пытаемые хвастались, что видятъ его; онъ будто бы запрещалъ имъ говорить и ободрялъ ихъ, общая уничтожить всѣ ихъ страданія: это называлось *молчаливымъ очарованіемъ*. Иногда колдунья дѣйствовала безъ всякихъ колебаній—интенсивность страданій была такъ велика, что вырывала у ней сразу сознаніе и оговоръ соучастниковъ. Понятно, что пытаемая указывала на кого попало, утверждая, что онъ былъ съ ней на шабашѣ; всѣ оговоренныя лица немедленно арестовывались и предавались суду. Однажды одна обвиняемая подъ пыткой оговорила жену самого судьи: та немедленно была арестована.

Послѣ пытки произносился приговоръ надъ колдуньей. Наказанія были различны. Нерѣдко колдунья приговаривалась къ изгнанію; это въ тѣхъ случаяхъ, когда доказательства виновности окончательно отсутствовали; иногда—къ обезглавленію, что случалось весьма рѣдко. Попадаются примѣры, что колдуній бросали въ чанъ съ кипяткомъ. Большею же частью ихъ сжигали, предварительно удушивъ, или же прямо живыми. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ колдунью жгли на медленномъ огнѣ, чтобы продлить страданіе и сдѣлать его болѣе мучительнымъ. Нѣсколько вѣдьмъ было приговорено къ зарытію живыми въ землю. Въ Валансенѣ молодая дѣвушка, 18 лѣтъ, была зарыта живой за колдовство; крики несчастной были такъ ужасны, что съ палачемъ сдѣлалось дурно и онъ отказался продолжать „работу“. Невозмутимый судья приказалъ ему кончить. Нерѣдко колдунью везли на казнь, подвизавши ее подъ низъ телѣги и влача по улицамъ ничкомъ, причемъ она постоянно ударялась о камни и покрывалась пылью и грязью.

Луизъ нашелъ цѣлый рядъ счетовъ палачей, изъ которыхъ видно, что въ извѣстныхъ случаяхъ ему полагалась особая плата за каждую отдѣльную манипуляцію. Каждый счетъ непременно завершается требованіемъ двухъ су за чистку бѣлыхъ перчатокъ.

Вотъ правдивая, не преувеличенная картина ужасовъ колдовства. Чтобы довести до конца мою задачу, я долженъ разобратъ самые извѣстные случаи и показать читателю, въ какой сильной степени эта ужасная язва была распространена въ Европѣ триста лѣтъ тому назадъ. Исторія знаменитыхъ колдуній начинается съ имени, которое навѣрно поразитъ

всѣхъ, такъ какъ рѣчь идетъ о гордости Франціи. Жанна д'Аркъ была приговорена къ сожженію французскимъ духовнымъ судомъ по обвиненію въ томъ, что призвала Сатану на помощь для уничтоженія англійской арміи. Пять лѣтъ послѣ этой трагической смерти разнесся слухъ, что въ мѣстности Во объявилось много колдуновъ. Ихъ спеціальностью было людодѣство. Они набрасывались на новорожденныхъ съ тѣмъ, чтобы пожирать ихъ и обыкновенно начинали съ собственныхъ дѣтей; судья Болингенъ и инквизиторъ Эдъ отправили на тотъ свѣтъ громадное количество этихъ несчастныхъ—навѣрно болѣе тысячи. Эти злосчастные безумцы были одержимы такими могучими галлюцинаціями, что сами обвиняли себя въ отравленіи покойниковъ—въ томъ, что варили и съѣдали ихъ. Молодой крестьянинъ донесъ на свою жену, на которой женился всего за нѣсколько дней до того, и съ радостью ухватился за мысль, что она будетъ сожжена на одномъ кострѣ съ нимъ; судьи никогда не требовали доказательствъ, основываясь на одномъ только сознаніи подсудимаго и не обращая вниманія даже на то, имѣли ли они дѣло съ помѣшанными, или съ психически здоровыми людьми.

Не прошло и 20 лѣтъ, какъ большая эпидемія обнаружилась въ городѣ Арра. Толпѣ женщинъ померещилось, что онѣ присутствовали на шабашѣ; по вечерамъ съ ними случались конвульсивные припадки, онѣ впадали въ какой-то экстазъ и, просыпаясь, рассказывали самыя невозможныя вещи. Въ хроникахъ Монстреле упоминается о томъ, что многія изъ нихъ были сожжены живыми, за исключеніемъ тѣхъ, которыя съумѣли отдѣлаться отъ судей презрѣннымъ металломъ.

Около 1500 г. въ Германіи вдругъ появилась масса колдуновъ. Въ 1484 г. Иннокентій VIII издалъ буллу, въ которой требуетъ, чтобы съ ними обращались съ крайней строгостью. Тогда-то и были сожжены живыми 41 женщина въ Бурбіи за то, что онѣ будто бы ѣли дѣтей, предварительно сваривъ ихъ; замѣйте, что въ данной мѣстности никто никогда не жаловался на исчезновеніе ребенка; обвиняемыя съ гордостью объявляютъ о своемъ преступленіи, и этого вполне достаточно для суда. Другія 48 женщинъ были сожжены въ Констанцѣ за мнимое присутствіе на шабашѣ. Одна изъ нихъ похвасталась, что можетъ немедленно вызвать бурю однимъ магическимъ словомъ; ее тотчасъ же казнили, такъ какъ судья боялся, чтобы она не успѣла привести въ исполненіе свою

угрозу. Къ тому же времени относится и вселеніе дьявола въ монахинь Камбрейскаго монастыря. Онѣ принялись со-обща мяукать, лаять, бѣгать, лазить по деревьямъ и корчиться по землѣ. Заклинаніе, посланное самимъ папой, не произвело никакого дѣйствія: больныхъ судили и приговорили

ANNO M.D.LXXXIX.

Заклинаніе въ 1589-мъ году.

(Факсимиле старинной гравюры).

къ смерти. Въ 1507 г. произошла новая эпидемія, на этотъ разъ въ Каталоніи. 30 женщинъ было сожжено живыми. Между 1504 и 1523 годами начинается въ Ломбардіи большая Комская эпидемія, принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ которой было поручено доминиканцамъ. Признаки этой болѣзни

совпадаютъ съ сообщенными мною выше. Лечение было жестокое, такъ какъ доминиканцы сжигали болѣе 1000 вѣдьмъ и колдуновъ въ годъ.

Въ это время демономанія страшно свирѣпствуетъ: 150 женщинъ было высѣчено въ Эстеллѣ, а сотня сожжена въ Сарагоссѣ. Монахини въ Увертѣ, Бригиттѣ и Кинторпѣ издають вопли, прыгаютъ и мякають. Воспитанницы амстердамскаго сиротскаго дома въ то же время бѣснуются; одного Дольскаго мономана приговариваютъ къ костру за то, что онъ ѣлъ живыхъ дѣтей; 80 вѣдьмъ сжигаютъ въ Савойѣ, 400—въ Тулузѣ и почти столько же—въ Авиньонѣ. Въ 1580 г. обнаруживается большая эпидемія въ Лотарингіи, гдѣ судья Николай Реми приказываетъ сжечь болѣе 900 вѣдьмъ и колдуновъ; въ то же время Богѣ сожигаетъ 600 въ Сень-Клодѣ, а де-Ланкръ—въ странѣ басковъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ массу приговоренныхъ къ смерти дѣтей, о которыхъ Богѣ говоритъ, что, въ виду несовершеннолѣтія преступниковъ, ихъ не слѣдуетъ сжигать живыми, а душить послѣ того, какъ они почувствуютъ силу огня. Даже сами священники не избѣгаютъ казней. Несчастный священникъ Гофриди началъ заговариваться, вслѣдствіе усиленнаго изученія колдовства, и былъ сожженъ живымъ вмѣстѣ съ молодой слѣпой дѣвушкой. Въ Берри сжигаютъ 21 колдунью въ одинъ день.

(Я слѣдовательно не ошибся, утверждая, что колдовство было пагубнѣе для человѣчества, чѣмъ великія войны. Теперь мною уже все сказано о колдовствѣ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. о той его части, которая многими авторами называлась *активнымъ демонизмомъ*. Перехожу затѣмъ къ другой формѣ помѣшательства—бѣсноватости или *пассивному демонизму*.)

У злаго духа, какъ я уже говорилъ, есть два приѣма: онъ или прельщаетъ колдунью и увлекаетъ жертву съ ея согласія, или же вселяется въ нее помимо ея воли, говоритъ ея устами и пользуется ею для достиженія зла. Бѣсноватыми такимъ образомъ могутъ даже быть и животныя. Бѣсъ можетъ вселяться въ трупы и превращать ихъ въ бродящихъ мертвецовъ. Бѣсноватые встрѣчались во всѣ времена. На каждомъ шагу упоминаются они въ Библіи и Евангеліяхъ. Особенно же бѣсноватость волновала умы въ XVII вѣкѣ. То былъ недугъ вѣка, подобно тому, какъ колдовство было болѣзью XVI в., а манія величія свойственна нашему столѣтію.

Первая большая эпидемія этого рода произошла въ Мад-

ридскомъ монастырѣ. Почти всегда въ монастыряхъ—и главнымъ образомъ въ женскихъ обителяхъ—религіозные обряды и постоянное сосредоточеніе на чудесномъ влекли за собой различные нервныя разстройства, составляющія въ своей совокупности то, что называлось бѣсноватостью. Мадридская эпидемія началась въ монастырѣ бенедектинокъ, игуменни котораго, доннѣ Терезѣ, еле исполнилось въ то время 26 лѣтъ. Съ одной монахиней вдругъ стали случаться странныя конвульсіи. У нея дѣлались внезапныя судороги, мертвѣли и скрючивались руки, выходила пѣна изо рта, изгибалось все тѣло въ дугу на подобіе арки, опиравшейся на затылокъ и пятки. По ночамъ больная издавала страшные вопли и подъ конецъ ея овладѣвалъ настоящій безсвязный бредъ. Несчастная объявила, что въ нее вселился демонъ Перегрино (обратите вниманіе на то, что въ Испаніи и демонъ носитъ народное имя), который не даетъ ей покоя. Вскорѣ демоны овладѣли всѣми монахинями, за исключеніемъ пяти женщинъ, причемъ сама донна Тереза тоже сдѣлалась жертвой этого недуга. Тогда начались въ обители неописуемыя сцены: монахини по цѣлымъ ночамъ выли, мяукали и лаiali, объявляя, что они одержимы однимъ изъ друзей Перегрино. Монастырскій духовникъ, Франсуа Гарсія, прибѣгъ къ заклинанію бѣсноватыхъ, но безуспѣшно, послѣ чего это дѣло перешло въ руки инквизиціи, которая распорядилась изолировать монахинь. Съ этой цѣлью онѣ были сосланы въ различные монастыри. Гарсія, обнаружившій въ этомъ дѣлѣ извѣстное благоразуміе, рѣдко встрѣчаемое въ людяхъ его класса, былъ осужденъ за то, что будто бы вступилъ въ сношенія съ демонами, прежде чѣмъ напасть на нихъ.

Бѣсноватость бенедектинокъ надѣлала много шума, но ея извѣстность ничтожна по сравненію съ эпидеміей Луденскихъ урсудинокъ, бѣснованія которыхъ относятся къ слѣдующему 1631 году. Я воспользуюсь исторіей этой знаменитой одержимости, чтобы познакомить читателя съ описаніемъ недуга во всѣхъ подробностяхъ. Въ то время жилъ въ Луденѣ 40-лѣтній священникъ, по имени Урбанъ Грандье, отличавшійся большимъ умомъ, пріятной наружностью и хорошими манерами; онъ возбуждалъ много толковъ, можетъ быть даже слишкомъ много. Грандье пользовался большимъ успѣхомъ, какъ свѣтскій человѣкъ и какъ проповѣдникъ, и тѣмъ навлекъ на себя яростную вражду своихъ собратьевъ.

Вслѣдствіе анонимныхъ доносовъ онъ былъ приговоренъ за нарушеніе церковной дисциплины сидѣть на хлѣбѣ и водѣ каждую пятницу; но этотъ приговоръ былъ признанъ недѣйствительнымъ и уничтоженъ Бордосскимъ архіепископомъ. Весьма понятно, что Урбанъ Грандье возгордился послѣ такой побѣды и вернулся въ Луденъ, окруженный ореоломъ мученика. Вскорѣ послѣ этого кардиналъ Ришелье прислалъ

Урбанъ Грандье.

(Гравировано по старинному эстампу).

совѣтника Лобардемона съ порученіемъ срыть укрѣпленія, окружавшія Луденъ. Эта мѣра была непопулярна. Грандье присоединился къ оппозиціи и, можетъ быть, даже написалъ знаменитый анонимный памфлетъ, направленный противъ великаго кардинала. Такимъ смѣлымъ поступкомъ онъ вооружилъ противъ себя и правительство. Его гибель была рѣшена и случай осуществить ее представился самымъ неожиданнымъ образомъ.

Въ Луденѣ существовала община урсулинокъ, посвятившая себя дѣлу образованія. Она состояла изъ дочерей знатныхъ лицъ; мы здѣсь встрѣчаемъ мадамъ де-Бельсьель, де-Савили, родственницу кардинала, мадамъ де-Барбезье, де-Сурди и т. п.; тамъ была только одна монахиня изъ буржуазіи—именно, сестра Серафима Арте. Пріоромъ монастыря былъ аббатъ Муссо, вскорѣ впрочемъ умершій. Спустя непродолжительное время послѣ его кончины, онъ однажды явился г-жѣ де-Бельсьель ночью въ видѣ мертвеца и приблизился къ ея постели. Она своими криками разбудила всю обитель. Но послѣ этого привидѣніе стало возвращаться каж-

Демонъ Астаротъ.
(по Коллену де Пласси).

дую ночь. Монахиня рассказала о своемъ несчастіи товарищамъ. Результатъ получился какъ разъ обратный: вмѣсто одной привидѣніе стало посѣщать всѣхъ монахинь; въ дортуарѣ то и дѣло раздавались крики ужаса, и монахини пускались въ бѣгство. Слово одержимость было пущено въ ходъ и принято всѣми: монахъ Миньонъ, сопровождаемый двумя товарищами, явился въ обитель для изгнанія злого духа. Игуменья, мадамъ де-Бельсьель, объявила, что она одержима Астаротомъ, и какъ только начались заклинанія—стала издавать вопли и конвульсивно биться; въ бреду она говорила, что ее околдовалъ священникъ Грандье, принося ей розы. Грандье не былъ монастырскимъ духовни-

комъ, но въ женской обители, какъ и вездѣ, много было разговоровъ объ этомъ священникѣ; имъ восторгались, несмотря на то, что онъ слылъ человѣкомъ довольно легкомысленнаго поведенія. Игуменья кромѣ того утверждала, что Грандье являлся въ обитель каждую ночь втеченіи послѣднихъ 4 мѣсцевъ и что онъ входилъ и уходилъ, проникая сквозь стѣны.

На другихъ одержимыхъ, между прочимъ на мадамъ де-Сазильи, находили конвульсіи, повторявшіяся ежедневно, особенно во время заклинаній. Однѣ изъ нихъ ложились на животъ и перегибали голову такъ, что она соединялась съ пятками, другія катались по землѣ въ то время, какъ свя-

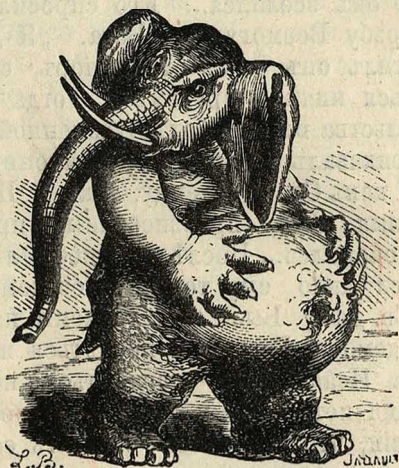
Демонъ Асмодей.
(По Коллену де Плансен).

щенники съ Св. Дарами въ рукахъ гнались за ними: изъ рта у нихъ высовывался языкъ, совсѣмъ черный и распухшій.

Когда галлюцинаціи присоединялись къ судорогамъ, то одержимыя видѣли смущавшаго ихъ демона: у мадамъ де-Бельсьель ихъ было 7; у мадамъ де-Сазильи — 8; особенно же часто встрѣчались Асмодей, Астаротъ, Левіаѳанъ, Исаакарумъ, Уріель, Бегемотъ, Дагонъ, Магонъ и т. п. Въ монастыряхъ злой духъ носитъ названія, присвоенныя ему въ богословскихъ сочиненіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ монахи впадали въ каталептическое состояніе, въ другихъ—онѣ переходили въ сомнамбулизмъ и бредили въ состояніи пол-

наго автоматизма. Онъ всегда чувствовали въ себѣ присутствіе злаго духа и, катаясь по землѣ, произнося безсвязныя рѣчи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительныя вещи,—утверждали, что исполняютъ его волю.

Привожу описаніе изъ книги отца Іосифа, одного изъ заклинателей, наиболѣе способствовавшихъ развитію истерическаго бѣшенства у этихъ несчастныхъ: „Однажды начальница пригласила Отца отслужить молебенъ св. Іосифу и просить его защиты отъ демоновъ на время говѣнія. Заклинатель немедленно выразилъ свое согласіе, не сомнѣваясь въ успѣшности чрезвычайнаго молитвословія, и общалъ зака-

Демонъ Бегемотъ.
(По Коллену де Планси).

затъ мессы съ той же цѣлью въ другихъ церквахъ; вслѣдствіе этого демоны пришли въ такое бѣшенство, что въ день Поклоненія Волхвовъ стали терзать игуменью. Лицо ея посинѣло, а глаза устались въ изображеніе лика Богородицы... Былъ уже поздній часъ; но отецъ Сюрень рѣшился прибѣгнуть къ усиленнымъ заклинаніямъ, чтобы заставить демона пасть въ страхъ передъ Тѣмъ, Кому поклонялись волхвы... Съ этой цѣлью онъ ввелъ одержимую въ часовню, гдѣ она произнесла массу богохульствъ, пытаясь бить присутствующихъ и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому наконецъ удалось тихо подвести ее къ алтарю. Затѣмъ онъ

приказалъ привязать одержимую къ скамьѣ, и послѣ нѣсколькихъ воззваній повелѣлъ демону Исаакаруму пасть ницъ и поклониться младенцу Иисусу; демонъ отказался исполнить это требованіе, изрыгая страшныя проклятiя. Тогда заклинатель пропѣлъ *Magnificat*, и во время пѣнія словъ: *Gloria Patri* и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой дѣйствительно было переполнено злымъ духомъ, воскликнула: „Да будетъ проклятъ Богъ Отецъ, Сынъ, Святой Духъ, Св. Марія и все Небесное царство!“ Демонъ еще усугубилъ свои богохульства, направленные противъ Св. Дѣвы во время пѣнія *Ave, maris stella*, причемъ сказалъ, что не боится ни Бога, ни Св. Дѣвы и похвалялся, что его не удастся изгнать изъ тѣла, въ которое онъ вселился... Его спросили, зачѣмъ онъ вызываетъ на борьбу Всемогущаго Бога. „Я дѣлаю это отъ бѣшенства, отвѣтилъ онъ, и съ этихъ поръ съ товарищами не буду заниматься ничѣмъ другимъ“. Тогда онъ возобновилъ свои богохульства въ еще болѣе усиленной формѣ. Отецъ Сюрень вновь приказалъ Исаакаруму поклониться Иисусу и воздать должное какъ Св. Младенцу, такъ и Пресвятой Дѣвѣ за богохульственныя рѣчи, произнесенныя противъ нихъ... Исаакарумъ не покорился... Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ пѣніе „*Gloria*“ послужило ему только поводомъ къ новымъ проклятiямъ на Св. Дѣву. Были еще дѣлаемы новыя попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакарума—повиниться передъ Божьей Матерью, во время которыхъ у игуменьи появились столь сильныя конвульсіи, что пришлось отвязать ее отъ скамьи. Присутствующіе ожидали, что демонъ покорится, но Исаакарумъ, повергая ее на землю, воскликнулъ: „Да будетъ проклята Марія и плодъ, который она носила!“ Заклинатель потребовалъ, чтобы онъ немедленно покался передъ Богородицей въ своихъ богохульствахъ, извиваясь по землѣ, какъ змѣй, и облизывая полъ часовни въ трехъ мѣстахъ. Но онъ все отказывался, пока не возобновили пѣнія гимновъ. Тогда демонъ сталъ извиваться, ползать и крутиться; онъ приблизился (т. е. довелъ тѣло г-жи де-Бельсель) къ самому выходу изъ часовни и здѣсь, высунувъ громадный, черный языкъ, принялся лизать каменный полъ съ отвратительными ужимками, воемъ и ужасными конвульсіями. Онъ повторилъ тоже самое у алтаря, послѣ чего выпрямился и, оставаясь все еще на колѣняхъ, гордо посматривалъ, какъ бы показывая видъ,

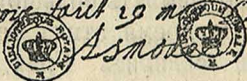
что не хочет сойти съ мѣста; но заклинатель, держа въ рукахъ св. Дары, приказалъ ему отвѣчать. Тогда выраженіе лица его исказилось и стало ужаснымъ, голова откинулась совершенно назадъ, и послышался сильный голосъ, произнесшій какъ бы изъ глубины груди: „Царица неба и земли, прости!“

Въ 1635 г. только и было разговоровъ во Франціи, что о Луденскихъ одержимыхъ; братъ короля, Гастонъ Орлеанскій, пріѣзжалъ нарочно въ Луденъ, чтобы видѣть ихъ. Заклинатели, отцы Сюрень, Транкиль и Лактанцій доставили ему случай наблюдать конвульсіи. Въ этотъ же день случилось любопытное явленіе: съ отцомъ Сюреномъ, въ то самое время, когда онъ отчитывалъ демона, случился припадокъ одержимости—онъ лишился сознанія и покатылся по полу... Впослѣдствіи Сюрень объявилъ, что демонъ Исаакарумъ проникъ въ его тѣло. Передъ герцогомъ г-жа де-Бельсьель принимала самыя невозможныя позы. Сестра Агнесса была одержима Асмоемъ и Бегемотомъ; съ ней тоже случились припадки въ присутствіи герцога Орлеанскаго. Она отказалась приложиться къ св. Дароносицѣ и извивалась съ такой силой, что представляла изъ себя настоящее кольцо, при чемъ произносила ужасныя богохульства. Въ мадамъ де-Сазиль вселился демонъ Савулонъ; онъ заставилъ ее бѣгать вокругъ церкви и высовывать большой черный языкъ, твердый, какъ пергаментъ. Во время этихъ безумствъ Луденскія урсулинки не забывали обвинять Грандье и увѣрять, что онъ околдованъ имъ, что онъ заключалъ договоры съ дьяволомъ, между которыми одинъ заключенъ на Орлеанскомъ шабашѣ и былъ написанъ на кожѣ дѣтей, умершихъ безъ крещенія. Архіепископъ Бордосскій приказалъ оставить въ покоѣ Грандье и приступить къ леченію монахинь. Но это не входило въ планы Лобардемона, который поѣхалъ въ Парижъ и вернулся оттуда съ полномочіемъ начать слѣдствіе противъ чародѣя Грандье и постановить надъ нимъ окончательный приговоръ безъ права апелляціи для осужденнаго ни въ парламентъ, ни на имя короля. Такимъ образомъ, Лобардемонъ добился своей мести, и Грандье пришлось дорого поплатиться за недавній памфлетъ. Онъ немедленно былъ брошенъ въ тюрьму, несмотря на его протесты и на мольбы его престарѣлой матери. Тотчасъ же установили фактъ его виновности; затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ отчитываній, направленныхъ

какъ противъ монахинь, такъ и противъ него самого; въ одномъ изъ этихъ достопамятныхъ засѣданій было получено письмо дьявола, сохраняющееся и поднесъ въ Національной парижской библіотекѣ. Я привожу его фотографическое изображеніе. Въ немъ Асмодей общается отъ себя и отъ имени своихъ товарищей, Грезилы и Амана, особенно мучить мадамъ де-Бельсьель.

Однажды, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ бесплодныхъ заклинаній, Грандье просилъ разрѣшенія лично изгнать демоновъ. Ему даютъ на это разрѣшеніе, и вотъ въ церкви Св. Креста устраивается большое торжественное собраніе, на которое,

*Je promets, sa sortant du corps de cette
créature de lui faire une fante au dessous
du sein de la longueur d'une épingle invisible
ala chemise sous de robe et d'attache laquelle
fante sera sanglante et se demain vintierme
de mai a malheures avec midi jour de samedi
et promet aussi que Gresil et Aman seront aussi
leurs ouvertures en la même manière pour que
ils retire et donne ce que le malin veut
biberie et promet de faire avec leur compagne
pour signe de leur infir sur ce registre en
leglise de Ste Genevieve le 19 mai 1729*

Asmodeus

Письмо дьявола.

(Факсимиле подлинника, хранящагося въ Парижской Библіотекѣ).

послѣ молитвословій, приводятъ одержимыхъ. При видѣ Грандье, произносившаго закликательныя слова, ими овладѣваетъ бѣшенство; онѣ издають ревъ, подскакивають и извиваются по полу. Никогда еще не приходилось видѣть подобныхъ безобразій. Затѣмъ приносятъ договоры, заключенные Грандье съ дьяволомъ, и сжигаютъ ихъ на кострѣ. Бѣснующіея вновь вырываются, окружають бѣднаго священника, царапають его и бьютъ съ такой яростью, что присутствующіе вынуждены поспѣшно увести его въ тюрьму. Спустя нѣсколько дней, судъ собрался снова и объявилъ Грандье виновнымъ въ чародѣйствѣ. Онъ былъ приговоренъ къ публичному покаянію въ рубашкѣ, съ непокрытой головой и съ ве-

ревкой на шеѣ, а затѣмъ ему предстояло аутодафе. Въ приговорѣ еще стояло, что онъ предварительно будетъ подвергнутъ пыткамъ.

Но прежде всего слѣдовало искать на немъ присутствіе „печати дьявола“, т. е. нечувствительнаго мѣста, о которомъ было уже говорено выше. Лобардемонъ не могъ отыскать ни одного врача, который бы добровольно согласился пытать Грандье. Ему пришлось для этой цѣли арестовать одного изъ нихъ при помощи стражи. Тѣмъ не менѣе, на тѣлѣ несчастнаго священника не удалось найти клейма. Лобардемонъ приказалъ тогда врачу вырвать у него ногти съ пальцевъ рукъ и ногъ, чтобы увидѣть, не скрывается ли знаменитая „печать“ подъ ними. Врачъ отказался исполнить это требованіе и въ слезахъ сталъ умолять Грандье простить ему то, что онъ до сихъ поръ былъ принужденъ дѣлать надъ нимъ. Тогда истерзаннаго страдальца повели въ комнату пытокъ, гдѣ судъ засѣдалъ въ полномъ составѣ. Послѣ отчитыванія орудій пытки монахами, было приступлено къ пыткамъ „испанскихъ сапогъ“: при первомъ же ударѣ молота, что-то страшно хрустнуло; то были ноги бѣднаго священника, которыя переломились. Несчастный испустилъ такой крикъ, что палачъ отступилъ. Но монахъ Лактанцій накинута на него со словами: „Вгоняй же клинья, когда тебѣ приказываютъ, вгоняй сильнѣе!“ Придя въ сознаніе, Грандье объявилъ, что онъ невиновенъ въ чародѣйствѣ. Когда же палачъ, со слезами на глазахъ, показалъ ему тѣ 4 деревянныхъ клина, которые онъ будетъ принужденъ всадить въ него, то Грандье отвѣтилъ: „Другъ мой, всаживай ихъ хоть цѣлую охапку“. Тогда отецъ Транкиль замѣтилъ палачу, что онъ недостаточно искусенъ въ своемъ ремеслѣ, и показалъ ему, какіе приемы слѣдуетъ употреблять, чтобы усилить боль пытаемаго. Вслѣдъ за этимъ въ тѣло Грандье было вогнано одинъ за другимъ восемь клиньевъ. Весь запасъ орудій палача вышелъ и онъ пошелъ за другими. Лобардемонъ приказалъ ему всадить еще 2 клина; вслѣдствіе волненія, палачу это никакъ не удавалось. Тогда глазамъ окружающихъ представилось ужасное зрѣлище: капуцины Лактанцій и Транкиль, приподнявъ свои рясы и вооружившись молотами, принялись собственноручно вколачивать клинья въ свою жертву. Лобардемонъ, котораго, вѣроятно, прошибла совѣсть, велѣлъ прекратить пытку: ноги несчастнаго священника были раз-

дроблены и висѣли въ видѣ сплющенной безформенной массы съ выходившими отовсюду осколками костей. Пытка продолжалась три четверти часа. Грандѣ положили на солому въ ожиданіи казни. Въ 4 часа его повезли на телѣгѣ, среди несмѣтной толпы народа, къ церкви св. Петра и наконецъ къ костру, вокругъ котораго была сооружена эстрада, занятая самыми элегантными городскими дамами. Палачъ поднялъ его на рукахъ съ телѣги и посадилъ на костеръ. Здѣсь былъ прочитанъ ему приговоръ въ пятый разъ. Лобардемонъ общалъ Грандѣ, что онъ будетъ задушенъ до сожженія; но монахи, провѣдавъ объ этомъ, во время пути надѣлали узловъ на веревкѣ. Они оттолкнули палача, накинудись на Грандѣ и стали наносить ему сильные удары распятиемъ. Въ виду того, что толпа стала волноваться, а приговоренный все еще не раскаявался въ своемъ мнимомъ преступленіи, монахъ Лактанцій схватилъ факелъ и самъ зажегъ солому на кострѣ. Палачъ бросился, чтобы задушить Грандѣ, но такъ какъ веревка была въ узлахъ, то это ему не удалось.

Этотъ фактъ дошелъ до насъ въ передачѣ священника Измаила Буильо, сообщающаго о немъ съ негодованіемъ. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ пламя охватило рубашку Грандѣ, и можно было видѣть, какъ онъ корчился на кострѣ. Въ этотъ самый моментъ туча голубей закружилась надъ мученикомъ и затѣмъ улетѣла на небеса.

Смерть бѣднаго священника далеко не уредила бѣсноватыхъ; урсулилки продолжали вести себя по-прежнему, пока не было приступлено къ ихъ изолированію. Послѣ того демоны стали еще преслѣдовать молодыхъ дѣвушекъ въ гор. Луденѣ. Назывались эти демоны: Уголь нечисти, Адскій Левъ, Феронъ и Малонъ. Эпидемія распространилась даже на окрестности. Дѣвушки въ Шинонѣ почти всѣ подпали страшному недугу и обвиняли при этомъ двухъ священниковъ въ чародѣйствѣ; къ счастью, коадьюторъ Поатѣскаго епископа благоразумно повелъ дѣло и разъединилъ бѣсноватыхъ. Но еще замѣчательнѣе тотъ фактъ, что Миньонъ, искони считавшійся страной папъ, переполнился около этого времени одержимыми. Луденская эпидемія заразила умы и охватила собой большое пространство. Тѣмъ сильнѣе она должна была подѣйствовать на всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы. Не прошло и года со смерти Грандѣ,

какъ отцы Лактанцій, Транкиль и Сюрень совершенно лишились разсудка и вообразили, что въ нихъ вселился дьяволъ. Та же участь постигла врача, принимавшаго участіе въ пыткѣ, и офицера, руководившаго казнью. Они умерли, всѣми презираемые, корчась въ ужасныхъ судорогахъ и дойдя до скотоподобнаго состоянія.

Страшная Луденская трагедія еще не изгладилась изъ памяти ея современниковъ; истина относительно мученичества несчастнаго Грандье едва только успѣла выясниться, когда разнесся слухъ, что демоны овладѣли обителю Св. Елизаветы въ Лувье. Здѣсь также усердіе духовника послужило

Демонъ Беллфегоръ.
(По Коллену де Плассен).

если не причиной, то по крайней мѣрѣ точкой отправленія для распространенія недуга. Но какая разница между Грандье и приходскимъ священникомъ Пикаромъ въ Лувье! Насколько первый былъ любезнымъ, веселымъ и блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ, настолько второй отличался мрачностью и аскетизмомъ. Онъ носилъ длинную и неряшливую бороду; лице его было испито и блѣдно. Онъ ходилъ съ опущенными глазами, одѣвался небрежно, говорилъ медленно и тихо. Во время продолжительныхъ церковныхъ службъ Пикаръ останавливался, какъ бы очарованный и погруженный въ экстазъ.

Лувьескими монахинями овладѣло желаніе посоперничать въ дѣлѣ набожности съ своимъ духовнымъ пастыремъ:

онѣ стали поститься по недѣлямъ, проводили на молитвѣ цѣлыя ночи, всячески бичевали себя и катались полунагія по снѣгу.

Въ концѣ 1642 г. священникъ Пикаръ внезапно скончался. Монахини, уже и безъ того близкія къ помѣшательству, тогда окончательно помутились: ихъ духовный отецъ сталъ являться имъ по ночамъ, онѣ видѣли его бродящимъ въ видѣ привидѣнія, а съ ними самими начали дѣлаться конвульсивныя припадки, совершенно аналогичныя съ припадками Луденскихъ монахинь: у несчастныхъ являлось страшное отвращеніе ко всему, что до тѣхъ поръ наполняло ихъ жизнь и пользовалось ихъ любовью. Видѣ Св. Даровъ усиливаль ихъ бѣшенство; онѣ доходятъ до того, что даже плюютъ на нихъ. Затѣмъ монахини катаются по церковному полу и, издавая при этомъ страшный ревъ, подпрыгиваютъ какъ будто подъ вліяніемъ пружинъ.

Современный богословъ Лабретонъ, имѣвшій случай видѣть Лувьескихъ монахинь, даетъ намъ слѣдующее описаніе ихъ бѣснованій: „Эти 15 дѣвушекъ обнаруживаютъ во время причастія странное отвращеніе къ Св. Дарамъ, строятъ имъ гримасы, показываютъ языкъ, плюютъ на нихъ и богохульствуютъ съ видомъ самаго ужаснаго нечестія. Онѣ кощунствуютъ и отрекаются отъ Бога болѣе 100 разъ въ день съ поразительной смѣлостью и безстыдствомъ. По нѣсколько разъ въ день ими овладѣваютъ сильныя припадки бѣшенства и злобы, во время которыхъ онѣ называютъ себя демонами, никого не оскорбляя при этомъ и не дѣлая вреда священникамъ, когда тѣ во время самыхъ сильныхъ приступовъ кладутъ имъ въ ротъ палецъ. Во время припадковъ онѣ описываютъ своимъ тѣломъ разныя конвульсивныя движенія и перегибаются назадъ въ видѣ дуги, безъ помощи рукъ, такъ что ихъ тѣло покоится болѣе на темени, чѣмъ на ногахъ, а вся остальная часть находится на воздухѣ; онѣ долго остаются въ такомъ положеніи и часто вновь принимаютъ его. Послѣ подобныхъ усиленныхъ кривляній, продолжавшихся непрерывно иногда въ теченіи 4 часовъ, монахини чувствовали себя вполнѣ хорошо даже во время самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней; несмотря на припадки, онѣ были здоровы, свѣжи, и пульсъ ихъ бился такъ же нормально, какъ если бы съ ними ничего не происходило. Между ними есть и такія, которыя падаютъ въ обморокъ во время заклинаній, какъ будто

произвольно: обморокъ начинается съ ними въ то время, когда ихъ лицо наиболѣе взволновано, а пульсъ становится значительно повышеннымъ. Во время обморока, продолжаю-

Одержимый.

(По картинѣ Рафаэля „Преображеніе“).

щегося полчася и больше, у нихъ не замѣтно ни малѣйшаго признака дыханія. Затѣмъ онѣ чудеснымъ образомъ возвращаются къ жизни, причемъ у нихъ сначала приходятъ

въ движеніе большіе пальцы ногъ, потомъ ступни, и самыя ноги, а за ними—животъ, грудь и шея; во все это время лицо бѣсноватыхъ остается совершенно неподвижнымъ; наконецъ, оно начинаетъ искажаться и вновь появляются страшныя корчи и конвульсіи.

Запомните это описаніе. Нельзя нарисовать лучшей картины истерики, наблюдаемой въ настоящее время у истеричныхъ женщинъ въ Сальпетріерѣ.

Въ XVII в. конвульсіи приписывались вмѣшательству демоновъ, и вотъ какимъ образомъ доказывалъ ихъ присутствіе заклинатель Борожэ, руанскій капуцинскій монахъ, которому была поручена борьба противъ бѣснованія въ Лувье:

„Первое доказательство заключается въ тѣхъ непрерывныхъ, страшныхъ и несправедливыхъ богохульствахъ, изрекаемыхъ противъ воли ежечасно и ежеминутно этими несчастными дѣвушками. Онѣ вызываютъ слезы жалости у лицъ благочестивыхъ и заставляютъ думать, что подобные ужасы слѣдуетъ непременно приписать постороннему вліянію. Безошибочно можно сказать, что это—дѣло рукъ дьявола, такъ какъ нельзя допустить, чтобы такое большое число благочестивыхъ монахинь (18) могло осквернить свои уста столькими богохульствами. Глубоко ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что онѣ дѣлаютъ это въ припадкахъ сумашествія, такъ какъ бѣснующіяся обо всемъ разсуждаютъ совершенно здраво“.

„Вторымъ доказательствомъ служатъ циничныя рѣчи, нерѣдко произносимыя ими и понятныя только въ устахъ развратныхъ и погибшихъ женщинъ; во всѣхъ другихъ случаяхъ онѣ богохульствуютъ, какъ уже было говорено выше: ни одинъ благоразумный человѣкъ не можетъ допустить и мысли о томъ, чтобы столь благовоспитанныя и набожныя дѣвушки могли сами произносить эти рѣчи; ихъ слѣдуетъ приписать дѣйствию чаръ и демоновъ, преслѣдующихъ бѣдныхъ монахинь. Во всемъ этомъ ясно выражаются козни дьявола“.

„Третье доказательство. Какіе выводы можетъ сдѣлать благомыслящій человѣкъ изъ ихъ странныхъ и обстоятельныхъ описаній шабаша, козла и совершающихся тамъ ужасовъ, какъ не то, что демоны, вселившіеся въ нихъ, предсѣдательствовали на этихъ сборищахъ и сообщили имъ эти страшныя свѣдѣнія“.

Четвертое доказательство. Откуда является странное обращеніе къ Таинствамъ Исповѣди и Причастія, вызываю-

щихъ въ монахиняхъ бѣшенство, противодѣйствіе, судороги и богохульства? Чему слѣдуетъ приписать всѣ эти безчинства? Вѣдь не дѣвушкамъ же, которыя спустя нѣсколько минутъ послѣ припадка молятся Богу,—а разумѣется—демону, врагу Св. Тайнствъ“.

„Пятое доказательство. Въ монахиняхъ проявляются почти одновременно крайне противорѣчивыя дѣйствія: то онѣ восхваляютъ Бога, а черезъ минуту богохульствуютъ, то говорятъ о священныхъ предметахъ, и затѣмъ тотчасъ же переходятъ къ циничнымъ и наглымъ рѣчамъ; часто, при прощаніи, эти дѣвушки высказывали намъ свое сожалѣніе и сокрушеніе и при этомъ даже проливали слезы; но уже спустя минуту ихъ уста изрекали проклятія и брань вродѣ слѣдующихъ: „Чтобъ дьяволъ свернулъ тебѣ шею, унесъ тебя въ адъ кромешный, погрузилъ во внутренности Вельзевула!“ Чѣмъ объяснить столь противорѣчивыя дѣйствія?—хорошими свойствами дѣвушки и участіемъ демона, такъ какъ невозможно допустить въ нравственномъ отношеніи, чтобы одинъ и тотъ же умъ могъ дѣлать подобные скачки и переходить такъ быстро отъ одной крайности въ другую. Лица, внимательно наблюдавшія эти переходы, безъ труда нашли, что одержимыя монахини представляютъ изъ себя сѣдалище двухъ взаимно враждебныхъ духовъ—человѣческаго и демоническаго, воплощавшихся въ двухъ совершенно различныхъ и даже противоположныхъ родахъ дѣйствій“.

„Шестое доказательство извлекается нами изъ ужасныхъ внутреннихъ дѣйствій демоновъ, невыносимыхъ соблазновъ всякаго рода, безмѣрныхъ душевныхъ страданій, превосходящихъ предѣлы человѣческаго терпѣнія, изъ непостижимыхъ ухищреній, хитрыхъ ловушекъ, сокрытія истины и навязыванія бѣднымъ дѣвушкамъ собственной злобы, изъ стараній увѣрить ихъ всѣми способами, что онѣ сами совершали всѣ тѣ ужасы, которые демоны производили столь тонко и дьявольски ловко, и наконецъ изъ крайней агоніи, въ которую они повергаютъ ихъ умъ. Однимъ словомъ, на участіе демоновъ указываетъ то страшное состояніе, въ которое они повергаютъ монахинь своими обольщеніями“.

„Седьмое доказательство. Трудно допустить, чтобы такое большое число дѣвушекъ, столь различныхъ комплекцій и вообще здоровыхъ, могло бы подвергнуться одному и тому же недугу, общимъ признакомъ котораго являлись бы богохульства

и циничныя рѣчи, или же чтобы онѣ страдали одной формой помѣшательства, здраво разсуждая обо всемъ остальномъ“.

Отсюда ясно видно, что мысль о сумашествіи все-таки являлась у современниковъ одержимости, но была отвергнута ими вслѣдствіе большой правдоподобности предположенія о вмѣшательствѣ злого духа. Этому кажущемуся правдоподобію много способствовали также и тѣ ужасныя галлюцинаціи, которыя постоянно тревожили одержимыхъ. Такъ, одна изъ нихъ видѣла всклокоченную черную голову безъ туловища, всю ночь не сводившую съ нея глазъ; другую непрерывно преслѣдовалъ демонъ, обольщавшій ее и громко смѣявшійся надъ всѣмъ, что она говорила или дѣлала. Третья видѣла рядомъ съ собой демона Бельфегора, а около него распятаго Христа, который всюду слѣдовалъ за ней и спускался съ креста, чтобы поцѣловать ее всякій разъ, какъ ей удавалось устоять противъ искушеній дьявола.

Одна изъ этихъ несчастныхъ галлюцинатовъ, сестра Марія, написала цѣлую книгу о претерпѣнныхъ ею страданіяхъ. Борожь сохранилъ намъ ее въ полной неприкосновенности. Привожу изъ нея нѣсколько мѣстъ, которыя очень важны для защиты моего положенія.

„Священникъ Матюрэнъ Пикаръ, проходя однажды мимо меня, коснулся моей груди. Послѣ того меня стали мучить тревожныя мысли. Въ 9 ч. вечера я легла спать и увидѣла, что на мое одѣяло летѣли съ пола крупныя искры... Я очень испугалась... Въ другой разъ у меня кто-то вырвалъ изъ рукъ лестовку (плеть), бросилъ мнѣ ее въ лицо и сильно толкнулъ. Однажды въ лазаретѣ меня 3 раза дернули за рукавъ, затушили мою свѣчу на чердакѣ и сбросили меня съ самаго верху. Помню также, что на мои плечи опустилась тяжело-вѣсная масса, которая стала душить меня: я еле дотащи-лась до кельи настоятельницы, но здѣсь эта тяжесть съ шумомъ свалилась, причѣмъ однако я почувствовала такой ударъ, что у меня пошла кровь носомъ и горломъ. Однажды ночью, около 10 часовъ, кто-то слегка постучался въ дверь моей кельи—я произнесла: Ave Maria, какъ подобаетъ иноки-нѣ, и увидѣла передъ собой монахиню. Она довольно печальнымъ голосомъ стала говорить мнѣ: „Сестра, прошу васъ не бояться меня, я—сестра Страстей *Iисуса* (Passion) и обречена оставаться въ чистилищѣ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворю Божественное Правосудіе“... 27 и 28 Февраля

1642 г., измученная всѣми этими огорченіями, я стала за-
сыпать около половины десятаго. Когда прозвонили къ за-

Св. Игнатій, изгоняющій злого духа изъ бѣсноватаго.

(По эстампу, сдѣланному съ картины Рубенса, хранящейся въ Вѣнскомъ музеѣ).

утрени, я еще спала, но вскорѣ проснулась. Смотрю — въ
мою келью входитъ священникъ въ халатѣ. Я пугаюсь и
громко молю Бога о помощи, послѣ чего призракъ перемѣ-

няетъ свой обликъ и раскрываетъ глубокую пасть, чтобы пожрать меня: „Ты принадлежишь мнѣ, закричалъ онъ: посмотримъ, кто окажется сильнѣе изъ насъ двоихъ“. Я трижды произнесла:—„О, Господи! сжался надо мной! помоги мнѣ!“ Призвавъ немедленно сталъ изрыгать пламя и страшно проревѣлъ: „Дѣлай, что хочешь, ты все-таки не уйдешь отъ меня, или же я перестану быть тѣмъ, чѣмъ я есть“. Подъ конецъ я такъ сильно была избита, что не могла найти себѣ мѣста. Въ концѣ мая, войдя въ свою келью, я замѣтила на постели маленькую записку на латинскомъ языкѣ, которую однако не могла разобрать тогда. Дьяволъ, принявъ обликъ Матери Успенія Св. Богородицы, попросилъ дать ему эту записку для прочтенія, что я и исполнила. Послѣ продолжительной бесѣды, онъ вышелъ черезъ окошко, бывшее въ кельѣ, но когда возвращался послѣ того, то сталъ безжалостно меня терзать — щипалъ, кололъ, кусалъ... Одна изъ нашихъ сестеръ принесла бѣлье въ мою келью и тѣмъ избавила меня отъ этихъ жестокихъ мученій. Г. д'Евре пріѣхалъ на другой день и обошелъ всю обитель. Въ то время, когда онъ проходилъ мимо моей кельи, дьяволъ, принявъ обликъ нашего духовника, подошелъ ко мнѣ, держа въ рукахъ бумажку. „Дочь моя, сказалъ онъ, вотъ записка, составленная мною для г. д'Евре—вамъ необходимо подписаться подъ ней“. Я зашла для этого въ сосѣднюю келью, такъ какъ въ моей не было чернилъ, а онъ остановился у двери, какъ бы въ ожиданіи моей подписи. „Мнѣ надо уйти, сказалъ дьяволъ, такъ какъ если насъ увидятъ однихъ, то пойдутъ толки. Я вамъ прочту ее въ другой разъ, а пока храните ее“. Онъ тотчасъ же скрылся, а я, сложивъ бумажку, положила ее себѣ на грудь и пошла въ сосѣдній дортуаръ, гдѣ у меня ее тотчасъ же взяли. Я очень этимъ огорчилась и немедленно послала за нашимъ духовникомъ, велѣвъ ему передать, что вызываю его по спѣшному дѣлу въ общую гостиную. Онъ стоялъ у рѣшетки съ епископомъ и отцомъ Бенуа. Я сказала духовнику, что у меня отняли бумажку и что я не знаю, кто ее взялъ. Епископъ спросилъ Бенуа—въ чемъ дѣло; но онъ сказалъ, что не знаетъ. Тогда я рассказала, какъ все происходило. Епископъ написалъ протестъ противъ всего, что дьяволъ могъ обманнымъ образомъ заставить меня сдѣлать; потомъ онъ велѣлъ мнѣ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Это однако нисколько не помогало дѣлу. Дьяволъ являлся

ѣ, мнѣ ежедневно въ страшномъ видѣ и показывалъ отня-
тую бумажку. Дважды онъ бралъ меня за руки и пояснялъ,

Заклинаніе св. Мартиномъ одержимаго.

(По эстампу, сдѣланному съ картины Горданса, хранящейся въ Брюссельскомъ музеѣ).

что было въ ней написано. То были ужасныя богохульства
противъ Бога, Иисуса Христа, Богородицы и Ангеловъ.

Въ другой разъ дьяволъ прикинулся монахиней, выражавшей мнѣ большое сочувствіе, такъ какъ мы, будто бы, находились съ ней въ дружественныхъ отношеніяхъ еще до постриженія. Онъ пришелъ ко мнѣ во время молитвы и сталъ увѣрять, будто сочувствуетъ моимъ страданіямъ и сожалѣть, что я морю себя голодомъ. При этомъ онъ прибавилъ, что кто-то имѣетъ желаніе довести меня до смерти или по крайней мѣрѣ до сумашествія. Дьяволъ нѣсколько разъ прикидывался сдобольной монахиней, чтобы обмануть меня, и приносилъ мнѣ розы и гвоздику. Иногда эта монахиня показывала мнѣ цвѣты ради развлеченія, затѣмъ уводила въ уединенное мѣсто и тамъ подвергала разнымъ истязаніямъ, била изо всѣхъ силъ и кусала, какъ собака. Въ другой разъ, когда я обдумывала ужасное состояніе, въ которомъ очутилась вслѣдствіе такихъ частыхъ обмановъ и мистификацій, дьяволъ, узнавъ, что духовникъ поручилъ матери-викаріи иногда навѣщать меня въ кельѣ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы принять обликъ матери-викаріи, и сталъ излагать передо мной лживое и еретическое ученіе. Подложная мать-викарія говорила такъ убѣдительно, что я почувствовала къ ней искреннюю симпатію и, надѣясь при ея помощи найти вѣрный путь къ Богу, рѣшила довѣрить ей свои дурныя мысли. Около недѣли провела я съ ней въ этихъ бесѣдахъ, наполненныхъ богохульствами и заблужденіями.

Однажды ночью, когда всѣ спали, въ моей кельѣ появился молодой человѣкъ. Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, я твердила: „*Verbum caro factum est*“ и спрыскивала келью святой водой. Но этотъ наглець насмѣхался надо мной—онъ хотѣлъ помучить меня; тогда я прибѣгла къ заступничеству Божьему и громко сказала: „Господи, я изнемогаю, дай мнѣ силъ“.

Мать Успенія Св. Богородицы спросила меня, что это значитъ. Я ей ничего не отвѣтила и все только кричала. Молодой человѣкъ пріотворилъ мою дверь и направился къ печной трубѣ. Онъ тащилъ меня за собой, такъ какъ я хотѣла его задержать, и приподнял по крайней мѣрѣ на два фута. Тогда я выпустила его и упала въ свою комнату, гдѣ меня нашли съ рукой, замаранной жиромъ, которымъ этотъ чародѣй былъ вымазанъ. Рука была вонючая и черная съ краснымъ оттѣнкомъ. Мнѣ вытерли руку бѣлымъ полотенцемъ, которое потомъ бросили въ огонь. Свѣтозарный ангелъ,

къ которому я часто еще буду возвращаться, клялся мнѣ, что монастырскій духовникъ — настоящій чародѣй, что онъ влюбленъ въ меня и скоро долженъ открыть мнѣ свою страсть. Послѣ обѣдни я пошла въ исповѣдальню и передала духовнику все, что говорилъ мнѣ ангель. Онъ очень изумился и не зналъ, что отвѣчать, а только произнесъ:

„Дочь моя, вамъ извѣстно, кто я и кто мои родители; предоставляю вамъ разсудить, могъ ли бы я вести себя столь недостойнымъ образомъ. Вы знаете мою жизнь: были ли когда нибудь на меня жалобы?“

Предполагаю, что чтеніе этого длиннаго показанія уничтожить всѣ сомнѣнія, можетъ быть возникшія въ умѣ читателя. Какой странный рядъ галлюцинацій! И то же самое происходитъ со всѣми другими монахинями. Одной изъ нихъ Дагонъ сообщаетъ такую силу, что она разрываетъ, какъ соломёнку, веревку, опоясывавшую ея станъ. Другая, одержимая тѣмъ же демономъ, тщетно пытается завладѣть причастной облаткой (остіей) во время возношенія Св. Даровъ священникомъ, но ей удастся только ухватить зубами дискось и убождать съ нимъ.

Дагонъ, Аккаронъ и Орфаксать приподнимаютъ съ земли 18 несчастныхъ женщинъ, катаютъ ихъ по землѣ, заставляютъ бѣгать по крышамъ или по отвѣснымъ стѣнамъ, держатъ въ дугообразномъ положеніи въ теченіи цѣлыхъ часовъ иногда надъ землей, а иногда и на верхнихъ закраинахъ колодца. Все это происходитъ во время заклинаній, только усиливающихъ зло, до тѣхъ поръ, пока одно знаменательное событіе не измѣняетъ внезапно всего хода дѣла.

Во время одной церковной церемоніи, въ февралѣ 1643 г., когда заклинатель произносилъ проповѣдь, въ которой восхвалялъ неизмѣримое превосходство Божье надъ демономъ, одна изъ монахинь, Мадленъ Бавенъ, воскликнула: „Увидимъ еще, не удастся ли Сатанѣ одолѣть Его“.

Епископъ д'Евре уже давно искалъ повода для начатія слѣдствія по дѣлу о колдовствѣ; онъ воспользовался этимъ случаемъ и велѣлъ допросить сестру Бавенъ, показавшую, что она отдалась дьяволу по предложенію священника Пикара, на настоянія котораго она уже давно согласилась. Бавенъ была уличена въ подписаніи договора съ дьяволомъ собственною кровью, въ кражѣ остіи, въ принесеніи ее на шабашъ, въ приготовленіи изъ нея злыхъ чаръ и въ убоеніи мла-

денцевъ для приготовленія снадобій изъ ихъ труповъ. Она была приговорена къ пожизненному заключенію въ глубокомъ подземельи и къ пищѣ, состоящей исключительно изъ хлѣба и воды.

Спустя нѣсколько дней несчастная, которую разѣдалъ ракъ на груди, имѣла поразительное мужество, разбивъ стаканы на мелкіе куски, проглотить ихъ. Въ то же время она вонзила себѣ ножъ въ животъ, открыла себѣ вены и перерѣзала горло. Кровь пошла изъ него ручьями, она заболѣла воспаленіемъ брюшины и, тѣмъ не менѣе... выздоровѣла.

Св. Нилъ, исцѣляющій одержимаго.

Съ эстампа Парижской Библіотеки, гравированнаго по картинѣ Доменикино (съ фрески купола грота Феррата).

Но она донесла на Пикара. Несчастнаго священника вырыли изъ могилы и мертваго судили одновременно съ его преемникомъ Булье, на котораго та же монахиня указала, какъ на его сообщника. Мертвецъ и живой человѣкъ предстали одновременно передъ Нормандскимъ Парламентомъ и за служеніе черной мессы на шабашѣ, также какъ и за приготовленіе талисмановъ изъ причастныхъ облатокъ были приговорены къ сожженію. Приговоръ былъ приведенъ въ испол-

неніе слѣдующимъ образомъ: Булье, прикованнаго къ разложившемуся трупу Пикара, повлекли за ноги по Руанскимъ улицамъ и сожгли на той же площади, гдѣ погибла Жанна д'Аркъ. И это случилось не во времена средневѣковаго мрака, а въ такую эпоху, когда другой уроженецъ Нормандіи, Корнель, ставилъ въ первый разъ на сцену своего „Сида“.

Послѣдній колдунъ погибъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ некогда была сожжена первая чародѣйка.

Людовику XIV Франція обязана прекращеніемъ процессовъ по колдовству. Въ знаменитомъ указѣ отъ 1662 г., редактированномъ Кольберомъ, онъ почти отвергаетъ существованіе колдуновъ и поручаетъ разсмотрѣніе дѣлъ этого рода общимъ судамъ. Вотъ почему въ XVIII в. всѣ дѣла о колдовствѣ или чудесахъ вѣдаются полиціей. Ею же приводится въ исполненіе и королевскій приказъ о закрытіи Сент-Медарскаго кладбища и запрещеніи совершать тамъ чудеса.

Позднѣ великая революція (закономъ отъ 22 іюля 1791 г.) причислила одержимыхъ къ категоріи шарлатановъ или больныхъ и направляла ихъ, смотря по случаю, или въ лечебницы для душевно-больныхъ, или въ суды исправительной полиціи.

И такъ, мы уже убѣдились, что колдуны были ничто иное какъ галлюцинаты и мономаны, сходные съ тѣми, которые содержатся въ современныхъ психиатрическихъ больницахъ. Но что представляютъ изъ себя въ такомъ случаѣ одержимые? Исчезла ли одержимость и уничтожился ли совершенно этотъ странный недугъ съ тѣхъ поръ, какъ благоразумные люди перестали говорить о дьяволѣ?

Извѣстно, что это не случилось; одержимость свирѣпствуетъ и въ наши дни, но мы ей даемъ другое названіе, а именно: *истеро-эпилепсiю*. Позволю себѣ въ немногихъ словахъ набросить передъ читателемъ образъ современной одержимой, т. е. *истеричной*.

Весь мой очеркъ исторіи колдовства былъ предпринятъ съ цѣлью придти къ этому выводу.

Съ внѣшней стороны ничто не отличаетъ отъ другихъ несчастную истеричную, развѣ только нѣкоторая вычурность одежды. Истеричная питаетъ пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ, она покрываетъ себя мишурными украшениями и такъ какъ специальный параличъ органа зрѣнія позволяетъ ей видѣть

только наименѣе преломляемые цвѣта, то она нерѣдко выбираетъ для одежды красныя и кричащія матеріи. Подъ старость она становится довольно нечистоплотной и ходитъ растрепанная. Частые припадки, которымъ подвергается истеричная, не позволяютъ ей предаваться мелкимъ заботамъ о физической сторонѣ своей личности. Она живо напоминаетъ собою обликъ, который демонологи обыкновенно приписываютъ вѣдьмамъ.

У громаднаго большинства истеричныхъ одна сторона тѣла лишена чувствительности,—лѣвая чаще, чѣмъ правая. Ихъ можно рѣзать, колоть, жечь—и онѣ ничего не чувствуютъ.

Мало того, эти совершенно нечувствительныя точки ихъ тѣла такъ дурно снабжаются кровью, что изъ нихъ, въ случаѣ пораненія, не вытекаетъ ни капли крови. Больныя иногда очень гордятся этою безнаказанностью и забавляются тѣмъ, что пропускаютъ себѣ длинныя иглы въ мягкія части ногъ и рукъ. Этотъ фактъ не лишенъ для насъ значенія, такъ какъ освѣщаетъ явленіе, называвшееся нѣкогда „печатью дьявола“, это именно—та нечувствительная точка, которую врачъ, вооруженный иглой, искалъ на обвиняемомъ, и нахожденіе которой неминуемо сопровождалось осужденіемъ на смерть. На ряду со случаями *истерической получувствительности (полуанестезіи)*, мы часто встрѣчаемъ и случаи *полной анестезіи* всего тѣла. Мнѣ однажды случилось видѣть молодую 19-лѣтнюю дѣвушку, которая подъ вліяніемъ огорченія выбросилась изъ 4-го этажа на мостовую. Она сломала себѣ обѣ ноги. Въ то время, когда ее переносили въ больницу, несчастная смѣялась, лежа на носилкахъ, и забавлялась тѣмъ, что шевелила обломки своихъ костей. Для всякаго другаго человѣка это было бы страшной пыткой.

И въ этомъ случаѣ „колдунья“ напрашивается на сравненіе: припомнимъ, что во время допроса она иногда не издавала ни единого звука; то было, какъ выражаются демонологи, *молчаливое очарованіе*; демонъ такимъ путемъ оберегалъ ее отъ страданій. Въ настоящее же время мы говоримъ, что это случай *полной истерической анестезіи*. Наконецъ, по нѣкоторымъ днямъ истеричныя бываютъ подвержены припадкамъ, совершенно сходнымъ съ припадками у одержимыхъ бѣсомъ.

Ихъ предвозвѣстниками служатъ извѣстные симптомы. Больной вдругъ слышится звонъ колоколовъ, въ ея головѣ что-то перекачивается и все начинаетъ вращаться вокругъ

нея. Это состояніе головокруженія можетъ длиться подъ рядъ нѣсколько часовъ, а иногда и дней. Потомъ начинаются *вздутія груди* и ощущенія удушья, являющіяся только слѣдствіемъ спазматическихъ сокращеній пищевода. У прежнихъ одержимыхъ тоже встрѣчался этотъ признакъ. Заклинатели предполагали, что это зависѣло отъ того, что порча или сглазь поднимались къ горлу. Мы это называемъ теперь *истерическимъ шаромъ*.

Истерическая анестезія.

(По фотографіи автора).

Ощущая эти первоначальные симптомы, истеричныя уже предвидятъ приближеніе припадка и предпринимаютъ соотвѣтственные мѣры. Онѣ приспособляютъ извѣстнымъ образомъ свою постель и одежду, спрашиваютъ даже у надзирательницъ аппараты, устроенные для ихъ сдерживанія и не позволяющіе имъ разбиться объ стѣны во время большихъ конвульсій.

Бѣсноватымъ, несомнѣнно, были знакомы эти предупреждающія ощущенія, такъ какъ онѣ заранѣе предсказывали появленіе своего демона и время, когда начнется ихъ недугъ.

Истерическій припадокъ представляетъ нѣсколько фазисовъ: профессору Шаркѣ принадлежитъ заслуга ихъ систематическаго описанія и я намѣренъ изложить здѣсь вкратцѣ результаты его трудовъ. Первый фазисъ припадка представляетъ *тетанический періодъ*: истеричная, если она находилась въ стоячемъ положеніи, начинаетъ вращаться и тяжело падаетъ на землю, издавая громкій крикъ. Ея члены напрягаются, глаза воспалены, все тѣло съ головы до ногъ конвульсивно вздрагиваетъ, причемъ изо рта идетъ пѣна. Обратите вниманіе на то, какъ ея руки сведены назадъ, и припомните изображеніе XVI в., мною выше приведенное. И здѣсь мы встрѣчаемъ полную аналогію между прежней и нынѣшней колдуньей. Тетанический періодъ, въ свою очередь, подраздѣляется на два фазиса: въ первомъ, т. е. въ *тоническомъ періодѣ*, истеричная остается совершенно неподвижной, съ открытымъ ртомъ и сведенными руками; сознаніе, какъ и во время всей остальной части припадка, вполне отсутствуетъ. Контрактура можетъ особенно легко поражать тыльные мышцы туловища, вслѣдствіе чего тѣло выгибается въ видѣ дуги, такъ что больная касается постели только пятками и теменемъ. Припомните по этому поводу бѣснующихся въ Луденѣ и Лувье.

Во второмъ періодѣ, названномъ „*кловническимъ*“, больныя поражаются сильнѣйшими конвульсивными вздрагиваніями, но неизмѣнно въ одномъ и томъ же направленіи. Физиономія принимаетъ отвратительное выраженіе, вслѣдствіе вѣчно мѣняющихся подергиваній лицевыхъ мускуловъ. Заклинатели говорили объ этой стадіи припадковъ, что въ чертахъ бѣснующихся поочередно отражались образы всѣхъ демоновъ, вселившихся въ нихъ. *Тетанический* періодъ съ двумя своими стадіями: тонической и *кловнической*—бываетъ непродолжителенъ. Дыханіе больной задерживается и ей угрожаетъ асфикція: вслѣдствіе этого происходитъ нѣчто вродѣ реакціи. Истеричная безъ чувствъ падаетъ всею своею тяжестью на постель и громко вбираетъ въ себя воздухъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ покоя, она начинаетъ испускать рѣзкіе звуки. Тогда наступаетъ второй актъ или *періодъ большихъ движеній*. Чтобы вполне уяснить себѣ, чѣмъ можетъ быть это ужасное зрѣлище, надо непременно видѣть его: все, что я ни на-

писалъ бы о немъ,—не дать истиннаго понятія читателю объ изумительной дѣйствительности. Истеричная внезапно приподымается, какъ бы подтолкнутая пружиной, причемъ все ея тѣло отдѣляется отъ земли; она подбрасывается вверхъ, падаетъ, затѣмъ снова подскакиваетъ и въ такомъ родѣ это движеніе безостановочно повторяется болѣе 20 разъ.

Истерическій приступъ (тоническій періодъ).

(По фотографіи, снятой Бурневилемъ и Реньяромъ въ Сальпетріерѣ).

Этотъ *періодъ большихъ движеній* встрѣчался и у одержимыхъ. Заклинатели упоминаютъ о томъ, что демоны приподнимали ихъ отъ земли по нѣскольку разъ сряду и быстро опять бросали на полъ. Не трудно понять, что при такой затратѣ силъ *періодъ большихъ движеній* не могъ быть продолжителенъ; по прошествіи въ крайнемъ случаѣ минуты,

истеричная падаетъ въ изнеможеніи, совершенно разбитая. Она остается въ этомъ покойномъ, неподвижномъ и безсознательномъ состояніи втеченіи нѣсколькихъ мгновеній. Затѣмъ слѣдуетъ, но не всегда, нѣчто вродѣ перерыва, во время котораго происходятъ явленія, представляющія для насъ большой интересъ: это—контрактуры.

Онѣ весьма разнообразны; рассмотримъ нѣкоторые изъ нихъ. Иногда подымается вдругъ съ постели средняя часть тѣла больной; ноги приближаются къ головѣ, такъ что больная принимаетъ видъ дуги и остается въ такой позѣ въ продолженіи цѣлыхъ часовъ. Извѣстно, что въ Луденѣ у г-жи де Бельсель часто наблюдались контрактуры. Въ другихъ

Мостовая арка.

(По фотографіи, снятой Бурневилемъ и Ренъаромъ въ Сальпетриерѣ).

случаяхъ истеричная лежитъ на животѣ, а ея тѣло сгибается въ такой степени, что пятки ударяются объ затылокъ: это была любимая поза бѣснующихся во время ползанія передъ закликателемъ.

Контрактура можетъ быть и болѣе локализованной, распространяясь иногда лишь на одну половину тѣла, которое тогда сгибается внутрь боку. Въ этомъ случаѣ контрактура можетъ распространяться лишь на одни верхнія и нижнія конечности. Внимательно прочитывая сочиненія демонологовъ, встрѣчаешь всѣ упомянутыя формы контрактуръ. Наконецъ, часто наблюдается локализованная контрактура языка и лица. Физиономія истеричной принимаетъ тогда отталкивающій видъ. Лицевыя мышцы подергиваются, а черный вы-

сохшій языкъ высовывается изъ рту. Заклинатели не преминули занести этотъ фактъ въ свои повѣствованія.

Особенно любопытна контрактура, распространяющаяся на верхнія конечности и сообщающая больной видъ распятой на крестѣ. Она иногда наблюдалась у бѣснующихся, но

Экстазъ.

(По фотографіи, снятой Бурневилемъ и Реньяромъ въ Сальпетриерѣ).

чаще встрѣчалась у теомановъ, экстатиковъ и конвульсіонеровъ.

Послѣ контрактуръ или же немедленно вслѣдъ за „большими движеніями“, если контрактуръ не было, начинается періодъ *галлюцинацій* и *пластическихъ позъ*. Это самый интересный моментъ припадковъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ по-

коя больная встаетъ; она находится въ безсознательномъ состояніи, ничего не видитъ и не слышитъ. Тогда начинается бредъ, прерываемый галлюцинаціями, всегда одинаковыми у одной и той же больной. Эти галлюцинаціи находятся въ связи съ ея обычными занятіями или воспоминаніями. Въ

Галлюцинація слуха.

(По фотографіи, снятой Бурневидемъ и Реньяромъ въ Сальпетріерѣ).

этомъ именно періодѣ въ прежнія времена бѣснующейся являлся ея демонъ. Современныя истеричныя тоже видятъ своего демона, но онъ лишь измѣнилъ свое названіе: больныя въ Сальпетріерѣ—не монахини, а пригородныя жительницы; ихъ демонъ не Бегемотъ и не Асмодей, а идетъ съ вѣкомъ и дважды, сколько мнѣ извѣстно, носилъ имя Альфонса. Про-

слѣдимъ одинъ такой странный бредъ: передъ нами больная Б... Немедленно послѣ періода контрактуръ, она бросается на постель и, вскрикивая, зарываетъ себѣ лицо подъ подушки; она говоритъ, что ее преслѣдуетъ черный человѣкъ — и

Насмѣшка.

(По фотографіи, снятой Бурневилемъ и Реньяромъ въ Сальпетріерѣ).

зоветъ на помощь. Какой страхъ написанъ на ея лицѣ! Она яростно отталкиваетъ своего врага... Потомъ вдругъ сцена мѣняется, когда приходитъ другъ-демонъ; онъ удостоивается лучшаго приѣма; въ то же время въ ушахъ одержимой раз-

дается нѣжная мелодія и она издѣвается надъ прежнимъ своимъ врагомъ. Періодъ галлюцинацій завершается какимъ-то восхитительнымъ экстазомъ, продолжающимся нѣсколько минутъ.

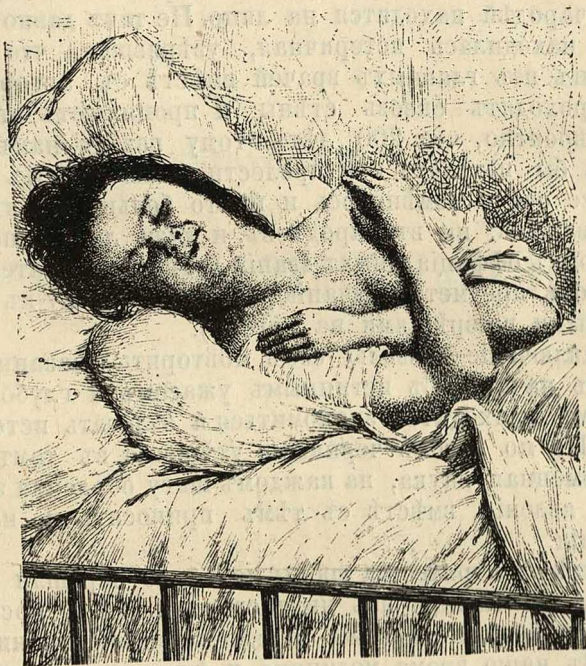
Гипсъ.

(По фотографіи, снятой Бурневилемъ и Реньаромъ въ Сальпетріерѣ).

У Селины М.... начало галлюцинацій тоже носить грустный характеръ: она видитъ негритянку, которую душать и хотять скальпировать разбойники. На фотографіи видно, какое ужасное выраженіе принимаетъ ея лицо; она зоветъ на помощь, но никто не идетъ—выраженіе мѣняется вмѣстѣ съ галлюцинаціей; затѣмъ на ея лицѣ появляется выраженіе

счастья, сопровождающееся экстазомъ, какъ и въ предше-
ствующемъ случаѣ.

У бѣснующихся и одержимыхъ разъ окончившійся при-
падокъ можетъ немедленно возобновиться и повторяться много
разъ съ измѣненіями или безъ нихъ. Впослѣдствіи нерѣдко

Страсть.

(По фотографіи, снятой Бурневилемъ и Реньяромъ въ Сальпетриерѣ).

появляется бредъ, очень похожій на тотъ, которому были
подвержены колдуньи и одержимые даже и не во время при-
падковъ.

Истеричная забирается тогда въ какой нибудь темный
уголъ и проводитъ тамъ цѣлые дни, или же растрепанная и

полунагая бѣгаетъ по больничнымъ палатамъ и корридорамъ, издавая ревъ и пророчествуя. Здѣсь, такимъ образомъ, повторяется то же, что мы видѣли въ колдовствѣ и у бѣснующихся.

Истерическіе припадки могутъ проявляться эпидемически: когда нѣсколько истеричныхъ находятся въ одной палатѣ и съ одной изъ нихъ начинается припадокъ, то онъ дѣйствуетъ подобно взрыву пороха. Всѣ подвергаются ему вдругъ, точно такъ, какъ это наблюдалось въ прежнихъ монастыряхъ. Даже и чародѣй находится на лицо. Не такъ давно въ Сальпетриерѣ находилась истеричная, увѣрявшая, что каждую ночь одинъ изъ главныхъ врачей вмѣстѣ съ авторомъ этой книги проходятъ сквозь стѣны и проникаютъ въ палаты. Весьма вѣроятно, что 200 лѣтъ тому назадъ намъ обоимъ пришлось бы извѣдать всѣ прелести сожженія. Къ счастью, теперь все очень измѣнилось и никто больше не вѣритъ ни въ бѣсноватыхъ, ни въ чародѣевъ, и даже лица, носящія въ числѣ своихъ официальныхъ званій званіе заклинателей, предають этотъ предметъ молчанію, весьма близкому къ согласію съ научными воззрѣніями на него *).

Въ заключеніе позволю себѣ повторить сказанное мною въ самомъ началѣ. Съ истиннымъ ужасомъ и глубокимъ отвращеніемъ приходится знакомиться и излагать исторію колдовства. Но по неволѣ черпаешь утѣшеніе въ томъ фактѣ, что современная наука, на каждомъ шагѣ объясняя эти таинственныя явленія, вмѣстѣ съ тѣмъ приносить и настоящія благодѣянія.

Въ видѣ электричества грома небесныя перешли въ людскія руки, добывающія изъ нихъ свѣтъ и тепло, посылающія при ихъ содѣйствіи письма и извлекающія изъ нихъ даже музыку. Въ наше время медицина и фізіологія лишили демонопатокъ ихъ адскихъ доспѣховъ: костерь замѣненъ гидротерапической душей, а палачъ превратился въ невозмутимаго врача.

*) Аббатъ Бержье (въ Богословскомъ календарѣ) признаетъ, что выраженіе „одержимъ злымъ духомъ“ въ Св. Писаніи дается неизслѣдованнымъ и неизцѣлимымъ въ то время болѣзнямъ.

Отецъ Дебрень въ Правственномъ Богословіи допускаетъ, что „одержимые“ были только болѣзненными людьми или шарлатанами.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

СЕНЬ-МЕДАРСКІЯ ЯВЛЕНІЯ.

Сенъ-Медарскія явленія.

Этой главѣ предшествовалъ лишь неполный очеркъ истеріи; но и того, что нами сдѣлано, совершенно достаточно, чтобы уяснить себѣ реальный элементъ великихъ эпидемій конвульсіонеровъ, наполнившихъ собой XVI и XVII вѣка. Конвульсіи впрочемъ не единственное проявленіе этой любопытной болѣзни, которая была извѣстна въ древности подъ названіемъ *протей*, но о которой теперь знаютъ, что она всегда повторяется съ тѣми же признаками. Истерія играла въ жизни человѣчества такую значительную роль, что мнѣ придется подробно познакомить васъ съ ней. Она объясняетъ намъ многія явленія, остававшіяся загадочными до послѣдняго времени.

До сихъ поръ я описывалъ истеричную только въ дѣйствіи, во время ея интенсивныхъ припадковъ. Но мы еще не покончили нашихъ наблюденій и снова встрѣтимся съ нею. Необходимо однако замѣтить, что въ XVIII в. одержимость принимаетъ другой характеръ. Общественное вниманіе толкуетъ уже иначе необычайное зрѣлище, представляемое „вѣдьмой“. Недугъ не измѣнился, его проявленія остались тѣ же, измѣнился лишь способъ толкованія этихъ явленій.

Вмѣсто того, чтобы начинать съ разбора фактовъ и аналогій ихъ съ тѣмъ, что нынче наблюдается нами, я предпочитаю теперь, когда уже намъ извѣстна доля истины, сообщить читателю нѣкоторые патологическія свѣдѣнія, которыя намъ потомъ будетъ легче сблизить съ историческими свѣдѣніями, сохранившимися у различныхъ авторовъ.

Истеричная не всегда находится въ припадочномъ состояніи; она впадаетъ въ него отъ времени до времени, а затѣмъ остается здоровой втеченіи промежутковъ времени, весьма

различныхъ по своей продолжительности. Большею частью причиной, вызывающей начало припадка, бываетъ какое-нибудь сильное душевное волненіе, страхъ, противорѣчіе, горе или злость. Встрѣчаются истеричныя, которыя втеченіи всей жизни имѣли не больше одного или двухъ настоящихъ припадковъ. Все остальное время онѣ представляли изъ себя *нервныхъ* женщинъ тяжелаго характера. Въ другихъ случаяхъ, но только гораздо болѣе рѣдкихъ, чѣмъ вообще принято думать, у нихъ наблюдается наклонность слишкомъ легко любить людей или вещи.

Многія изъ нихъ, по всей вѣроятности большинство, этимъ и ограничиваются: онѣ испытываютъ нѣсколько припадковъ, отличаются странностью характера—вотъ и все. Но есть и такія, у которыхъ обнаруживаются непрерывныя болѣзненные проявленія безъ всякаго умственнаго разстройства, и это, разумѣется, одна изъ самыхъ любопытныхъ сторонъ ихъ болѣзни.

Во главѣ такихъ явленій мы поставимъ *истерическій параличъ*, могущій поражать иногда двигательную способность, иногда чувствительную, а иногда и обѣ эти функціи одновременно. Извѣстно, какъ обыкновенно начинается параличъ. Съ лицомъ, достигшимъ извѣстнаго возраста, вдругъ дѣлается припадокъ, т. е. больной внезапно падаетъ, какъ бы пораженный громомъ, среди своихъ занятій или за столомъ... Онъ остается втеченіи нѣкотораго времени безъ чувствъ, въ состояніи глубокаго сна, изъ котораго ничто его не можетъ вывести. Потомъ онъ постепенно пробуждается и когда хочетъ встать, то замѣчаетъ, что не способенъ пошевелить ни рукой, ни ногой, а иногда и цѣлой половиной тѣла. Такое состояніе иногда постепенно проходитъ, но очень часто оно остается неизмѣннымъ. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ апоплексическое кровоизліяніе въ области мозга или же острое размягченіе небольшой части этого органа — поврежденіе, которое будетъ найдено въ полной неприкосновенности въ день вскрытія трупа. Въ другихъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ у человѣка, подъ вліяніемъ холода, можетъ отняться та или другая часть тѣла. Это случается съ людьми, рискующими спать при открытыхъ окнахъ, или же съ тѣми болѣе многочисленными лицами, которыя имѣютъ обыкновеніе прислоняться ночью, во время сна, къ оконнымъ рамамъ въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ.

Нерѣдко случается, что они на другой день просыпаются съ парализованной частью лица. Это очень грустно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и комично. Такая форма паралича обыкновенно удерживается недолго; она исчезаетъ понемногу, пока наконецъ, въ одинъ прекрасный день, обѣ половины тѣла не придутъ сами собой къ одному и тому же нормальному состоянію. Не особенно рѣдко встрѣчаются внезапные параличи и у дѣтей, вслѣдствіе еще болѣе мелкихъ причинъ. Прорѣзыванія зуба, расстройства кишечника глистомъ можетъ быть достаточно, чтобы подвергнуть какой-нибудь органъ параличу, который пройдетъ спустя нѣкоторое время.

Но на ряду съ этими формами, столь разнообразными какъ по причинамъ, вызвавшимъ ихъ, такъ и по своей серьезности и послѣдствіямъ, существуетъ одна весьма обыкновенная, которую я называлъ *истерическимъ параличемъ*. Женщина среднихъ лѣтъ просыпается въ одно прекрасное утро съ совершенно парализованной половиной тѣла, иногда съ параличемъ одного только члена, а иногда и обѣихъ нижнихъ конечностей. Никакого движенія она сдѣлать не можетъ, мышцы ея вялы, но больная совсѣмъ не страдаетъ. Также внезапно въ какой-нибудь день парализованная почувствуетъ, что все кончилось и что она совершенно выздоровѣла. Недугъ этотъ можетъ продолжаться отъ нѣсколькихъ часовъ до многихъ лѣтъ. Мнѣ приходилось наблюдать истерическій параличъ, длившійся 9 лѣтъ, въ тотъ день, когда онъ прекратился. Излеченіе можетъ быть самопроизвольнымъ, но можетъ быть вызвано и леченіемъ. Въ наукѣ указывается много случаевъ успѣшнаго примѣненія къ такого рода больнымъ гидротерапіи и электрическихъ токовъ. Но одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ отъ истерическаго паралича—это сильное волненіе.

Многимъ памятенъ еще одинъ зуавъ, который удивлялъ, лѣтъ около десяти тому назадъ, весь Парижъ своей храбростью и, можно сказать, своими замѣчательными удачами. Этотъ человѣкъ, не обладавшій ни малѣйшими медицинскими познаніями, тѣмъ не менѣе успѣшно лечилъ паралитиковъ. Онъ становился съ вдохновеннымъ видомъ передъ больнымъ и говорилъ ему: „Встаньте и идите“! Очень часто несчастный паціентъ тщетно пытался приподняться; иногда же случалось, что больной дѣйствительно вставалъ и уходилъ, оставя зуаву свои костыли или телѣжку на память о чудесномъ исцѣле-

ніи. Молва о зуавѣ такъ распространилась, что даже маршалъ Франціи, уже давно разбитый параличемъ, захотѣлъ попробовать на себѣ его леченіе. Простой солдатъ scomандоваль ему: „маршъ“! Но начальникъ остался прикованнымъ къ своему стулу: онъ страдалъ апоплексическимъ одностороннимъ онѣмѣніемъ, между тѣмъ какъ зуавъ Жакъ могъ излечивать, дѣйствуя исключительно однимъ только волненіемъ, которое производилъ на больного онъ самъ и подобранная имъ для такой цѣли обстановка.

Я припоминаю еще одну больную, которая втеченіи многихъ лѣтъ лежала на одной изъ коекъ Сальпетріера. Она страдала параличемъ нижней половины тѣла, относительно истерическаго характера котораго были сомнѣнія: факты подтвердили это предположеніе. Однажды несчастная, подъ вліяніемъ необъяснимаго побужденія, украла у своей сосѣдки какой-то предметъ. Она это сдѣлала до того неискусно, что всѣ видѣли, какъ тянулася ея рука за предметомъ, лежавшимъ на ночномъ столикѣ. Въ отдѣленіи происходитъ шумъ и наконецъ даютъ знать объ этомъ фактѣ въ полицію. Въ палату приходитъ полицейскій комиссаръ, опоясанный служебнымъ шарфомъ, въ сопровожденіи полицейскаго агента. На несчастную виновную находитъ такой ужасъ, что она вскакиваетъ и бѣжитъ такъ быстро, что ее съ трудомъ удается возвратить—волненіе вызвало немедленное излеченіе. Важнымъ пунктомъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе, является то, что эти параличи часто проходятъ послѣ конвульсивныхъ припадковъ, хотя и наоборотъ, они могутъ быть вызваны этими послѣдними.

То, что справедливо по отношенію къ истерическому параличу движеній, также вѣрно и относительно паралича чувствительности. Я уже слишкомъ долго останавливался на параличѣ осязанія, т. е. на *истерической анестезіи*, чтобы вновь возвращаться къ этому предмету. Достаточно, если я скажу, что въ то время, какъ двигательные параличи переходящи, параличи чувствительности обыкновенно постоянны, или по крайней мѣрѣ съ большей легкостью вновь появляются по излеченіи.

Самыя частыя изъ этихъ анестезій, послѣ анестезіи кожи, будутъ, разумѣется, зрительныя. Онѣ бываютъ полными и неполными. Въ первомъ случаѣ наблюдается такъ называемый *истерическій амаврозъ* или *истерическая темная вода* (вре-

менная потеря зрѣнія). Молодая женщина вдругъ слѣпнетъ. Ничто не можетъ быть ужаснѣе этого для больной. Спустя немного времени, подъ вліяніемъ причинъ, сходныхъ съ тѣми, о которыхъ я уже говорилъ, зрѣніе возвращается къ ней и она исцѣляется моментально. Этотъ фактъ встрѣчается въ нашихъ больницахъ рѣже, чѣмъ случаи исцѣленія двигательныхъ параличей, но каждому знающему врачу навѣрно приходилось когда нибудь быть его свидѣтелемъ. Гораздо чаще встрѣчается неполная слѣпота, *истерическая амблиопія*. Большинство нашихъ больныхъ, дѣйствительно, плохо видятъ, ихъ глаза застилаютъ какъ бы облако и, удивительное дѣло, онѣ весьма рѣдко различаютъ цвѣта, за исключеніемъ развѣ краснаго—все же другое принимаетъ въ ихъ глазахъ сѣрый оттѣнокъ или синій цвѣтъ. Электрическій токъ, пропущенный по кожѣ, или приближеніе магнита сразу прекращаютъ это состояніе, помимо всякаго сверхъестественнаго вмѣшательства. Выздоровленіе, полученное такимъ путемъ, бываетъ иногда окончательнымъ, а иногда недугъ скорѣе возвращается. Рядомъ съ истерической *темной водой* мы поставимъ *глухоту* такого же характера. Ее, разумѣется, приходится наблюдать рѣже и особенность ея заключается въ томъ, что она не всегда сопровождается нѣмотой, но часто появляется въ дѣтствѣ и проходитъ лишь медленно. Волненіе или припадокъ могутъ сразу уничтожить ее. Я подразумеваю абсолютную глухоту, но съ этимъ недугомъ случается тоже чтò и съ амаврозомъ: онъ бываетъ и неполный. Г. Желле доказалъ, что у всѣхъ истеричныхъ вмѣстѣ съ анестезіей кожи, на одной и той же сторонѣ существуетъ амаврозъ и относительная глухота.

Среди формъ паралича, внезапно поражающихъ истеричныхъ, слѣдуетъ отмѣтить одну весьма любопытную: это параличъ мускульныхъ волоконъ, обыкновенно сокращающихъ нашъ кишечникъ. Вслѣдствіе болѣе или менѣе постояннаго ихъ пораженія, пища дурно циркулируетъ въ кишечникѣ больныхъ, газы накаплиются за пищевой массой, страшно растягивая пищеварительный каналъ, и несчастныя кажутся раздутыми, какъ бурдюки, такъ что съ трудомъ дышать. Это состояніе, называемое *истерическимъ метеоризмомъ*, встрѣчается довольно часто, но въ большинствѣ случаевъ скоро проходитъ. У нѣкоторыхъ лицъ оно достигаетъ такихъ размѣровъ, что невольно поражаетъ наблюдателя, а такъ какъ въ представленіяхъ большинства съ преувеличеннымъ разви-

тіемъ живота связывается мысль о водянкѣ, то очень часто лица, о которыхъ мы только что говорили, сходятъ за страдающихъ водяной болѣзною. Выздоровленіе обыкновенно случается вдругъ и иногда вслѣдствіе простого всасыванія и поглощенія. Подобно другимъ формамъ паралича, метеоризмъ можетъ появляться послѣ припадка и исчезать вмѣстѣ съ нимъ.

Истерическій протей представляютъ намъ не только параличи, но очень часто рядомъ съ ними и одновременно или послѣ нихъ появляются контрактуры. Это то, что старинные врачи и даже въ наши дни многіе смѣшиваютъ съ анкилозами (неподвижность суставовъ).

Въ то время, какъ въ параличѣ пораженный членъ, вслѣдствіе своего безсилія и вялости, виситъ неподвижно вдоль тѣла, при контрактурѣ онъ, наоборотъ, принимаетъ неподвижное состояніе вслѣдствіе общей напряженности всѣхъ управляющихъ имъ мышцъ. Случается, что контрактура поражаетъ цѣлую половину тѣла и гораздо рѣже обѣ половины заразъ. Иногда можно видѣть напр. руку, усиленно согнутую: пальцы такъ плотно сжаты, что ногти входятъ въ ладонь, гдѣ и вызываютъ легкія пораненія.

У иныхъ больныхъ контрактура образуется на бедрѣ, и до того сильная, что истеричный можетъ симулировать коксальгію бедра (сведеніе и укороченіе управляющимъ имъ мышцъ) въ такомъ совершенствѣ, что проведетъ даже самыхъ опытныхъ врачей. Теперь уже извѣстно, что многія коксальгіи у молодыхъ дѣвушекъ суть ничто иное какъ истерическія контрактуры; всякій практикующій врачъ навѣрно встрѣчалъ ихъ.

Если контрактурой поражены мышцы ступни, то она поворачивается (*tourné*) внутрь или наружу совершенно такъ же, какъ это бываетъ при врожденномъ укороченіи мышцъ, и мы тогда имѣемъ передъ собой *истерическую стопу* (*piéd bot*), очень извѣстную въ настоящее время.

Сведеніе шеи на сторону (*torticolis*), истерическое сведеніе челюсти тоже въ сущности ничто иное, какъ конвульсивныя сокращенія шейныхъ и челюстныхъ мышцъ. Всѣ эти пораженія различныхъ органовъ могутъ, повторяю, возникнуть самопроизвольно или же вслѣдствіе сильнаго потрясенія; они могутъ исчезнуть медленно или же подъ вліяніемъ неожиданнаго волненія, совершенно такъ же, какъ параличъ.

Необыкновенная форма истерической контрактуры есть

именно та, которая поражаетъ сфинкторъ (сжимающую мышцу) мочевого пузыря. Больные, пораженные этимъ недугомъ, не могутъ болѣе испускать мочи даже при помощи катетера, и если болѣзнь затягивается, то моча совершенно перестаетъ выдѣляться. Больную одолѣваетъ тогда рвота и въ этихъ изверженіяхъ, благодаря замѣстительству, нерѣдко встрѣчающемуся въ физиологіи, мы находимъ мочевины, которая должна бы была выйти изъ почекъ, теперь уже закрывшихся.

Можно было видѣть въ 1875 г. въ Сальпетріерѣ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ случаевъ этого состоянія, и такъ какъ мнѣ довелось вмѣстѣ съ д-ромъ Бурневиллемъ напечатать подробное его описаніе, то я попрошу позволенія привести его здѣсь вкратцѣ. Больная была дѣвушка лѣтъ около 40, лежавшая на больничной койкѣ уже втеченіи 9 лѣтъ; она страдала сильной контрактурой лѣвой руки и ноги; для поверхностнаго наблюдателя болѣзнь ея представляла то, что прежде называлось недвижимостью суставовъ локтя, коксальгіею и истерической стопой. Кромѣ того, она страдала контрактурой языка, не позволявшей ей произнести ни единого звука: она слѣдовательно была еще и нѣмая. Только однимъ лѣвымъ глазомъ несчастная различала свѣтъ. Для довершенія жалкаго состоянія, у этой больной была еще контрактура пищевода, не позволявшая ей ѣсть: каждый день при помощи зонда ей вводили въ желудокъ яйцо и немного вина. Но кромѣ того она страдала еще такой контрактурой шейки мочевого пузыря, у ней было такое полное задержаніе мочи, что въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ она мочилась всего 2 раза. Ее рвало и въ этихъ изверженіяхъ мы констатировали присутствіе мочевины. Въ 1872 г. Шарко, демонстрируя ее публично на лекціи, говорилъ, что никакое леченіе не оказалось успѣшнымъ ввиду столь сложной болѣзни, но что въ одинъ прекрасный день можетъ случиться такое обстоятельство, которое вызоветъ немедленное выздоровленіе. Это предсказаніе тогда же было занесено въ одинъ медицинскій журналъ и напечатано.

Три года спустя, больная во время одной римско-католической религіозной процесіи совершенно исцѣлилась; контрактуры, истерическая стопа, коксальгія, амавроза, нѣмота — все исчезло. Этотъ случай получилъ большую огласку, и только благодаря осторожности архіепископа Парижскаго,

не былъ эксплуатируемъ неподобающимъ образомъ... Превъ-
жная истеричная поступила въ больничныя сидѣлки и испол-
няетъ свои обязанности самымъ пунктуальнымъ образомъ.

Чтобы покончить съ истерикой, укажу на весьма стран-
ный фактъ, открытый Шаркѡ. У большинства истеричныхъ
въ той части живота, которая у анатомовъ извѣстна подъ
названіемъ подвздошной области, находится болѣзненный
пунктъ, на который онѣ постоянно жалуются и который сами
нажимаютъ, чтобы облегчить свои страданія. Предполагаютъ,
впрочемъ не будучи вполне въ томъ увѣрены, что этотъ бо-
лѣзненный пунктъ находится въ яичникѣ, и про такихъ боль-
ныхъ говорятъ, что онѣ страдаютъ правымъ или лѣвымъ
яичникомъ.

Весьма удивителенъ тотъ фактъ, что если съ истеричной
случается припадокъ, то рѣзкаго нажатія на этотъ пунктъ
бываетъ достаточно для моментальной пріостановки конвуль-
сій. Какъ только нажатіе прекратилось, тотчасъ же при-
падокъ возобновляется съ той самой ступени, на которой
онъ былъ остановленъ, и продолжается безъ малѣйшаго измѣ-
ненія. Такимъ образомъ можно остановить припадокъ и по-
томъ 20 разъ подъ рядъ возобновлять его по желанію. Если бы
средневѣковымъ инквизиторамъ пришло въ голову сдѣлать на-
жимъ на яичники колдуній, то они внезапно бы изгнали изъ бѣс-
новатыхъ ихъ демона. Къ сожалѣнію, этому суждено было обна-
ружиться лишь спустя сто лѣтъ на С.-Медарскомъ кладбищѣ.

Если выздоровленія истеричныхъ такъ внезапны и заболѣ-
ванія такъ часты, то это зависитъ оттого, что истеричность
предполагаетъ только нарушеніе функціонированія органовъ
безъ поврежденія ихъ самихъ.

При вскрытіи истеричной не встрѣчается никакихъ ано-
малій, кромѣ развѣ измѣненій, вызванныхъ посторонней бо-
лѣзною, причинившей ей смерть; но ни въ мозгѣ и ни въ
какомъ другомъ членѣ истерика не производитъ поврежденій.

Мнѣ необходимо было сообщить всѣ эти свѣдѣнія, чтобъ
осмыслить въ глазахъ читателя факты, происходившіе между
1728 и 1739 г. на могилѣ дьякона Пари.

Въ 1690 г. родился въ дворянской семьѣ ребенокъ, на-
званный Франсуа де-Пари. Его отецъ занималъ въ то вре-
мя должность совѣтника Парламента. Семи лѣтъ онъ былъ
отданъ въ Нантерскій пансіонъ, гдѣ отличался большой и,
можно даже сказать, чрезмѣрной для ребенка его лѣтъ на-

божности. Это однако не помѣшало ему вмѣстѣ съ товарищами составить планъ поджога училища. Но заговорщики не привели въ исполненіе своего замысла или по крайней мѣрѣ пучокъ соломы, который имъ удалось зажечь, только слегка опалилъ стѣну. Однако это столь незначительное, повидимому, событіе имѣло рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь молодаго Пари. Его стали преслѣдовать такія ужасныя угрызенія совѣсти, что онъ, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, стоялъ на эпитемѣ, рыдалъ и выкликалъ разные изреченія изъ книги Іова.

Когда Пари исполнилось 20 лѣтъ, родственники пытались заставить его принять должность совѣтника, принадлежавшую его отцу, но онъ упорно отказывался, такъ какъ чувствовалъ въ себѣ другое призваніе. Всѣ попытки, предпринятыя съ цѣлью побудить молодаго человѣка принять участіе въ свѣтской жизни, остались безуспѣшными. Наконецъ въ 1713 г. онъ получилъ отъ своего отца разрѣшеніе поступить въ семинарію. Тамъ онъ болѣе предался аскетизму, чѣмъ наукѣ.

Около этого времени Пари лишился отца и роздалъ бѣднымъ свою долю наслѣдства. Онъ не могъ или не захотѣлъ идти дальше и всю жизнь такъ и остался дьякономъ.

По временамъ онъ уходилъ пѣшкомъ въ деревню, для посѣщенія нѣкоторыхъ своихъ друзей-монаховъ. Послѣ знакомства съ ихъ жизнью, Пари окончательно отказался отъ мысли вступить въ монастырь и поселился въ маленькой комнатѣ улицы Arbalète, въ кварталѣ бѣдняковъ, называвшихъ его мосье Франсуа. Пища его состояла изъ нѣсколькихъ крутыхъ яицъ, которыя онъ самъ варилъ, и изъ супа, посылавшагося ему сосѣдкой. Въ обмѣнъ за это дьяконъ носилъ ей каждое утро воду. Но отшельникъ перемѣнилъ и это жилище. Добровольныя лишенія, которымъ онъ подвергалъ себя, не знали больше предѣловъ. При такомъ образѣ жизни болѣзнь не должна была замедлить. Судя по описанію постигшаго его недуга, надо заключить, что это была костоѣда и что онъ умеръ вслѣдствіе непрерывныхъ нагноеній и полного недостатка ухода.

Онъ скончался вечеромъ 1-го мая 1727 года 37-ми лѣтъ отъ роду.

3-го мая похоронили дьякона на маленькомъ кладбищѣ С.-Медаръ. Въ тотъ же самый день одна мотальщица шелка,

по имени Мадлэнъ Бэньи, страдавшая параличемъ лѣвой руки, пришла въ домъ, гдѣ жилъ дьяконъ, по улицѣ Бургонъ, въ 8 ч. утра, и видѣла, какъ принесли гробъ, въ который должны были положить покойника.

Какъ только гробъ былъ поставленъ, больная немного нагнулась, чтобы потереть себѣ руку о гробъ, прежде чѣмъ на него возложить покровъ. Священники пришли, чтобы взять тѣло, а больная отправилась къ себѣ домой. Когда она вошла въ свою комнату, то сразу принялась разматывать шелкъ обѣими руками. Недугъ ея прошелъ вполне и безвозвратно.

Все сказанное мною объ истерическомъ параличѣ и способѣ его исчезновенія—не можетъ оставить сомнѣній въ умѣ читателя. Выздоровленіе Мадлэны Бэньи получило большую огласку. Многіе изъ больныхъ обитателей квартала, лично знавшихъ Пари, отправлялись на его могилу и увѣряли затѣмъ, что выздоровѣли или получили облегченіе страданій.

Совѣтникъ Парламента Карре де-Монжеронъ сдѣлался лѣтописцемъ этихъ исцѣленій. Благодаря тремъ большимъ томамъ, имъ напечатаннымъ, мы можемъ въ настоящее время возстановить эти явленія во всѣхъ подробностяхъ. Первымъ случаемъ подобнаго рода, получившимъ нѣкоторую извѣстность, было исцѣленіе молодого испанца Альфонса де-Палачіосъ. Этотъ молодой человѣкъ, сынъ испанскаго посланника, такъ страдалъ глазами, что почти ослѣпъ.

Подробное описаніе его болѣзни даетъ намъ поводъ предполагать, что у него было воспаленіе роговой оболочки обоихъ глазъ, т. е. двойная кератита (Kératie).

Его лечилъ знаменитый въ то время врачъ Жандронъ. Приведенный въ отчаяніе медленностью, съ которой дѣйствовали лекарства, и услышавъ о томъ, что творится въ С.-Медарѣ, больной рѣшилъ побывать тамъ. Послушайте, какимъ образомъ Карре де-Монжеронъ описываетъ намъ его чудесное исцѣленіе:

„Исцѣленіе начинается подъ покровомъ тишины и сна. Въ 3 ч. утра донъ Альфонсъ просыпается; онъ изумленъ, ему кажется, что онъ видитъ сонъ, потому что всѣ его боли утихли; да что я говорю?—онъ чувствуетъ, что вполне избавленъ отъ нихъ. Его страданія исчезли, мракъ разсѣялся, источникъ недуга изсякнулъ—однимъ словомъ, глазъ у него возобновленъ.

„Глазъ, который еще наканунѣ вечеромъ былъ воспаленъ,

болѣлъ и былъ уродливъ, теперь казался красивымъ, оживленнымъ и блестящимъ. Донъ Альфонсъ выносить, не мигая, самый яркій свѣтъ солнечныхъ лучей и пыль, поднимаемую толпой вокругъ могилы.

„Не успѣлъ прозрѣвшій вернуться домой, какъ замѣтилъ, что другимъ глазомъ онъ несравненно лучше видитъ, чѣмъ видѣлъ до потери зрѣнія. Онъ такъ оживляется, что ничѣмъ не можетъ удовлетворить своей жажды пользоваться вновь дарованнымъ ему чувствомъ и тутъ же производитъ надъ собой опытъ—спѣшить читать и писать; всѣ удивляются легкости, съ которой онъ это дѣлаетъ.“

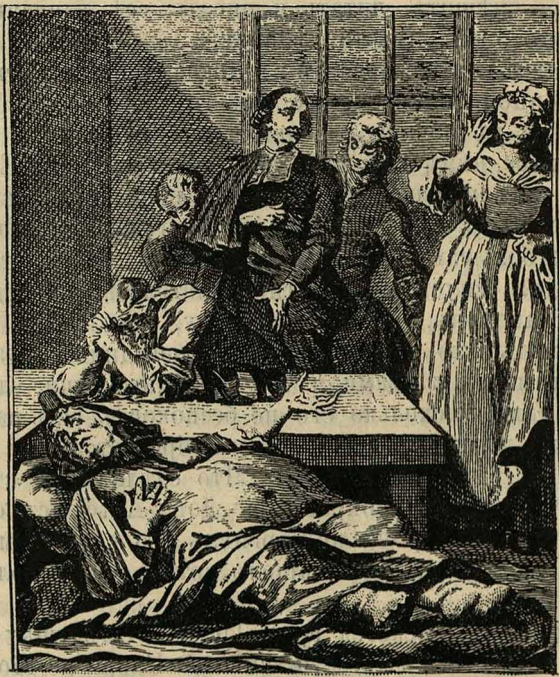
„Приходитъ учитель рисованія и показываетъ ему этюды такой необыкновенной тонкости, что ихъ трудно даже хорошо разсматрѣть; но къ общему удивленію, онъ разбираетъ ихъ лучше и быстрѣе, чѣмъ кто либо изъ окружающихъ. Его зрѣніе наконецъ такъ превосходно, что онъ проводитъ весь остальной день и часть ночи съ перомъ въ рукахъ, и это занятіе, требующее большаго вниманія, нисколько его не утомляетъ.“

„Два дня спустя онъ отправляется къ Жандрону въ Отейль. Жандронъ, бывшій въ саду, уже издали замѣтилъ его и увидѣлъ, что онъ идетъ безъ проводника, безъ повязки, съ открытыми глазами, и что солнечные лучи, ударяя ему прямо въ лицо, нисколько его не беспокоятъ. Онъ изумляется и не хочетъ вѣрить своимъ глазамъ, бросается къ нему на встрѣчу и на бѣгу кричитъ ему: „Что сдѣлали вы съ своимъ глазомъ? Онъ, кажется, поправился“. Донъ Альфонсъ сообщаетъ ему..... Тогда Жандронъ подвергнулъ его глазъ самому тщательному изслѣдованію и нашелъ зрѣніе его вполне нормальнымъ“.

Второй случай касается г-жи Тибо. Эту дѣвушку странно разнесло, вслѣдствіе вздутости живота. Карре де-Монжеронъ утверждаетъ, что она страдала водянкой. Верхнія ея конечности были на столько сведены, что пальцы не могли болѣе двигаться, такъ какъ конвульсивно прижимались къ ладони, гдѣ они подъ конецъ вызвали раны и нагноенія. Съ точки зрѣнія современной медицины, это былъ случай *метеоризма* въ связи съ *истерической контрактурой*, что лучше всего доказываетъ способъ его исцѣленія. Въ этомъ положеніи, умирающую дошедшую до послѣдней крайности и отчаявшуюся во всѣхъ свѣтилахъ науки, несутъ въ С.-Медаръ: спустя четверть часа ея парализованныя рука, животъ

и ноги утрачиваютъ свою вздутость на глазахъ у зрителей, и она встаетъ.

Это совсѣмъ уже не та женщина, страдавшая водянкой, всѣ члены которой расплывались, достигая чудовищныхъ размѣровъ. Это больше не та параличная, половина тѣла кото-

Болезнь дѣвочки Тибо.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

рой увеличивала только тяжесть, не будучи способна къ движеніямъ; она теперь ходитъ, двигаетъ руками, становится на колѣни, встаетъ и возвращаясь къ себѣ домой, поднимается по крутой лѣстницѣ. Съ первыхъ же дней она избавилась отъ ранъ и нагноеній, а черезъ недѣлю пользуется болѣе прекраснымъ здоровьемъ, чѣмъ до начала всѣхъ этихъ страда-

ній. Нѣсколько дней послѣ исцѣленія г-жи Тибо, въ С.-Медарѣ произошелъ другой подобный же случай, но гораздо болѣе громкій. Онъ касался одной служанки, Анны Куроно, которую въ концѣ 1730 г. поразилъ неполный параличъ лѣвой части тѣла. Такъ какъ больная хотѣла во что бы то ни стало ходить,

Дѣвица Тибо по выздоровленіи.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

то она придумала очень остроумный механизмъ, описанный и изображенный съ большими подробностями нашимъ историкомъ.

Куроно сдѣлала изъ тесемки стремя, которое поддерживало на вѣсу ея параличную ногу. Это стремя она посредствомъ охватывавшихъ ея плечи помочей прикрѣпила къ своему

кушаку и такимъ образомъ поддерживала свою лѣвую ногу? между тѣмъ какъ все ея тѣло покоилось на двухъ костыляхъ? но такъ какъ и этого всего было недостаточно, то Куроно прибавила къ своему импровизированному механизму другую тесемку, придерживавшую ея лѣвую ногу и прикрѣпленную

Болѣзнь Анны Куроно.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

къ правой рукѣ, при помощи которой она изъ всѣхъ силъ тянула ее впередъ и подвигала свое тѣло сильными толчками. Но чтобъ двигаться такимъ образомъ, ей приходилось перегибаться назадъ и дѣлать такія ужасныя кривлянія и гримасы, что она возбуждала ужасъ во всѣхъ, кто ее только

видѣль. Побуждаемая страстнымъ желаніемъ выздоровѣть, Анна Куроно ходила въ Сень-Медаръ нѣсколько разъ. Въ послѣдній разъ она съ большимъ усиліемъ дотопилась до кладбища.

„Вдругъ она чувствуетъ какъ бы судорогу и движеніе въ пяткѣ своей парализованной ноги. Анна Куроно, также какъ и всѣ окружающіе, замѣчаетъ его. Это движеніе было видимое,

Анна Куроно по выздоровленіи.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

механическое и поразило всѣхъ присутствующихъ. Бѣдная больная, вмѣсто того чтобы предаваться радости, волнуется при мысли, что движеніе и шумъ, услышанныя ею, произошли вслѣдствіе разрыва тесемокъ, безъ которыхъ ей невозможно двигаться. Въ это время ее стаскиваютъ съ могильной плиты и отрываютъ какъ бы противъ ея воли отъ могилы Пари,

чтобы поставить на костыли, въ которыхъ она повидимому могла еще нуждаться.

„Не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ почувствовала необычайную легкость въ тѣлѣ, сопровождаемую вздрагиваніями во всей парализованной части. Эта ее приводитъ сначала въ изумленіе. Вскорѣ послѣ того она замѣчаетъ, что опирается на парализованную ногу, къ которой вернулись ея прежнія силы и движеніе; тогда Куроно подымаетъ въ воздухъ костыли и подвигается впередъ крупными шагами; она идетъ такъ быстро, что могла бы догнать карету и очень скоро подходить къ дому, гдѣ живетъ ея госпожа. Счастливица такъ взволнована, что совсѣмъ теряется и не можетъ понять, какъ она прошла въ столь короткое время такой дальній путь. Она ужъ больше не та немощная женщина, которая должна была употреблять всевозможныя усилія и страшно утомлять одну половину своего тѣла, чтобы двигать другую; теперь, это — сильная и крѣпкая женщина, движущаяся не смотря на свой преклонный возрастъ съ необычайной быстротой; она превратилась въ новое существо. Ея языкъ, который могъ только лепетать, теперь говорить вполне свободно; ея рука, лишенная всякой чувствительности и почти всякаго движенія, дѣйствуетъ теперь свободно и энергично; ея бедро, голень и стопа, составлявшіе для нея лишь тяжелыя гири, въ теченіи 6 мѣсяцевъ болѣе походившія на члены трупa, чѣмъ на части живого тѣла, мгновенно приобрѣтають силы, которыми обыкновенно располагають люди ея возраста и которыми она пользовалась до своей болѣзни. Вотъ почему эта параличная, прежде двигавшаяся лишь при помощи пружинъ и искусственныхъ приѣмовъ, теперь идетъ твердой поступью, быстро и непринужденно; та, которой прежде требовалось употребить 4 или 5 часовъ, чтобы придти изъ дому въ С.-Медаръ, теперь проходитъ этотъ путь чуть не въ одну минуту; женщина, не могшая сдѣлать шага безъ помощи сложнаго механизма и съ страшными передергиваніями, теперь радостно несетъ въ воздухѣ свои костыли“.

Такой же поразительный примѣръ моментальнаго исцѣленія представляетъ собой и Маргарита Дюшенъ. Она страдала метеоризмомъ, истерическимъ шаромъ, параличемъ, сильными конвульсивными припадками, продолжительной летаргіей — однимъ словомъ, въ ней было все, что характеризуетъ несомнѣнную истеричность.

Послушаемъ лучше, что говорить о ней Карреде-Монжеронъ: „Передъ нами странная, и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятная болѣзнь, какъ по сложности и силѣ, такъ по ея продолжительности. Маргарита Дюшонъ страдаетъ ужасными головными болями и разрывомъ желудочныхъ кровяныхъ сосудовъ, не позволяющимъ ей принимать пищи. Она ощущаетъ смертельную слабость и похожа скорѣе на покойницу, чѣмъ на живаго человѣка. Прибавьте къ этому удущье отъ водянки и сильнѣйшіе ежемѣсячные припадки, послѣ которыхъ она часто остается въ летаргическомъ состояніи втеченіи нѣсколькихъ дней.

Это ужасное состояніе исчезло послѣ путешествія въ С.-Медаръ.

16 іюля 1831 г., едва она успѣла добраться до кладбища, какъ уже параличные ея члены приходятъ въ движеніе подъ вліяніемъ непонятной силы; въ это же время ее покидаетъ навсегда головная боль, мучившая страдальцу непрерывно втеченіи послѣднихъ пяти лѣтъ; порванные сосуды въ груди и желудкѣ, бывшіе втеченіи трехъ лѣтъ пагубнымъ источникомъ почти ежедневной кровавой рвоты, вновь соединились и возродились, послѣ чего и лихорадка, не оставлявшая ея въ покоѣ ни единого дня, совершенно проходить.

17-го она ощущаетъ тѣ же волненія, что наканунѣ, и результатъ получается не менѣе достойный удивленія: ея грудь, необыкновенно опухшая, принимаетъ нормальный видъ, а голосъ, который она почти потеряла, пріобрѣтаетъ свою нормальную силу.

18-го послѣ испытанныхъ ею усиленныхъ волненій на могилѣ Пари, она перестаетъ чувствовать боль въ боку, постоянно терзавшую ее въ теченіи столь продолжительнаго времени; опухоль, которая причиняла эти страданія, исчезла, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

19-го наступаетъ поразительный выпотъ во всѣхъ ея членахъ, достигавшихъ чудовищныхъ размѣровъ; они утрачиваютъ вздутость на глазахъ у зрителей и водянка исчезаетъ.

20-го прекращается параличъ.

Затѣмъ исцѣленія начинаютъ учащаться съ неимоверной быстротой. Филиппъ Сержанъ и Готье де-Пезена избавились первый—отъ паралича, а второй—отъ глазной болѣзни. Мадмуазель Моссаронъ и Анна Лефранъ, обѣ страдавшія параличемъ, тоже возвращаются здоровыми съ С.-Медарскаго кладбища.

Изъ всѣхъ этихъ случаевъ, чтобы не утомить читателя повтореніями, я приведу только два, болѣе соотвѣтствующихъ рамкамъ нашего изложенія, такъ какъ подробности ихъ болѣе извѣстны.

Первый касается мадуазель Коаренъ—еще молодой жен-

Болѣзь Маргариты Дюшенъ.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

щины, прикованной параличемъ къ постели. Кромѣ того, у нея уже въ теченіи 15 лѣтъ была на лѣвой груди опухоль, которая постоянно гноилась. Каре де-Монжеронъ, разумѣется, называетъ ее ракомъ; но я позволю себѣ усомниться въ томъ, чтобы подобный недугъ могъ длиться у молодой еще

женщины 15 лѣтъ. Вѣроятно у ней былъ нарывъ, сопровождавшійся фистулой.

И такъ, эта женщина уже давно прикована была къ постели и отчаялась въ своемъ выздоровленіи, какъ вдругъ ей пришла мысль посѣтить С.-Медаръ. Не будучи въ силахъ совершить

Маргарита Дюшенъ по выздоровленіи.

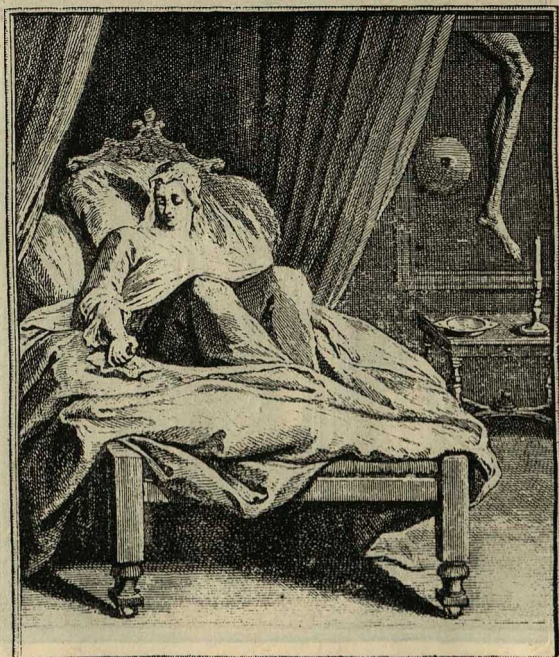
Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

путешествіе туда, она поручила сосѣдкѣ принести ей земли съ могилы Пари и поддержать нѣкоторое время ея рубашку на могильной плитѣ дьякона.

Все было въ точности исполнено, и больная съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія посланной; наконецъ она является

съ землей и рубашкой. На этотъ разъ выздоровленіе произошло моментально. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Карре де-Монжеронъ:

„Не успѣла умирающая одѣть на себя рубашку, прикасавшуюся къ могилѣ, какъ она уже чувствуетъ на себѣ бла-

Болѣзнь дѣвицы Коаренъ.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

годѣтельное ея дѣйствіе; эта страдалица, которая съ самаго начала своего паралича постоянно лежала на спинѣ, не будучи въ состояніи измѣнить положенія, внезапно пріобрѣтаетъ настолько силы, что поворачивается въ постели... На

другой день больная прикладываетъ къ раку, источнику всѣхъ ея страданій, землю, лежавшую не вдалекѣ отъ могилы дьякона Пари, и тотчасъ же съ восторгомъ замѣчаетъ, что глубокое отверстіе на ея груди, изъ котораго постоянно въ теченіи 12 лѣтъ выходила зловонная матерія, что отверстіе

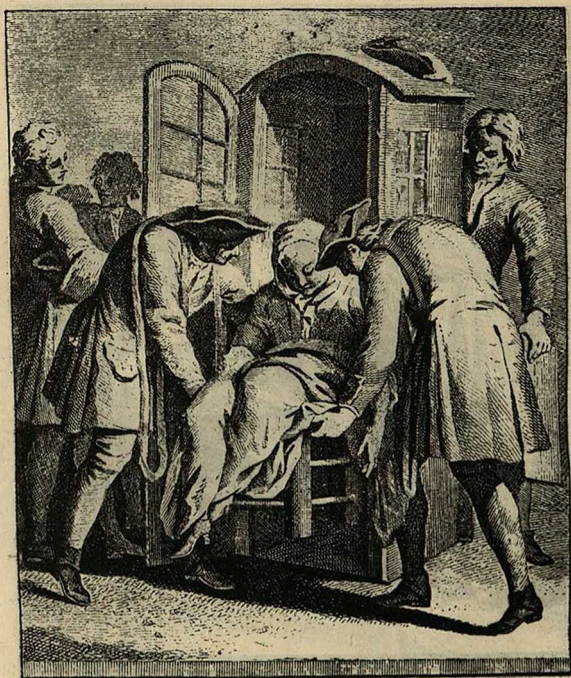

Дѣвица Коаренъ по выздоровленіи.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

это начало затагиваться и проходить. Въ слѣдующую ночь выздоровленіе подвинулось еще болѣе впередъ. Ея парализованные члены, втеченіи столькихъ лѣтъ напоминавшіе члены мертвеца по свойственному имъ ледящему холоду, по своей неподвижности, по страшной худобѣ и сведенности, вдругъ эти

члены оживаютъ; вотъ уже рука ожила и стала двигаться; сведенная и высохшая нога разгибается и выпрямляется; яма, образовавшаяся отъ страшной худобы въ бедра, выполняется и исчезаетъ. Больная пробуетъ пользоваться своими вновь призванными къ жизни органами, худоба которыхъ все еще носить пе-

Больница дѣвицы Гардуэнъ.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

чать мертвенности; она встаетъ безъ посторонней помощи, опираясь на носокъ той ноги, которая уже такъ давно была короче другой; свободно употребляетъ лѣвую руку, одѣвается и чешется собственноручно... Съ этой минуты каждый день надъ ней совершаются все новыя неожиданности. 14-го больная

ходитъ еще легче, чѣмъ въ предыдущіе дни... 19-го числа того же мѣсяца она спускается въ помѣщеніе своей матери, которую продолжительная болѣзнь приковала къ постели... Ея оба брата, занимавшіе придворныя должности, прибѣгаютъ, чтобы видѣть ее того же 19-го августа; она ихъ привѣтствуетъ,

Дюшиа Гаурданъ по выздоровленіи.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

встаетъ съ постели и идетъ имъ на встрѣчу. Наша исцѣлившаяся вскорѣ выступитъ передъ многочисленными зрителями. 24 августа Коаренъ отправляется пѣшкомъ въ свою приходскую церковь, куда втеченіи многихъ лѣтъ ее не могли даже перенести на креслѣ... У ней даже хватаетъ силъ что-

бы стоять на колѣняхъ... Она возвращается изъ церкви съ еще большей легкостью, чѣмъ шла туда“...

Случай съ г-жей Гардуэнъ тоже не представляетъ сомнѣній; истерика обнаруживается у нея съ еще болѣе ясными подробностями, чѣмъ у другихъ, потому что она выздоравливаетъ во время одного изъ тѣхъ конвульсивныхъ припадковъ, которые мы наблюдаемъ у современныхъ истеричныхъ. Къ тому же у нея онѣменія слѣдуютъ одно за другимъ и носятъ характеръ истерическаго паралича, какъ по своему началу такъ и по концу. Нашъ повѣствователь такъ передаетъ намъ это событіе:

„Во время самаго отчаяннаго состоянія, послѣ того, какъ больная совсѣмъ лишилась силъ и когда она уже только ждетъ момента, долженствующаго освободить ее отъ всѣхъ земныхъ печалей, въ это самое время одна женщина предлагаетъ ей позволить перенести себя на могилу дьякона.

„Больная собираетъ всѣ свои силы, чтобъ написать, что она желаетъ быть перенесенной въ С.-Медаръ. Опекунъ г-жи Гардуэнъ сначала отказывается исполнить ея просьбу, опасаясь, чтобъ она не умерла въ дорогѣ; тѣмъ не менѣе онъ готовъ посоветоваться съ врачомъ на этотъ счетъ. Врачъ, до котораго дошли уже слухи о С.-Медарѣ, нашелъ интереснымъ сдѣлать опытъ и, находя, что въ отчаянныхъ случаяхъ всѣ средства позволительны, объявилъ, что онъ не только не препятствуетъ желанію, но даже былъ бы доволенъ, еслибы его паціентку перенесли въ С.-Медаръ.

„2 августа былъ день, выбранный для этой цѣли. Носильщики, приглашенные для ея переноски, начинаютъ колебаться, увидя ея жалкое, блѣдное и неподвижное тѣло, утратившее способность рѣчи. Они сомнѣваются даже на счетъ того, трупъ или умирающую велятъ имъ перенести изъ 3-го этажа на улицу. Тѣмъ не менѣе носильщики поднимаютъ ее вмѣстѣ съ кресломъ, но обморокъ, въ который она впадаетъ, какъ только ее понесли, еще болѣе увеличиваетъ ихъ страхъ. Эти закаленные и привычные къ переноскѣ больныхъ люди каждую минуту думаютъ, что она скончается у нихъ на рукахъ. Въ такомъ состояніи ее приносятъ въ С.-Медаръ и кладутъ на могилу дьякона.

Но едва лишь скорченное тѣло этой злосчастной умирающей коснулось могилы, какъ тотчасъ ея параличные члены пришли въ крайнюю подвижность. Поразительныя вздрагиванія, волнующія ея тѣло, похожи на борьбу жизни со смертію. Но смерть на этотъ разъ принуждена уступить, она скрывается

и исчезаетъ. Движеніе, теплота и сила замѣнили собой уже во время борьбы неподвижность, холодъ и безсиліе. Боли прекращаются, цвѣтъ лица оживляется и здоровье возвращается къ больной со всѣми своими атрибутами. Она встаетъ, ходитъ, хотя и съ поддержкой, но уже довольно твердой и свободной поступью и возвращается въ свои носилки, среди слезъ и радостныхъ восклицаній зрителей, толпой слѣдующихъ за ней.

„Вернувшись въ свою улицу, Гардуэнъ встаетъ съ носилокъ, идетъ твердой поступью, съ легкостью поднимается во 2-й этажъ и наконецъ входитъ въ комнату, гдѣ ее встрѣчаетъ толпа людей разныхъ званій и положеній, стараясь наперерывъ выразить свой восторгъ по поводу столь быстрого и полного ея исцѣленія. Тысячи лицъ были свидѣтелями страданій бѣдной дѣвушки въ теченіи 6 лѣтъ; всѣ скорбѣли о ея жалкомъ состояніи и многіе изъ видѣвшихъ, какъ ее переносили въ безпамятствѣ въ С.-Медаръ, предполагали, что для нея ничего больше не остается, кромѣ усердныхъ молитвъ о прекращеніи ея страданій и вѣчномъ успокоеніи. Какъ велико было теперь ихъ изумленіе при видѣ той, которая въ теченіи 19 мѣсяцевъ не владѣла почти ни однимъ членомъ, а подъ конецъ даже лишилась рѣчи — при видѣ того, какъ она ходитъ, говоритъ и дѣйствуетъ будто человѣкъ, никогда не бывшій больнымъ. Съ перваго же дня ея здоровье стало такимъ цвѣтущимъ, что многіе не хотѣли вѣрить, чтобы она была прежде параличной“.

Какъ справедливо замѣчаетъ Матье, случай съ г-жей Гардуэнъ можетъ служить посредствующимъ звеномъ между обыкновенными случаями и случаями, сопровождавшимися конвульсіями большого истерическаго припадка. Мы просимъ читателя припомнить то, что было говорено нами при описаніи этого послѣдняго; тогда передъ нимъ предстанетъ точная картина сценъ, ежедневно происходившихъ съ 1731 года на С.-Медарскомъ кладбищѣ.

Очень скоро послѣ исцѣленія г-жи Гардуэнъ было констатировано другое исцѣленіе, надѣлавшее много шуму. Оно касалось нѣкоей Биго, уже давно потерявшей слухъ; Карре де-Монжеронъ увѣряетъ, что она была глухонѣмая отъ рожденія, но это мнѣніе не раздѣляется его противниками. Во всякомъ случаѣ, Биго была настолько глуха, что надъ самымъ ея ухомъ можно было стрѣлять изъ пистолета и она ничего не слышала.

„Какъ только ее положили на могилу Пари 27 августа, въ 7 часовъ утра, тотчасъ же ея лицо покрылось мертвенной блѣдностью; она лишается чувствъ и вскорѣ съ ней начинаются такіе сильные конвульсивные припадки, что стоитъ большаго труда удерживать ее. Она показываетъ знаками,

Болезнь госпожи Био.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

что выносить страшныя мученія въ головѣ, ушахъ и горлѣ; ея голова вращается попеременно въ ту и другую сторону съ такой поразительной быстротой, что нельзя различить черты ея лица. Провожатые больной, неподготовленные къ такому зрѣлищу, снимаютъ ее съ могилы; но глухонѣмая черезъ минуту проситъ знаками, чтобы ее опять положили туда.

Не успѣли это исполнить, какъ конвульсіи, сопровождаемыя сильнѣйшими страданіями, возобновились съ еще бѣльшей силой; но въ концѣ концовъ больная къ утру 31 августа совершенно выздоровѣла и приобрѣла такой тонкій слухъ, которому завидовали всѣ ея окружающіе“.

Госпожа Било по выздоровленіи.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

Къ этому же времени относится одинъ случай, представляющій для насъ самый большой интересъ. Онъ касается исцѣленія Жанны Фуркруа. Эта молодая особа, дочь бакалейщика, по словамъ Карре де-Монжерона, поражала всѣмъ своихъ рѣдкимъ безобразіемъ и странными болѣзнями. Но что болѣе всего удивляло въ ея положеніи, это—анкилозъ, разѣдающій и жгучій

гной котораго уже болѣе года какъ стянулъ Ахилессовъ тяжъ ея лѣвой ноги и приподнявъ пятку гораздо выше обыкновеннаго, перевернулъ стопу почти задомъ напередъ, вслѣдствіе чего нога казалась отвратительно обезображенной, и г-жа Фуркруа совершенно лишилась возможности пользоваться ею. Вдругъ, во время одной изъ конвуль-

Болезнь Жанны Фуркруа.

Факсимиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

сій, эти кости лѣвой стопы приходятъ въ нормальное состояніе, перевертываются и занимаютъ свое обыкновенное положеніе. Ахилессовъ тяжъ размягчается, вытягивается и становится эластичнымъ. Значительная опухоль, образовавшаяся около щиколки, исчезаетъ. Вся нога, такъ

ужасно обезображенная, принимаетъ въ одну минуту свой натуральный видъ и г-жа Фуркруа начинаетъ легко и свободно ходить“.

Трудно дать лучшее описаніе истерической стопы, и для большой точности Карре де-Монжеронъ даетъ намъ въ своей

Жанна Фаркруа по выздоровленіи.

Фиксизиле гравюры изъ книги Карре де-Монжерона.

жнигѣ гравюру, отчетливо представляющую положеніе больной. Я спрашиваю у всякаго врача, который прочтетъ эти строки, есть-ли возможность сомнѣваться въ характерѣ описаннаго здѣсь недуга и въ причинѣ его испѣленія. Впрочемъ мнѣніе, защищаемое мною теперь, уже побѣдоносно отстаи-

валось проф. Шарко на его лекціяхъ въ Сальпетріерѣ, гдѣ очень часто приводились случаи, аналогичные съ болѣзью г-жи Фуркруа. Для болѣе точности слѣдуетъ прибавить, что выздоровленіе ея произошло среди сильнѣйшаго припадка, которому подверглась дѣвушка подъ вліяніемъ подражанія—слыша и видя безпорядочныя движенія другихъ конвульсіонерокъ.

С.-Медарское кладбище превратилось въ 1732 г. въ сборище истеричныхъ со всего Парижа.

Извѣстный популяризаторъ Луи Фигье, опираясь на современныхъ авторовъ, описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Конвульсіи Жанны послужили сигналомъ для новой пляски св. Витта, возродившейся вновь въ центрѣ Парижа въ XVIII в., съ безконечными варіаціями, одна мрачнѣе или смѣшнѣе другой. Со всѣхъ частей города сбѣгались на Сень-Медарское кладбище, чтобы принять участіе въ кривляніяхъ и подергиваніяхъ. Здоровые и больные всѣ увѣрили, что конвульсіонируютъ и конвульсіонировали по своему. Это былъ всемірный танецъ, настоящая тарантелла.

Вся площадь Сень-Медарскаго кладбища и сосѣднихъ улицъ была занята массой дѣвушекъ, женщинъ, больныхъ всѣхъ возрастовъ, конвульсіонирующихъ какъ бы въ перерывъ другъ передъ другомъ. Здѣсь мужчины бьются объ землю, какъ настоящіе эпилептики, въ то время какъ другіе, немножко дальше, глотаютъ камешки, кусочки стекла и даже горячіе угли; тамъ женщины ходятъ на головѣ съ той степенью скромности или цинизма, которая вообще совмѣстима съ такого рода упражненіями. Въ другомъ мѣстѣ женщины, растянувшись во весь ростъ, приглашаютъ зрителей ударить ихъ по животу и бываютъ довольны только тогда, когда 10 или 12 мужчинъ обрушиваются на нихъ заразъ всей своей тяжестью. Люди корчатся, извиваются и двигаются на тысячу различныхъ ладовъ... Есть впрочемъ и болѣе заученныя конвульсіи, напоминающія пантомимы и позы, въ которыхъ изображаются какія нибудь религіозныя мистеріи, особенно же часто сцены изъ страданій Спасителя.

Среди всего этого нестройнаго шабаша слышатся только стоны, пѣніе, ревъ, свистъ, декламація, пророчества и мяуканье. Но преобладающую роль въ этой эпидеміи конвульсіонеровъ играютъ танцы. Хоромъ управляетъ духовное лицо, аббатъ Бешеранъ, который, чтобы быть на виду у всѣхъ, стоитъ на могилѣ. Здѣсь онъ совершаетъ ежедневно съ иску-

ствомъ, не выдерживающимъ соперничества, свое любимое пѣ, знаменитый скачокъ *карпа* (*saut de carpe*), постоянно приводящій зрителей въ восторгъ.

Аббатъ Бешеранъ принадлежалъ къ школѣ конвульсіонеровъ, уже признававшейся тогда устарѣвшей. У него одна нога была короче другой на 14 дюймовъ, но этотъ недугъ не долженъ былъ служить помѣхой для успѣшности его любимаго танца. Онъ увѣрялъ, что каждые 3 мѣсяца его нога удлинялась на одну точку. Одинъ математикъ, высчитавшій продолжительность времени, потребнаго для его полного исцѣленія, опредѣлилъ ее въ 35 лѣтъ.

Такія вакханаліи погубили все дѣло: король, получая ежедневно отъ духовенства самые дурные отзывы о происшедшемъ въ Сень-Медарѣ, приказалъ полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище. Однако эта мѣра не прекратила безумныхъ выходокъ конвульсіонеровъ.

Такъ какъ было запрещено конвульсіонировать публично, то припадки янсинистовъ стали происходить въ частныхъ домахъ, и зло отъ того еще болѣе усилилось: Сень-Медарское кладбище концентрировало въ себѣ заразу; закрытіе же его послужило сигналомъ для разсѣванія ея. Всюду на дворахъ, подъ воротами можно было слышать или видѣть какъ терзается какой нибудь несчастный; его видъ дѣйствовалъ заразительно на присутствующихъ и побуждалъ ихъ къ подражанію. Зло приняло такіе значительные размѣры, что королемъ былъ изданъ другой указъ, по которому всякій конвульсіонирующій предавался суду, специально учрежденному при Арсеналѣ, и приговаривался къ тюремному заключенію.

Послѣ этого конвульсіонеры стали только искуснѣе скрываться, но не вывелись. Между ними особенно выдаются два субъекта, припадки которыхъ столь необычайны, что хотя они были душевно больные, а не истеричные, мы позволимъ себѣ разсказать ихъ исторіи. Рѣчь идетъ о Фонтенѣ, придворномъ секретарѣ короля Людовика XV.

Съ 1732 г. Фонтенъ, по словамъ Монжерона, сталъ подвергаться такой слабости въ ногахъ, что по временамъ не могъ стоять. Онъ сначала смотрѣлъ на припадки слабости, какъ на простую болѣзнь, но послѣдствія доказали, что это были предвѣстники страшныхъ конвульсій. Въ 1733 г. на многолюдномъ обѣдѣ онъ вдругъ почувствовалъ непреодоли-

мое стремленіе кружиться на одной ногѣ и продолжалъ свой импровизированный вальсъ безъ перерыва болѣе часу. Съ самаго начала этой странной конвульсіи, онъ инстинктивно, повинаясь голосу свыше, спросилъ себѣ книгу. Ему дали первое попавшееся сочиненіе: это былъ томъ „*Нравственныхъ размышленій*“ Кенеля; и хотя Фонтенъ не прекратилъ своихъ поразительно быстрыхъ вращательныхъ движеній, онъ тѣмъ не менѣе сталъ громко читать книгу и продолжалъ чтеніе ея во все время припадка.

Если бы этотъ фактъ не упоминался болѣе 300 разъ въ разныхъ сочиненіяхъ и не былъ засвидѣльствованъ массою вполне достовѣрныхъ свидѣтелей, я бы не рѣшился приводить его здѣсь. Въ такомъ видѣ конвульсіи продолжались болѣе 6 мѣсяцевъ. Онѣ даже приобрѣли извѣстную правильность, повторяясь два раза въ день, и покинули Фонтена лишь 6 августа 1733 г., когда имъ окончено было чтеніе 8 томовъ „*Размышленій отца Кенеля*“.

Утреннія вращательныя движенія начинались аккуратно въ 9 часовъ и продолжались отъ часа до полутора и 2 часовъ подъ рядъ; послѣобѣденныя конвульсіи возобновлялись въ 3 часа и длились также долго, какъ утреннія. Каждый день Фонтенъ ощущалъ при вставаніи такую слабость въ ногахъ, что не могъ стоять. Это продолжалось до 9 ч., когда съ нимъ дѣлались обычныя конвульсіи. Тогда тѣло его опиралось на одну ногу, которая во все время двухчасоваго вращенія оставалась въ центрѣ, другая же описывала въ это время кругъ съ непонятной быстротой, находясь почти все время на отлетѣ и лишь изрѣдка касаясь слегка пола. Вращеніе всего тѣла происходило съ такой изумительной быстротой, что многіе изъ присутствующихъ насчитывали до 60 вращеній въ минуту; по ихъ расчетамъ выходило, что, если бы сложить количество вращеній, совершенныхъ ногой Фонтена во время одного только припадка, то получилось бы протяженіе отъ двухъ до трехъ миль. По окончаніи утреннихъ вращательныхъ конвульсій, Фонтенъ могъ съ трудомъ держаться на ногахъ и только послѣ полудня чувствовалъ себя сильнымъ и вполне здоровымъ до слѣдующаго утра“.

„Но Фонтенъ не удовольствовался этимъ безуміемъ дerviша и, желая загладить свои прежніе грѣхи, предался необычайному посту.

„19 апрѣля онъ объявилъ, что 40 дней подѣ рядъ будетъ обходиться безъ пищи, но не указывая въ точности на время, съ котораго начнется этотъ ужасный искусь.

„Невозможность что-либо взять въ ротъ, которую Фонтенъ ощутилъ на другой день, навела его на мысль, что наступило время для совершенія великаго поста; но онъ ошибся; этотъ постъ, длившійся всего 18 дней, былъ только подготовительнымъ. Тѣмъ не менѣе, если принять во вниманіе все, что онъ принужденъ былъ совершать во время этого страшнаго голоданія, то окажется, что оно настолько же сверхъестественно, какъ и 40-дневный постъ, но гораздо суровѣе по послѣдствіямъ“.

На ряду съ Фонтеномъ слѣдуетъ поставить другаго знаменитаго конвульсіонера: я подразумѣваю комментатора Полибія, кавалера Фолара. Онъ отличался большой храбростью, былъ раненъ при Кассано и наконецъ взятъ въ плѣнъ. Его сочиненія о военной тактикѣ очень цѣнились въ свое время. Къ сожалѣнію, несмотря на свои выдающіяся способности, онъ сдѣлался жертвой умственной эпидеміи той эпохи. Проведя бурно молодость, Фоларъ подѣ старость сдѣлался страшно набоженъ. Вотъ что сообщаетъ о немъ пасторъ Іорданъ, цитированный въ книгѣ Матѣе:

„Кавалеръ Фоларъ постоянно молится и ежедневно читаетъ вечерню. Но, дойдя до *Magnificat*, онъ никакъ не можетъ его начать и немедленно впадаетъ въ конвульсивное состояніе. Вдругъ онъ падаетъ, простирая руки въ видѣ креста, и остается неподвижнымъ. Фоларъ часто поетъ. Это пѣснопѣіе не легко бываетъ разобрать. Онъ иногда говорить такую тарабарщину, въ которой никто не понимаетъ ни слова.

„Больной часто ударяетъ въ ладоши. Открывая глаза, онъ увѣряетъ, что погруженъ во мракъ; закрывая же ихъ, говорить, что окруженъ рѣзкимъ свѣтомъ и радостно вздрагиваетъ отъ удовольствія. Когда дамы просятъ Фолара помолиться за нихъ, онъ концомъ ихъ платья третъ себѣ область сердца поверхъ своей одежды. Если же съ той же просьбой къ нему обращаются *духовныя лица*, то онъ третъ себѣ кончикомъ подрясника не только сердце, но также уши и другія части тѣла.

„Слѣдуетъ также обратить вниманіе, что онъ все это производываетъ безсознательно, ничего не видя и не слыша“.

Изъ моего изложенія нельзя не замѣтить, что эпидемія принимаетъ все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Отъ простаго чуда мы уже доходимъ до самаго сильнаго религіознаго помѣшательства. Не думайте однако, чтобъ это былъ конецъ; мнѣ еще предстоитъ разсказать о столь удивительныхъ и неправдоподобныхъ вещахъ, что я прошу лицъ, подозрѣвающихъ меня въ умысленныхъ преувеличеніяхъ, обратиться къ подлиннымъ текстамъ Карре де-Монжерона и автора „*Convulsions du temps*“.

Сейчасъ же послѣ исторіи Фолара помѣщена тамъ исторія г-жи Соне, надѣлавшая много шума въ свое время и вполнѣ заслуживающая вниманія читателя.

Г-жа Соне получила названіе *Саламандры*, такъ какъ послѣ припадковъ продѣлывала слѣдующую вещь: съ видомъ пророчицы она кричала: Табу, Табу! Тогда приносились два высокихъ табурета, на которые она становилась, образуя изъ себя дугу, что дѣлають всѣ истеричныя и многія загнипнотизированныя дѣвушки. Затѣмъ подъ ней разводили небольшое пламя и она дѣлала видъ, что поджаривается на медленномъ огнѣ, оставаясь нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи. Нужно ли распространяться о томъ, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ одной изъ тѣхъ анестезированныхъ женщинъ, о которыхъ было говорено много разъ.

Г-жа Соне, впрочемъ, обладала многими способами удивлять зрителей. По временамъ она кричала: „Ячменный сахаръ! Ячменный сахаръ!“ Когда его приносили, то оказывалось, что это была заостренная на концѣ палка, которую ей подкладывали подъ поясницу, остріемъ вверхъ. Тогда истеричная кричала: „Бисквитъ! Бисквитъ!“ Бисквитъ являлся: это былъ большой булыжникъ, который ей бросали на животъ.

Г-жа Лакортъ имѣла другую спеціальность—она перевязывала раны, высасывая и облизывая ихъ. То, что мнѣ теперь придется повѣдать читателю, такъ ужасно, что я прошу безглыхъ людей перевернуть страницу, не читая ея. Я долго колебался, прежде чѣмъ рѣшиться изложить эти подробности; но въ концѣ-концовъ счелъ невозможнымъ умолчать о нихъ, такъ какъ онѣ принадлежать исторіи. Предоставляю и въ этомъ случаѣ слово Монжерону, а затѣмъ Понсе:

„Конвульсіонеры, говоритъ Понсе, перевязываютъ открытыя раны, полныя гноя и отвратительныя на видъ. Они ихъ лизуютъ и сосутъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не очистятъ отъ гноя,

который проглатывают совершенно свободно. Мало того, они стирают тряпки, служившія для перевязыванія ранъ, и потомъ пьютъ эту воду. Всего удивительнѣе, что между ними встрѣчаются такія, которыя, прежде чѣмъ приступить къ этому ужасному перевязыванію, испытываютъ передъ нимъ точно такое же отвращеніе, какое мы сами ощутили бы въ ихъ положеніи; но это отвращеніе немедленно проходитъ, какъ только они рѣшились повиноваться „Высшей Силѣ“.

Карре де-Монжеронъ пускается въ еще большія подробности: „Къ ногамъ конвульсіонерки приносятъ маленькую дѣвочку, блѣдную, малокровную, почти умирающую. Какъ только конвульсіонерка замѣтила ее, лицо ея запылало радостью. Внутренній голосъ внушаетъ ей, что у этой дѣвочки сгнившая нога, и она сообщаетъ объ этомъ присутствующимъ. Истеричная беретъ порывисто ногу дѣвочки, снимаетъ съ нея всѣ повязки и наконецъ послѣднюю, всю пропитанную красноватымъ и липкимъ гноемъ, непрерывно вытекающимъ изъ большаго числа отверстій, образовавшихся въ больной ногѣ со всѣхъ сторонъ. Многія изъ нихъ такъ широки и глубоки, что позволяютъ видѣть насквозь кость, черная окраска которой прямо указываетъ на то, что она также разложилась, какъ и мягкія части. Тотчасъ же вся атмосфера комнаты наполнилась невыносимымъ зловоніемъ: тошнота одолеваетъ всѣхъ присутствующихъ. Всѣмъ кажется, что эта нога скорѣе принадлежитъ трупу, чѣмъ живому тѣлу“.

„Сама конвульсіонерка блѣднѣетъ при видѣ столь ужаснаго и отвратительнаго предмета и отступаетъ въ ужасѣ; все ея тѣло дрожитъ и трепещетъ при одной мысли, что ей придется высосать всѣ эти раны. Она какъ будто сомнѣвается, хватитъ ли у нея силъ подчиниться этому требованію; изъ ея глазъ льются слезы. Въ ней происходитъ борьба, оканчивающаяся впрочемъ тѣмъ, что она приближается къ омертвѣвшей ногѣ съ отваливающимися отъ гнилости кусками мяса, прикладываетъ къ ней ротъ, но скорѣ отдергиваетъ его; она еще не вполнѣ владѣетъ своимъ сердцемъ, ей необходимо устремить еще нѣсколько взглядовъ на небо. Наконецъ, чтобы побороть протестъ, который конвульсіонерка въ себѣ чувствуетъ, она вдругъ рѣшается броситься съ открытымъ ртомъ на самую большую рану. Какъ только она принялась сосать ее, то дѣлаетъ это уже безъ труда“.

Но оставимъ эти омерзительныя подробности и перейдемъ къ большимъ конвульсіямъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ происходили тогда и какъ онѣ происходятъ и понынѣ въ истеричныхъ припадкахъ. Я и здѣсь, какъ и вездѣ, уступаю мѣсто современнымъ авторамъ-очевидцамъ и свидѣтелямъ. Вотъ большая выдержка, заимствованная у Луи Дебоннера. Его описаніе такъ отчетливо и полно, что оно какъ будто составлено для медицинскихъ цѣлей. Вотъ почему я не считаю возможнымъ что-либо изъ него выбросить.

„Представьте себѣ дѣвушекъ, которыя въ опредѣленные дни, а иногда послѣ легкихъ предчувствій, внезапно впадаютъ въ трепетъ, дрожь, судороги и зѣвоту; онѣ падаютъ на землю и имъ подкладываютъ при этомъ заранѣе приготовленные тюфяки и подушки. Тогда съ ними начинаются большія волненія; онѣ катаются по полу, терзаются и бьютъ себя; ихъ голова вращается во всѣ стороны съ крайней быстротой, ихъ глаза то закатываются, то закрываются, ихъ языкъ то выходитъ наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку; желудокъ и нижняя часть живота вздуваются; онѣ лаютъ, какъ собаки, или поютъ, какъ пѣтухи; страдая отъ удушья, эти несчастныя стонутъ, кричатъ и свистятъ; по всѣмъ членамъ у нихъ пробѣгаютъ судороги; онѣ вдругъ устремляются въ одну сторону, затѣмъ бросаются въ другую; начинаютъ кувыркаться и производятъ движенія, оскорбляющія скромность, принимаютъ циничныя позы, растягиваются, деревенеютъ и остаются въ такомъ положеніи по часамъ и даже цѣлымъ днямъ; онѣ на время становятся слѣпыми, нѣмыми, параличными и ничего не чувствуютъ. Есть между ними и такія, у которыхъ конвульсіи носятъ характеръ свободныхъ дѣйствій, а не безсознательныхъ движеній.

„Одна изъ нихъ, напр., изображаетъ сцены, взятая изъ жизни діакона Пари; конвульсіонерка накрываетъ на столъ, придвигаетъ стулья, выбираетъ двухъ сотрапезниковъ, которыхъ сажаетъ съ собой, и, хотя на столѣ нѣтъ никакого кушанья, она тѣмъ не менѣе подноситъ ложку ко рту и дѣлаетъ видъ, что ѣстъ. Вслѣдъ за этимъ дѣвушка приближается къ зеркалу и проводитъ спинкой ножа по лицу, съ пріемами брѣющагося мужчины, послѣ чего заканчиваетъ представленіе урокомъ катехизиса. Разсидивъ присутствующихъ, она спрашиваетъ ихъ и останавливаетъ, когда они даютъ не надлежащіе отвѣты.

„Другая конвульсіонерка посреди ночи подходит на нѣсколько минутъ къ окну, закрываетъ его, зажигаетъ свѣчу и даетъ кому нибудь изъ присутствующихъ книгу, но скоро отнимаетъ ее и начинаетъ громко насмѣхаться надъ читавшимъ. Третья конвульсіонерка принимаетъ пищу только по вечерамъ, и если ей предлагаютъ какое нибудь кушанье до наступленія сумерекъ, то она приходитъ въ ужасъ; за ужиномъ больная ѣстъ съ жадностью, но какъ только ея организмъ принялъ требуемую пищу, такъ тотчасъ ея ротъ кривится на сторону, какъ бы предупреждая ее, чтобы она больше не ѣла. Она изображаетъ такимъ образомъ древніе посты христіанъ.

„Нѣкоторыя изъ конвульсіонеровъ вѣшаютъ или велятъ другимъ вѣшать себя, то за шею, то за ноги; онѣ берутъ сабли или другое оружіе, заносятъ руку для удара и этимъ указываютъ на разнородныя страданія, которыя ожидаютъ людей въ будущемъ; священники будутъ тогда низложены и онѣ ихъ низлагаютъ и т. п. Весь этотъ разрядъ конвульсіонеровъ относится къ категоріи *фигуративной*.

Ясновидицы видятъ сны на яву: въ видѣ разныхъ образовъ передъ ними проходятъ преслѣдованія, которымъ подвергаютъ конвульсіонеровъ; онѣ получаютъ вполнѣ внятные предвѣщанія и узнаютъ въ нихъ голосъ діакона Пари, не смотря на то, что никогда не имѣли счастья ни видѣть, ни слышать его.

Перейдемъ къ *оплательницамъ чудесъ*. Онѣ воображаютъ или хотятъ въ томъ убѣдить другихъ, что у нихъ является великій даръ вмѣстѣ съ конвульсіями; чтобы убѣдить въ этомъ, онѣ выпрямляютъ горбы, вправляютъ руки дѣтямъ со сведенными суставами и т. д.

„За ними слѣдуютъ *священницы*; онѣ исполняютъ различные обряды церковной службы. Во время совершенія этихъ обрядовъ онѣ говорятъ на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ, ни для кого непонятномъ, до нихъ самихъ включительно.

„Между конвульсіонерками встрѣчались прорицательницы, дававшія толкованія великимъ истинамъ, открывавшія вещи, скрытыя отъ людей; онѣ узнавали прошедшее и предчувствовали будущее, причемъ произносили иногда длинныя и прекрасныя рѣчи, далеко превосходившія ихъ обыкновенныя способности. Кто-то сообщаетъ даже, что у нихъ необычайные взгляды на душевные недуги и что онѣ глубже вдумались и возвышеннѣе отнеслись къ нимъ, чѣмъ ученые; онѣ

заглядываютъ въ глубину чловѣческаго сердца, обнаруживаютъ грѣхи, внушаютъ раскаяніе и обращаютъ тяжкихъ грѣшниковъ; отличаютъ вещи, принадлежащія діакону Пари отъ всего, что походитъ на нихъ и еще сильнѣе волнуются, когда къ нимъ прикладываютъ эти предметы безъ ихъ вѣдома. То же самое случается съ ними, когда на нихъ кладутъ Янсенистскія книги и рукописи; онѣ узнаютъ конвульсіонеровъ при первомъ ихъ приближеніи; сразу называютъ по имени людей, которыхъ до этого никогда не видѣли; рассказываютъ нѣкоторымъ лицамъ всю ихъ біографію, сообщая о сокровеннѣйшихъ ихъ привычкахъ и открывая передъ ними то, что произошло или должно произойти въ ихъ семьяхъ; нѣкоторымъ сообщаютъ, что тѣ будутъ повѣшены, колесованы или обезглавлены; другимъ сулятъ способность впадать въ конвульсіи и эта способность, дѣйствительно, у нихъ появляется; онѣ предвѣщаютъ собственные припадки и выздоровленіе, также какъ и выздоровленіе другихъ конвульсіонеровъ или лицъ, служащихъ съ этой цѣлью мессы; мало того, онѣ указываютъ съ точностью даже день и часъ, когда должно произойти излеченіе и прибѣгаютъ при этомъ къ нѣкоторымъ странностямъ, вродѣ, наприм., проглатыванія горящихъ угольевъ и т. п.

Во время такого прорицательнаго состоянія конвульсіонерки какъ будто помѣшаны: онѣ не знаютъ и не помнятъ, что говорили; впрочемъ, иногда наблюдается связь между ихъ дѣйствіями и пророчествами. Это почти все, что представляетъ красивая сторона медали“.

„Переверните ее—и вы увидите предметы, менѣе назидательные и болѣе скандальные. Представьте себѣ дѣвушку, которая садится рядомъ съ мужчиной, спина объ спину, причемъ ноги его, для большей силы, привязываются къ какой нибудь устойчивой точкѣ опоры; тогда трое мужчинъ изо-всей силы давятъ на нее спереди и она все-таки встаетъ; затѣмъ 6 мужчинъ изо всѣхъ силъ сжимаютъ ее—трое спереди и трое сзади—послѣ чего 9 здоровенныхъ дѣтинъ начинаютъ растягивать ее изо всѣхъ силъ въ длину на постели, по два за каждую ногу и руку и одинъ за голову; другія конвульсіонерки велятъ какъ бы четвертовать себя въ воздухъ; онѣ иногда ложатся на животъ, причемъ двое мужчинъ бьютъ ихъ ладонями по поясницѣ, поочередно смѣняясь—такое истязаніе продолжается иногда нѣсколько ча-

совъ сряду. Нѣкоторыя требуютъ, чтобы ихъ подбрасывали на простынѣ. Иныя же, стоя на одной ногѣ, велятъ раскачивать себя между двумя скатертями, вслѣдствіе чего онѣ то валятся впередъ, то приподымаются. Въ другихъ случаяхъ готовятъ тюфякъ съ поперечными ремнями, на который конвульсіонерка ложится; во время сильныхъ волненій на ней затягиваются ремни отъ нижней части живота до рукъ, и затѣмъ такимъ же ремнемъ ее сильно дергаютъ за подбородокъ.

„Это еще не все: многія изъ дѣвушекъ появляются въ свободныхъ одеждахъ—безъ кушака, башмаковъ, чулокъ и чепца, причемъ все остальное у нихъ плохо прикрыто. Есть и такія конвульсіонерки, на которыхъ одѣты только короткія кофточки и широкіе кальсоны; это и есть такъ называемое платье конвульсіонерки. Въ этихъ-то нескромныхъ костюмахъ онѣ и совершаютъ свои прыжки, скачки, кувырканія и кривлянія. Мужчины становятся ногами къ нимъ на руки, на ноги, на поясицу, на животъ, на грудь и даже на глаза; они таскаютъ ихъ за ноги, привязанныя къ веревкамъ, причемъ ихъ растрепанные головы то вращаются, то падаютъ, то висятъ нѣкоторое время, оставаясь неподвижными.

Мы такимъ образомъ дошли въ нашемъ изложеніи до знаменитыхъ содѣйствій (*secours*), столь прославившихся во время С.-Медарской эпидеміи. Онѣ заключались въ рядѣ насилій, приводившихъ въ концѣ-концовъ къ давленію на животъ. Припомните, что мною было сказано вначалѣ этой главы объ *истеричныхъ въ зависимости отъ яичниковъ* (*hystériques ovariennes*), т. е. о больныхъ, припадки которыхъ мы въ настоящее время немедленно приостанавливаемъ нажатіемъ на извѣстную часть живота. Ихъ конвульсіи останавливаются на все время, пока продолжается давленіе или содѣйствіе (*secours*), какъ выражались въ XVIII вѣкѣ.

Уже въ ту эпоху подозрѣвали цѣлесообразность этого средства; самый инстинктъ и страданія больныхъ привели ихъ къ открытію средства, нынѣ употребляемаго наукой для успокоенія истеричныхъ; но мистическія идеи, окружавшія ихъ болѣзнь, совершенно сбили съ толку современную медицину.

Прочтемъ изъ «*Convulsions du temps*» исторію сестры Марго и полюбуемся средствами, къ которымъ прибѣгали во время ея припадка.

„Начинались они съ такъ называемыхъ *помочей*, причѣмъ вокругъ тѣла конвульсіонерки пропускалась веревка, оба конца которой за ея спиной держались однимъ лицомъ; два другихъ лица держали ее каждый за одну руку, причѣмъ поочередно притягивали въ свою сторону. Если же вмѣсто того, чтобы брать за руку, ее дергали за кисть руки, то она кричала и жаловалась; въ другомъ мѣстѣ это упражненіе называется *качаніемъ*, и оно въ самомъ дѣлѣ напоминаетъ его.

„Далѣе шли *удары кулакомъ въ грудь*. Чтобы принимать ихъ, сестра Марго садилась, а мужчина, наносившій ихъ, становился передъ ней на колѣни. Надо было ударять именно въ то мѣсто, на которое сестра указывала, подъ самыми сосками, а иначе она жаловалась на боль. Чѣмъ скорѣе дѣйствовалъ наносившій удары, тѣмъ большее облегченіе она чувствовала. Такимъ образомъ Марго иногда получала до 3000 ударовъ подъ рядъ; я это слыхалъ отъ очевидца, считавшаго удары.

„Послѣ того переходили къ *ударамъ по головѣ*. Для успѣшнаго исполненія этой операціи требовалось не менѣе 4 лицъ; они становились вокругъ головы конвульсіонерки и, нанося ей удары, придерживались извѣстнаго ритма; пятый же ударялъ кулакомъ по маковкѣ. Не слѣдовало ударять слишкомъ сильно, но быстро и легко. Это упражненіе безконечно нравилось конвульсіонеркѣ.

„Потомъ ей *надавливали животъ*. Съ этой цѣлью сестра Марго садилась на стулъ, а мужчина обоими кулаками вмѣстѣ сильно давилъ ей животъ. Три, четыре, а иногда пять человекъ напирали на него сзади, чтобы онъ могъ сильнѣе сдавить животъ Марго. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока она не брала за руку одного изъ братьевъ, причѣмъ тотъ немедленно кричалъ: „довольно“! Всѣ участники опыта прекращали тогда свои усилія, чтобы по первому зову вновь приняться за работу.

„Необходимо замѣтить, что для участія въ этихъ опытахъ непременно требуются мужчины.

„Затѣмъ *сжимали кисть руки*. Эта незначительная операція, кажется, служила лишь къ тому, чтобы дать время конвульсіонеркѣ придти въ себя. Въ это время въ ея рукѣ чувствовалось сильное движеніе, похожее на быстрое теченіе воды.

„Послѣ того приступали къ *сжиманію головы*. Одинъ изъ братьевъ обматывалъ ей голову полотенцемъ и завязывалъ

сзади такимъ образомъ, чтобы между полотенцемъ и головой можно было просунуть палку, при помощи которой затѣмъ изо всѣхъ силъ крутили полотенце до тѣхъ поръ, пока конвульсіонерка не говорила: „довольно“. Это называлось *вѣнчать терніями*, что впрочемъ не мѣшало нѣкоторымъ изъ братьевъ во время „вѣнчанія“ отпускать шуточки, очень смѣшившія сестру Марго.

„Все это служило прелюдией къ болѣе значительнымъ и рискованнымъ испытаніямъ. Онѣ начинались *душеніемъ*. Чтобы достигнуть этого, конвульсіонерку помѣщали между двумя табуретами, причемъ на подбородокъ ей клали полотенце, оба конца котораго стягивали назадъ. Затѣмъ на табуреты становилось двое мужчинъ; правыми руками они держали концы полотенца, а лѣвыми опускали на подбородокъ конвульсіонерки, послѣ чего соединяли головы и опираясь на плечи другъ друга приподнимали конвульсіонерку. Другія лица въ это же время тащили ее внизъ, между тѣмъ какъ третьи надавливали рукой на глотку, что и составляло собственно душеніе. Всѣ эти приемы сильно утомляли трудившихся братьевъ.

„Послѣ душенія весьма кстати являлось *встряхиваніе*. Также какъ и въ первомъ случаѣ на подбородокъ конвульсіонерки клалось полотенце, оба конца котораго стягивали назадъ; тогда какой нибудь драбантъ бралъ ихъ въ руки, становился на табуретѣ и поднявъ конвульсіонерку на нѣкоторое разстояніе отъ земли, встряхивалъ ее втеченіе нѣ котораго времени, вродѣ того какъ палачъ вздергиваетъ повѣшеннаго.

„Послѣ встряхиванія на очереди стояло *бросаніе на полъ*. Это дѣлалось при помощи двухъ веревокъ, проведенныхъ по тѣлу конвульсіонерки; одинъ изъ братьевъ держалъ веревку сзади, другой—спереди; двое другихъ мужчинъ держали ее подъ мышками, каждый съ одной стороны. Послѣ этихъ приготовительныхъ операций, всѣ четверо поднимали ее заразъ, какъ можно выше, и сбрасывали на полъ, но такъ, чтобы она могла стать на ноги. Это повторялось до 20 разъ подрядъ, послѣ чего братья давали себѣ отдыхъ, въ которомъ они весьма нуждались, такъ какъ, если эта процедура и могла служить развлеченіемъ для сестры Марго, то, надо признаться, что для братьевъ она была весьма утомительна.

„Затѣмъ шло *дерганье при помощи четырехъ веревокъ*. Оно производилось слѣдующимъ образомъ: Марго сажали на

табуретъ и обматывали ее четырьмя веревками. Четверо мужчинъ держали ихъ концы, сидя на одинаковомъ разстояніи отъ конвульсіонерки. Сидящій сзади „братъ“ упирался ногами въ ея спину; сидящій спереди—въ грудь пониже сосковъ, предварительно снявъ обувь, что впрочемъ нерѣдко сопровождалось болью для Марго; наконецъ братья, сидѣвшіе по бокамъ, упирались такимъ же образомъ въ подмышки конвульсіонерки; послѣ этого всѣ четверо тянули веревки насколько хватало ихъ силъ и сдавливали конвульсіонерку до той минуты, когда несчастная сама давала знакъ—остановиться. Она обыкновенно произносила: „благодарю васъ“.

„Это подготовляло къ *четвертованію*, происходившему слѣдующимъ образомъ: Марго клали спиной на два табурета, послѣ чего ее привязывали къ одному изъ нихъ веревкой; какойнибудь братъ держалъ ее за голову, а четверо другихъ тянули за руки и ноги. Тянувшіе за ноги сидѣли на полу и для большей силы упирались ногами въ деревянный брусъ, положенный подъ табуретомъ; тянувшіе же за руки упирались въ самый табуретъ. Это испытаніе было однимъ изъ самыхъ сильныхъ, и очевидно, со словъ котораго я пишу, не могъ вынести его до конца, услышавъ, какъ трещать кости бѣдной Марго.

„За четвертованіемъ слѣдовали различные способы *костоломовъ*. Первый и самый легкій заключался въ томъ, что кулакомъ ударяли по шеѣ Марго, вродѣ того, какъ ударяютъ по ушамъ кролика, котораго хотятъ убить, но этотъ ударъ не наносилъ Марго ни малѣйшаго вреда. Второй способъ былъ серьезнѣе: брали деревянный брусъ, концы котораго помѣщались на двухъ табуретахъ; два лица садились на нихъ, чтобы удержать брусъ въ извѣстномъ положеніи. Тогда какойнибудь сильный мужчина хваталъ Марго и усиленно подталкивая истеричную, ударялъ ее поясницей о брусъ. Отъ другаго способа дрожь пробѣгаетъ по тѣлу: брали стулъ и поставивъ его на кровать, сажали на него конвульсіонерку, которую привязывали къ нему веревками; два сильныхъ человека хватали тогда согнутую ногу Марго и употребляли всѣ усилія, чтобы придать ей горизонтальное положеніе и притянуть къ концу кровати.

„Но главное испытаніе состояло въ *избіеніи польнями*. Его производили различными способами. Иногда конвульсіонерка ложилась на животъ и ее ударяли по спинѣ; иног-

да она ложилась на спину и ее били по животу; случалось же, что удары сыпались поочередно то по одному боку, то по другому. Орудіемъ для этого суроваго испытанія служило дубовое полѣно; для облегченія трудящихся братьевъ; одинъ конецъ его имѣлъ нѣчто вродѣ ручки, другой же конецъ, ударявшійся о конвульсіонерку, былъ гораздо шире, такъ что получалось нѣчто вродѣ дубины. Очевидецъ, со словъ котораго я пишу, сосчиталъ, что на бѣдную Марго пало до 2000 ударовъ, причемъ она указывала на мѣсто, по которому слѣдовало бить.

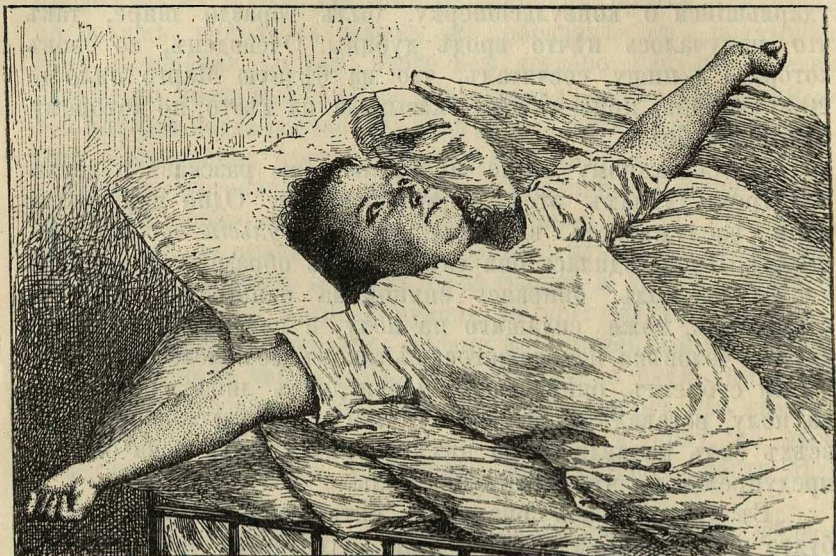
„Къ сказанному выше прибавлю еще разсказъ о двухъ или трехъ дѣлахъ этой конвульсіонерки. Одно изъ нихъ, напр., заслуживаетъ вниманія, это—*конвульсія посоха* (костыля). Производилась она слѣдующимъ образомъ: Марго садилась на полъ, опираясь спиной на одного изъ присутствующихъ, тоже сидящаго на полу, и ногами—въ ступни другаго человѣка, находящагося въ такомъ же положеніи. Тогда третій субъектъ, опираясь на плечи двухъ лицъ, сидѣвшихъ на полу, вставлялъ на конечности ногъ конвульсіонерки, изо всѣхъ силъ надавливая на нихъ до тѣхъ поръ, пока она не предупреждала, что чувствуетъ боль.

„Въ другой разъ она стала бить себя по лицу, какъ будто испытывая какое-то желаніе, о которомъ не говорила. Тогда одинъ изъ братьевъ спросилъ ее, не желаетъ ли она, чтобъ ее *потаскали лицомъ по землѣ*; получивъ утвердительный отвѣтъ, братья тотчасъ же схватили несчастную за ноги, и волоча ее лицомъ внизъ, 136 разъ протащили вокругъ комнаты, имѣвшей 10 аршинъ длины. Ея подбородокъ былъ исцарапанъ камнемъ, попавшимся на пути; но никакихъ другихъ дурныхъ послѣдствій это упражненіе не имѣло“.

Одновременно съ сестрой Марго также прекрасно конвульсіонировала сестра Низетта. Она приказывала вѣшать себя, колесовать и особенно часто распинать. Такая форма часто наблюдается у истеричныхъ, помимо какой бы то ни было религіозной идеи. Контрактура, появляющаяся у нихъ во время припадка, часто принимаетъ эту форму: въ „Фотографической Иконографіи“ Сальпетріера можно найти тому много примѣровъ. Мною извлеченъ оттуда рисунокъ, скопированный съ дѣвушки, лишенной всякой религіозности.

Истязанія, придумываемыя несчастными конвульсіонерками, разнообразны до безконечности, но я принужденъ быть

краткимъ. Молодая дѣвушка 22 или 23 лѣтъ становится у стѣны: какой нибудь атлетъ беретъ тогда тяжелую гирю въ 30 фунтовъ вѣсомъ и наноситъ ей этой соломинкой удары изъ всѣхъ силъ по животу.

Снято по фотографіямъ, сдѣланнымъ въ Сальпетріерѣ.

Насчитывали до 100 такихъ ударовъ и больше. Одинъ изъ братьевъ нанесъ ей однажды 60 подобныхъ ударовъ и послѣ того пробовалъ бить той же гирей по стѣнѣ; присутствовавшіе увѣряють, что на 25-мъ ударѣ въ стѣнѣ образовалось отверстіе“.

Катерина Тюрпенъ велитъ бить себя по животу дубовымъ полѣномъ; маленькая Обигантъ выправляетъ себѣ коротенькую ногу сильными ударами валька. Сестра Жанна Моле велитъ воткнуть себѣ въ животъ громадный ключъ; сестра Габріель Молеръ требуетъ, чтобы ей нажимали эту область двумя большими лопатами съ очень острыми краями; она сама направляетъ желѣзный прутъ, которымъ братья наносятъ ей сотни ударовъ по животу; вмѣстѣ съ сестрой Диной, Фелисите и Мадленой она велитъ втыкать себѣ кинжалы въ тѣло, причемъ кровь не показывается.

Принявъ въ соображеніе неслыханныя преувеличенія, которыми наполнена книга Каре де-Монжерона, мы тѣмъ не менѣе находимъ въ ней изображеніе нашихъ современныхъ истеричныхъ, торжествующихъ, когда имъ удастся показываться передъ зрителями и удивлять ихъ.

Король, которому наскучилъ шумъ и огласка, производимые конвульсіонерами, рѣшилъ прекратить эпидемію и приказалъ засадить въ госпиталь знаменитѣйшихъ акробатовъ и ихъ сподвижниковъ. Совѣтникъ Каре де-Монжеронъ, посвятившій ей свое трехтомное сочиненіе, только что разобранное нами, былъ посаженъ въ Бастилію.

Тѣмъ не менѣе по временамъ происходили еще тайныя демонстраціи конвульсіонеровъ, но онѣ дѣйствовали все мѣнѣе и менѣе заразительно, а въ 1762 г. мы видимъ уже послѣднія „чудеса“. У янсенистовъ больше не оказывалось сторонниковъ, а ихъ враги іезуиты только что были изгнаны изъ Франціи при Людовикѣ XV. Борьба такимъ образомъ кончилась вслѣдствіе отсутствія борцовъ; тѣмъ не менѣе XVIII вѣкъ не былъ еще окончательно избавленъ отъ умственныхъ эпидемій. Вскорѣ онъ попадетъ подъ власть магнетизма.

Заканчивая исторію Сентъ-Медарскихъ явленій, позволимъ себѣ маленькое размышленіе.

Наше злосчастное челоуѣчество какъ будто обречено вѣчно вращаться въ заколдованномъ кругу. Въ настоящее время нѣтъ болѣе нигдѣ конвульсіонеровъ кромѣ госпиталей, но „чудеса“ все еще совершаются: нетрудно было бы назвать такія мѣстности, гдѣ параличи, срастенія членовъ и водянки вылечиваются какъ бы по колдовству. Тамъ, подобно могилѣ діакона Пари, можно было бы найти много брошенныхъ костылей...

Тамъ по прежнему раздаются восторженные крики толпы.

150 лѣтъ научныхъ трудовъ и открытій не произвели никакой перемѣны. Одна часть общества вернулась къ старымъ заблужденіямъ, направляющимъ и льстящимъ ея вкусамъ.

.

СОНЪ И СОННАМБУЛИЗМЪ.

XVIII и XIX ВѢКЪ.

СОНЪ И СОННАМБУЛИЗМЪ.

Сонъ и Сомнамбулизмъ.

Когда Мильнъ-Эдвардсъ, предсѣдатель Научной Французской Ассоціаціи, предложилъ мнѣ прочесть лекцію о сомнамбулизмѣ, то, сознаюсь, я долго колебался прежде чѣмъ принять это предложеніе. Въ наукѣ, повидимому, встрѣчаются предметы, отъ изложенія которыхъ осторожный человѣкъ всегда воздерживается и—опасные вопросы, заниматься которыми никогда не бываетъ выгодно. Сомнамбулизмъ, или, какъ неточно продолжаютъ его называть нѣкоторыя лица, животный магнетизмъ несомнѣнно принадлежитъ къ этой категоріи.

Таинственный по существу, извѣстный намъ лишь по своимъ результатамъ, онъ противъ себя имѣетъ еще всѣхъ своихъ послѣдователей, въ числѣ которыхъ до послѣдняго времени встрѣчались лишь одураченные люди, принимавшіе все на вѣру, и шарлатаны, желавшіе импонировать.

Я долго наединѣ съ собой раздумывалъ объ этомъ, такъ какъ не хотѣлъ попасть ни въ ту, ни въ другую изъ этихъ двухъ категорій. Но одно обстоятельство заставило меня рѣшиться: я зналъ, что буду имѣть дѣло съ аудиторіей, привыкшей къ научнымъ бесѣдамъ и къ анализу фактовъ; я зналъ, что великія и недавнія открытія въ области физики научили ее ничему не удивляться и ничего не отвергать апріорно въ сферѣ точныхъ наукъ. А, слѣдовательно, думалось мнѣ, и по отношенію къ физиологіи ея умъ долженъ быть настроенъ такимъ же образомъ.

Я постараюсь познакомить читателя съ тѣмъ, что понимается людьми просвѣщенными и заслуживающими довѣрія подъ странной нервной болѣзью, именуемой *сомнамбулизмомъ*.

Незабвенный Мольеръ въ одномъ изъ своихъ произведеній сказалъ, что отъ опиума засыпають, вслѣдствіе того, что онъ обладаетъ снотворнымъ свойствомъ; эта фраза, заключающая въ себѣ, повидимому, горькую критику на медицину, на самомъ дѣлѣ служить самымъ опредѣленнымъ, точнымъ и полнымъ объясненіемъ научнаго факта: опиумъ усыпляетъ, потому что обладаетъ снотворнымъ дѣйствіемъ. Намъ невозможно и въ настоящее время прибавить къ этому опредѣленію что либо, и если бы мы сказали, что онъ усыпляетъ, потому что воспаляетъ мозгъ, то намъ пришлось бы все-таки прибавить, что онъ воспаляетъ мозгъ вслѣдствіе своего воспалительнаго свойства. Но такая варіація только отодвигала бы задачу, а не рѣшала ея.

Эту ораторскую предосторожность мнѣ необходимо было предпослать лекціи, чтобы лучше обозначить ея духъ и цѣль. Я буду указывать читателю на факты, излагать передъ нимъ опыты и надѣюсь убѣдить его при помощи доказательствъ, но воздержусь отъ всякихъ объясненій. Роль науки исчерпывается констатированіемъ фактовъ и опредѣленіемъ условій, при которыхъ они совершаются; но она не въ состояніи указать на ихъ причину. Почему тѣло, предоставленное самому себѣ, притягивается землей? Почему земля тяготѣетъ къ солнцу? Почему кислородъ и водородъ соединяются? Почему кусокъ желѣза, вокругъ котораго циркулируетъ токъ, получаетъ способность притягивать желѣзо? Все это намъ неизвѣстно. Мы только знаемъ, что это такъ; мы констатируемъ, но не объясняемъ.

Почему же намъ не отнестись точно также и къ вопросамъ, касающимся сомнамбулизма? Слѣдствія, производимыя этой нервной болѣзью, кажутся намъ необыкновенными только потому, что мы къ нимъ не привыкли; но въ дѣйствительности они несравненно обыкновеннѣе, чѣмъ результаты въ области физическихъ явленій, только что мною упомянутыхъ, и вы сейчасъ увидите, что они только завершаютъ очень простыя фізіологическія явленія, никѣмъ не оспариваемыя. Сохранимъ свою роль—ограничимся только анализомъ фактовъ, выдѣлимъ ихъ изъ той массы безсмыслицъ,

которыми ихъ наводнили; будемъ констатировать факты, но не объяснять.

Намъ, разумѣется, придется остерегаться обмана. Человѣкъ смѣшленный и опытный всегда сумѣетъ оградить себя отъ него, и тѣ немногіе врачи, которые увѣряютъ, что это невозможно, тѣмъ самымъ какъ бы признаютъ свою умственную безпомощность. Если долгіе годы, проведенные ими въ научныхъ занятіяхъ, не сдѣлали ихъ, людей образованныхъ, способными распознавать фокусы какихъ нибудь шарлатановъ или истеричныхъ дѣвъ, то, согласитесь, что труды ихъ были не особенно плодотворны. Я остаюсь при прежнемъ намѣреніи, а именно буду собирать передъ вами только факты, хорошо констатированные, и отбрасывать тѣ изъ нихъ, которые не происходили на виду у всѣхъ или настолько уклоняются отъ фізіологическихъ истинъ, что будетъ осторожнѣе отложить на время ознакомленіе съ ними.

Сомнамбулизмъ — это нервная болѣзнь, которую можно вызвать, лечить и вылечить. Она состоитъ въ измѣненіи одного фізіологическаго отправленія, а именно—сна. Вотъ почему мы прежде всего должны коснуться сна и разобрать его нормальное функціонированіе, чтобы тѣмъ лучше уяснить себѣ измѣненія, въ немъ происходящія.

Великій законъ, отъ власти котораго никто не освобождается въ природѣ, заключается въ томъ, что за дѣятельностью долженъ слѣдовать отдыхъ. Наши органы не могутъ безконечно работать; наше сердце, повидимому бьющееся непрерывно, на самомъ дѣлѣ отдыхаетъ втеченіи нѣкотораго времени, послѣ каждаго удара: вмѣсто того чтобы брать большой отдыхъ послѣ продолжительной дѣятельности, оно пользуется очень короткимъ послѣ каждаго періода дѣйствія.

Нашъ головной мозгъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила и, проработавъ цѣлый день, требуетъ отдыха; онъ перестаетъ тогда дѣйствовать, если не вполне, то отчасти, предоставляя другимъ нервнымъ центрамъ, напр., спинному мозгу, заботу объ управленіи оставшихся еще активными функцій организма.

Что происходитъ въ это время съ душой—я, право, затрудняюсь вамъ сказать; къ тому же это не входитъ въ сферу моихъ знаній: я имѣю въ виду разобрать здѣсь только чисто фізіологическую сторону сна.

Нѣкоторые изъ занимавшихся этимъ вопросомъ писателей, разсматривали сонъ, какъ нормальное состояніе; наше рожденіе считалось пробужденіемъ, смерть—возвращеніемъ къ нервобитному состоянію, а жизнь была лишь эпизодомъ, втеченіи котораго этотъ вѣчный сонъ прерывался рядомъ бодрствованій и періодами дѣятельности... Бюфонъ былъ менѣе исключителемъ, чѣмъ эти господа, и утверждалъ, что сонъ есть такой же реальный и даже болѣе общій видъ существованія, чѣмъ всякій другой: „Всѣ организованныя существа, не одаренныя разумомъ, живутъ такимъ образомъ“, говорилъ онъ.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ общихъ разсужденіяхъ; возвратимся лучше къ нашей роли наблюдателя и посмотримъ, что происходитъ съ человѣкомъ, когда онъ засыпаетъ.

Первый признакъ, наблюдаемый нами, состоитъ въ ослабленіи мышцъ; все тѣло обезсилено, руки опускаются и роняютъ книгу, которую до тѣхъ поръ держали, голова склоняется на грудь. За этимъ первымъ результатомъ сна слѣдуетъ усыпленіе органовъ чувствъ. По видимому, прежде всего перестаетъ служить зрѣніе: тогда внѣшній міръ исчезаетъ и начинается сновидѣніе. Иногда, особенно же часто у дѣтей, возникаетъ удивительный міражъ, напоминающій фигуры блестящаго калейдоскопа—въ глазахъ появляется нѣчто вродѣ фейерверковъ съ быстро проходящими разноцвѣтными огнями всевозможныхъ формъ. Затѣмъ все исчезаетъ; сонъ уже близокъ, но еще неполонъ, слухъ еще бодрствуетъ; это—последнее чувство, которое гаснетъ. Зачастую, засыпая, приходилось намъ вдругъ услышать, какъ произносятъ наше имя или упоминаютъ о предметѣ, особенно для насъ интересномъ. Мы тогда внезапно пробуждались и произносили стереотипную фразу: „а я уже было совсѣмъ заснулъ“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ слухъ, благодаря своей дѣятельности, способствуетъ въ извѣстной мѣрѣ и усыпленію. Нерѣдко монотонность какого-нибудь звука усыпляла насъ, когда среди безмолвія окружающей природы до насъ долетали мѣрные удары отъ прибоя морскихъ волнъ или шелестъ листьевъ въ лѣсу. По той же самой причинѣ мамки и няньки усыпляли насъ въ дѣтскомъ возрастѣ своими колыбельными пѣсенками: они пользовались тѣмъ, что наши уши еще были воспріимчивы къ звуковымъ впечатлѣніямъ, когда мы по видимому уже

спали. Примѣры, которые я могъ бы привести, безчисленны. Какъ часто мы тоже медленно засыпали подъ звуки однообразной и размѣренной рѣчи многословнаго и скучнаго оратора! Умъ сначала напрягается, а затѣмъ ослабѣваетъ; слова слѣдуютъ за словами, это походитъ на однообразіе тиканія часовъ—смыслъ словъ утрачивается и только, когда ораторъ наконецъ останавливается, слушатель внезапно пробуждается.

Мнѣ немного придется сказать объ усыпленіи обонянія и вкуса: они повидимому быстро утрачиваются и даже не сохраняются въ сновидѣніяхъ. Брилья-Саваренъ, писатель хотя и не принадлежащій къ цеху ученыхъ, но, несмотря на это, наблюдатель весьма тонкій и провицательный, обращаетъ наше вниманіе на то, какъ рѣдко ощущенія, испытываемыя нами во снѣ, касаются вкуса или обонянія. Когда видишь во снѣ садъ или лугъ, то замѣчаешь только цвѣты, но не ихъ запахъ; если снится, что сидишь за банкетомъ, то видишь кушанья, но не ощущаешь ихъ вкуса.

Осязаніе, повидимому, бодрствуетъ не дольше зрѣнія. Но за то даже и не особенно сильныхъ осязательныхъ впечатлѣній достаточно, чтобы быстро прогнать сонъ. Утверждаютъ, что складки въ листкѣ розы было достаточно, чтобы помѣшать сибариту спать; примемъ во вниманіе преувеличеніе и сознаемся, что въ дорогѣ нерѣдко необычная жесткость отельной постели долго мѣшала намъ спать, несмотря на страшную усталость. Но въ то время, когда соединительныя нити съ внѣшнимъ міромъ какъ бы порываются, внутреннія отправленія организма продолжаютъ свое дѣйствіе и наша машина не перестаетъ работать, только она не контролируется болѣе нашей волей—все происходитъ *автоматически*. Это слово такъ часто будетъ встрѣчаться въ моемъ изложеніи, что я принужденъ остановиться на минуту, чтобы пояснить, какой смыслъ мною придается ему.

Въ обыденной жизни наша воля непрерывно бодрствуетъ; она контролируетъ движенія нашихъ органовъ и руководитъ нашими дѣйствіями. Между ними есть однако и такія, которыя мы совершаемъ, не думая о нихъ. Такъ, на примѣръ, мы расширяемъ нашу грудную клѣтку, когда ощущаемъ потребность впустить въ нее свѣжій воздухъ. Мы иногда дѣлаемъ это произвольно, но въ большинствѣ случаевъ это происходитъ съ нашей стороны безсознательно: среднимъ числомъ

мы производимъ такимъ образомъ тысячу движеній грудной кѣтки въ часъ, не замѣчая того и даже не ощущая потребности дышать. Отсюда не слѣдуетъ однако заключать, что причины, производящія эту потребность или ощущеніе, въ данномъ случаѣ отсутствуютъ; это значитъ только, что дѣйствіе получаемого ощущенія не достигаетъ разсудка; оно останавливается на пути; ощущеніе, не достигши мозговыхъ полушарій, отражается (рефлектируется) въ спинномъ мозгу. Существуютъ такъ называемыя рефлекторныя дѣйствія. Въ нормальномъ состояніи, впечатлѣнія, воспріятыя поверхностью тѣла, предупреждаютъ нашъ мозгъ; послѣдній немедленно посылаетъ приказъ, въ силу котораго наши органы реагируютъ. Предположимъ, что я обжигаю себѣ кончикъ пальца; болевое впечатлѣніе достигаетъ моего мозга, который моментально приказываетъ мышцамъ сократиться—и моя рука отдергивается. Но можетъ случиться, и это бываетъ часто, что наша рука отдергивается гораздо раньше, чѣмъ мозгъ уяснилъ себѣ опасное положеніе, въ которомъ находился нашъ палецъ; въ этомъ случаѣ ощущеніе очень сильно повліяло по дорогѣ на спинной мозгъ и этотъ центръ уже послалъ рукѣ приказаніе отдернуться въ то время, когда нашъ умъ еще не былъ ни о чемъ предупрежденъ. Ощущеніе отразилось тогда въ спинномъ мозгѣ какъ въ зеркалѣ и получилось *рефлективное* дѣйствіе. Вы видите, какъ это просто. Я бы могъ увеличить число примѣровъ до безконечности: чиханье, истеченіе слюны, движеніе внутренностей, все это простыя, рефлективныя дѣйствія, управляемыя спиннымъ мозгомъ.

Хотите тому доказательствъ? Извольте. Беру лягушку, предвѣстительно обезглавленную: у ней больше нѣтъ мозга, а слѣдовательно она лишена ума и не можетъ ни чувствовать, ни желать. Я кладу на ея лажку каплю кислоты и лягушка тотчасъ же начинаетъ усиленно двигаться. Она употребляетъ всѣ усилія для удаленія этой кислоты. Между тѣмъ въ ней дѣйствуетъ одинъ только спинной мозгъ; она совершаетъ съ помощію его рядъ рефлективныхъ, комбинированныхъ и ассоціированныхъ дѣйствій.

Вы вѣроятно думаете, что я далеко уклонился отъ сомнамбулизма. Мы, напротивъ, очень къ нему приблизились и скоро увидимъ, что сомнамбулъ есть существо, мозгъ котораго уничтоженъ какъ у той лягушки, и самъ онъ дѣйствуетъ исключительно автоматически.

Въ сущности, сонъ физиологически характеризуется усыпленіемъ всѣхъ чувствъ и произвольныхъ движеній съ сохраненіемъ рефлексивныхъ и автоматическихъ дѣйствій.

Мы впрочемъ вновь встрѣтимся съ этими послѣдними въ сновидѣніяхъ и такимъ образомъ медленно, но вѣрно подойдемъ къ изученію сомнамбулизма.

Въ тотъ моментъ, когда усыпляются наши чувства, они посылаютъ нашему мозгу послѣднее воздѣйствіе, изъ котораго создается послѣдняя идея, воспринимаемая нами; по отношенію къ ней познавательная способность и наше воображеніе какъ бы совершенно свободно или не занято. Отсюда вытекаетъ, что эта идея производитъ болѣе сильное впечатлѣніе и что она можетъ съ быстротою молніи создавать цѣлый рядъ другихъ идей — образовъ, развертывающихся широкою лентой и принимаемыхъ за реальные нашимъ не вполне усыпленнымъ умомъ, такъ какъ уничтожена одна лишь способность къ воспріятіямъ, способность же понимать еще существуетъ. Этотъ рядъ сцѣпленныхъ идей и есть сновидѣніе. Если рядъ не нарушенъ, то сновидѣніе получается связанное; если же связь неполная, то передъ нами возникаютъ безсмысленныя сновидѣнія, о которыхъ мы иногда вспоминаемъ, улыбаясь, на другой день.

Во всякомъ случаѣ ничто не протекаетъ такъ быстро, какъ сновидѣніе; его продолжительность никакъ не превышаетъ промежутка времени, необходимаго для созданія при помощи воображенія ряда идей; иной сонъ, длившійся, по видимому, цѣлую ночь, на самомъ дѣлѣ занималъ нашъ мозгъ лишь втеченіи нѣсколькихъ минутъ.

Какъ часто насъ будили, напримѣръ, не давши намъ хорошенько заснуть и прерывая почти въ самомъ началѣ нашъ сонъ, въ который мы погрузились послѣ сильного утомленія? Въ теченіи немногихъ протекшихъ минутъ мы успѣли увидѣть длинное сновидѣніе, и, если бы не часы, убѣждающіе насъ въ неоспоримой истинѣ, то мы были бы увѣрены, что спали втеченіи нѣсколькихъ часовъ.

Такимъ образомъ, для многихъ физиологовъ и для нѣкоторыхъ психологовъ, сновидѣніе есть только продолженіе и сцѣпленіе идей первоначальнаго воспріятія (*notion première*), оставленнаго чувствами мозгу въ моментъ ихъ усыпленія, или же внесеннаго ощущеніемъ въ мозгъ, по

его пробужденіи, но во время длившагося еще усыпленія чувствъ.

Доказательствомъ этому служить тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ лицъ можно бываетъ вызывать сновидѣнія и направлять ихъ. У нѣкоторыхъ малокровныхъ молодыхъ дѣвушекъ шумъ отъ дыханія, происходящій въ артеріяхъ, достигаетъ слуха и воспринимается мозгомъ во время сна. Вслѣдствіе этого возникаютъ всегда одинаковые сны. Городская молодая дѣвушка будетъ видѣть во снѣ концертъ или балъ; дѣвушка съ болѣе развитыми религіозными представленіями услышитъ во снѣ пѣніе ангеловъ и гимны святыхъ; деревенской жительницѣ послышится завыванье вѣтра въ лѣсу, или грохотъ отъ дождя, барабанящаго по крышѣ, журчанье ручейка или щебетанье птичекъ. Чувства доставляютъ первоначальную (исходную) идею, а воображеніе добавляетъ остальное. Наконецъ возможно, какъ я уже говорилъ, направлять сновидѣнія: у нѣкоторыхъ лицъ, подверженныхъ кошмарамъ, внезапный зовъ или необычный толчокъ могутъ измѣнить направленіе сновидѣнія, разбудить часть мозга и вызвать благодаря этому отвѣты и рѣчи со стороны спящаго, указывающіе на измѣненіе въ направленіи, принятомъ сновидѣніемъ, и на его соотвѣтствіе съ тѣмъ, что было внушено экспериментаторомъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ нормальное состояніе; расширьте его и передъ вами предстанетъ неврозъ, именуемый *сомнамбулизмомъ*.

На этотъ знаменитый неврозъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на усыпленіе, распространяющееся лишь на способность воспріятія, но не на познавательную способность, — какъ на сновидѣніе, ходъ котораго можетъ быть измѣненъ, благодаря внушеніямъ присутствующихъ, — какъ на автоматизмъ, зависящій отъ бездѣйствія части головного мозга и преобладанія спиннаго. Дѣйствія этого невроза кажутся поразительными, только когда не анализируешь ихъ или же ограничиваешься поверхностнымъ ихъ наблюденіемъ.

Я слѣдовательно не ошибался, утверждая, что изученіе нормальнаго сна необходимо для вѣрнаго пониманія болѣзней, находящихся въ зависимости отъ него.

Отчего зависитъ сонъ въ фізіологическомъ отношеніи? Если удалить черепной покровъ и обнажить поверхность мозга у усыпленной собаки, то мы замѣтимъ, что во время

сна поверхность эта носить блѣловатый оттѣнокъ, а тотчасъ по пробужденіи она становится розовой. Наблюдалось также, что розоватый оттѣнокъ появляется и тогда, когда собака совершаетъ рядъ автоматическихъ движеній, дающихъ поводъ предполагать, что она видѣла сонъ. Слѣдовательно, сонъ, повидимому, обуславливается внезапной анеміей мозга; и, дѣйствительно, можно усыпить человѣка или животное надавливаніемъ на шейныя артеріи, т. е. не давая крови проникнуть въ мозгъ. Но это вопросы нѣсколько еще загадочные, и я предпочитаю оставить ихъ въ сторонѣ, чтобы прежде всего заняться болѣзнями сна.

Первое изъ наблюдаемыхъ видоизмѣненій сна есть излишекъ его, называемый *летаргіей*. Это слово вызоветъ навѣрно въ читателяхъ весьма разнообразныя представленія. Однимъ придуть на память страшныя исторіи, всюду разсказываемыя безъ достаточныхъ доказательствъ, гдѣ повѣствуется о случаяхъ погребенія мнимо-умершихъ, страдавшихъ этой болѣзью. Другіе припомнятъ при этомъ волшебную сказку о спящей красавицѣ, впавшей въ летаргію въ своемъ заколдованномъ замкѣ и ожидающую появленія принца. На повѣрку оказывается, что страшныя исторіи невѣрны, и наукѣ приходится брать подъ свою защиту сказку. Я васъ безъ сомнѣнія очень удивлю, сообщивъ, что спящая красавица дѣйствительно могла существовать: что скажете вы, если я вамъ объявлю, что она существуетъ и находится въ данное время въ Парижѣ?

Дѣйствительно, теперь помѣщается въ одномъ изъ госпиталей, въ Сальпетріерѣ, 45-лѣтняя женщина, проспавшая на моихъ глазахъ болѣе года. Сообщая эту исторію, мнѣ легко будетъ познакомить васъ съ главнѣйшими чертами, характеризующими летаргію. Эта больная, помимо страннаго невроза, которому она подвержена, поступила въ госпиталь вслѣдствіе паралича нижнихъ конечностей. Она уже болѣе 20 лѣтъ прикована къ постели, приобрѣла необычайную полноту и отличается слабой понятливостью, хорошимъ здоровьемъ и вообще очень покойна. За нѣсколько дней до припадка она начинаетъ волноваться, становится болтливой и часто подвергается такимъ интенсивнымъ припадкамъ истерическаго хохота, что всѣ окружающіе заражаются имъ. Всѣмъ уже извѣстно, что это за признакъ, и сидѣлки увѣдомляютъ врачей, что спящая погружается въ свой продолжительный сонъ.

Смѣхъ утихаетъ, глаза смыкаются, члены безжизненно падаютъ и такое состояніе можетъ длиться отъ 8 дней до года. Во все это время больную кормятъ при помощи зонда, и никакое внѣшнее раздраженіе неспособно ее разбудить. По временамъ она испускаетъ вздохъ, затѣмъ все погружается въ покой. Съ внѣшней стороны это состояніе походитъ на смерть. Больная остается въ такомъ положеніи цѣлые мѣсяцы: блѣдная, неподвижная, безъ всякихъ признаковъ жизни. Вотъ типичная летаргія. Это — продолжительный сонъ, вѣроятно наполненный сновидѣніями. Въ одинъ прекрасный день больная просыпается и весьма удивлена, что видитъ изъ оконъ снѣгъ, между тѣмъ какъ она заснула весной, окруженная цвѣтами.

Второе состояніе, могущее явиться вслѣдствіе видоизмѣненія сна, есть *сомнамбулизмъ*.

Изученіе этого знаменитаго невроза принято дѣлить на двѣ части. Признаютъ два вида сомнамбулизма: 1) естественный сомнамбулизмъ, зарождающійся произвольно и не допускающій особеннаго воздѣйствія со стороны и 2) искусственный или вызванный, подающій поводъ къ пріемамъ, неточно названнымъ *магнетическими*. Я считаю это различіе основательнымъ и, если результаты обоихъ неврозовъ очень сходны, то тѣмъ не менѣе сущность ихъ должна быть различна: вы сами это поймете при ближайшемъ съ ними знакомствѣ.

Нѣкоторые врачи называютъ произвольный сомнамбулизмъ *автоматизмомъ*. Это названіе мнѣ кажется несравненно болѣе подходящимъ, чѣмъ первое: во-первыхъ, оно не даетъ повода къ смѣшиванію, ясно выражая самую сущность невроза, и во-вторыхъ—есть нѣсколько степеней этой болѣзни. Самая простая изъ нихъ состоитъ въ усыпленіи ума, причемъ не всѣ чувства и органы усыплены. Мы уже видѣли, что въ естественномъ снѣ умъ бодрствуетъ въ то время, когда мышечныя группы уже исполнѣли; возможно также и обратное явленіе: умъ можетъ заснуть, между тѣмъ какъ органы сохраняютъ еще всѣ признаки дѣятельности и бодрствованія. Такимъ образомъ въ деревняхъ, въ длинные зимніе вечера, наблюдались случаи, что глубоко уснувшія женщины продолжали вязать или прясть; всѣ ихъ движенія совершались нормально; но если ихъ спрашивали, то онѣ не отвѣчали, такъ какъ онѣ спали. Я знаю одну 12-лѣтнюю дѣвочку, которая очень часто представляла слѣдующее стран-

ное явленіе: во время прогулокъ, совершаемыхъ ею въ лѣтніе вечера съ родными по очень ровной дорогѣ — и всегда по одной и той же — она иногда, очень утомившись, умолкаетъ и не отвѣчаетъ на вопросы; дѣвушка въ это время спитъ, а между тѣмъ продолжаетъ идти и даже соразмѣряетъ свои шаги съ быстротой походы сопровождающихъ ея лицъ. Достаточно впрочемъ легкаго встряхиванія, чтобы она тотчасъ же проснулась.

Мнѣ нерѣдко приходилось слышать отъ проводниковъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, что во время ночныхъ восхожденій необходимо почаще стегать лошадей, такъ какъ иначе онѣ на ходу засыпаютъ и легко могутъ сорваться съ кручи. Одинъ изъ распорядителей компаніи омнибусовъ на дняхъ еще подтвердилъ мнѣ это, сообщивъ, что часто во время вечерней ѣзды запряженные лошади спятъ и тѣмъ не менѣе совершаютъ свои рейсы.

Если бы, придерживаясь этимологіи, называть сомнамбулизмомъ соединеніе сна и ходьбы, то сообщенныя нами явленія несомнѣнно слѣдовало бы отнести къ этой категоріи. На самомъ же дѣлѣ это только уклоненія отъ порядка, въ которомъ засыпаютъ наши отправления и способности или — самое бѣднѣе — первая ступень автоматизма. Настоящій естественный сомнамбулизмъ представляетъ нѣчто совсѣмъ иное. Вмѣсто того, чтобы дать его опредѣленіе, я предпочитаю сообщить нѣсколько фактовъ, которые обрисуютъ вамъ его со всѣхъ сторонъ.

Когда я былъ ординаторомъ въ госпиталѣ С.-Антуанъ, мнѣ удалось наблюдать вмѣстѣ съ докторами Мене, Мори и многими другими выдающимися лицами, самый любопытный случай автоматизма, который когда либо былъ замѣченъ.

Онъ касался стараго зуава, получившаго во время Базейльской битвы громадную рану въ голову, рану, обнажившую его мозгъ. Несчастный остался на мѣстѣ парализованный и въ безсознательномъ состояніи. Поднятый враждебной арміей, онъ пользовался тамъ хорошимъ уходомъ и постепенно пришелъ въ себя; его параличъ даже исчезъ впослѣдствіи, такъ что черезъ два года онъ сталъ вести свой обычный образъ жизни. Одаренный сомнительнымъ талантомъ, зуавъ подвизался въ качествѣ пѣвца на подмосткахъ кафешантановъ. Въ это самое время его поразилъ тотъ страшный неврозъ, о которомъ я намѣренъ говорить здѣсь. Въ

извѣстные дни на него находила грусть, потомъ онъ вдругъ вставалъ, одѣвался и начиналъ странствовать по улицамъ. Несчастный все шелъ въ прямомъ направленіи, ничего не видя, и натыкался на разныя препятствія, если не нащупывалъ ихъ въ-время протянутыми впередъ руками.

Больной находился тогда, говоря языкомъ современныхъ врачей, во *вторичномъ* состояніи (*condition seconde*), такъ какъ *первичнымъ* его состояніемъ было нормальное. Ничто во внѣшнемъ видѣ этого сомнамбула не обратило бы на него общественнаго вниманія, еслибы не одна особенность, не лишенная значенія. Несчастнаго въ эти промежутки преслѣдовала страсть къ воровству, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся; всякій блестящая вещь, цѣнная или ничего не стоящая, дѣлалась предметомъ его алчности: онъ бралъ интересовавшую его вещь просто съ лавочныхъ выставокъ и клалъ ее, не спѣша и безъ смущенія, въ карманъ. Онъ даже не заботился о томъ, смотритъ ли на него торговецъ и находится ли при этомъ полицейскій агентъ или нѣтъ. Вы поймете, что подобные приемы нельзя долго практиковать безнаказанно въ Парижѣ, не обративъ на себя вниманія, и дѣйствительно зуавъ былъ почти немедленно арестованъ. Тюремный врачъ выдалъ ему *свидѣтельство о невмѣняемости*, и больной былъ отправленъ къ г. Мене, который демонстрировалъ его передъ товарищами и учениками. Въ госпиталѣ старикъ вступалъ во *вторичное* состояніе приблизительно по разу въ мѣсяцъ; припадокъ начинался своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, и больной отправлялся въ путь; онъ шелъ, чуждый окружающему, съ руками нѣсколько вытянутыми впередъ, съ неподвижными и безжизненными глазами, обходилъ препятствія, поднималъ блестящіе предметы—часы, ложки, стаканы—и клалъ все это въ карманъ своей больничной блузы. Когда ихъ отнимали у него, онъ безъ малѣйшаго сопротивленія отдавалъ все забранное. Зуавъ ничего не говорилъ, ничего не видѣлъ и не слышалъ. Лучъ солнца, направленный ему прямо въ глаза, не заставлялъ его ни оборачиваться, ни моргать; отъ оглушительнаго звука, у самыхъ его ушей, онъ не вздрагивалъ. Даже кожа его отличалась полной нечувствительностью: ее можно было прокалывать желѣзными прутьями, жечь—и онъ даже не отдергивалъ руки. Вотъ настоящій естественный сомнамбулизмъ. Умъ спитъ;

способность къ воспріятію и къ разсудочной дѣятельности исчезла, чувства отчасти уничтожены, органическая жизнь продолжается, человѣкъ превращается въ нѣчто, похожее на ту лягушку, у которой я вынулъ мозгъ, т. е. сѣдалище умственной дѣятельности. Но у сомнамбула, какъ вѣрно замѣтилъ Шарль Рише, мозгъ только спитъ: его можно или совсѣмъ разбудить, или отчасти, вызвавъ въ немъ лишь одну какую нибудь мысль, которая тогда превратится въ источникъ сновидѣнія, подобно тому, какъ послѣдняя мысль, которую мы имѣли, засыпая естественнымъ сномъ, можетъ служить точкой отправленія для сновидѣнія, наполняющаго цѣлую ночь. Сонъ сомнамбула имѣетъ нѣкоторыя особенности, потому что извѣстное количество функціональных способностей, между прочимъ способность къ движенію, не утрачивается, а продолжаетъ бодрствовать.

Субъектъ заснулъ; ему даютъ въ руки трость; онъ щупаетъ ее, перевертываетъ—и лицо его оживляется; онъ прикладываетъ ее къ плечу, такъ какъ принимаетъ ее за ружье. Одна идея пробуждается въ этомъ утомленномъ мозгѣ, и она уже влечетъ за собой цѣлый рядъ другихъ, ассоціированныхъ съ ней. Сновидѣніе теперь образовалось, память вступила въ свои права—и мы становимся свидѣтелями любопытной сцены. Этотъ старый зуавъ начинаетъ осторожно ступать, прислушивается, быстро отступаетъ и прячется за кровать; онъ прикладываетъ трость къ плечу, наводитъ ее, прицѣливается, потомъ беретъ воображаемый патронъ, вновь заряжаетъ свое оружіе и цѣлится; его глаза принимаютъ дикое выраженіе; онъ кричитъ: „Вотъ они! ихъ по крайней мѣрѣ сотня! на помощь!“ и затѣмъ падаетъ навзничъ, быстро хватаясь рукой за лобъ, послѣ чего зуавъ лежитъ какъ мертвый, и сновидѣніе оканчивается.

Тогда пытаются вызвать въ немъ другое сновидѣніе при помощи внушенія. Больному даютъ понять, что онъ пѣвецъ, находящійся на сценѣ. Съ этой цѣлью ему вручаютъ свертокъ бѣлой бумаги, который онъ серьезно разсматриваетъ; въ то же время передъ его глазами проносятъ зажженную лампу, которая должна вызвать въ немъ представленіе о рампѣ. Успѣхъ получается полный: больной пробуетъ голосъ, но почему-то кажется сконфуженнымъ и снимаетъ свою больничную куртку; тогда одинъ изъ врачей даетъ ему свой сюртукъ; онъ беретъ платье, но пораженъ чѣмъ-то краснымъ.

Это—розетка Почетнаго Легіона, приколотая къ отвороту; онъ быстро схватываетъ ее и прячетъ въ карманъ, затѣмъ одѣваетъ сюртукъ, раза два или три откашливается и начинаетъ пѣть одну изъ патріотическихъ мелодій. Въ другой разъ ему даютъ перо и бумагу и онъ начинаетъ автоматически писать. Зуавъ пишетъ своему прежнему генералу и проситъ его о какой-то милости; когда письмо окончено, его быстро отдергиваютъ отъ больнаго, такъ что передъ нимъ остается только листъ бѣлой бумаги, лежавшей прежде подъ письмомъ; онъ перечитываетъ тогда этотъ бѣлый листъ, ставитъ кое-гдѣ знаки препинанія и храбро подписывается внизу листа.

Наконецъ больной просыпается и очень удивленъ, что лежитъ въ постели среди бѣлаго дня, окруженный народомъ и незнакомыми лицами—*онъ ничего не помнитъ*. Здѣсь мы видимъ предъ собою типичный случай сомнамбулизма: усыпленіе мозга, возникновеніе, благодаря ли памяти или внѣшнему внушенію, одной идеи, влекущей за собой другія—вотъ характерныя свойства этого состоянія, которое д-ръ Мене удачно называлъ *автоматизмомъ воспоминаній и памяти*.

Оканчивая свою замѣтку, Мене прибавляетъ, что, можетъ быть, наступитъ день, когда автоматизмъ займетъ мѣсто въ судебной медицинѣ. Идея, пробуждающаяся у автомата, можетъ быть весьма различна: у нашего зуава это была мысль о борьбѣ, а иногда и о кражѣ; но встрѣчаются автоматы, видящіе самоубійства, убійства или пожары и совершающіе преступленія, которыхъ не могутъ вспомнить послѣ пробужденія. „Я не теряю надежды, говорилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мене, чтобы намъ не удалось убѣдить судей и добиться оправданія этихъ людей“.

И что же, такой фактъ случился: недавно одинъ изъ такихъ автоматовъ былъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму, судился и былъ осужденъ... Во все это время онъ какъ будто не пробуждался; когда же пришелъ въ себя, то уже лишился всѣхъ правъ, былъ обезчещенъ и заключенъ въ тюрьму. Онъ даже не зналъ, въ какомъ преступленіи обвинялся! Тогда арестованный вспомнилъ, что врачи часто говорили въ его присутствіи о тѣхъ странныхъ состояніяхъ, въ которыя онъ впадалъ; онъ обратился къ Мене и Мотэ, и этимъ двумъ ученымъ удалось привести заключеннаго въ его *вторичное сомнамбулическое состояніе* во время самаго за-сѣданія апелляціоннаго суда и, убѣдивъ такимъ образомъ

судей въ его невмѣняемости, вызвать отмѣну приговора первой инстанціи.

Я только что говорилъ объ автоматъ-ворѣ; теперь перехожу къ автомату-убійцѣ. Одинъ монахъ питалъ ненависть къ настоятелю монастыря; однажды ночью, не просыпаясь, онъ встаетъ, беретъ кинжалъ, находившійся у него въ кельѣ, и черезъ всю обитель отправляется въ покои настоятеля. Тотъ еще не ложился, а сидѣлъ за письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ двумя лампами и работалъ. Монахъ проходитъ мимо него, не замѣчая даже зажженныхъ лампъ, идетъ прямо къ кровати, погружаетъ кинжалъ нѣсколько разъ въ подушку и затѣмъ спокойно возвращается въ свою келью, все еще находясь во снѣ. На другой день, на допросѣ передъ капитуломъ монастыря, онъ ничего не могъ припомнить. Вотъ человѣкъ, который могъ бы сдѣлаться безсознательнымъ убійцей и котораго бы осудили безъ страха и сомнѣній.

Одна барыня, которую г. Мене удалось долго наблюдать, представляла слѣдующій весьма любопытный случай естественнаго сомнамбулизма.

У нея тоже пробуждалась мрачная мысль и опредѣляла собой смыслъ сновидѣнія. Она вставала ночью и пыталась выброситься изъ окна, причемъ даже не видѣла окружавшихъ ее лицъ и не обращала на нихъ вниманія; на другой день она ничего не помнила.

Однажды ночью она погружаетъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ въ стаканъ воды съ цѣлью приготовить отраву, потомъ садится къ столу и пишетъ письмо къ роднымъ: „Я хочу умереть, мое здоровье никогда не поправится, а голова никогда не придетъ въ нормальное состояніе. Прощайте. Когда вы получите это письмо, то мнѣ недолго останется жить; завтра въ этотъ же часъ ядъ, мною теперь приготовляемый, будетъ уже принятъ. Еще разъ, прощайте!“ Затѣмъ она прячетъ стаканъ въ шкафъ, находя, что ядъ еще недостаточно силенъ. Въ это время съ ней происходитъ нервный припадокъ, и она просыпается. На другой день дама ничего не помнитъ и настоятельно требуетъ стаканъ, который у нея будто бы украли; ей даютъ другой. Въ слѣдующую ночь припадокъ возобновляется; больная встаетъ во снѣ, идетъ прямо къ шкафу, открываетъ его и беретъ стаканъ съ ядомъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что онъ былъ замѣненъ стаканомъ чистой воды. Горничная предупредила объ этомъ весь домъ,—

всѣ находятся на лицо. Г-жа Иксъ не замѣчаетъ даже, что ее окружаютъ родные—она спитъ и видитъ сновидѣніе. Больная падаетъ на колѣни передъ распятіемъ и приближаетъ стаканъ къ губамъ. Но въ эту минуту, охваченная внезапной рѣшимостью, она его отталкиваетъ, встаетъ и пишетъ роднымъ слѣдующее письмо: „Въ ту минуту, когда я хотѣла принять смертоносный напитокъ, передо мной явился ангелъ и поступилъ такъ, какъ въ жертвоприношеніи Исаака—онъ удержалъ меня за руку, сказавъ: „Подумай о томъ, что ты хочешь совершить; у тебя вѣдь есть мужъ и дѣти“. При этихъ словахъ мое сердце дрогнуло, и я почувствовала, что во мнѣ снова заговорила супружеская любовь и материнская привязанность; но сердце мое все еще сильно болитъ, а въ головѣ ощущается слабость. Простите мнѣ мое невольное покушеніе, одинаково приступное, какъ въ вашихъ, такъ и въ моихъ собственныхъ глазахъ“. Она писала это во снѣ. Г-жа Иксъ... дѣлала еще цѣлый рядъ аналогичныхъ попытокъ, и, что весьма любопытно, во время полосъ нормальнаго состоянія, отдѣлявшихъ другъ отъ друга эти припадки сомнамбулизма, она ничего не помнила изъ того, что дѣлала во снѣ. Когда она засыпала, то ея сновидѣніе начиналось съ того именно пункта, на которомъ остановилось предыдущее, и служило ему дополненіемъ.

Это даетъ мнѣ поводъ познакомить читателя съ особеннымъ состояніемъ, образующимся вслѣдствіе нѣкоторой „привычки“ къ сомнамбулизму и названнымъ *двойной жизнью*. Первое хорошее описаніе этого невроза далъ Азамъ, профессоръ медицинскаго факультета въ Бордо.

Больная, которую наблюдалъ Азамъ, называлась Фелидой Иксъ... Это была бордосская портниха, пользовавшаяся довольно хорошимъ здоровьемъ, если не принимать во вниманіе нервныхъ явленій, о которыхъ я сейчасъ буду говорить. По нѣкоторымъ днямъ на нее вдругъ находить во время работы грусть и тупость; ея голова склоняется на грудь и она засыпаетъ; ничто не можетъ пробудить ее изъ этого сна. Затѣмъ Фелида просыпается; она весела, игрива, подвижна, бѣгаетъ, смѣется и вообще находится въ крайне экзальтированномъ состояніи.

Спустя нѣсколько часовъ, это подобіе сновидѣнія исчезаетъ; Фелида становится грустной, она засыпаетъ, затѣмъ пробуждается и въ этотъ разъ окончательно и ничего не помнитъ

изъ того, что происходило съ ней во *вторичномъ состояніи*. На слѣдующій день портниха опять засыпаетъ и вновь подвергается припадку; тогда она очень хорошо припоминаетъ все, что говорила и дѣлала во время перваго припадка, но совершенно не знаетъ того, что происходило во время ея нормальнаго состоянія. Она не узнаетъ лицъ, которыхъ ей показывали въ то время. Фелида слѣдовательно владѣетъ двумя индивидуальностями, двумя жизнями. Въ одной—она грустна и мрачна, въ другой—весела. Находясь въ *первичномъ состояніи*, она не имѣетъ понятія о томъ, что происходило во *вторичномъ*, а, попадая въ это послѣднее, начинаетъ свое существованіе съ той самой точки, на которой оставила его во время послѣдняго припадка. Въ сущности, это состояніе раздвоенія личности есть результатъ привычки къ естественному сомнамбулизму.

Наука, повидимому, уже далеко шагнула въ познаніи всѣхъ этихъ явленій. Но тутъ однако самъ собой возникаетъ вопросъ: что же думали древность, средніе вѣка и новое время, предшествовавшее нашему, что же думали они объ этихъ странныхъ явленіяхъ и какъ ихъ понимали? Древность оставила намъ мало свѣдѣній касательно этого вопроса. Вотъ почему весьма неосторожно было бы заниматься ретроспективной наукой на такомъ далекомъ разстояніи.

Въ средніе вѣка и до послѣдняго столѣтія сомнамбуловъ, вѣроятно, относили къ обширной категоріи одержимыхъ и колдуновъ; ихъ заключали съ другими больными этого рода и обыкновенно сжигали живыми съ большой торжественностью.

Но нашелся въ тѣ вѣка мрака гениальный трагическій писатель, обнаружившій по поводу естественнаго сомнамбулизма выходящую изъ ряда наблюдательность и оставившій намъ его описаніе, подъ которымъ охотно подписался бы современный неврологъ. Его имя само просится на уста: это—Шекспиръ, заставляющій насъ присутствовать въ *Макбетъ* при сценѣ автоматизма, мастерски имъ описанной и воспроизведенной. Она происходитъ въ Дунсинанѣ, въ апартаментахъ замка. Лэди Макбетъ, послѣ совершенныхъ ею преступленій, подвергается припадкамъ сомнамбулизма; ея наперсница нашла нужнымъ увѣдомить объ этомъ придворнаго врача, и они вдвоемъ бодрствуютъ и ожидаютъ прихода королевы.

Докторъ.

Вотъ ужъ двѣ ночи я провожу съ вами безъ сна, а не подтверждается, что вы рассказывали. Когда ходила она въ послѣдній разъ?

Придворная.

Съ тѣхъ поръ, какъ его величество уѣхалъ на войну, я видѣла, какъ она вставала, надѣвала на себя ночное платье, отпирала свой письменный столъ, вынимала бумагу, складывала ее, писала что-то на ней, читала написанное, потомъ запечатывала и опять ложилась въ постель. И все это въ глубокомъ снѣ.

Докторъ.

Большое разстройство въ природѣ: пользоваться благодѣяніями сна и, въ то же время, дѣлать все, какъ не во снѣ, а въ полномъ бдѣніи. Но въ этой сонной возбужденности, кромѣ хожденія и другихъ ея дѣйствій, не слыхали ли вы, не говорила ли она чего?

Придворная.

Какъ же, сэръ; но такое, чего я не хочу повторять.

Докторъ.

Мнѣ-то можете сказать, и лучше будетъ, если рѣшитесь на это.

Придворная.

Ни вамъ и никому другому! У меня свидѣтелей нѣтъ и некому подтвердить мои слова. Смотрите: вонъ идетъ она.—

(Леди Макбетъ входитъ со свѣчей).

Такъ она всегда... и, клянуся жизнью, спитъ глубоко. Наблюдайте. Встаньте ближе.

Докторъ.

Гдѣ взяла она свѣчу?

Придворная.

Въ спальнѣ у себя. У нея въ спальнѣ постоянно огонь. Такъ сама велитъ.

Докторъ.

Видите: глаза у ней открыты.

Придворная.

Но зрѣніе закрыто.

Докторъ.

Что это дѣлаетъ она? Видите: третъ свои руки.

Придворная.

Какъ и всегда. Точно она моетъ ихъ. Я видѣла, она такъ дѣлала цѣлыхъ четверть часа.

Лэди Макбетъ.

А тутъ еще пятно.

Докторъ.

Чу, говорить. Я запишу ея слова, чтобы точнѣе все запомнить.

Лэди Макбетъ.

Прочь, проклятое пятно, прочь, я говорю. Разъ, два; ну такъ, пора, пора за дѣло!—Адъ мраченъ!—Фи, мой Лордъ. Фи! Воинъ и трусить! Чего бояться? Что за важность, что кто-нибудь прознаетъ? Кто можетъ призвать къ допросу нашу власть?—Кто бы подумалъ, что въ старикѣ было такъ много крови!

Вы слышали?

Докторъ.

Лэди Макбетъ.

У тана Файскаго была жена—гдѣ теперь она? Неужели эти руки не будутъ чисты никогда? Ни слова болѣе объ этомъ, мой Лордъ, ни слова: испугомъ этимъ испортишь все.

Докторъ.

Уйдите вы, уйдите! Вы узнали то, чего не должны были знать.

Придворная.

Она сказала то, чего не должна была говорить. Богъ знаетъ — что извѣстно ей.

Лэди Макбетъ.

Все еще пахнетъ кровью! Въ ароматы Аравіи не надушатъ этой маленькой ручки. О! о? о?

Докторъ.

Какъ стонетъ! Тяжело у нея на сердцѣ!

Придворная.

Такого сердца не захотѣла бы я имѣть за все ея величье.

Докторъ.

Хорошо, хорошо...

Придворная.

Ахъ, дай-то Господи, чтобы все было хорошо, сэръ!

Докторъ.

Нѣтъ, эта болѣзнь выше моего искусства! Впрочемъ, я зналъ такихъ, которые ходили во снѣ, но умерли святыми на постели.

Лэди Макбетъ.

Вымой руки, надѣнь спальное платье, да не будь такъ блѣденъ: я повторю, Банко зарытъ, не можетъ выйти изъ могилы.

Докторъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Лэди Макбетъ.

Въ постель, въ постель; стучатся въ ворота. Идемъ, идемъ; дай твою руку. Что сдѣлано, то сдѣлано. Въ постель, въ постель... (*Уходитъ*).

Докторъ.

И теперь въ постель пойдете?

Придворная.

Прямехонько.

Докторъ.

Не даромъ въ робкомъ шопотѣ кругомъ
Идутъ зловѣщія, дурные слухи:
Дѣла противъ природы порождаютъ
И смуту неестественную въ духѣ.—
Нужна здѣсь Божья помощь, а не наша!—
О Господи, мой Богъ, прости насъ всѣхъ!—
Смотрите вы за ней. Все удалите,
Чѣмъ можетъ повредить она себѣ,
И не спускайте глазъ съ нея.—Прощайте.—

Она мнѣ поразила умъ и зрѣніе.
 Что думаю, я высказать того
 Не смѣю.

Придворная.

Доброй ночи, добрый докторъ.

Развѣ это мастерское описаніе не заключаетъ въ себѣ всѣхъ подробностей, только сообщенныхъ мною, и развѣ Шекспиръ не обнаружилъ въ немъ съ научной точки зрѣнія большого превосходства надъ всѣми лицами, пытавшимися описать своеобразный неврозъ, насъ теперь занимающій?

Я все сказалъ, что имѣлъ въ виду сообщить объ естественномъ сомнамбулизмѣ, и перехожу теперь къ самой трудной части моего предмета—къ вызванному сомнамбулизму или магнитизму, если ужъ приходится пользоваться этимъ отрицательнымъ названіемъ.

Возможно при помощи приѣмовъ, съ которыми я васъ познакомлю, вызывать неврозъ, весьма сходный съ естественнымъ сомнамбулизмомъ, но тѣмъ не менѣе отличающійся отъ него нѣкоторыми чертами. Прежде всего получаемые результаты находятся въ зависимости отъ субъекта и отъ способовъ воздѣйствія на него; вслѣдствіе этого получаются весьма различныя состоянія, которыя можно раздѣлить или же экспериментировать иногда на одномъ и томъ же субъектѣ. Это:

1-е. Гипнотическое состояніе.

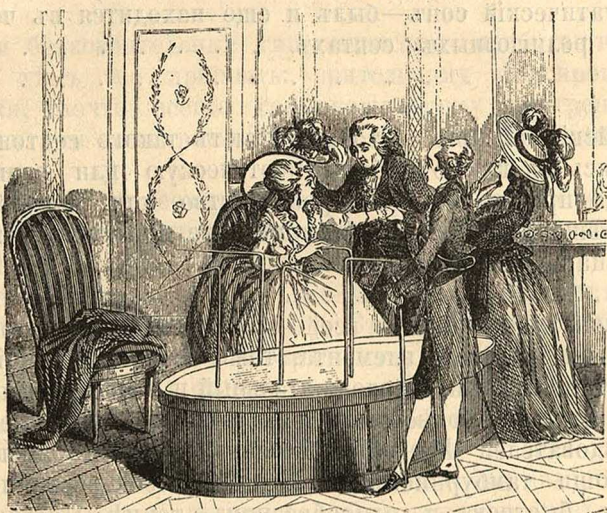
2-е. Сонъ.

3-е. Каталепсія.

4-е. Автоматизмъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія выступаетъ австрійскій врачъ, появленію котораго предшествовала громкая репутація. Онъ нашелъ способъ производить на человѣчeskій организмъ, при помощи чисто практическихъ приѣмовъ, чудесныя дѣйствія. Это было въ то время, когда первыя открытія въ области электричества, сдѣланныя аббатомъ Воле, волновали весь міръ,—когда общество страстно предавалось изученію загадочнаго дѣйствія электричества на магнитную стрѣлу, обладающаго повидимому достаточной силой, чтобы проявлять свою энергію на протяженіи всей окружности земнаго шара. Месмеръ объявилъ, что онъ владѣетъ особой жидкостью, представляющей разновидность земнаго магнитизма и дѣйствующей на жизненныя силы, причемъ, будучи извѣстнымъ образомъ направлена, она можетъ служить цѣлебнымъ средствомъ отъ многихъ болѣзней и даже обновлять организмъ.

Месмеръ предлагалъ продать правительству свой секретъ, обвиненный имъ не менѣ какъ въ нѣсколько милліоновъ франковъ. Однако французскіе министры имѣли осторожность отклонить это предложеніе и предоставить авантюриста его собственнымъ силамъ. Явленія, вызывавшіяся Месмеромъ, ни въ чемъ не напоминаютъ нынѣшняго гипнотизма.

Ванна Месмера.
(Въ современной гравюрѣ).

Посреди комнаты, погруженной въ полумракъ, находился большой чанъ, обыкновенно прикрытый и снабженный металлическими прутьями, пронизывавшими крышку. Приверженцы Месмера обыкновенно располагались вокругъ. Вскорѣ раздавались звуки клавикордовъ. Благоуханія разливали одуряющую атмосферу. Месмеръ проходилъ по залѣ съ пророческимъ видомъ, касаясь лба cadaго изъ присутствующихъ и прибѣгая къ театральнымъ жестамъ. Тогда присутствующіе впадали въ нѣкотораго рода столбнякъ или коматозное

состояніе: они какъ - будто погружались въ очарованный экстазъ, лишаясь почти всякой чувствительности и способности къ движенію, и освобождались отъ такого состоянія только тогда, когда ихъ выводили на воздухъ и въ свѣтлое помѣщеніе. Во всемъ этомъ не было собственно магнетизма; объектами обыкновенно служили женщины „одержимыя парами“, какъ тогда выражались, или подверженныя истеріи, какъ говорятъ теперь.

Месмеру даже не принадлежала заслуга этого изобрѣтенія, такъ какъ гипнотизмъ—этотъ неполный сомнамбулизмъ или экстагическій сонъ—былъ и еще находится въ чести во многихъ религіозныхъ сектахъ.

Индійскіе факиры часто достигаютъ такого состоянія, не погружаясь въ какую нибудь поэтическую или священную мысль, но просто созерцая пространство или какую-нибудь ярко освѣщенную точку; нѣкоторые же просто погружаются въ созерцаніе кончика носа.....

На почвѣ ислама, при всей сравнительной ничтожности въ немъ мистическаго элемента, тоже возникли спеціальныя приемы гипнотизаціи. Продолжительный и однообразный шумъ играетъ въ нихъ болѣе значительную роль, чѣмъ созерцаніе. У послѣдователей Гуссейна-Мученика экстазъ вызывается при помощи тамбуриновъ, по которымъ безпрестанно ударяютъ въ быстромъ и однообразномъ темпѣ. Посвященные сопровождаютъ эту музыку мелопеей, соотвѣтствующей по ритму звуку барабана. Эта церемонія часто происходитъ ночью и вскорѣ сектанты впадаютъ въ извѣстнаго рода очарованіе, причемъ нечувствительность ихъ тканей доходитъ до такой степени, что они позволяютъ воспроизводить на себѣ различныя фазы мученичества учителя, не испуская при этомъ ни единого крика и даже, повидимому, не испытывая никакихъ ощущеній.

Но все-таки въ сектѣ Айссаа, многіе представители которой находятся въ Алжирѣ, эти явленія проявляются съ наибольшей интенсивностью. Люди, имѣвшіе рѣдкое счастье присутствовать на одной изъ ихъ церемоній, были поражены степенью анестезіи, достигаемой этими фанатиками.

Дѣло происходитъ ночью, на какой нибудь уединенной

полянѣ; тамбурины издають свой однообразный звукъ. Сектанты сидятъ вокругъ большого огня и постепенно впадаютъ въ экстазъ; нѣкоторые изъ нихъ приходятъ въ судорожное состояніе и издають продолжительные крики: анестезія становится полной, и можно видѣть, какъ одни изъ нихъ лизутъ до красна накалившую желѣзную полосу, въ то время какъ другіе жуютъ варварійскія фиги, длинные шипы которыхъ прокалываютъ имъ щеки и выходятъ наружу.

Многіе изъ нихъ проглатываютъ живыхъ пауковъ и скорпионовъ, что можетъ сопровождаться весьма серьезными послѣдствіями.

Всѣ эти безсознательные гипнотизаторы прибѣгаютъ къ однимъ и тѣмъ же приемамъ: зрительному фиксированію одной точки, почти всегда сопровождаемому внутреннимъ косоглазіемъ, или фиксированію слуха при помощи однообразныхъ звуковъ.

Мы увидимъ, что совершенно одни и тѣ же приемы употребляются нашими предшественниками и нами самими, чтобы вызвать вполне опредѣленные явленія.

Собственно говоря, первымъ оперативнымъ руководствомъ по гипнотизму мы обязаны Брэду. Въ 1841 г. этотъ манчестерскій хирургъ, будучи свидѣтелемъ такъ называемыхъ магнетическихъ опытовъ, призналъ, что наблюдавшіеся имъ несомнѣнные явленія слѣдуетъ приписать не таинственной жидкости, а продолжительной неподвижности взгляда и вниманію. Съ Брэда собственно начинается научный магнетизмъ. Ему былъ извѣстенъ рядъ очень любопытныхъ опытовъ, произведенныхъ во Франціи гг. Дюпотэ и Пюисегюромъ. Эти два врача, проникнутые месмеровскими идеями, усомнились однако въ полезности чана и задали себѣ вопросъ, не можетъ ли насыщающая всѣхъ насъ магнетическая жидкость переходить отъ одного человѣка къ другому? Съ этихъ поръ они, имѣя дѣло съ нервными субъектами, пытались примѣнять для достиженія нѣкоторыхъ результатовъ рядъ прикосновеній, нынѣ называемыхъ *пассами*. При помощи этого средства, усиленіе достигалось гораздо быстрее, чѣмъ съ месмеровскимъ аппаратомъ: возникъ такимъ образомъ передаточный магнетизмъ, который существуетъ и понынѣ, значительно расширенный и обогащенный всякаго рода причудами.

И, дѣйствительно, по несчастному стеченію обстоятельствъ, первыя наблюденія попали въ руки настоящихъ больныхъ.

Повидимому, есть лица, питающія страстную любовь къ сверхъестественному, у которыхъ умъ, наталкиваясь на необъясненные факты, всегда склоненъ приписывать имъ самыя необычайныя причины. Первые приверженцы магнетизма утверждали, что имѣють дѣло съ новой силой, заставляющей душу одного человѣка вліять на душу другаго при помощи извѣстнаго рода индукціи. Была найдена какъ будто новая жидкость, переходившая отъ одного субъекта къ другому черезъ пространство. Тогда появились цѣлыя сотни книгъ, наполненныя невообразимыми нелѣпостями.

Привожу нѣсколько выписокъ изъ нихъ. Заимствую у Бассеръ-Ломбара способъ леченія рака при помощи магнетизма:

„Магнетизеръ, послѣ подготовительной магнетизаціи, производитъ притягательные пассы къ сѣдалищу боли—съ намѣреніемъ извлечь поддерживающія ее нечистыя жидкости; затѣмъ онъ предпринимаетъ отталкивательные пассы отъ сѣдалища недуга—съ намѣреніемъ пересѣчь дурную жидкость и изгнать ее; послѣ чего онъ заканчиваетъ посредствующими пассами безъ движеній, направленныхъ къ сѣдалищу недуга, съ намѣреніемъ ослабить интенсивность недуга и усилить ослабѣвшій жизненный токъ“.

Этотъ авторъ не отличается впрочемъ гордостью: онъ лечитъ также и животныхъ.

„Магнетизированіе больныхъ животныхъ происходитъ совершенно также, какъ и магнетизированіе людей. Магнетизеръ становится передъ животнымъ въ позѣ, наиболѣе для него удобной, смотря по формѣ и величинѣ животнаго. Онъ начинаетъ воздѣйствіе токомъ на больное животное при помощи отталкивательныхъ пассовъ, производимыхъ на приличномъ разстояніи отъ головы и продолжая ихъ по спинѣ и бокамъ до конечностей тѣла, съ цѣлью отдѣлить нечистыя жидкости.

„Затѣмъ магнетизеръ продѣлываетъ нѣсколько посредствующихъ пассовъ отъ головы, слѣдуя по спинѣ до конечностей тѣла и продолжая отъ верхней части ноги до ступни, съ намѣреніемъ поддержать равновѣсіе въ организмѣ животнаго“.

Кромѣ того, магнетизмъ еще примѣнимъ къ лѣсоводству:

„Магнетизированіе больныхъ растений отличается въ общемъ своемъ примѣненіи отъ магнетизированія человѣка и животныхъ, въ томъ смыслѣ, что оно производится отъ основанія растенія къ вершинѣ его. Магнетизеръ становится про-

тивъ растенія, которое слѣдуетъ намагнетизировать на приличномъ разстояніи. Онъ направляетъ на растеніе токъ, при посредствѣ отталкивательныхъ пассовъ, направленныхъ отъ основанія къ вершинѣ или по стволу и вѣтвямъ, съ цѣлью изгнать нечистыя жидкости, распространенныя въ окружающей его атмосферѣ. Онъ освобождаетъ затѣмъ сердцевину растенія притягательными пассами, производимыми въ обратномъ порядкѣ, отъ основанія растенія къ вершинѣ, и продолжаетъ магнетическое дѣйствіе при помощи посредствующихъ пассовъ, производимыхъ — по прежнему — отъ основанія къ вершинѣ, немного останавливаясь на развалинахъ вѣтвей, съ намѣреніемъ укрѣпить жизненный нервъ растенія и заставить сокъ его циркулировать отъ корней до самыхъ высокихъ вѣтвей.

„Можно при помощи тѣхъ же пріемовъ намагнетизировать садовые и огородныя растенія, также какъ цѣлыя поля зерновыхъ хлѣбовъ, чтобы укрѣпить ихъ или заставить лучше расти; но только для подобнаго намагнетизированія слѣдуетъ употреблять универсальный жизненный токъ. Можно еще насыщать этой жидкостью растенія какого нибудь сада, лѣса, поля или луга, чтобы сдѣлать изъ нихъ гигиеническое мѣсто прогулокъ для больныхъ“.

И представьте, есть цѣлыя книги, набитыя такимъ вздоромъ! Надо впрочемъ признать, что между намагнетизерами были и такіе, которые, продолжая придерживаться своихъ вздорныхъ и ненаучныхъ мыслей, оказали гипнотизму нѣкоторыя услуги и вызвали въ этой области прогрессъ, который былъ впослѣдствіи утилизированъ. Однимъ изъ нихъ слѣдуетъ признать Тэта (Teste), съ методомъ котораго я сейчасъ познакомлю читателя, чтобы дать ему понять, чѣмъ былъ магнетизмъ до Брэда и до психологическихъ изысканій школы Сальпетріеръ.

Обыкновенный методъ по Делезу.

„Прежде удалите отъ больного всѣхъ лицъ, могущихъ васъ стѣснить; оставьте при себѣ только необходимыхъ свидѣтелей (если можно одного) и попросите ихъ не обращать никакого вниманія ни на употребляемые вами пріемы, ни на сопровождающіе ихъ ре-

зультаты, а только присоединиться къ вамъ мысленно, въ желаніи принести пользу больному. Устройтесь такимъ образомъ, чтобы вамъ не было ни слишкомъ жарко, ни слишкомъ холодно, чтобы ничто не стѣсняло свободу вашихъ движеній и не могло прервать начатаго вами сеанса. Затѣмъ посадите больного какъ можно удобнѣе и помѣститесь противъ него на довольно высокомъ сидѣннѣ, такимъ образомъ, чтобы вы могли касаться его колѣнъ кончиками пальцевъ. Повторяйте эти пассы отъ 5 до 6 разъ, разводя руки и удаляя ихъ немного отъ тѣла больного. Затѣмъ подымите свои руки надъ его головой, поддержите ихъ въ такомъ положеніи нѣкоторое время и наконецъ опустите, проводя ими мимо лица на разстояніи одного или двухъ дюймовъ до подложечки: здѣсь слѣдуетъ остановиться около 2 минутъ, приложивъ большіе пальцы къ подложечкѣ, а остальные повыше реберъ. Послѣ этого надо медленно опускать руки вдоль тѣла больного до колѣнъ, или еще лучше до конца ногъ. Повторяйте эти приемы втеченіи большей части сеанса и, приближаясь по временамъ къ больному, кладите ваши руки ему за плечи, чтобы тихонько опустить ихъ вдоль спины, причемъ старайтесь, чтобы ваши ноги находились рядомъ съ его ногами. Потребуйте отъ него довѣрія и попросите не отвлекаться никакими наблюденіями, ничего не опасаться, предаться надеждамъ, не беспокоиться и не падать духомъ, если дѣйствіе магнетизма производитъ у него временную боль.

„Сосредоточившись, возьмите его большіе пальцы между двумя вашими, такимъ образомъ, чтобы внутренней стороною ваши пальцы касались его и, устремивъ на пациента пристальный взглядъ, останьтесь отъ 2 до 5 минутъ въ такомъ положеніи, или до тѣхъ поръ, пока не почувствуете, что между соединенными пальцами установилась одинаковая температура; когда это наступитъ, отнимите руки, разжимая ихъ и поварачивая такимъ образомъ, чтобы ихъ внутренняя поверхность приходилась наружу и такимъ образомъ поднимите ихъ до уровня головы; затѣмъ положите руки на оба его плеча и оставьте ихъ тамъ приблизительно одну минуту, послѣ чего ведите ихъ вдоль спиннаго хребта и бедръ вплоть до колѣнъ и ногъ.

„Изложенной системой слѣдуетъ руководствоваться только при началѣ магнетизированія. Впрочемъ, я считаю нужнымъ

замѣтить, что нѣтъ необходимости въ непосредственномъ прикосновеніи къ головѣ и надбрюшію; это прикосновеніе, напротивъ, дѣйствуетъ отвлекающимъ образомъ и ничего не прибавляетъ къ дѣйствительности самаго приѣма. Мнѣ показалось также, что пассы, производимые вдоль становой хребтовой кости, не оказываютъ замѣтнаго дѣйствія, и я уже давно пересталъ прибѣгать къ нимъ. — Наконецъ, въ видѣ общаго правила, скажу, что всякое непосредственное прикосновеніе, по моему мнѣнію, излишне, и въ интересахъ приличія я рекомендую всѣмъ магнетизерамъ воздерживаться отъ него.

„Обыкновенно я становлюсь передъ лицомъ, которое хочу магнетизировать, на нѣкоторомъ разстояніи; послѣ нѣсколькихъ минутъ сосредоточенности, долженствующей всегда предшествовать опыту, я поднимаю правую руку до уровня лба и медленно направляю пассы сверху внизъ, вдоль лица, груди и живота; каждый разъ при движеніи рукъ я тщательно придаю своимъ пальцамъ такое положеніе, чтобы во время ихъ поднятія къ магнитизируемому была обращена тыльная сторона, а во время пассивовъ—внутренняя“.

Магнетизированіе черезъ голову.

„Это одинъ изъ самыхъ быстрыхъ и энергичныхъ приѣмовъ, мнѣ извѣстныхъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: вы садитесь напротивъ лица, которое хотите магнетизировать, и проводите нѣсколько пассивовъ сверху внизъ по направленію рукъ, впереди лица и вдоль оси тѣла; затѣмъ вы простираете свои руки на нѣсколько дюймовъ отъ лба и темянной области и остаетесь въ такомъ положеніи въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Во все время, пока длится сеансъ, магнетизеръ долженъ какъ можно меньше измѣнять положеніе рукъ, ограничиваясь медленнымъ перенесеніемъ ихъ направо и налево, затѣмъ къ затылку и возвращаясь къ лбу, гдѣ они остаются въ теченіи неопредѣленнаго времени, т. е. до полнаго усыпленія субъекта. Тогда начинаютъ производить пассы вдоль колѣнъ и ногъ, чтобы *привлечь жидкость* внизъ, какъ выражаются магнетизеры.“

„Дѣло въ томъ, что внимательство жидкости очень удобно для нагляднаго объясненія наблюдаемыхъ явленій, и

въ томъ случаѣ, о которомъ здѣсь говорили, я бы очень желалъ быть увѣреннымъ, что это невѣсомое существуетъ. Тогда у меня было бы право сказать, что, рекомендуя дѣлать пассы по нижнимъ конечностямъ, я совѣтую магнитическое отвлеченіе“.

Магнетизація при помощи взгляда.

„Этотъ пріемъ не для всякаго доступенъ. Онъ требуетъ отъ лица, пользующагося имъ, живаго, пронизательнаго взгляда, способнаго къ долгому фиксированію; даже при соблюденіи всѣхъ требуемыхъ условій, онъ очень рѣдко удается надъ субъектами, магнетизируемыми въ первый разъ, хотя мнѣ недавно и удалось усыпить одной силой взгляда на первомъ же сеансѣ 30-лѣтняго человѣка, несомнѣнно болѣе сильнаго, чѣмъ я. Для этого употребляются слѣдующіе пріемы: вы садитесь напротивъ субъекта и совѣтуете ему смотрѣть на васъ возможно пристальнѣе, а сами непрерывно фиксируете его глаза своими.“

„Нѣсколько глубокихъ вздоховъ сначала поднимутъ его грудь, затѣмъ его вѣки начнутъ мигать и скоро сомкнутся. Въ этомъ случаѣ, подобно тому, какъ и въ прежде описанномъ пріемѣ, надо заканчивать сеансъ нѣсколькими отводными пассами на нижнія конечности; но все-таки, если вы встрѣтили со стороны субъекта сопротивленіе, то вамъ трудно будетъ оградить его отъ припадковъ мигрени, часто сопровождающихъ магнетизацію при помощи взгляда. Даже вамъ самимъ не всегда легко будетъ избѣжать ее. Опытъ мнѣ впрочемъ доказалъ, что чѣмъ ближе магнетизеръ находится къ магнетизируемому, тѣмъ дѣйствіе взгляда могущественнѣе; но это не значитъ, чтобы нельзя было магнетизировать на большомъ разстояніи“.

Система Фарія.

„Аббатъ Фарія, знаменитый магнетизеръ, показывавшій публично своихъ сомнамбулъ и умершій съ самой шарлатанской репутаціей, придумалъ для усиленія чудеснаго элемента въ своихъ опытахъ и для приданія бѣльшаго блеска своимъ представленіямъ, систему, не имѣвшую подражателей и ока-

завшуюся успѣшной только въ его рукахъ. Онъ удобно сажалъ въ кресло лицо, желавшее подвергнуться его вліянію, совѣтовалъ ему закрыть глаза и черезъ нѣсколько минутъ сосредоточенности говорилъ ему сильнымъ и повелительнымъ голосомъ: „Спите!“.

„Это простое слово, раздававшееся среди внушительной и торжественной тишины изъ устъ человѣка, пользовавшагося славой производить чуть не чудеса, обыкновенно производило на пациента настолько сильное впечатлѣніе, что вызывало въ немъ легкое сотрясеніе всего тѣла, обильную испарину, а иногда и сомнамбулизмъ. Въ случаѣ неудачи первой попытки, магнетизеръ подвергалъ пациента второму, затѣмъ третьему, а иногда и четвертому испытанію, послѣ чего онъ объявлялъ его неспособнымъ погружаться въ сонъ ясновидца (*sommeil lucide*).

„Эта система не отличается рѣзко отъ предыдущей; но только кабалистическій аппаратъ, которымъ аббатъ Фарія устрашалъ недалкихъ и довѣрчивыхъ людей, уничтожая въ нихъ всякое нравственное сопротивленіе, подготавливалъ ихъ къ болѣе быстрому воспріятію вліянія сильной воли“.

Брэду пришлось разбираться во всемъ этомъ вздорѣ. Онъ задался вопросомъ, не составляютъ ли всѣ эти пассы простаго гипнотическаго приѣма и нельзя ли достигнуть тѣхъ же результатовъ при помощи созерцанія одной точки, находящейся въ покойномъ состояніи или въ движеніи. Опытъ увѣнчался успѣхомъ: ему удалось погрузить одного субъекта въ гипнотическій сонъ, заставляя его созерцать металлическій шаръ. Теорія о магнетической жидкости (токѣ) была такимъ образомъ разрушена.

Нечувствительность субъекта, достигнутая этимъ чисто физическимъ путемъ, была такъ полна, что Брэдъ могъ оперировать и ампутировать загипнотизированныхъ имъ больныхъ. Его опыты были повторены во Франціи Вернейлемъ, Брока и Лассегомъ и дали совершенно тождественные результаты. Это составляло великій прогрессъ: хирургическія операціи могли быть производимы безъ боли. Къ сожалѣнію, гипнотизмъ дѣйствуетъ не на всѣхъ, и опыты часто оказывались неудачными, а затѣмъ появились хлороформъ, эфиръ и закись азота (веселящій газъ); изысканія

Брэда были преданы забвенію до той минуты, когда отважный французскій ученый, профессор Шаркё, возобновилъ ихъ и довелъ до той научной высоты, на которую мы съ вами скоро поднимемся.

Но предварительно я васъ сдѣлаю свидѣтелями ряда гипнотическихъ опытовъ.

Животныя могутъ быть гипнотизированы и именно при помощи Брэдовскаго приема.

Гипнотизированный пѣтухъ.

По гравюрѣ автора.

Упомяну о старинномъ опытѣ отца Кирхера, который вамъ это докажетъ. Возьмемъ пѣтуха и будемъ держать его такимъ образомъ, чтобы его клювъ упирался въ черную доску; затѣмъ отъ клюва проведемъ мѣломъ черту, на которой оба его глаза немедленно сходятся. Тогда я удаляю руки, и пѣтухъ остается неподвижнымъ. Вы можете его щипать и жечь: онъ не шелохнется. Если замѣнить черту мѣла элек-

трическимъ свѣтомъ, то результатъ получится еще болѣе интенсивный.

Животное можетъ быть подвергнуто извѣстнаго рода воспитанію; послѣ частыхъ гипнотизацій, оно гораздо скорѣе приходитъ въ усыпленіе. У меня былъ Бентамскій пѣтухъ, служившій мнѣ для опытовъ; подобно всѣмъ представителямъ этой породы, онъ отличался большой подвижностью и непокорностью, а между тѣмъ достаточно было помѣстить кончикъ пальца на его клювъ, чтобы погрузить его въ состояніе полнѣйшаго оцѣпенѣнія.

Съ другой стороны, очень рѣзкая неожиданность можетъ произвести аналогичный результатъ. Мы встрѣтимся съ этимъ явленіемъ у человѣка.

Я неожиданно схватываю цыпленка и кладу его спиной на столъ: онъ остается неподвижнымъ, такъ какъ впадаетъ въ гипнозъ. Прейеръ называетъ это состояніе катаплексіей: слово вѣдь не измѣняетъ самаго факта.

Тотъ же самый приѣмъ очень хорошо удается надъ воробьемъ; если помѣстить голову птички подъ крыло, то продолжительность гипнотическаго состоянія можетъ быть очень велика. Не трудно произвести гипнозъ надъ морской свинкой. Для этого берутъ предпочтительно самку и неожиданно кладутъ ее на спину; она безконечно долго остается въ такомъ положеніи, не двигаясь и ничего не чувствуя, несмотря на то, что я ее очень сильно щиплю.

Вотъ другая свинка, на которую я одѣваю блестящія стальные сережки; несчастный звѣрекъ вращаетъ глазами, чтобы видѣть ихъ, и затѣмъ засыпаетъ такъ крѣпко, что его невозможно разбудить. Я стрѣляю изъ револьвера надъ самымъ его ухомъ; усы его опалены, но онъ не двигается.

Всѣ эти животныя гипнотизированы; ихъ состояніе характеризуется утратой воспримчивости органовъ чувствъ и потерей чувствительности; но они не спятъ и не видятъ снова—они не сомнамбулы.

Вы можете вызвать тѣ же явленія почти во всякомъ лицѣ, поддающемся гипнотизму; но, произведя опытъ надъ истеричной, вы получите совсѣмъ другое состояніе. Тѣ же приѣмы приведутъ васъ въ данномъ случаѣ къ *искусственному сомнамбулизму*. Разницей въ объектѣ опыта обуславливается и разница въ послѣдствіяхъ. Здѣсь именно начинаются открытія Шарко и изысканія, произведенныя въ Саль-

петриерѣ, принимать участіе въ которыхъ пришлось и автору этой книги *).

Практическія указанія для вызыванія *сомнамбулизма* весьма несложны. Можно заставить пациента смотрѣть на блестящее тѣло; обыкновенно для этого садятся напротивъ лица, которое хотятъ сомнамбулизировать. Черезъ минуту или двѣ его глаза начинаютъ блуждать, затѣмъ они наливаются кровью, становятся влажными и наконецъ, спустя нѣкоторой промежутокъ времени, колеблющійся отъ одной минуты до четверти часа, смотря по большей или меньшей стойкости субъекта, глаза его смыкаются, голова свѣшивается. Усиленіе произведено... Это первое состояніе, въ которое вы погружаете пациента, есть настоящій сонъ съ полной потерей сознанія; слѣдовательно, это больше, чѣмъ гипнозъ.

*) Мнѣ необходимо напомнить, что такое истеричная и въ чемъ заключаются главнѣйшія ея особенности, такъ какъ мы увидимъ, что ея сомнамбулическое состояніе есть не болѣе, какъ видоизмѣненіе, а иногда простое воспроизведеніе присущихъ ей истерическихъ явленій.

На первый взглядъ истеричная ничѣмъ не отличается отъ всякой другой женщины, развѣ только нѣкоторой странностью въ лицѣ и костюмѣ. Эти больныя имѣютъ обыкновеніе одѣваться въ кричащіе и негармоничные цвѣта.

Прежде всего въ нихъ наблюдается анестезія; истеричныя дѣйствительно иногда отличаются нечувствительностью одной половины тѣла, или обѣихъ. Ихъ можно колоть длинными иглами, и онѣ ничего не чувствуютъ. Благодаря этому обстоятельству, онѣ иногда впадаютъ въ странныя ошибки: цѣлая половина ихъ тѣла кажется мертвой—онѣ не знаютъ, гдѣ находятся ихъ руки и ноги, не посмотрѣвши на нихъ. Иногда онѣ позволяютъ жечь себя, даже того не замѣчая. Однажды одна изъ больныхъ Сальпетриера замѣтила утромъ дыру на только что одѣтомъ чулкѣ; она заштопала его и ходила такимъ образомъ цѣлый день. Вечеромъ ей никакъ не удастся снять чулка; истеричная проситъ, чтобы ей помогли, и вдругъ оказывается, что онѣ крѣпко пришили къ кожѣ. Французскій врачъ Бюркъ доказалъ, что прикладываніе металлическихъ пластинокъ на нечувствительныя точки возвращаетъ имъ чувствительность (это то, что называется *металлотерапіей*); но коммиссія, разсматривавшая это явленіе, констатировала, что въ то время, какъ чувствительность восстанавлилась въ одной рукѣ, она пропадала на томъ же пунктѣ въ другой, такъ что субъектъ вслѣдствіе этого ничего не выигрывалъ.

Анестезія кожи распространяется и на другія чувства; истеричныя плохо слышатъ и, главнымъ образомъ, не различаютъ цвѣтовъ иногда однимъ глазомъ, а иногда и обоими—онѣ страдаютъ *ахроматопсіей*: все имъ кажется сѣрымъ; онѣ живутъ, если можно такъ выразиться, въ атмосферѣ цвѣта сѣни, что вѣроятно не совсѣмъ-то приятно. Ихъ чувства погружены слѣдовательно въ состояніе непрерывнаго усыпленія, изъ котораго ихъ могутъ временно вывести нѣкоторыя возбуждательныя средства, металлы, электричество и магнитъ.

Ихъ мышцы бывають нерѣдко парализованы: ничто такъ часто не встрѣчается, какъ истерическіе параличи. Въ другихъ случаяхъ ихъ члены бывають сильно сведены и остаются въ такомъ положеніи нѣсколько лѣтъ; но иногда болѣзнь проходитъ внезапно отъ сильнаго душевнаго волненія.

Къ тому же эти контрактуры могутъ быть легко вызваны: схватите неожиданно за руку истеричную, и этого часто будетъ достаточно, чтобы ея рука осталась сведенной въ томъ положеніи, которое ей дано.

Если субъектъ отличается нѣкоторой подвижностью, то слѣдуетъ сжимать его большіе пальцы. Что же касается пассива, т. е. движеній рукъ экспериментатора передъ глазами субъекта, то я замѣтилъ, что онѣ всегда замедляютъ появленіе сна. Шарль Рише утверждаетъ обратное, а именно, что онѣ извлекалъ изъ нихъ много пользы.

Вы видите, какъ это просто. Надо только имѣть терпѣніе въ первые разы, когда производишь опыты, вотъ и все. Жидкости, разумѣется, нѣтъ никакой; магнетизеръ не играетъ дѣятельной роли; все происходитъ въ самомъ субъектѣ, мозгъ котораго, благодаря гипнотическимъ приемамъ, какъ будто уничтоженъ и поставленъ въ такія условія, что въ немъ

Наконецъ, у истеричныхъ существуютъ періоды припадковъ, во время которыхъ онѣ воспроизводятъ почти все, чего мы достигаемъ при помощи магнетизма.

Съ приближеніемъ припадка, истеричная прежде всего ощущаетъ нѣкоторую стѣсненность, извѣстный страхъ, какъ будто у ней шаръ поднимается отъ желудка къ горлу. На самомъ же дѣлѣ это только мышечныя сокращенія пищевода. Затѣмъ больная издаетъ крикъ и падаетъ навзничъ, ея глаза воспаляются, а на губахъ появляется родъ слюны или пѣны. Въ то же время ея руки быстро вытягиваются, причемъ кисти рукъ выворачиваются наружу. Все тѣло напрягается какъ бы въ тетаническомъ припадкѣ. Въ этотъ моментъ больная издаетъ рѣзкій крикъ, сгибается въ видѣ дуги, такъ что единственными точками опоры ея служатъ голова и пятки, а тѣло образуетъ надъ постелью какъ бы арку моста. Такъ называемый тетанический періодъ теперь законченъ и вслѣдъ за нимъ наступаетъ рядъ безпорядочныхъ большихъ движеній: это клоническій періодъ. Онъ продолжается отъ двухъ до трехъ минутъ. Тогда начинается періодъ контрактуръ. Иногда сведеніе охватываетъ все тѣло, иногда же только часть его. Такъ, напр., контрактура рукъ нерѣдко придаетъ больной видъ распятой и эта распятость можетъ продолжаться втеченіи цѣлыхъ дней, при полной нечувствительности, послѣ чего начинается періодъ покоя. Повидимому, все конечно и больная спитъ. Но тогда начинается послѣдній періодъ, болѣе всего насъ интересующій, періодъ экстазовъ, названный Шарко „страстными аттитюдами“ (*attitudes passionnelles*). Истеричная, совершенно отчужденная отъ окружающаго міра, не воспринимая ни звука, ни свѣта, вовлекается въ сновидѣніе, особенностями котораго служить то, что оно все повторяется и что въ немъ воспроизводится какое-нибудь одно событіе или рядъ происшествій изъ жизни больной.

Истеричная въ періоды «страстныхъ аттитюдъ» своего припадка является въ дѣйствительности самопроизвольной и автоматической сомнамбулой. Вы теперь поймете, почему она легко можетъ быть погружена въ искусственный сомнамбулизмъ. Больная видитъ сначала какой-нибудь страшный предметъ и ея выраженіе (*attitude*) тоже становится страшнымъ. Но черты ея лица успокаиваются, ее посѣщаетъ другое, болѣе пріятное видѣніе—настоящій религиозный экстазъ. Въ одномъ Парижѣ есть до ста больныхъ этого рода.

Дѣлая такое длинное отступленіе, я имѣлъ въ виду освѣжить въ памяти читателя ту почву, на которой намъ придется дѣйствовать, ту среду, въ которой гипнотическіе приемы вызываютъ истерическія явленія, во всемъ сходныя съ возникающими самопроизвольно. Эти явленія суть искусственный сомнамбулизмъ, каталепсія и автоматизмъ.

можно будетъ вызывать любое сновидѣніе посредствомъ *внушенія*. Намъ удавалось такимъ образомъ получать автомата, похожаго на указанныхъ мною въ естественномъ сомнамбулизмѣ, но съ тою только разницею, что естественный сомнамбуль часто подчиняется однимъ лишь внушеніямъ своей памяти, между тѣмъ какъ искусственный сомнамбуль, владѣя органами чувствъ, подчиняется намъ.

Гипнотическое усыпленіе.

По гравюрь автора.

Можно усыплять еще другимъ способомъ, просто прикладывая большіе пальцы къ опущеннымъ вѣкамъ субъекта, придерживая его виски руками и слегка надавливая на закрытые глаза: этотъ пріемъ удастся въ примѣненіи ко многимъ лицамъ.

Наконецъ, когда имѣешь дѣло съ предрасположеннымъ

первымъ субъектомъ, можно ограничиться авторитетнымъ возгласомъ: „Засните“. Трагическій жестъ является при этомъ тоже не лишнимъ. Въдъ такимъ же точно образомъ дѣйствовали аббатъ Фарія, знаменитый шарлатанъ, удивлявшій міръ лѣтъ 20 тому назадъ. Первыми двумя приѣмами пользуются въ Сальпетріерѣ; къ нимъ также прибѣгаетъ и бреславльскій профессоръ Гайденгайнъ.

Все сказанное нами относится къ первымъ попыткамъ, производимымъ надъ даннымъ субъектомъ. Но послѣ того, какъ больной часто былъ гипнотизированъ врачомъ, удается достигнуть этого гораздо быстрее и легче. Здѣсь-то начинается роль воображенія и открывается благопріятное поприще для шарлатанскихъ продѣлокъ. Одна уже мысль о томъ, что усыпленіе должно произойти почти мгновенно, способствуетъ погруженію больного въ сонъ. Если къ тому же внушить ему, что магнетизеръ обладаетъ тайной силой, сверхъестественнымъ могуществомъ, то легко понять, до чего можно дойти въ опытахъ этого рода.

Одна больная Сальпетріера, Ж..., убѣжденная въ томъ, что я имѣлъ надъ нею особую власть, падала гипнотизированная, гдѣ бы она меня не встрѣтила. Эта больная засыпала среди лекцій и на лѣстницахъ.

Однажды ее стали увѣрять въ шутку, что она внезапно будетъ усыплена волей экспериментатора во время одной публичной церемоніи, которая должна была происходить спустя нѣсколько часовъ—и больная предпочла не идти туда: такъ сильна была ея увѣренность въ неизбежности этого факта.

Въ такихъ случаяхъ роль воображенія громадна, все происходитъ въ самомъ субъектѣ. Нѣсколько примѣровъ хорошо выяснять это читателю. Мнѣ случалось убѣждать больныхъ въ томъ, что имъ не выйти изъ больничной палаты, въ которой онѣ находились, такъ какъ я намагнетизировалъ дверныя ручки. Онѣ долго не рѣшались прикоснуться къ нимъ; но какъ только это дѣлали, то тотчасъ засыпали. Нужно ли еще прибавлять, что я ничего и не думалъ намагнетизировать? Этотъ опытъ имѣетъ значеніе, такъ какъ объясняетъ намъ тѣ случаи, когда субъекты засыпаютъ, выпивъ стаканъ намагнетизированной воды, а другіе—усѣвшись подъ намагнетизированномъ деревомъ.

Опыты намагнетизированія черезъ разстояніе относятся къ тому же порядку и происходятъ отъ тождественной причины.

Сколько разъ намъ приходилось читать въ сочиненіяхъ магнетизеровъ, что имъ удавалось усыпить субъекта черезъ пространство въ то время, какъ они сами находились въ собственной квартирѣ! И въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ объекта опыта.

Мы часто дѣлали слѣдующій экспериментъ. Больной П... говорили: „Въ сосѣдней комнатѣ находится г. Иксъ, онъ васъ магнетизируетъ“. Она обнаруживала тогда нѣкоторое безпокойство и вдругъ засыпала. Однажды ей сказали то же самое и она также быстро заснула, но мы не только не находились въ сосѣдней комнатѣ, но даже были за предѣлами Франціи и совсѣмъ о ней не думали.

Въ другой разъ, мы сказали одной больной, что усыпимъ ее изъ своей квартиры въ 3 ч. дня, и спустя 10 минутъ забыли объ этой шуткѣ. На слѣдующій день намъ говорятъ, что больная дѣйствительно заснула въ 3 часа.

Громадное количество вздора, наполняющаго книги магнетизеровъ, можетъ быть объяснено очень сильнымъ дѣйствіемъ на подавленное воображеніе больныхъ и сномъ, являющимся независимо отъ какихъ либо внѣшнихъ манипуляцій.

Наконецъ, каковъ бы ни былъ способъ магнетизированія, результатъ оказывается всегда тождественнымъ. И субъектъ остается неподвиженъ.

Тогда можно наблюдать въ немъ нѣсколько своеобразныхъ явленій, изъ которыхъ важнѣйшее есть перевозбужденность мышцъ. Въ нормальномъ состояніи наши мышцы возбудимы; сильные удары могутъ заставить ихъ сократиться, но это можетъ быть также достигнуто дѣйствіемъ рефлексовъ.

Въ искусственномъ сомнамбулизмѣ, въ которомъ дѣйствіе спиннаго мозга не умѣряется головнымъ мозгомъ, мышцы сокращаются путемъ рефлексовъ при самомъ слабомъ воздѣйствіи.

Проведите какъ можно легче пальцами по предплечію спящей истеричной, и немедленно произойдетъ одна изъ тѣхъ замѣчательныхъ контрактуръ, которая въ „первичномъ состояніи“ (*condition première*) можетъ произойти сама собой. Можно производить контрактуры всѣхъ формъ простымъ возбужденіемъ нѣкоторыхъ изолированныхъ мышцъ. Шарлатаны достигаютъ этого при помощи пассовъ, слегка прикасаясь къ мышечнымъ группамъ. Вызывая контрактуру спинныхъ мышцъ, придаютъ субъекту положенія, кажушіяся несовмѣстимыми съ равновѣсіемъ.

Вотъ рисунки, на которыхъ изображены двѣ сомнамбуллы; одна изъ нихъ согнута подъ прямымъ угломъ и находится въ неустойчивомъ положеніи, другая опирается затылкомъ и пятками на спинки двухъ стульевъ, въ видѣ дуги. Привожу

Контрактура обратнаго наклона.

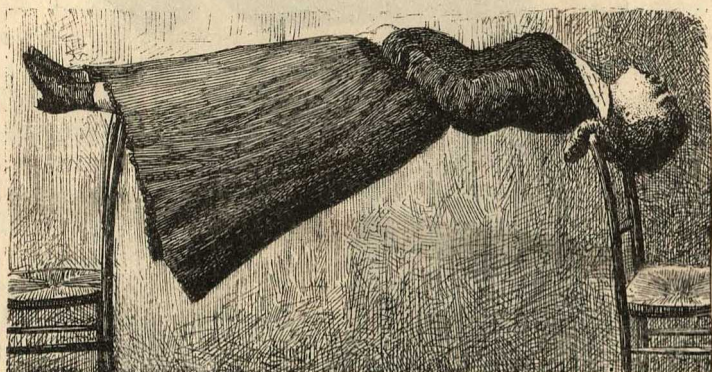
По фотографіи автора.

эти двѣ позы, очень сильно эксплуатировавшіяся дѣлателями чудесъ, исключительно съ цѣлью объяснить читателю способъ, какимъ я ихъ получилъ.

Во время магнетическаго сна очень легко вызывается

обыкновенная истерическая контрактура; на это указывает тотъ фактъ, что, если разбудить больную въ то время, когда у ней тѣло поражено контрактурой, она сохранить ее на неограниченный срокъ; чтобы разсѣять контрактуру, необходимо вновь усыпить ее, а это достигается возбужденіемъ противоѣдствующихъ мышцъ.

Изученіе мышечной перевозбудимости привело Шарко и его учениковъ къ очень любопытному изслѣдованію, которое много способствовало успокоенію лицъ, опасавшихся обмана и кричавшихъ о симуляціи, хотя они и не присутствовали сами ни на одномъ сеансѣ.

Общая контрактура мускуловъ.
По фотографіи автора.

Въ этой аудиторіи насъ около 2000 человѣкъ. Кромѣ присутствующихъ здѣсь нѣсколькихъ врачей, никому вѣроятно неизвѣстны дѣйствія личныхъ мышцъ, какъ они описаны Дюшаномъ, и распреѣленіе нервовъ въ человѣческой рукѣ. Неужели вы полагаете, что неграмотная дѣвушка, прѣѣхавшая въ Парижъ изъ глубины Бретани, знакома со всѣми подробностями физиологіи? Я этого не думаю. Намъ хорошо было бы видно, симулируетъ (притворяется) она, или нѣтъ. Раздражимъ ея локтевой нервъ: экспериментируемая навѣрно произведетъ тогда какое-нибудь безпорядочное движеніе? Совсѣмъ нѣтъ; она сгибаетъ только мизинецъ, безымянный и большой пальцы, по той простой причинѣ, что локтевой нервъ распреѣляется

только въ мышцахъ этихъ трехъ пальцевъ. Я знаю студентовъ-медииковъ, которымъ эти факты неизвѣстны. Раздражимъ теперь мышцу грудно-сосцевиднаго отростка, которая виднѣется на нашей шеѣ при поворачиваніи головы. И всегда въ та-

Раздраженіе локтевого нерва во время гипнотическаго сна.

По фотографіи автора.

комъ случаѣ истеричная поворачиваетъ голову къ сторонѣ, противоположной раздраженію; ей слѣдовательно тоже было извѣстно это странное дѣйствіе, которое даже невозможно предугадать.

Повторимъ на личныхъ мышцахъ, возбуждая ихъ только

карандашомъ, то, что Дюшэнъ сдѣлалъ при помощи электричества, и тогда передъ нами выступаютъ всѣ отмѣченныя имъ послѣдствія, которыя оказываются до того сложными, что даже мы, профессиональные фیزیологи, не можемъ удержать

Способъ приведенія въ каталепсію.

(По фотографіи автора).

ихъ въ памяти. Если этой дѣвушкѣ удастся симулировать, то она должна обладать необыкновенной ученостью. Я покончу съ состояніемъ усыпленія, сказавъ въ заключеніе, что въ этомъ состояніи можно заставить человѣка встать, при-

чемъ онъ будетъ всюду слѣдовать за вами, издавая стоны, еслибы кто-нибудь вздумалъ этому воспротивиться.

Второе состояніе, въ которое могутъ быть погружены истеричныя при помощи гипнотическихъ приѣмовъ—есть каталепсія. Это странное состояніе, о которомъ я хочу вамъ дать понятіе, встрѣчается у нихъ при нормальныхъ условіяхъ, а приѣмы, употребляемые нами, благопріятствуютъ его развитію; иногда оно появляется безъ всякаго вмѣшательства экспериментатора. Весьма легко перевести субъекта изъ состоянія усыпленія въ каталептическое. Достаточно для этого неожиданно открыть ему глаза. Онъ остается какъ будто прикованнымъ къ мѣсту, взглядъ его пріобрѣтаетъ неподвижность, и вызванное положеніе сохраняется до безконечности, каково бы оно ни было. Можно сообщать субъекту самыя неудобныя положенія: онъ удерживаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не измѣнять извнѣ. Въ этомъ состояніи самыя причудливыя положенія и повидимому наиболѣе противорѣчащія нормальному равновѣсію могутъ сохраняться субъектомъ очень долго. Ихъ очень легко тогда фотографировать, такъ какъ каталептики не производятъ ни малѣйшаго движенія. Утверждаютъ, что древніе скульпторы пользовались ими въ качествѣ моделей; если этотъ фактъ и нехорошо еще провѣрять, то онъ не лишенъ правдоподобности.

Я уже указывалъ, какимъ образомъ можно легко вызвать каталепсію; но есть и другія средства. Припомните средства, нормально вызывающія сонъ: это, какъ я выше говорилъ, дѣйствіе дрожащаго свѣта или продолжительнаго и однообразнаго звука. Эти же самыя физическія средства вызываютъ каталепсію и у истеричныхъ.

Предположимъ, напримѣръ, что вы заставляете истеричную слушать очень продолжительныя колебанія сильнаго камертона; ничто не дѣйствуетъ столь раздражительнымъ образомъ, какъ этотъ монотонный звукъ. Субъектъ быстро впадаетъ въ каталепсію и, странное дѣло, онъ остается въ такомъ состояніи только до тѣхъ поръ, пока вибрируетъ камертонъ, но какъ только тотъ перестаетъ издавать звуки, больная падаетъ и погружается въ сонъ.

Дѣйствіе, производимое звукомъ, достигается и при посредствѣ сильнаго свѣта. Вотъ нѣсколько субъектовъ, которыхъ мы ставимъ передъ электрической лампой: вы увидите, что они немедленно впадаютъ въ каталепсію. Если

свѣтъ погаснетъ, то субъектъ падаетъ навзничъ, также какъ послѣ приостановки вибрацій камертона, и тогда же начинается сонъ не каталептический.

То, что достигается при помощи продолжительнаго звука

или интенсивнаго и постояннаго свѣта, можетъ быть также вызвано внезапнымъ шумомъ или мгновеннымъ свѣтомъ.

Мнѣ пришлось однажды присутствовать въ Сальпетріерѣ при любопытной сценѣ.

Разъ во время одной публичной церемоніи военная музыка пришла играть во дворъ заведенія. Одна изъ больныхъ, находившаяся подъ главнымъ надзоромъ Шаркд, слушала ее съ восторгомъ, какъ вдругъ въ оркестрѣ очень рѣзко заиграли

мѣдныя инструменты—по всей толпѣ пробѣжалъ трепетъ, а истеричная впала въ каталепсію и ее пришлось перенести въ шалату. Спусти нѣкоторое время, одна изъ ея товарокъ по-

Каталепсія, вызванная рѣзкимъ звукомъ китайскаго гонга.

(По фотографіи автора).

шла во время отпуска въ концертъ Шателэ; вѣроятно, тамъ разыгрывали въ этотъ день музыку будущаго. Въ извѣстный моментъ она вдругъ погрузилась въ каталепсію, сдѣлалась неподвижной и безчувственной, такъ что ее пришлось унести. Всѣ описанныя явленія не трудно воспроизвести путемъ опыта. Достаточно для этого внезапно поразить ухо какимъ

нибудь шумомъ, напимѣръ, звукомъ китайскаго гонга: всѣмъ извѣстно насколько онъ непріятенъ; больная дѣлаетъ жестъ ужаса и остается прикованной къ мѣсту.

Мнѣ удавалось воспроизводить дѣйствія въ такой интересной формѣ, что я считаю необходимымъ изложить ихъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью. Шесть истеричныхъ женщинъ были приведены и поставлены передъ фотографическимъ аппа-

Шесть истеричныхъ, внезапно гипнотизированныя дѣйствіемъ сильнаго и неожиданнаго звука.

(По фотографіи автора).

ратомъ; я имъ сказалъ, что буду снимать съ нихъ портреты въ видѣ группы, когда внезапно раздался въ сосѣдней комнатѣ сильный шумъ. Всѣ разомъ произвели жестъ ужаса и погрузились въ каталептическое состояніе, сохранивши при этомъ тѣ самыя позы, въ которыя онѣ были повергнуты ударомъ. Фотографическій аппаратъ былъ тотчасъ открытъ и намъ удалось получить клише, снимокъ съ котораго я здѣсь воспроизвожу.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого происшествія, двумъ больнымъ удалось совершить побѣгъ изъ больницы; добравшись до бульвара, бѣглянки пустились во всю прыть; онѣ уже были далеко, какъ вдругъ столкнулись лицомъ къ лицу съ однимъ изъ больничныхъ врачей, спокойно приближав-

шимся къ Сальпетріеру. Это такъ ихъ поразило, что онѣ моментально остановились посреди улицы, какъ вкопанные, и пришли въ каталептическое состояніе. Вслѣдствіе этого образовалось скопище, и полицейскимъ агентамъ, разумѣется, нетрудно было овладѣть бѣглянками, которыхъ тотчасъ же привели обратно въ лечебницу.

Такимъ образомъ шумъ и неожиданность вызываютъ каталепсію. Появленіе внезапнаго свѣта или воспламененіе щепотки пороха, напримѣръ, сопровождаются аналогичными результатами.

Мать одной больной рассказывала мнѣ, что она однажды видѣла, какъ дочь ея, остановившись передъ зеркаломъ, осталась неподвижной съ широко раскрытыми глазами въ безчувственномъ и безсознательномъ состояніи. Другая больная засыпала иногда во время шитья, глядя на наперстокъ.

Я долженъ, однако, предупредить читателя, что опыты подобнаго рода имѣютъ свои неудобства. Каталепсія, произведенная внезапнымъ ударомъ, можетъ окончиться истерикой; однажды мы даже видѣли, что это кончилось извѣстнаго рода бѣшенствомъ, продолжавшимся не менѣе 5 дней.

Въ сущности каталепсію вызываетъ сильное и внезапное или слабое и продолжительное дѣйствіе раздраженія одного изъ органовъ чувствъ. Субъектъ, находящійся въ каталептическомъ состояніи, изолированъ отъ окружающей среды; онъ ничего не видитъ, не чувствуетъ, не говоритъ и въ этомъ отношеніи очень отличается отъ усыпленнаго субъекта. Наконецъ, при каталепсіи мышцы не могутъ быть перераздражены. Но странно, что въ этомъ именно состояніи легче всего вызвать автоматизмъ при посредствѣ внушенія. Вотъ предметъ, о которомъ очень много теперь говорятъ; это слово находится во всѣхъ устахъ и даже не такъ давно вступило въ обиходъ языка нашихъ судовъ. Но если слово и таинственно, то самое явленіе весьма просто.

Слѣдуетъ отличать два рода внушенія: фізіологическое и мысленное. Признаюсь, что я вѣрю только въ первое и воздерживаюсь отъ высказыванія рѣшительнаго мнѣнія о второмъ; а чтобы увѣровать въ него, я ожидаю, когда опыты по этому вопросу примутъ болѣе устойчивый характеръ и болѣе опредѣленную и научную форму.

Подъ фізіологическимъ внушеніемъ я подразумѣваю то, которое позволяетъ добиться отъ даннаго субъекта исполне-

нія извѣстнаго ряда фізіологическихъ актовъ, въ которыхъ психическое участіе ничтожно или ограничено.

Это будетъ первой ступенью автоматизма.

Возьмите субъекта, находящагося въ каталептическомъ состояніи, придайте его членамъ положеніе, соотвѣтствующее какой-нибудь страсти, любви, мольбы или ожиданія. Его фізіономія немедленно приметъ, вслѣдствіе ассоціированныхъ рефлексовъ, выраженіе, требуемое для дополненія общаго эффекта. Весьма любопытно воспроизводить на безсознательномъ субъектѣ рядъ явленій, которыя вполнѣ зависятъ отъ нашей власти.

Воспроизводя, напримѣръ, мимику поцѣлуя, вы вызываете на лицѣ субъекта выраженіе улыбки и блаженства. Если, наоборотъ, взять больного за сжатый кулакъ и толкнуть впередъ съ видомъ угрозы, то черты его лица немедленно сокращаются, и въ выраженіи фізіономіи отражается злоба и желаніе мести.

Развѣ это удивительно? То, что происходитъ съ каталептическимъ автоматомъ, случается съ каждымъ изъ насъ чуть не ежеминутно. Развѣ мы не приводимъ въ гармонію выраженіе нашего лица съ движеніями рукъ? Развѣ мыслимо, чтобы на устахъ оратора, изрекающаго угрозы, блуждала улыбка? Каталептикъ, которому внушаютъ идею мольбы при помощи жеста, напоминающаго ее, немедленно комбинируетъ всѣ свои мышцы такимъ образомъ, чтобы воспроизвести полное „выраженіе“ мольбы. Особенностью каталептика является то, что, имѣя усыпленный мозгъ (ингибированный, какъ говорятъ фізіологи), онъ неспособенъ измѣнить свое положеніе и остается безконечно долго на той точкѣ, на которую былъ поставленъ.

Вотъ изображеніе молодой дѣвушки, приведенной въ каталепсію однимъ изъ средствъ, мною выше указанныхъ. Ея рукамъ искусственно придано положеніе, изображающее страхъ и ужасъ: вы видите, что несчастная больная немедленно принимаетъ полное „выраженіе“, соотвѣтствующее этому чувству и остается въ немъ неопредѣленное время.

Приемы фізіологическаго внушенія крайне разнообразны. Мы дѣйствовали на зрѣніе гипнотизированной, но можемъ также подѣйствовать на ея слухъ. При помощи этого приема шарлатаны достигаютъ самыхъ блестящихъ результатовъ. Всѣ недавно могли видѣть въ Парижѣ одного изъ этихъ людей, съ очень красивой особой, выставляемой имъ публично. Это

была истеричная, долго находившаяся на излеченіи въ нѣсколькихъ парижскихъ больницахъ, но по отношенію къ которой леченіе оказалось безуспѣшнымъ.

Одинъ изъ самыхъ эффектныхъ эпизодовъ этого прискорбнаго зрѣлища состоялъ въ томъ, чтобы заставить бѣдную дѣ-

Внушеніе.—Ужасъ.

(По фотографіи автора).

вущку слушать звуки фортепіано или другаго сходнаго инструмента, причемъ, смотря по грустному или веселому характеру темпа, она или впадала въ экстазъ или принималась танцовать. Одна часть ея мозга, еще бодрствовавшая, получала музыкальныя впечатлѣнія, и все ея тѣло принимало вслѣдствіе ассоціированныхъ рефлексовъ „выраженіе“, соотвѣтственное первому ощущенію.

Намъ удалось фотографировать каталептическую, находившуюся подъ вліяніемъ такого внушенія, и я привожу факсимиле оттиска, полученнаго на стеклѣ.

Вторая ступень автоматизма отличается большею сложностью и напоминаетъ ту его фазу, которую можно наблюдать при внушеніи естественному сомнамбулу идеи, влекущей

Внушеніе, произведенное музыкой.

(По фотографіи автора).

за собою цѣлый рядъ другихъ. Такимъ образомъ вызываются настоящія галлюцинаціи.

Для достиженія этого, надо стать передъ каталептикомъ

и стараться обратить на себя его вниманіе, что однако очень трудно, такъ какъ почти всѣ его чувства усыплены; но наши старанія увѣнчались успѣхомъ. Все остальное совершается какъ бы само собою. Сдѣлаемъ, напр., движеніе, какъ будто мы гонимся за птицей: это движеніе немедленно внушаетъ субъекту идею, влекущую за собой рядъ другихъ, и тогда

Внушенная галлюцинація.
(По фотографіи автора).

каталепсія прекращается, смѣняясь автоматизмомъ. Субъектъ встаетъ и начинаетъ быстро бѣгать; умъ больного пробуждается и вступаетъ въ область сновидѣній, причемъ иногда весьма любопытно бываетъ слѣдить за ихъ ходомъ. Нѣкоторые вани движенія заставляютъ его повѣрить въ змѣю, другія — въ религіозное видѣніе, и это видѣніе произойдетъ съ

такую реальностью для сомнамбула, что ничего другого онъ больше не будетъ видѣть; преслѣдуя свою иллюзію, онъ, можетъ быть, кинется на стеклянную дверь, окно или лѣстницу.

Вызванный автоматизмъ.

(По фотографіи автора).

Мы производимъ передъ больной, погруженной въ каталепсію, движеніе, дѣлая видъ, что раздавливаемъ какое-нибудь ядовитое и отвратительное животное; она немедленно отсту-

пасть съ отвращеніемъ и кричить—ей кажется, что ужасное животное преслѣдуетъ ее, и такъ какъ комната, предназначенная для сниманія фотографій, весьма мала, то она стучается обо всѣ стѣны. Подъ конецъ, не надѣясь спастись

Вызванный автоматизмъ.

(По фотографіи автора)

черезъ дверь, больная пытается избѣжать опасности, цѣпляясь за занавѣски.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда внушенное дѣйствіе совершается легко, субъектъ будетъ повторять его неопредѣленное число

разъ. Я кладу кусокъ мыла въ руку одного изъ этихъ автоматовъ: онъ безконечно долго будетъ вертѣть его въ рукахъ, дѣлая видъ, что хочетъ умываться. Однажды этотъ опытъ длился 2 часа.

На ряду съ чисто физиологическимъ внушеніемъ, намъ придется коснуться и прославленнаго внушенія мыслей. Я буду кратокъ относительно этого пункта, такъ какъ до сихъ поръ не наблюдалъ фактовъ, вполне для меня убѣдительныхъ; не слѣдуетъ однако отвергать его безъ разсмотрѣнія, такъ какъ выдающіеся представители науки посвятили себя изученію этого вопроса и, можетъ быть, въ одинъ прекрасный день установятъ его на незыблемыхъ основахъ, несомнѣнно отсутствующихъ въ настоящее время.

Мысленное (психическое) внушеніе обращается уже не къ физиологическому автомату, но позволяетъ дѣйствовать на гипнотизированнаго посредствомъ идей, выраженныхъ или невыраженныхъ. Напримѣръ Экспериментаторы, занимающіеся этими вопросами такъ сильно убѣждены въ ихъ реальности, что никогда бы не рѣшились дать тѣ страшныя приказанія, которыя мною сейчасъ упомянуты. Убѣжденные въ томъ, что ихъ приказанія немедленно будутъ исполнены, они вообще приказываютъ только безразличныя вещи. Ихъ обвиняютъ въ отсутствіи экспериментальной критики и въ недостаточности мѣръ, принимаемыхъ ими противъ симуляціи. Безъ сомнѣнія, притворщикъ (а они существуютъ), которому громко приказываютъ подняться по лѣстницѣ, не имѣетъ никакого основанія не подчиняться этому требованію; если ему подносятъ стаканъ воды и говорятъ, что это чудесное вино, то ему совсѣмъ не трудно и не тяжело восхвалять вкусъ этого вина. Однимъ словомъ условія, при которыхъ производится до сихъ поръ бѣлая часть опытовъ, не позволяютъ въ точности отдѣлать истинное отъ ложнаго, дѣйствительность отъ обмана.

Для бѣлой полноты мнѣ необходимо сказать вамъ еще нѣсколько словъ о внушеніи мыслей на разстояніи и безъ словеснаго выраженія воли. Экспериментаторъ находится въ Ліонѣ; силой одной лишь мысли онъ приказываетъ объекту опыта, живущему въ Парижѣ, совершить любое дѣйствіе, которое только можетъ придти ему въ голову, и субъектъ совершаетъ его въ ту именно минуту, которую его повелитель втайнѣ назначилъ для его соверше-

нія. Гипнотизаторъ щиплетъ собственную руку и это заставляетъ вскрикнуть отъ боли даму, проживающую въ другой части города. Я не могу утверждать, чтобы эти факты были ложны; они засвидѣтельствованы людьми неоспоримо честными; что же касается лично меня, то мнѣ не приходилось видѣть ихъ и, сознаюсь, что мое отношеніе къ нимъ нѣсколько скептическое. Къ тому же я уже объяснился по этому поводу.

Я сообщилъ читателю способъ, какимъ можно усыпить больного; теперь мнѣ остается указать на приемы, при помощи которыхъ онъ можетъ быть пробужденъ. Если вы хотите вернуть каталептика къ состоянію обыкновеннаго сна, то вамъ слѣдуетъ только закрыть ему глаза, опустивъ вѣки. Эту манипуляцію надо производить весьма осторожно; можетъ случиться, что всѣ мышцы субъекта сразу вытянутся вслѣдствіе наступившаго мрака и вашего внушенія заснуть, и онъ грохнется на полъ во всю длину. Мнѣ приходилось иногда быть свидѣтелемъ такихъ явленій.

Чтобы возвратить субъекта къ обыкновенному состоянію, магнетизеры производятъ *освобождающіе пассы*; врачи же просто дуютъ на лицо или спрыскиваютъ его нѣсколькими каплями воды; сильное возбужденіе, полученное этимъ путемъ, обыкновенно сопровождается пробужденіемъ. Кстати скажу, что заставлять сонъ длиться сверхъ мѣры—болѣе чѣмъ опрометчиво. Насколько мнѣ извѣстно, два субъекта подверглись очень серьезной опасности, близкой къ смерти, вслѣдствіе того, что ихъ сонъ продолжался болѣе 24 часовъ. При этихъ условіяхъ, дыханіе почти пріостанавливается, сердце еле бьется и экспериментируемаго можетъ постигнуть асфикція (задушеніе).

Я кончаю, сообщивъ вамъ все, что зналъ и видѣлъ касательно пресловутаго *животнаго магнетизма*. Я только не сказалъ ни слова о чтеніи мыслей съ завязанными глазами или при помощи „второго зрѣнія“, объ отгадываніи и леченіи болѣзней при помощи магнетизма. Эти предметы ничего общаго съ наукой не имѣютъ, вотъ почему я не считалъ умѣстнымъ касаться ихъ въ аудиторіи Сорбонны.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что столь причудливыя фізіологическія явленія, какъ только что упомянутыя мной, могли соблазнить шарлатановъ и ввести въ заблужденіе глупцовъ.

Позвольте мнѣ въ заключеніе выразить желаніе, руко-

водившее мною въ изложеніи этой главы. Я имѣлъ въ виду убѣдить читателя въ томъ, что изумительныя явленія магнетизма и сомнамбулизма суть только патологическія преувеличенія или болѣзни сна, и что они, будучи вполне опре-

Пріемъ для превращенія каталептического состоянія въ обыкновенный сонъ.

(По фотографіи автора).

дѣленными, могутъ быть воспроизведены, когда и какъ угодно, на специальныхъ больныхъ, безъ всякой жидкости и не призывая на помощь высшихъ и сверхъестественныхъ силъ. Если бы я достигъ этого результата, то уничтожилъ бы одно изъ самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій, къ сожалѣнію еще достаточно распространенныхъ въ пестрой массѣ полуобразованныхъ людей.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ДВА МОДНЫХЪ ЯДА—МОРФІЙ И ЭФИРЪ.

THESE ARE THE RESULTS OF THE RESEARCHES OF THE
COMMISSIONERS OF THE GENERAL LAND OFFICE
AND THE RESULTS OF THE RESEARCHES OF THE
COMMISSIONERS OF THE GENERAL LAND OFFICE

THE RESULTS OF THE RESEARCHES OF THE
COMMISSIONERS OF THE GENERAL LAND OFFICE

THE RESULTS OF THE RESEARCHES OF THE
COMMISSIONERS OF THE GENERAL LAND OFFICE

THE RESULTS OF THE RESEARCHES OF THE
COMMISSIONERS OF THE GENERAL LAND OFFICE

Два модных яда — морфій и эфиръ.

Кто-то сказалъ однажды Фонтенелю, что кофе — медленно дѣйствующій ядъ. „Я это замѣчаю, отвѣтилъ остроумный академикъ, потому что скоро уже исполнится 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я его ежедневно пью“.

То, что въ устахъ изящнаго писателя было лишь капризной выходкой, увы! является обыкновеннымъ разсужденіемъ многихъ лицъ, позволяющихъ медленно, но вѣрно вести себя къ могилѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность выступаетъ передъ ними безъ живыхъ угрозъ. Они дѣлаютъ это какъ будто нарочно и часто даже изъ угожденія модѣ.

Несомнѣнно, что если въ наше время возрастаніе населенія замедляется, то никакъ нельзя сказать того же о причинахъ всякаго рода общественныхъ бѣдствій. Мы постоянно чувствуемъ, какъ они угрожаютъ намъ со всѣхъ сторонъ. Микроскопъ въ рукахъ одного изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ показалъ намъ въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, въ водѣ, которую пьемъ, миллиарды неуловимыхъ враговъ, настоящія шайки разбойниковъ, набрасывающихся на нашъ бѣдный организмъ.

То холера отъ времени до времени производитъ опустошенія въ нашихъ рядахъ, то чума угрожаетъ намъ съ востока, то дифтеритъ подкашиваетъ наше юное поколѣніе, то тифъ укладываетъ цѣлые ряды нашихъ юныхъ солдатъ. Я бы никогда не кончилъ, если бы хотѣлъ все пересчитать. Къ тому же сюда примѣшалась человѣческая изобрѣтательность:

еще неизвѣстно, на чемъ останутся изобрѣтатели торпедъ, митральезъ и магазинныхъ ружей.

И что же! всего этого было еще недостаточно. Среди насъ, въ нашихъ семьяхъ, есть люди, преспокойно отравляющіеся ради удовольствія или ради моды.

Вы вѣроятно о нихъ слыхали: это—морфиноманы; они уже нѣсколько разъ фигурировали на скамьяхъ подсудимыхъ въ уголовныхъ процессахъ. Въ Англіи за одно съ ними появляются еще другіе несчастные, не удовлетворяющіеся самымъ крѣпкимъ джиномъ и замѣняющіе его эфиромъ; это—усовершенствованные алкоголики, путемъ научнаго прогресса смѣнявшіе нашихъ простыхъ пьяницъ, подобно тому, какъ морфиноманы произошли отъ восточныхъ теріаковъ и китайскихъ курителей опиума. Это сравненіе вполнѣ оправдывается не только химической аналогіей состава ядовъ, но также и ихъ фізіологическимъ дѣйствіемъ и тождественностью соціальныхъ причинъ, вызывающихъ ихъ употребленіе.

Наши азіатскіе предки, уже завѣщавшіе намъ много недуговъ, до сихъ поръ однако оставляли при себѣ странное пристрастіе къ опиуму и его вариантамъ.

Въ Китаѣ уже очень давно курятъ опиумъ, а на востокѣ вѣдять его. Позвольте же мнѣ сказать нѣсколько словъ о предкахъ нашихъ морфиномановъ; вы тѣмъ лучше уясните себѣ ихъ исторію.

Если хорошенько посчитать, то окажется, что страсть къ опиуму среди мусульманскаго населенія скорѣе сокращается, чѣмъ увеличивается. Замбако, долго жившій на востокѣ, указываетъ на причины этого явленія. Турокъ искалъ въ опиумѣ родъ опьяненія и очаровательнаго небытія, находимаго имъ теперь съ большей легкостью въ шампанскомъ или красномъ винѣ. Послѣднее средство доставляетъ ему кромѣ того вкусовое наслажденіе, отсутствующее при потребленіи опиума. Это зависитъ отъ ослабленія религіознаго чувства какъ тамъ, такъ и здѣсь, причѣмъ повсемѣстно люди, не желающіе открыто порывать связь съ кораномъ, стараются идти съ нимъ на компромиссъ. Во времена Магомета ни ромъ, ни коньякъ не были еще изобрѣтены; слѣдовательно, онъ не запрещалъ потреблять ихъ. А что не запрещено, то разрѣшается; поэтому иной мусульманинъ, считающій вино до того нечистымъ, что даже не рѣшится прикоснуться къ

нему рукой, въ лоскъ напивается водкой, не опасаясь потерять свою долю въ царствѣ небесномъ.

Но люди религіозные, особенно же улемы, разсуждаютъ иначе: они все еще придерживаются опиума, принимая его въ шарикахъ отъ 0,05 грамма ($\frac{1}{80}$ золот.) до 0,10 гр. ($\frac{1}{40}$ зол.), которые держатъ при себѣ въ золотыхъ коробочкахъ, откуда и извлекаютъ ихъ отъ времени до времени. Они потребляютъ опиумъ въ особенности послѣ обѣда, во время начала пищеварительнаго процесса, подобно тому, какъ мы въ это время пьемъ кофе или чай.

Первымъ результатомъ является далеко не сонъ, какъ можно было бы подумать, а извѣстнаго рода умственное и физическое возбужденіе, превращающее восточнаго человѣка, отъ природы грустнаго, въ шумнаго, болтливаго и раздражительнаго субъекта, любящаго поспорить.

Баралье разсказываетъ объ одномъ черноморскомъ шкиперѣ-теріакѣ, который долженъ былъ проглатывать нѣсколько опійныхъ пилюль каждый разъ передъ утомительнымъ переѣздомъ: онъ пріобрѣталъ тогда необыкновенную ловкость, а если оставался безъ своего обычнаго возбуждающаго средства, то дѣлалъ тысячу промаховъ и становился очень опаснымъ кормчимъ.

Турки не довольствуются тѣмъ, что сами ѣдятъ опиумъ; они даже даютъ его лошадямъ.

Бернсъ разсказываетъ, что ему всю ночь пришлось путешествовать съ всадникомъ изъ туземцевъ: „Послѣ утомительнаго перехода въ 30 миль, я принужденъ былъ принять сдѣланное имъ предложеніе—остановиться на нѣсколько минутъ. Онъ употребилъ это время на то, чтобы подѣлиться съ своей лошадыю дозой опиума, равнявшейся 2 граммамъ ($\frac{1}{2}$ зол.). Результаты этого пріема не замедлили обнаружиться у обоихъ: конь свободно прошелъ въ день 40 миль, а всадникъ сдѣлался дѣятельнѣе и живѣе“.

Къ сожалѣнію, чтобы поддержать это искусственное состояніе, необходимо постоянно увеличивать дозы; тогда начинается второй періодъ опиофагіи—періодъ отупѣнія.

Теріаки соединяются въ собранія, чтобы предаваться своему пороку: представители высшихъ классовъ сходятся въ своихъ домахъ, а народъ—въ специальныхъ кабакахъ. „Двѣнадцать турокъ, говоритъ Лангіори, сидѣли на диванѣ; послѣ обѣда подали кофе, а затѣмъ перешли къ опиуму. Вскорѣ обнару-

жилося дѣйствіе этого вещества: нѣкоторые изъ молодыхъ турокъ сдѣлались живѣе и веселѣе обыкновеннаго, они стали пѣть и смѣяться; другіе же въ бѣшенствѣ вставали съ своихъ мѣстъ, выхватывали сабли и принимали оборонительныя позы, не нанося однако никому ни ударовъ, ни вреда. Явилась полиція, и они дали обезоружить себя, продолжая тѣмъ не менѣе кричать. Нѣкоторые, болѣе старые, впали въ тупое состояніе и стали дремать. Одинъ изъ нихъ, 70-лѣтній посланникъ, остался совершенно глухъ къ крикамъ и сабельнымъ ударамъ; его глаза оставались раскрыты—онъ видѣлъ, чувствовалъ, но былъ неспособенъ произвести какое-либо движеніе“.

Очень рѣдко удастся быть свидѣтелемъ подобной сцены, такъ какъ люди средняго круга обыкновенно скрываются отъ иностранцевъ, чтобы предаваться своей страсти; гораздо легче, наоборотъ, наблюдать низшіе классы въ опійныхъ кабакахъ.

„Въ Константинополѣ, пишетъ Замбако, находится кофейня, специально предназначенная для опиумофаговъ низшихъ классовъ. Въ полутьмѣ, сидя на скамьяхъ, прикрѣпленныхъ къ 3 стѣнамъ лавки, они тихо и угрюмо предаются своимъ мечтаніямъ. Если бы наблюдатель мелькомъ заглянулъ въ это логовище лѣни, то ему удалось бы присутствовать при зрѣлищѣ, которое вполне правдиво можетъ воспроизвести лишь одна фотографія. Онъ увидѣлъ бы лица всевозможныхъ типовъ, украшенные чалмами безконечно разнообразныхъ формъ, глаза съ болѣе или менѣе опущенными вѣками, смотря по степени наркотизаціи и отупѣнія, головы съ различными выраженіями, закинутыя назадъ и опирающіяся то на стѣну, то на плечо сосѣда, или тяжело опрокинутыя на грудь и ритмически покачивающіяся въ ту или другую сторону... Онъ увидѣлъ бы людей съ локтями, опирающимися на колѣни, раскрытые рты, изъ которыхъ течетъ слюна, или же губы, издающія при каждомъ вдыханіи шумъ какъ бы изъ клапана, причемъ гортанный храпъ иногда нарушаетъ тишину этого замогильнаго собранія, напоминающаго по своему мрачному виду массовую агонію... Вотъ неполная картина этого эльдорадо *афѣонджіевъ*.“

Приблизительно такое же зрѣлище представляютъ знаменитые табаджіи крайняго востока. Въ Китаѣ не ѣдятъ опиума, а курятъ его: это фактъ общеизвѣстный, и я не остановился бы на немъ, еслибы не считалъ интереснымъ указать,

чѣмъ угрожаетъ подобное несчастіе намъ самимъ, разъ только морфинomanія будетъ распространяться среди насъ съ тою же интенсивностью.

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ опиумъ былъ въ Срединномъ Царствѣ предметомъ большой роскоши, предоставленнымъ мандаринамъ, которые пользовались имъ открыто, но запрещали употреблять его низшимъ и среднимъ классамъ. Исключеніе дѣлалось только для гостей и иностранцевъ. Съ тѣхъ поръ опиумомъ стали мало-по-малу злоупотреблять, а съ 1840 г. злоупотребленіе имъ достигло самыхъ крайнихъ размѣровъ.

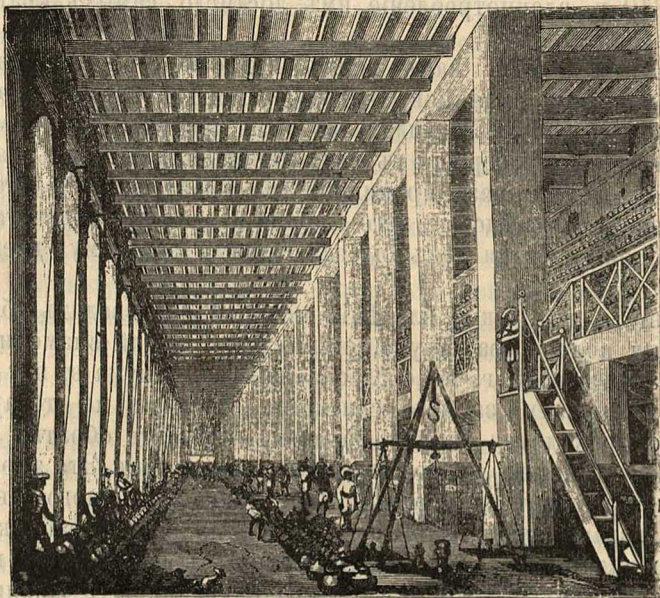
Этотъ фактъ, какъ всѣмъ извѣстно, обусловливается экономической причиною, которую я смѣло назову отвратительной. Китайцы въ уплату за свои продукты принимаютъ только золото и серебро въ видѣ монетъ или слитковъ; такимъ образомъ деньги, разъ проникшія въ страну, не выходятъ болѣе изъ нея, вслѣдствіе чего Европа и Америка подвергаются со стороны Китая какъ бы нѣкоторому золотому дренажированію.

Англія, индійскія владѣнія которой производятъ баснословныя количества опиума, принудила Китай знаменитымъ трактатомъ 1840 г. къ согласію на ввозъ опиума въ эту страну и на уплату за него слитками золота, а не товарами. Китаю приходится такимъ образомъ отдавать обратно большую часть денегъ, удерживаемыхъ про запасъ. Эта торговля приняла громадныя размѣры. Заимствую изъ одного англійскаго изданія виды, снятыя съ одной индійской фабрики.

Громадныя палаты предназначены для обработки макового сока, другія—для сушки его въ глиняныхъ горшкахъ. Здѣсь готовится не одинъ миллионъ пудовъ яда.

Вы получите понятіе о значительности этой операціи, когда узнаете, что еще въ настоящее время ввозится въ Китай 70,000 ящиковъ индійскаго опиума, цѣнность которыхъ достигаетъ, по крайней мѣрѣ, 120 миллионѣвъ рублей. На 120 миллионѣвъ рублей яду, навязаннаго цѣлой націе на основаніи права войны! Прибавьте къ этому исполненіе Фовелевскаго предсказанія, что холера будетъ свободно ввозиться въ Европу только изъ-за того, чтобъ нѣсколько тюковъ хлопка скорѣе были доставлены въ Лондонъ, и вы вѣроятно станете въ тупикъ, какимъ образомъ одни и тѣ же люди могутъ, съ одной стороны—вносить въ свои отношенія такой бездушный мер-

кантилизмъ, а съ другой — издавать драконовскіе законы, направленные противъ ученыхъ экспериментаторовъ, желающихъ пользоваться животными для производства опытовъ, которые имѣютъ цѣлю облегченіе страданій человѣчества. Эти самые люди недавно еще присудили къ тюремному заключенію знаменитаго врача за то, что онъ на гигиеническомъ конгрессѣ осмѣлился умертвить... кролика. Онъ это

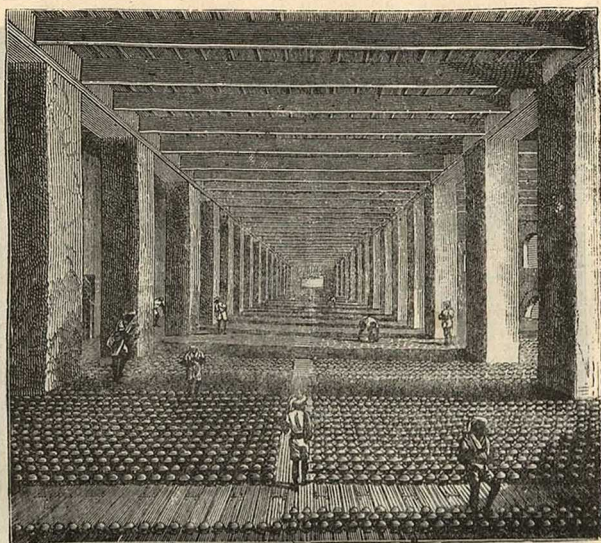
Фабрика для приготавленія опиума. — Зало смѣсей.

(По англійской гравюрѣ).

сдѣлалъ, чтобы доказать вредъ, происходящій отъ чрезмернаго употребленія абсента.

Какъ бы то ни было, китайцы курятъ опиумъ отъ 20 или 25-лѣтняго возраста. Съ этой цѣлю они пользуются трубками разныхъ формъ, нѣкоторые образчики которыхъ я привожу въ книгѣ. Опиумъ, скатанный въ видѣ маленькихъ шариковъ, помѣщается на головкѣ трубки при помощи иглы и затѣмъ зажигается на лампѣ.

Ближайшее послѣдствіе употребленія этого вещества есть головокруженіе. Всѣ нравственныя заботы и физическія страданія исчезаютъ; затѣмъ, какъ и въ опіофагіи, наступаетъ шумный бредъ, нѣчто вродѣ маниакальнаго состоянія, во время котораго субъектъ волнуется, вопить и все ломаетъ вокругъ себя. Иногда онъ выбѣгаетъ изъ дому,

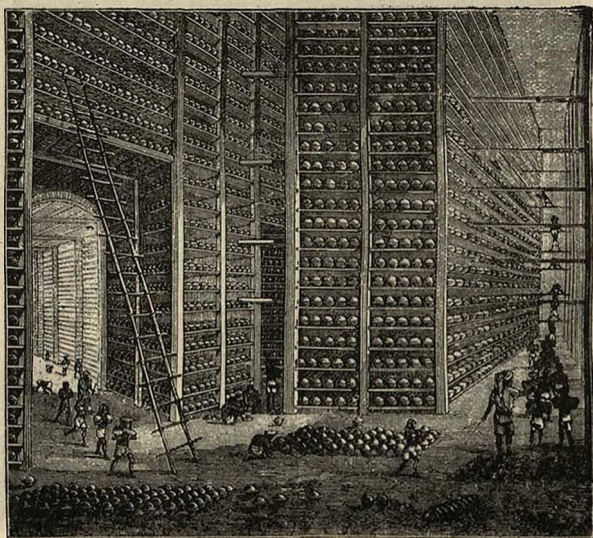

Фабрика опіума.—Укладка въ сосуды.
(По англійской гравюрѣ).

кидается на перваго встрѣчнаго и убиваетъ его. Разсказываютъ, что однажды такой бѣшеный бросился на пику полицейскаго солдата съ такой силой, что не только прокололся ею копьемъ насквозь, но даже добрался по ея древку до своего противника и заколотъ его кинжаломъ. Для предупрежденія подобныхъ случайностей нѣкоторые полицейскіе служители вооружены ухватами, которыми они оттѣсняют ку-

рителей опиума и приперевъ ихъ къ стѣнѣ, держать до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся обезоружить ихъ.

Въ Китаѣ находятся кабаки, похожіе на турецкіе, гдѣ низшіе классы предаются куренію опиума. Владѣльцы этихъ заведеній обязуются связывать ихъ, если тѣ начнутъ бѣсноваться; когда же курители впадаютъ въ состояніе отупѣнія, ихъ укладываютъ на диваны.

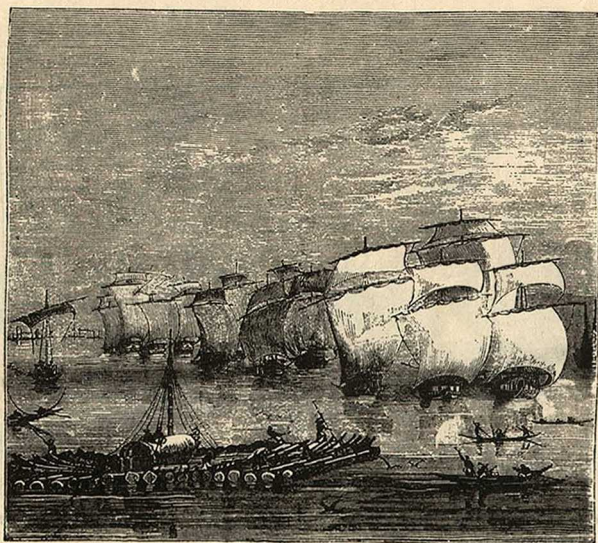
Фабрика опиума.—Сушильня.

(По англійской гравюрѣ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуютъ даже погреба, куда для большей вѣрности запираютъ курильщиковъ безъ всякаго разбора; они могутъ тамъ кричать, вопить и драться, не рискуя привлечь вниманія полиціи. Нерѣдко, когда поутру открываютъ эти вертепы, то находятъ тамъ нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Не такъ давно англійское правительство открыло въ Лондонѣ одно изъ такихъ учреждений, завезенныхъ туда

китайцами. Не трудно догадаться, что мозгъ не долго выдерживаетъ подобныя излишества.

И дѣйствительно, куритель опиума, также какъ опиумоѣдъ, принужденъ постепенно увеличивать дозу принимаемаго имъ яда. Послѣ 6 или 8 мѣсяцевъ онъ долженъ выкуривать уже десять трубокъ въ день: всѣ деньги его уходятъ на опиумъ, и онъ быстро разоряется—продаетъ все свое

Флотъ для перевозки опиума.

(По англійской гравюрѣ).

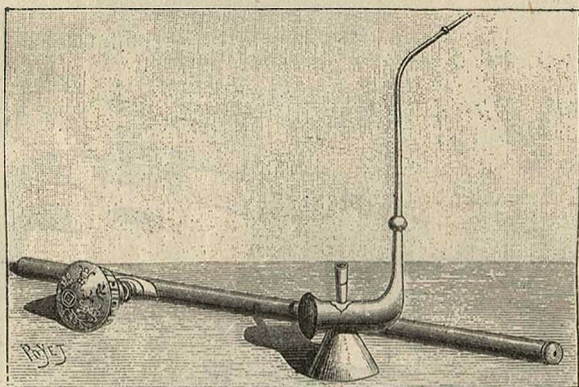
имущество, затѣмъ играетъ, и когда все потеряно, то *проигрываетъ свои пальцы*, отрубая топоромъ по одному суставу всякій разъ, когда оказывается въ проигрышѣ (Баль). Авторы единогласно утверждаютъ, что максимальный срокъ жизни курильщика не превышаетъ пяти-шести лѣтъ.

Кромѣ умственнаго оцѣпененія, куритель начинаетъ страдать худосочиємъ и теряетъ аппетитъ; всѣ его отправленія пріостанавливаются, цвѣтъ лица принимаетъ свинцовый от-

тѣнокъ, а тѣло становится такъ худо, что производить впечатлѣніе скелета, покрытаго кожей.

Въ виду такихъ гибельныхъ послѣдствій, правительство пыталось противодѣйствовать этому злу: оно прежде всего наложило пошлину на привозный опиумъ.

Эта система однако оказалась неудачной, такъ какъ китайское чиновничество не только лжетъ, но и воруетъ, извлекая бѣольшую часть своихъ доходовъ изъ взяточничества. По увѣренію де-Можя, шангайскій тао-тай получалъ до мил-

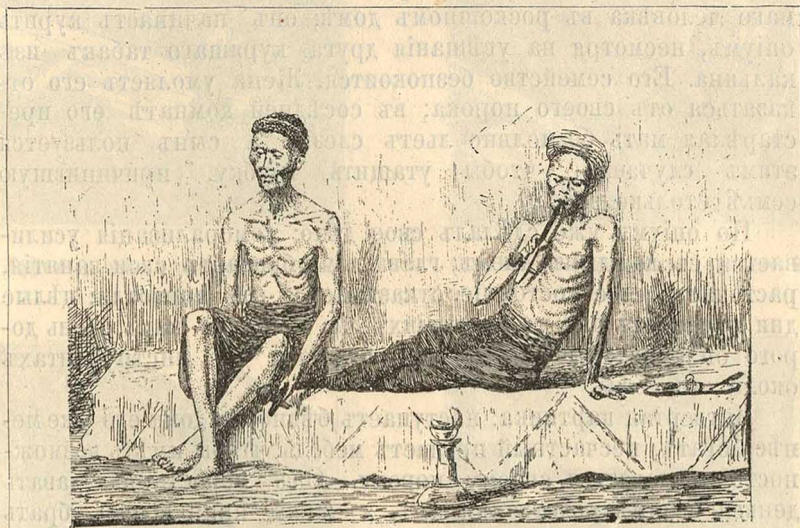

Трубка для куренія опиума и табака, пропитаннаго опиумомъ.
(Съ натуры).

ліона франковъ взятковъ за разрѣшеніе ввозить контрабандный опиумъ. Въ виду таможенной неудачи, правительство прибѣгло къ уголовному преслѣдованію. Вотъ указъ, изданный въ 1841 г. кантонскимъ вице-королемъ:

„Прошло уже два года съ тѣхъ поръ, какъ глава Небесной имперіи запретилъ всѣмъ своимъ подданнымъ куреніе опиума. Льготный срокъ, полагавшійся для приведенія въ исполненіе этого закона, истекаетъ 12-го числа 12-го луннаго мѣсяца настоящаго года. Тогда всѣ виновные въ нарушеніи

указа будутъ казнены, а головы ихъ выставлены публично, для устрашенія тѣхъ, кто вздумалъ бы имъ подражать. Я рѣшилъ однако, что одиночное заключеніе будетъ болѣе дѣйствительной мѣрой, чѣмъ смертная казнь, для пресѣченія этого ужаснаго зла, а потому объявляю во всеобщее свѣдѣнія, что близъ Вѣчныхъ воротъ строится специальная тюрьма для курителей опиума. Здѣсь всѣ они,—старые и молодые,—будутъ посажены въ тѣсныя камеры, съ однимъ окномъ и двумя досками, приспособленными для спанья и для

Курильщики опиума.

(По фотографіи).

сидѣнья. Въ случаѣ повторенія проступка, виновные подлежатъ смертной казни“.

Эта законодательная мѣра имѣла свои неудобства—тяжесть наказанія не соотвѣтствовала размѣрамъ преступленія—и потому оказывалось неосуществимой. Представьте себѣ, что наши суды стали бы приговаривать къ гильотинѣ всѣхъ курящихъ или нюхающихъ табакъ? Тогда бы постоянно являлись поводы для примѣненія права помилованія.

Наконецъ, осматриваясь вокругъ себя, императоръ убѣдился,

что его собственныя жены курятъ опиумъ, и я не поручусь, что, еслибы онъ захотѣлъ *въ точности* исполнить изданный имъ законъ, ему бы не пришлось начать съ самоубійства.

Послѣ неудачи карательныхъ мѣръ, принялись за морализацію и проповѣди; народныя картинки переполнились всевозможными изображеніями злоключеній, постигающихъ курителя опиума. Мы помѣщаемъ здѣсь рядъ подобныхъ картинокъ, на которыхъ воспроизведены страданія, угрожающія курителю. Въ началѣ передъ нами выводять состоятельнаго человѣка въ роскошномъ домѣ; онъ начинаетъ курить опиумъ, несмотря на увѣщанія друга, курящаго табакъ изъ кальяна. Его семейство беспокоится. Жена умоляетъ его отказаться отъ своего порока; въ сосѣдней комнатѣ его престарѣлая мать безмолвно льетъ слезы, а сынъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы утащить трубку, причинившую семейству столько зла.

Но опиумъ уже сдѣлалъ свое дѣло; деморализація усиливается съ каждымъ днемъ; глава дома бросаетъ свои занятія, расточаетъ свое состояніе, отказывается отъ торговли; цѣлые дни проводитъ онъ въ мечтаніяхъ, въ то время какъ очень дорого оплачиваемые скоморохи играютъ на инструментахъ около его софы.

Четвертая картинка: наступаетъ бѣдность; домъ его уже меньше богатъ, несчастный продаетъ мебель, чтобы имѣть возможность предаваться своему пороку. Онъ перестаетъ давать деньги своимъ родственницамъ, а жена принуждена брать работу на домъ, ради насущнаго пропитанія. Прислуга исключительно занята приготовленіемъ опиума для хозяина. Обратите однако вниманіе на лицо послѣдняго—какъ оно измѣнилось: болѣзнь и порокъ уже наложили на него свою печать.

Самое бѣднѣе, что онъ можетъ сдѣлать, это—привстать съ постели; такъ велико отупѣніе, до котораго онъ дошелъ; вотъ почему на пятой картинкѣ, мы уже видимъ его лежащимъ; его жена заливается горькими слезами, а престарѣлая мать, держа узелокъ въ рукѣ, объявляетъ, что она покинетъ домъ; но глава семейства остается невозмутимымъ.

Къ несчастью, онъ не всегда ведетъ себя такимъ образомъ; на курителя опиума, какъ я уже говорилъ, иногда нападаютъ припадки безумнаго бѣшенства, во время которыхъ

Куритель опиума предается своей страсти.

Онъ живетъ совершенно праздно.

Жена и дѣти умоляютъ его бросить опиумъ.

Семья поддерживаетъ свое существование непосильной работой.

Курильщикъ едва можетъ при-
встать съ постели.

Онъ распродалъ всѣ свои пожитки.

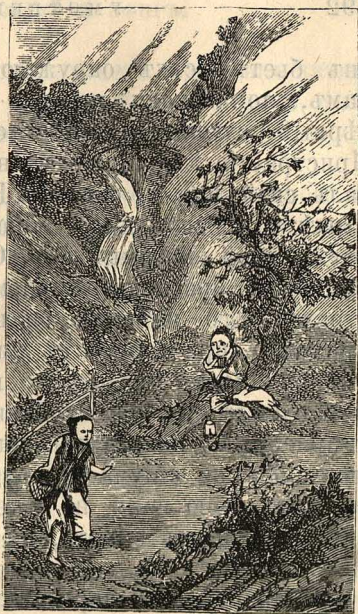
Слуга едва удерживаетъ его отъ
буйства.

Жена съ ребенкомъ оставляетъ
полоумнаго лежебока.

Онъ доходить наконецъ до ни-
щенства.

Ему уже негдѣ преклонить голову.

Онъ бѣжитъ, преслѣдуемый даже
собаками.

Наступаетъ зима—и онъ погибаетъ.

онъ бьетъ всѣхъ окружающихъ; авторъ показываетъ его намъ, ломающимъ мебель, бьющимъ жену и ребенка. Его вѣрный слуга пытается остановить его, но тщетно. Пристрастіе къ опиуму въ немъ безпредѣльно; куритель продалъ свой домъ и одежду. Вотъ онъ лежитъ на циновкѣ въ сараѣ и проситъ милостыню, а на выручаемыя деньги покупаетъ свой любимый ядъ. Семья, проникшись отвращеніемъ къ нему, бросаетъ безумца, а сыну своему онъ внушаетъ страхъ. Его внѣшній видъ становится такъ ужасенъ, что прохожіе, при встрѣчѣ съ нимъ, пускаются въ бѣгство. Тогда онъ начинаетъ бродить по пустыннымъ мѣстамъ въ украденной одеждѣ, но даже собаки и тѣ преслѣдуютъ его. Страшно-утомленный, покинутый, онъ садится подъ дерево, у него нѣтъ больше опиума для удовлетворенія своей страсти, онъ сознаетъ свою вину, но уже поздно. Наступаетъ зима, и несчастный ждетъ смерти, не имѣя даже камня, чтобы преклонить голову.

Вотъ грустная поразительная и весьма нравственная картина. И что же, вся эта пропаганда имѣла почти такой же успѣхъ въ Китаѣ, какъ наши общества трезвости, и все осталось до настоящаго времени въ прежнемъ положеніи.

Въ нашей средѣ обыкновенно не встрѣчаются опиумоѣды и курители опиума. Тѣмъ не менѣе указываютъ на нѣкоторыхъ лицъ, которыя, для облегченія страданій, постепенно приучаютъ себя къ поглощенію довольно значительныхъ количествъ этого вещества.

Баль имѣлъ случай наблюдать въ Сальпетриерѣ одну женщину, уничтожавшую 15 золотниковъ опія въ день; Замбако упоминаетъ объ одной своей больной знакомой, принимавшей его заразъ по стакану. Я самъ видѣлъ человѣка, долго жившаго въ Китаѣ и выпивавшаго въ день стаканъ опійной настойки д-ра Руссо.

Но всѣмъ въ настоящее время извѣстно, что теріаки и курители опиума имѣютъ своихъ собратьевъ въ Европѣ; это — морфиноманы.

Между первыми и послѣдними существуетъ такая же разница, какъ между варварами и цивилизованными людьми: цивилизація налагаетъ свою печать даже на способъ отравленія.

Восточный житель ѣстъ или куритъ просто сокъ мака, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ природѣ; евро-

неецъ же болѣе утонченъ: онъ выискиваетъ одну изъ активныхъ составныхъ частей опиума и вводитъ ее въ свой организмъ такимъ образомъ, чтобы не ощущать его непріятнаго вкуса.

Опиумъ—сложное вещество: онъ заключаетъ въ себѣ не менѣе 17 различныхъ ядовъ, относительное количество которыхъ колеблется, смотря по его происхожденію. Самые главные изъ нихъ—морфинъ и кодеинъ, часто употребляемые въ медицинѣ. Они-то именно, особенно первый, и служатъ средствомъ для хроническихъ отравленій, затронутыхъ нами въ этой главѣ.

Какимъ образомъ превращается въ морфиномана какойнибудь французъ или русскій, не побуждаемый къ этому силой общей привычки или существованіемъ специальныхъ заведеній?

Это достигается двумя путями. Самой обыкновенной причиною, вызывающей морфиноманію, бываетъ какойнибудь временный недугъ, вродѣ невралгіи лица или зубовъ, или сильныя желудочныя и головныя боли. Призванный для совѣта врачъ, тщетно испробовавъ всѣ средства и желая отвязаться отъ пациента, тѣмъ болѣе несноснаго, чѣмъ онъ сильнѣе страдаетъ, прописываетъ больному подкожное впрыскиваніе нѣсколькихъ грановъ морфія.

Результатъ получается поразительный, боли моментально прекращаются, но на другой день онъ возобновляются съ новою силой. Несчастный пациентъ припоминаетъ, какъ успѣшно дѣйствовало успокоительное средство, принятое имъ наканунѣ, и требуетъ новаго его приѣма. Приходится уступить, и это продолжается втеченіи нѣсколькихъ дней. Тогда у больного начинается обнаруживаться привычка къ яду: одного впрыскиванія въ день оказывается уже недостаточнымъ для прекращенія страданій; теперь организмъ требуетъ ихъ уже два, три, четыре въ день и т. д. Тогда происходитъ странное явленіе: первоначальное страданіе, вызвавшее леченіе морфіемъ, уже давно исчезло, а больной между тѣмъ не можетъ отказаться отъ употребленія морфія: если онъ втеченіи нѣсколькихъ дней заброситъ свою отраву, то вскорѣ ему напомнитъ о ней сильное недомоганіе, заставляющее его забыть все и ежедневно усиливать принимаемую имъ дозу, достигающую наонецъ ужасающихъ размѣровъ.

Услужливость врачей служить одной изъ причинъ, очень

благопріятствующей излишества́мъ, которымъ предаются морфиноманы. Врачи сами свидѣтельствуютъ объ этомъ фактѣ въ своихъ ученыхъ трудахъ, и мы увидимъ, что они несутъ за это суровую кару, такъ какъ многіе изъ нихъ становятся жертвами морфія, задолго до своихъ пациентовъ. Когда больной въ первый разъ настоятельно требуетъ морфія, то его домочадцы прибѣгаютъ къ врачу, который собственноручно производитъ эту маленькую операцію. Но когда вскорѣ приходится повторять впрыскиваніе по нѣскольку разъ въ день, то онъ вручаетъ сидѣлкѣ или же родственникамъ больного маленькую стеклянку съ морфіемъ и серебряный шприцъ, служащій для подкожнаго впрыскиванія, и тогда все потеряно. Развѣ возможно противостоять мольбамъ любимаго и страдающаго человѣка? Хотя врачъ и запретилъ производить болѣе одного впрыскиванія въ день, но вѣдь это не математическая истина, а потому родные и позволяютъ себѣ немного усиливать дозу; затѣмъ, въ одинъ прекрасный день больной самъ овладѣваетъ шприцомъ и тогда безконтрольно, повинаясь одной жаднѣ удовлетворить свою страсть, впрыскиваетъ морфій въ количествахъ, о которыхъ я сейчасъ сообщу вамъ. Ничто не мѣшаетъ ему предаваться своему безумію; онъ безконечное число разъ предъявляетъ въ аптеку первый рецептъ, полученный имъ отъ врача, и такимъ образомъ постоянно возобновляетъ его. Случалось, что по рецепту на 10 сантиграммовъ больной успѣвалъ получить въ общей сложности болѣе 2 фунтовъ морфія.

Вотъ первый способъ превращенія въ морфинмана, это естественный и честный путь. Но есть и иной способъ: свѣтскій, привлекательный и изящный. Первые упомянутые нами морфиноманы—несчастные больные, имѣющіе въ виду облегченіе страданій; вторые же—утонченные люди, ищущіе въ наркотическихъ раздраженіяхъ ощущеній, которыя не могутъ болѣе доставляться имъ ихъ притупленными нервами и нѣсколько расшатаннымъ воображеніемъ. Изъ этой среды выходятъ настоящіе миссіонеры морфиноманіи. Извѣстно, что всѣ порочные люди любятъ плодить себѣ подобныхъ. Басня о лисѣ съ отрубленнымъ хвостомъ создавалась не со вчерашняго дня. Пьяницы питаютъ глубокое презрѣніе къ воздержнымъ людямъ и стремятся увлечь своимъ порокомъ окружающихъ. Увы! ихъ пропаганда оказывается весьма успѣшной. Всѣхъ морфиномановъ характеризуетъ одна общая

черта—они любятъ пропагандировать свой порокъ. Встрѣчаются два пріятеля. Одинъ жалуется другому на тоску и грусть; ничто его больше не привлекаетъ: ни свѣтскія удовольствія, ни бѣга, ни театръ—онъ убійственно скучаетъ. Свѣтскій человѣкъ, тайно предающійся пьянству, не рѣшится совѣтовать другому лицу топить горе въ винѣ; но морфій—лекарство; поэтому, рекомендуя его, уподобляешься до извѣстной степени врачу, а вѣдь извѣстно, какъ любятъ принимать на себя эту роль свѣтскіе люди. Переходя отъ одного признанія къ другому, совѣтникъ наконецъ сознается въ томъ, что и онъ испытывалъ тоску, но сталъ употреблять морфій, о которомъ ему говорили, и съ тѣхъ поръ хорошо себя чувствуетъ.

Такимъ образомъ, благодаря однимъ только бесѣдамъ, создается какъ бы новая секта изъ волонтеровъ арміи морфиномановъ. Всѣ о ней говорятъ, литература и театръ воспользовались этимъ сюжетомъ для извлеченія изъ него различныхъ эффектовъ. Мы уже видѣли „Графиню Морфинъ“ Малла (Comtesse Morphine). Послушайте, что говоритъ объ этой новой страсти Додэ въ романѣ, справедливо пользующемся извѣстностью, а именно въ „Евангелистѣ“.

„Эта бѣдная Лостандъ... Еще одна несчастная женщина... Ты слыхалъ о смерти ея мужа, объ его паденіи съ лошади во время большихъ маневровъ... Бѣдняжка не могла утѣшиться... и чтобъ нѣсколько забыться, прибѣгла къ вспрыскиваньямъ морфія... Она превратилась въ... какъ ихъ называютъ... въ морфиноманку... Существуетъ цѣлое общество подобныхъ ей... Когда онѣ собираются, то каждая дама приноситъ съ собою маленькій серебряный футляръ съ иглой, ядомъ... и потомъ вдругъ погружаетъ ее въ руку или ногу. Это не усыпляетъ, но чувствуешь себя хорошо послѣ того.—Къ несчастію, эффектъ каждый разъ оказывается слабѣе и приходится увеличивать дозу“.

Роскошь, захватывающая всѣ отрасли промышленности, проникла также и въ морфиноманію. Маленькій шприцъ, приспособленный къ подкожному впрыскиванію морфія и дающій возможность избѣгать, внутренняго пріема опиума, горькій вкусъ котораго и вызываемая имъ рвота весьма неприятно дѣйствуютъ на пациента—этотъ Правацовскій шприцъ получилъ остроумныя и художественныя измѣненія.

Прежде всего понадобилось сообщить ему легкую пере-

носную форму и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность безъ труда скрывать его. Я обратился къ одному изъ крупнѣйшихъ парижскихъ фабрикантовъ хирургическихъ инструментовъ, и онъ показалъ мнѣ цѣлый арсеналъ современной морфиноманіи, носящій отпечатокъ вкуса, роскоши и изобрѣтательности его покупателей.

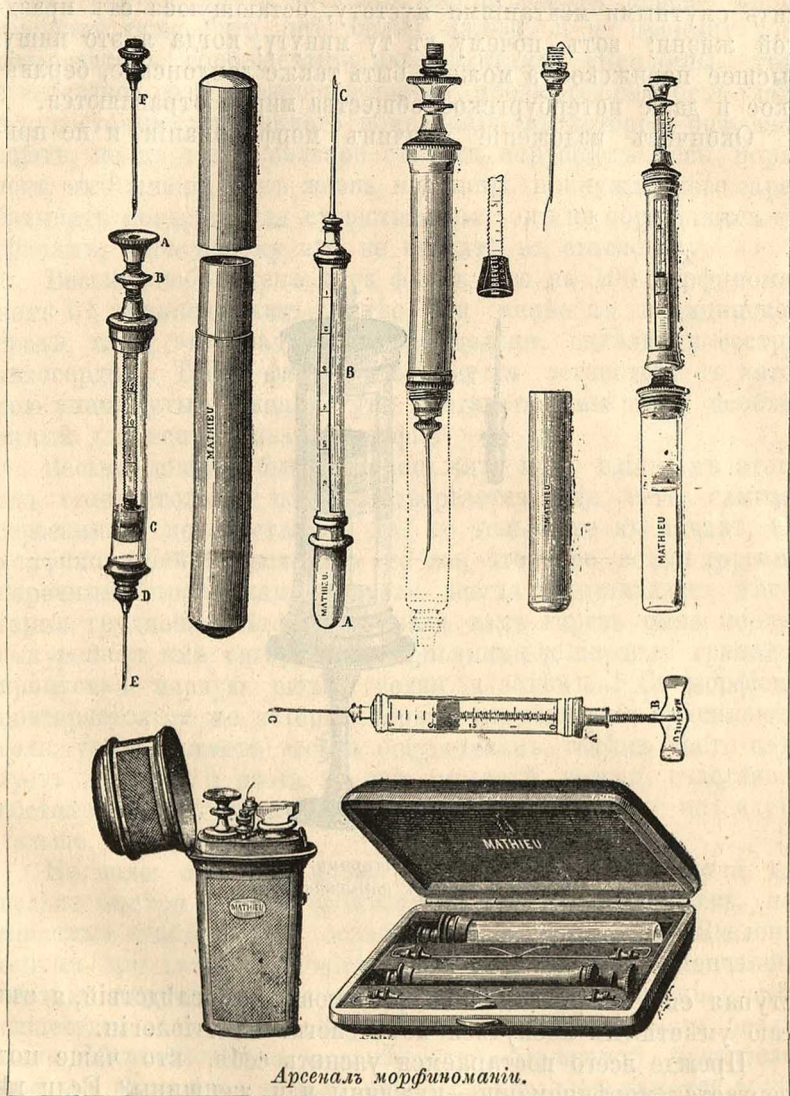
Вотъ прежде всего шприцъ, заключающій въ себѣ сантиграммъ морфія ($\frac{1}{4000}$ золот.) и употребляемый врачами; онъ недостаточно изященъ, съ нимъ трудно управляться и не легко скрывать: имъ пользуются только завзятые морфиноманы, порѣшившіе съ этимъ вопросомъ и гордящіеся своимъ увлеченіемъ. Но вотъ другой шприцъ, ловко спрятанный въ карманной спичечницѣ: рядомъ съ нимъ находится флаконъ, въ который входитъ порція яда, достаточная для послѣбѣденнаго времени.

Далѣе мы видимъ фальшивый портсигаръ, заключающій въ себѣ всѣ приспособленія для впрыскиванія морфія.

Продолговатый футляръ представляетъ еще новый шагъ въ смыслѣ утонченности. Неудобно въ обществѣ насасывать шприцемъ морфій изъ флакона, а потому морфиноманы придумали заранѣе наполнять очень длинный шприцъ, который они всегда носятъ въ карманѣ совершенно заправленнымъ; по временамъ они дѣлаютъ себѣ уколъ, и имъ приходится послѣ каждаго пріема только немного подвинуть поршень, до тѣхъ поръ, пока шприцъ не окажется къ вечеру совершенно пустымъ.

Мнѣ удалось видѣть маленькіе золотые шприцы, вложенные въ флаконъ изъ подѣ англійскихъ солей; вотъ серебряный футляръ, имѣющій видъ дамскаго несессера. Раскроемъ его, и что же тамъ оказывается: прелестный маленький золотой шприцъ и стеклянка съ ядомъ. Въ средѣ великосвѣтскихъ морфиномановъ принято дѣлать къ Новому году особаго рода подарки, состоящіе изъ эмальированныхъ шприцовъ и стекляночекъ, покрытыхъ эмблемами и гравюрами и заключенныхъ въ футляры съ монограммами и гербами; цѣна такой вещицы, заказанной въ прошломъ году богатой морфиноманкой для своей собратки по токсикоманіи, достигала 350 франковъ (около 150 рублей). Мой перечень страдалъ бы неполнотой, еслибы я въ заключеніе не упомянулъ о громадномъ шприцѣ, вмѣщающемъ въ себѣ сантিলитръ яда: по отношенію къ миньютюрнымъ шприцамъ дилетантовъ морфія, онъ является тѣмъ же, чѣмъ морское орудіе по отношенію къ маленькой

горной пушкѣ; онъ служитъ больному, котораго я знаю и о которомъ подробно буду говорить дальше.

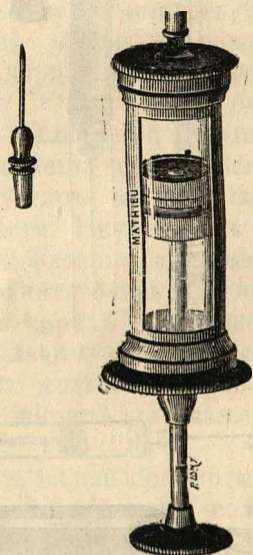

Арсеналъ морфиноманіи.

Такимъ образомъ, морфиноманія не всегда является результатомъ страданій или огорченій; нѣкоторые употребляютъ опиумъ

по той же причинѣ, по какой многіе курятъ, пьютъ или занимаются музыкой:—чтобы убить время, развлечься, наполнить смутными мечтаніями пустоту, остающуюся отъ праздной жизни; вотъ почему въ ту минуту, когда я это пишу, высшее парижское, а можетъ быть также лондонское, берлинское и даже петербургское общества мирно отравляются.

Окончивъ изложеніе причинъ морфиноманіи и не при-

*Громадный шприцъ для
подкожныхъ вприскиваній.*

ступая еще къ указанію ея ужасающихъ послѣдствій, я считаю умѣстнымъ коснуться хотя слегка ея этиологіи.

Прежде всего постараемся уяснить себѣ, кто чаще подвергается морфиноманіи—мужчины или женщины? Если вѣрить печатной статистикѣ, то мужчины значительно преобладаютъ въ числѣ морфиномановъ, а именно—ихъ приходится 100 на 25 женщинъ. Но пусть женщины не очень то ли-

жуютъ. Всѣ врачи-практики утверждаютъ единогласно, что морфиноманокъ больше, но что онѣ только болѣе скрытны. Одинъ авторъ, книга котораго теперь лежитъ передо мной, говоритъ даже, что онѣ болѣе лживы. Я не премину воспользоваться сообщаемыми имъ фактами. Женщины, дѣйствительно, разъ отдавшись пороку, предаются ему безъ удержу; состояніе умственного помраченія, въ которое онѣ впадаютъ, не въ такой сильной степени нарушаетъ весь порядокъ ихъ жизни, какъ жизнь мужчины, принужденнаго зарабатывать средства для существованія; онѣ не обращаются къ врачамъ, вотъ почему ихъ не вносятъ въ статистику.

Весьма любопытенъ тотъ фактъ, что на 100 морфиномановъ 51 принадлежитъ болѣе или менѣе къ медицинской средѣ, т. е. это врачи, студенты-медики, сидѣлки и сестры милосердія... Такой фактъ объясняется легкостью, съ которою упомянутыя лица могутъ доставать аппаратъ, необходимый для впрыскиванія морфія.

Весьма должно быть пріятно жить подъ вліяніемъ этого яда, если столько людей подвергается ради него самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ. Да, но только не въ началѣ. Съ морфиноманіей происходитъ то же, что и со всѣми другими порочными привычками—начало всегда представляетъ нѣкоторыя трудности. Кто не помнитъ, какъ горька была первая выкуренная имъ сигара? Какой пьяница не корчилъ гримасы, пропуская первую рюмку водки, а затѣмъ...! Съ морфіемъ повторяется та же исторія: первая впрыскиванія причиняютъ боль; уколъ бываетъ весьма ощутителенъ, затѣмъ часто слѣдуетъ тошнота и рвота, и это, пожалуй, весьма счастливое обстоятельство, такъ какъ многіе изъ-за него не идутъ дальше.

Но надо признать и то, что привычка образуется довольно быстро и тогда устанавливается *митридадизмъ*: непріятныя свойства яда ослабѣваютъ и исчезаютъ. Введеніе опіума при такихъ условіяхъ производитъ почти моментально общую чарующую смутность, какъ бы уничтоженіе всего существа, вслѣдствіе котораго мгновенно исчезаетъ реальная дѣйствительность и замѣняется блаженной мечтательностью; въ самомъ началѣ процесса умъ даже кажется болѣе живымъ и острымъ. Это состояніе весьма походитъ на то, которое испытываетъ умный человѣкъ и пріятный собесѣдникъ послѣ легкаго опьяненія.

Физическія и нравственныя страданія исчезаютъ, всѣ огорченія на время забываются: „Вы знаете—говоритъ Баль — знаменитый Гамлетовскій монологъ и то мѣсто, въ которомъ принцъ восклицаетъ, что еслибы не боязнъ неизвѣстности, то никто не сталъ бы колебаться передъ возможностью забыть всѣ житейскія невзгоды и погрузиться въ вѣчный миръ, когда для этого достаточно прибѣгнуть только къ стальному острію!.. Это остріе, о которомъ говоритъ Шекспиръ, эта игла-освободительница, она въ нашей власти: это—правцовскій шприцъ. Уколомъ иглы мы можемъ заглушить нравственныя страданія и изгладить изъ нашей памяти людскія несправедливости и удары судьбы; теперь легко понять непреодолимое могущество этого чудеснаго яда“.

Къ несчастью, съ морфіемъ происходитъ то же, что съ опиумомъ—приходится постоянно увеличивать дозы для полученія тѣхъ же результатовъ. Начинаютъ приемы съ сантиграмма въ день, но вскорѣ приходится удваивать дозу, затѣмъ утроивать и т. д., иначе получается слишкомъ скоротечный результатъ. Спустя нѣсколько недѣль, и самое бѣдшее черезъ два или три мѣсяца, морфинomanія вполне укореняется и отъ нея больше нѣтъ спасенія.

Приходится ежеминутно вводить ядъ, а не то блаженство замѣняется страшной пыткой. Такимъ образомъ несчастные маіаки волей-неволей должны записать въ число своихъ близкихъ друзей Праваца и постоянно носить при себѣ весь арсеналь морфинomана, мною выше указанный. Во время прогулки, внезапно охваченные своей страстью или недоуманіемъ, они вдругъ останавливаются и скрываются въ чащѣ. Другіе вдругъ нанимаютъ карету, чтобы имѣть возможность дѣлать впрыскиванія.

Иная великосвѣтская дама удаляется въ глубину ложи во время опернаго представленія: она чувствуетъ неловкость, ея умъ тускнѣетъ, рѣчь заплетается, и ей необходимо прибѣгнуть къ морфію. Политическій дѣятель, министръ одной изъ европейскихъ великихъ державъ, принужденъ каждый разъ передъ засѣданіемъ совѣта министровъ запасаться аппаратомъ для впрыскиванія морфія: онъ дѣлаетъ себѣ уколъ передъ произнесеніемъ рѣчи.

Одинъ весьма занятый врачъ, къ несчастью привыкшій морфинироваться, принужденъ былъ принимать большія предосторожности въ день консультаціи, въ противномъ случаѣ

онъ начиналъ плакать и сокрушаться о болѣзняхъ, на которыя ему жаловались пациенты, что, разумѣется, не могло дѣйствовать на нихъ ободряющимъ образомъ.

Одинъ морфиноманъ, долго находившійся подъ моимъ наблюденіемъ и впослѣдствіи состоявшій при мнѣ секретаремъ, впрыскивалъ себѣ нѣсколько сантиграммовъ морфія на моихъ глазахъ всякій разъ, какъ я давалъ ему что-нибудь написать или прочесть.

Безъ преувеличенія можно сказать, что отъ морфиноманіи страдаютъ всѣ классы общества, не исключая низшихъ. Припоминаю по этому поводу мою службу въ больницѣ, въ которой мнѣ довелось быть ординаторомъ. Тамъ установился обычай тайно отъ главныхъ врачей успокоивать страданія больныхъ впрыскиваніемъ морфія; случайно я сдѣлался свидѣтелемъ подобнаго факта и скоро искоренилъ эту прискорбную привычку, оставаясь непреклоннымъ передъ мольбами больныхъ и изолируя тѣхъ изъ нихъ, которые были наиболѣе заражены этой страстью.

Съ другой стороны, кто не помнитъ въ высшемъ обществѣ бѣдной герцогини, умершей 25-ти лѣтъ и искавшей въ морфіи забвенія горестей и оскорбленій, которыми ее осыпали?

Вмѣсто того, чтобы рисовать передъ вами систематическую картину состоянія, въ которое впадаютъ морфиноманы, я предпочитаю показать читателю, до какой степени можетъ быть доведено злоупотребленіе морфіемъ и какое умственное паденіе поражаетъ въ концѣ-концовъ лицъ, предающихся этой страсти.

К., служившій въ парижскомъ муниципалитетѣ, занемогъ довольно неопредѣленной болѣзнью, которая однако, по всей вѣроятности, была ничѣмъ инымъ, какъ невралгіей внутреннихъ органовъ (*neuralgie viscérale*), а, можетъ быть, и просто гастральгіей. Для облегченія больнаго, докторъ прописалъ ему нѣсколько впрыскиваній морфія въ область подложечки (*creux de l'estomac*). Больной привыкъ ихъ дѣлать самъ, и, разумѣется, сталъ злоупотреблять этимъ. Когда я познакомился съ К., онъ уже дѣлалъ до 35 впрыскиваній въ день, каждое въ 10 сантиграммовъ соляно-кислаго морфія—въ сложности, слѣдовательно 3,5 гр. А вѣдь 10 сантиграммовъ составляютъ дозу яда, которая должна оказаться смертельной для всякаго, кто рѣшился бы принять ее съ непривычки заразъ. Три съ половиной грамма морфія растворялись въ 150 грам-

махъ жидкости (37 золотн.), такъ что несчастному приходилось вводить себѣ подъ кожу громадное количество воды, образовавшей у него подъ кожей желваки, величиной съ апельсинъ. Чтобъ избавиться отъ безчисленныхъ уколовъ, которые потребовались бы для такихъ манипуляцій, онъ прибѣгалъ къ громадному шприцу, о которомъ я недавно упоминалъ.

Расходы, въ которые эта страсть ежедневно вводила К., истощили его маленькое состояніе; размѣры его жалованья тоже оказались недостаточными, такъ какъ аптечная цѣна морфія равнялась 2 франкамъ за растворъ одного грамма; слѣдовательно, за то громадное количество яда, который поглощалъ этотъ несчастный въ теченіи года ($1\frac{1}{2}$ киллогр.), онъ долженъ былъ заплатить 3,000 фр., между тѣмъ жалованье его было всего 1,200 фр. въ годъ и затѣмъ никакихъ другихъ источниковъ дохода. При такихъ условіяхъ К. принужденъ былъ поступить въ больницу, гдѣ занялъ небольшую отдѣльную комнату. Благодаря его образованію и прекрасному почерку, многіе врачи и студенты охотно давали ему переписку или корректуру, что помогало ему переносить съ большей легкостью нищету. Такъ больной работалъ втеченіи цѣлаго года. На его столѣ вѣчно находился морфій и правацовскій шприцъ. Во время письменныхъ занятій онъ вдругъ смущался, затѣмъ порывисто дѣлалъ себѣ уколъ. Тогда какъ будто тяжесть падала у него съ плечъ и онъ вновь принимался за работу на часъ или на два, послѣ чего вновь прибѣгалъ къ морфію.

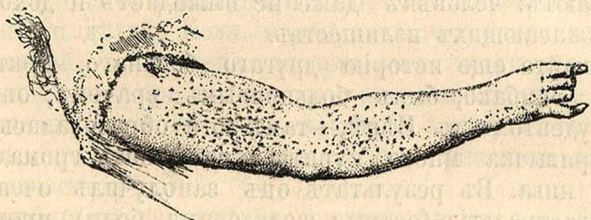
Не трудно понять, что при такихъ манипуляціяхъ его тѣло скорѣ превратилось въ одну сплошную рану. И это не исключительный фактъ: со всѣми морфиноманами происходитъ то же самое, причѣмъ у многихъ изъ нихъ недугъ осложняется еще специальными сыпями и рожей. Даже во имя простаго кокетства слѣдовало бы отказаться отъ употребленія морфія. Я не знаю ничего отвратительнѣе тѣхъ язвъ, которыя наши морфиноманки тщательно скрываютъ отъ всѣхъ.

Привожу изображеніе, по истинѣ удручающее, а именно фотографію съ руки одной морфиноманки: уколы до того близки другъ къ другу, что сливаются между собой; отъ нихъ происходитъ воспаленіе клѣтчатки, затѣмъ нарывы, послѣ которыхъ на кожѣ остаются рубцы и внутри обра-

зуются затвердѣнія. Въ концѣ-концовъ человѣческая кожа приобретаетъ сходство съ кожей пресмыкающихся.

Случалось иногда, что аптека недостаточно быстро удовлетворяла требованія К. Тогда больной испытывалъ настоящія мученія Тантала. Его глаза становились мутными, руки тряслись, онъ впадалъ въ тупоуміе и терялъ всякую способность къ какой бы то ни было работѣ. Доходило до того, что несчастный не могъ идти прямо, спотыкался и ступалъ ощупью, задѣвая мебель. Остатокъ его мыслительной способности поглощенъ былъ идеей о морфії.

Въ иные дни ожиданіе яда не дѣйствовало на К. угнетающимъ образомъ. Онъ становился, наоборотъ, ужасно раздражительнымъ и невыносимымъ—спорилъ, придирался и

Рука морфиоманки.

(Съ натуры).

походилъ въ этомъ состояніи на константинопольскихъ теріаковъ, когда ихъ случайно лишаютъ опиума.

Когда же я, ради опыта, задерживалъ на нѣкоторое время доставку опиума, то несчастный подвергался иногда галлюцинаціямъ; онъ видѣлъ молніи и не могъ заснуть; его возбужденіе было такъ сильно, что онъ начиналъ бродить, спотыкаясь на каждомъ шагѣ, но не останавливаясь.

Онъ говорилъ тогда, что испытываетъ боли, похожія на электрическіе удары, и не чувствуетъ подъ собой ногъ; ему казалось, что онъ плаваетъ по воздуху; малѣйшій шорохъ повергалъ его въ трепетъ.

Во время этой ужасной пытки появляется благословенная стеклянка: больной набрасывается на нее съ жадностью и сосредоточиваетъ остатокъ своихъ умственныхъ и физическихъ способностей на манипуляціи укола; онъ производитъ его и

5 минутъ спустя превращается въ того самого любезнаго, трудолюбиваго субъекта, одареннаго хорошимъ характеромъ, какимъ мы его прежде знали; онъ принимается за работу и весьма удовлетворительно оканчиваетъ ее.

Вотъ уже 5 лѣтъ, какъ я не вижу К.; его злосчастная манія приняла такіе крупные размѣры, что онъ долженъ былъ поступить въ больницу неизлечимыхъ, гдѣ ему предстоитъ прожить до смерти, такъ какъ всѣ попытки леченія оказались для него тщетными.

Причина, по которой я остановился такъ долго на этой исторіи, заключается въ ея типичности и въ томъ, что она прекрасно рисуетъ условія, въ какія попадаетъ человѣкъ, поддавшійся соблазну морфинomanіи. Вы поймете, что когда для прекращенія ужаснаго томленія, вызываемаго лишеніемъ яда, достаточно одного только впрыскиванія, то всѣ колебанія исчезаютъ: человѣкъ даже не выжидаетъ и доходитъ до самыхъ ужасающихъ излишествъ.

Выслушайте еще исторію другаго больнаго. Докторъ Л., говоритъ Замбако, былъ больничнымъ врачомъ; онъ долго жилъ студентомъ въ Вѣнѣ,—тамъ-то и образовалась у него дурная привычка много курить и поглощать громадное количество пива. Въ результатъ онъ заполучилъ очень мучительную гастральгію (острыя желудочныя боли), противъ которой сталъ себѣ дѣлать впрыскиванія морфія въ область желудка. Такъ какъ мучительные припадки, прекращавшіеся послѣ впрыскиванія, неизмѣнно возобновлялись на другой день, то врачъ подъ конецъ усвоилъ себѣ привычку дѣлать его передъ каждымъ большимъ пріемомъ пищи. Его здоровье, повидимому, поправлялось. Но чтобы сохранить это кажущееся благополучіе, несчастный принужденъ былъ безпрестанно увеличивать количество принимаемаго имъ яда; черезъ годъ онъ дошелъ до ежедневныхъ пріемовъ въ 10 сантиграммовъ соляно-кислаго морфія.

Съ этихъ поръ его товарищи стали замѣчать, какъ онъ страшно худѣлъ, его глаза ввалились, зрачки сѣзулись, цвѣтъ лица приобрѣлъ землистый оттѣнокъ, характеръ сдѣлался мрачнымъ. Онъ проводилъ иногда цѣлыя часы, не говоря ни слова, съ пустой головой и потухшимъ взоромъ. Его тѣло оставалось въ такомъ же бездѣйствіи, какъ и умъ—большую часть дня онъ лежалъ. Несчастный потерялъ аппетитъ и сталъ чувствовать отвращеніе къ домашнему столу; онъ пи-

тался однимъ только салатомъ, кислыми плодами и не большимъ количествомъ молока. Когда товарищи, озабоченные происшедшей съ нимъ переменой, обратились съ разспросами къ его женѣ, то узнали, что впрыскиваніе морфія сдѣлалось какъ бы единственной цѣлью его жизни, что онъ утромъ, днемъ и вечеромъ, словомъ постоянно, безъ мѣры и вѣса наполнялъ свой шприцъ изъ большой стеклянки, находившейся у него всегда подъ рукой. Несчастный не только не отрицалъ этого, но съ грустью объявилъ своимъ друзьямъ, что онъ уже не въ силахъ освободиться отъ преслѣдующей его монаманіи.

Передъ наступленіемъ обычнаго времени впрыскиваній, онъ чувствовалъ, что по его тѣлу начинаютъ бѣгать мурашки, и ощущалъ общее утомленіе, затрудненное дыханіе, слабый и неровный пульсъ, содроганіе сердца и шумъ въ ушахъ. Если какое нибудь обстоятельство мѣшало ему удовлетворить свою страсть, то онъ впадалъ въ бѣшенство и однажды сталъ даже бить жену и дѣтей. Если, наоборотъ, ему удавалось впрыснуть морфія, то картина совершенно измѣнялась; докторъ становился предупредительнымъ, веселымъ и любезнымъ собесѣдникомъ, но только на нѣсколько минутъ; затѣмъ приходилось вновь принимать ядъ, иначе припадокъ немедленно возобновлялся.

Однажды несчастный превысилъ норму впрыскиваемого яда, отравился и чуть не умеръ. Замбако, видѣвшій и лечившій больного, умолялъ его бросить свою прискорбную привычку. Докторъ поклялся, что уже давно не принимаетъ морфія; но онъ лгалъ, какъ всѣ морфиноманы; въ этомъ нетрудно было убѣдиться: въ ящикѣ его ночнаго столика было найдено нѣсколько правацовскихъ шприцовъ и 10 граммовъ яда. Увѣщанія товарища тронули его до слезъ; онъ клялся, что отречется отъ своей роковой страсти, ведшей его къ разоренію и сумашествію. Однако 6 дней спустя несчастный сдѣлалъ себѣ сильнѣйшее впрыскиваніе, причинившее ему моментальную смерть.

Вотъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что злоупотребленіе морфіемъ не только разрушаетъ тѣло, но и губительно дѣйствуетъ на умъ и совѣсть. Докторъ, бывшій несомнѣнно хорошо воспитаннымъ и образованнымъ человекомъ, лгалъ какъ школьникъ, застигнутый врасплохъ, и билъ свою жену, какъ пьяница.

Но вотъ другіе факты, въ которыхъ развращеніе дости-

гаеть еще большихъ размѣровъ. Въ настоящее время все болѣе и болѣе распространяется типъ морфиномана-вора и убійцы, роднаго брата курителей опиума, рыскающихъ по Шанхайскимъ улицамъ и раздающихъ кинжальные удары направо и налѣво.

Не такъ давно госпожа С., жена парижскаго зубнаго врача, была задержана съ поличнымъ за кражу въ магазинѣ „Лувръ“. Приведенная на испытаніе къ проф. Бруарделю, она рассказала безъ малѣйшаго стѣсненія и безпokoйства о совершенномъ ею преступленіи; при этомъ она сообщила, что уже втеченіи многихъ лѣтъ брала морфій изъ кабинета мужа и дошла въ настоящее время до ежедневныхъ пріемовъ въ 1 граммъ. Состояніе отупѣнія, въ которомъ она находилась, было таково, что ею даже не были приняты мѣры предосторожности во время совершенія кражи.

По поводу этого случая, г. Люнье сообщилъ о другомъ изъ той же области. Одна бѣлошвейка, жившая въ Парижѣ, воровала кружева у своихъ хозяевъ. Она была задержана, и изъ судебного слѣдствія выяснилось, что на деньги, вырученные отъ продажи краденыхъ кружевъ, молодая женщина покупала литрами опій. Она принимала его до 50 граммъ въ день и тратила на это 1,200 франковъ ежегодно.

Но другой весьма характерный фактъ повергъ недавно въ изумленіе весь Парижъ. Изъ газетъ сдѣлалось извѣстно, что г-жа Ж..., принадлежавшая къ лучшему обществу, была арестована за кражу въ магазинѣ Сень-Дени. Она накупила на 120 фр. бѣлья и въ то время, когда приказчикъ завертывалъ покупку, приблизилась къ кассѣ съ портмонэ въ рукахъ, дѣлая видъ, что хочетъ платить; но затѣмъ возвратилась къ прилавку и, потребовавъ отъ приказчика свертокъ, будто бы уплаченный ею, удалилась. Черезъ нѣсколько дней она возвращается въ магазинъ и приноситъ похищенные предметы, сообщая при этомъ, что они ей не нравятся и что она желаетъ получить обратно свои деньги. Но ее тотчасъ же узнали, арестовали и препроводили въ полицію. Она тоже воровала ради пріобрѣтенія морфія. Г-жа Ж..... была дочерью г. Сентъ-Х...; она рано осиротѣла и была помѣщена въ монастырь, гдѣ, по ея словамъ, чувствовала себя очень несчастной. Возвратившись, по достиженіи 20 лѣтъ, къ своему опекуну, она удачно вышла замужъ. Это была крайне нервная женщина, которую малѣйшее противорѣчіе приво-

дило въ бѣшенство, такъ что ее нерѣдко приходилось запи- рать. Какъ-то разъ противъ невралгіи, которой она стра- дала, врачъ прописалъ ей соляно-кислый морфій—боли тот- часъ же прекратились. Восхищенная этой находкой, она не- медленно запаслась правацовскимъ шприцомъ, составила под- ложные рецепты и принялась дѣлать себѣ впрыскиванія съ бѣшеной жадностью.

Въ теченіи 6 мѣсяцевъ она дошла до 40 сантиграммовъ въ день. Чтобы заплатить за всю эту массу морфія, она стала продавать книги изъ библіотеки своего мужа и домашнее серебро. Больная морфиноманка познакомилась съ дорогой, ведущей въ кассу ссудъ, и часто туда отправлялась.

Тѣмъ не менѣе она была довольно стѣснена въ денеж- номъ отношеніи, когда встрѣтилась съ однимъ услужливымъ аптекаремъ, который согласился открыть ей кредитъ и въ те- ченіи 17 мѣсяцевъ отпустилъ ей 3,475 порошковъ морфія, по 20 сантиграммовъ каждый, на сумму 1,600 фр. Изъ нихъ можно было сдѣлать 70,000 впрыскиваній въ 1 сантиграммъ.

Возможность брать въ долгъ заставила ее отбросить вся- кую осторожность; но въ одинъ прекрасный день аптекарь потребовалъ уплаты по счету, угрожая въ противномъ слу- чаѣ обратиться къ мужу. Несчастная женщина заняла тогда 200 фр. у пріятельницы; но неумолимый кредиторъ требо- валъ остальной суммы, и вотъ она сдѣлалась воровкой. Я не стану описывать вамъ ея состояніе; оно сходно съ состоя- ніемъ всѣхъ вообще морфиноманокъ и характеризуется ху- добой, отсутствіемъ аппетита и перемежающимися періодами отупѣнія и злобнаго бѣшенства. Во время самаго слѣдствія, надъ ней производившагося, г-жа Ж.... еще разъ отправилась воровать въ магазинъ Лувръ, гдѣ и была задержана съ по- личнымъ. Признанная невмѣняемой, она возвратилась въ свой домъ и нѣсколько сократила дозы морфія, но за то предалась пьянству. Ея мужъ случайно нашелъ громадный счетъ на ея имя за мадеру, забранную у сосѣдняго виноторговца. Принуждены были заключить ее въ лечебницу, гдѣ она отъ времени до времени подвергается припадкамъ, похожимъ на бѣшенство, и гдѣ ее приходится кормить при помощи зонда. Этотъ прискорбный случай закончился однако эпилогомъ, который, по крайней мѣрѣ, удовлетворилъ общественную нравственность.

Аптекарь, отпустившій безъ рецепта 70,000 впрыскиваній

морфія, былъ приговоренъ къ 8-дневному тюремному заключенію, къ 1000 фр. штрафа и къ 2,000 фр. вознагражденія убытковъ, помимо тѣхъ денегъ, которыя г. Ж... выправѣ отъ него получить, если состояніе здоровья его жены потребуетъ отъ него дальнѣйшихъ расходовъ.

Публика аплодировала, хотя и нашла приговоръ суда слишкомъ снисходительнымъ.

Отъ воровъ перейду къ убійцамъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Лондонѣ повѣсили врача, доктора Ламсона, отравившаго своего зятя. Г. Балъ утверждаетъ, что это былъ чудакъ, лечившій всѣ болѣзни подкожными впрыскиваніями. Онъ наконецъ приобрѣлъ репутацію сумашедшаго и лишился практики. У него между тѣмъ былъ очень богатый зять; однажды Ламсонъ идетъ къ нему, показываетъ „цѣлебныя“ пилюли и убѣждаетъ его проглотить одну изъ нихъ. 10 минутъ спустя молодой человѣкъ умираетъ: пилюли содержали въ себѣ слишкомъ большую дозу аконитина.

Ламсонъ бѣжалъ въ Парижъ; но, узнавъ, что полиція разыскиваетъ его въ Лондонѣ, ѣдетъ туда и отдаетъ себя въ руки правосудія. „Цѣлителя“ заключаютъ въ тюрьму; онъ сознается въ своемъ преступленіи; его приговариваютъ къ смертной казни и приводятъ приговоръ въ исполненіе. А между тѣмъ Ламсонъ былъ первостепеннымъ морфиноманомъ; его защитникъ сослался на это обстоятельство, взывая къ снисходительности судей, но не добился ее ни отъ присяжныхъ, ни отъ королевы.

Прежде чѣмъ перейти къ способамъ леченія морфиномановъ и указаніямъ на тѣ мѣры, которыя могутъ быть приняты для ихъ спасенія, я нахожу не лишнимъ сообщить въ немногихъ словахъ о другихъ аналогичныхъ маньякахъ, къ которымъ примѣнимы одинаковые способы леченія, а именно — объ *эфироманахъ*.

Эфироманами люди становятся по тѣмъ же причинамъ, вслѣдствіе которыхъ предаются морфиноманіи; поводомъ является въ обоихъ случаяхъ желаніе ослабить какую нибудь боль или придти въ полупьяное состояніе, во время котораго забываются всѣ горести, печали и заботы.

Припомните—и вы навѣрно найдете среди своихъ знакомыхъ людей, которые при малѣйшей головной боли прикладываютъ къ носу насыщенный эфиромъ платокъ и вдыхаютъ эфиръ съ восторгомъ. Они находятся на пути къ эфироман-

ніи, подобно тому, какъ человѣкъ, дѣлающій себѣ впрыскиванія морфія изъ-за ничтожнѣйшаго нервнаго расстройства, долженъ быть причисленъ къ разряду кандидатовъ въ морфиоманы.

Впрочемъ надо сознаться, что опасность, угрожающая при вдыханіи эфира, менѣе значительна, чѣмъ при впрыскиваніи морфія, и что любители эфира легче останавливаются на полдорогѣ.

При началѣ вдыханія эфира, на лицѣ и въ дыхательныхъ путяхъ чувствуется усиленная свѣжесть, затѣмъ въ глазахъ начинается темнѣть, въ ушахъ появляется шумъ, человѣка охватываетъ головокруженіе, не заключающее въ себѣ однако ничего болѣзненнаго, мысли принимаютъ игривый оттѣнокъ и наконецъ развиваются пріятныя галлюцинаціи.

Тогда не слѣдуетъ больше увеличивать дозы эфира, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно дойти до періода возбужденія и даже до полного анестезическаго сна, какой обыкновенно хирурги вызываютъ передъ операціями. Лицамъ, вдыхающимъ эфиръ, это хорошо извѣстно; вотъ почему они умѣренно пользуются ядомъ, чтобъ продлить наслажденіе. Послѣ вдыханія, субъектъ приходитъ въ нормальное состояніе, онъ ощущаетъ только нѣкоторую тяжесть въ головѣ и временное умственное оупѣніе. Если однако продолжить вдыханія, то они могутъ вызвать настоящій бредъ. Я часто встрѣчалъ истеричныхъ женщинъ, которымъ давали эфиръ, чтобы пріостановить ихъ припадки: послѣ вдыханій они иногда впадали въ состояніе веселаго, смѣливаго и вѣроятно очень пріятнаго опьяненія, такъ какъ во время промежутковъ между ихъ болѣзненными припадками онѣ старались добыть эфиръ, чтобы испытать вновь тѣ же ощущенія.

Морфиоманъ можетъ предаваться своему пороку подъ покровомъ глубочайшей тайны. Совершенно въ другихъ условіяхъ находятся любители эфира. Послѣдній распространяетъ рѣзкій запахъ — достаточно пролить пять-шесть капель эфира, чтобы на нѣсколько часовъ наполнить его парами всю комнату. Въ тѣсныхъ и маленькихъ парижскихъ квартирахъ вдыханіе эфира чувствуется повсюду: рѣзкій его запахъ быстро распространяется по лѣстницамъ и доходитъ до сосѣднихъ жильцовъ. Это большое счастье, такъ какъ, благодаря такому обстоятельству, масса лицъ воздерживается отъ употребленія эфира. Самые закор-

нѣлые эфироманы выѣзжаютъ въ каретѣ, или отправляются на дачу и тамъ предаются своимъ любимымъ вдыханіямъ. Въ Лондонѣ, гдѣ эфироманія встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ во Франціи, сторожа городскихъ садовъ и большихъ парковъ нерѣдко находятъ въ кустахъ пустыя стеклянки съ неизмѣнной надписью: *спирный эфиръ*—ихъ навѣрно забрасываютъ туда маніаки, убѣжавшіе изъ дому, чтобы на свободѣ предаться своей любимой страсти.

Монтальтъ сообщаетъ, что въ Эпсомѣ послѣ скачекъ тоже находятъ стеклянки эфира среди пустыхъ бутылокъ изъ-подъ шампанскаго.

Въ Дреперстоунѣ, мѣстечкѣ графства Лондондерри, встрѣчаются настоящіе эфирные кабаки. Тамъ приготовляются смѣси этого вещества съ алкоголемъ, и литръ такого напитка стоитъ 3 фр. Достаточно маленькой рюмки подобной смѣси, чтобъ свалить съ ногъ самаго крѣпкаго человѣка.

Обстоятельства, при которыхъ эта ужасная страсть овладѣла Англіей, настолько любопытны, что мнѣ необходимо сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Въ 1847 г. Симпсону пришла счастливая мысль употребить эфиръ какъ болеутоляющее средство во время родовъ. Извѣстно, какихъ блестящихъ результатовъ онъ достигъ; мы пользуемся его открытіемъ и по настоящее время. Протестантскіе пасторы энергично возстали противъ него и признали его нечестивцемъ.

Эти странные дебаты обратили на эфиръ всеобщее вниманіе. Молва о его чудесныхъ дѣйствіяхъ стала быстро распространяться и такимъ образомъ была создана эфироманія.

Вотъ какъ она практикуется въ свѣтскомъ обществѣ. Начинаютъ обыкновенно съ *вдыханія* эфира, затѣмъ принимаютъ нѣсколько его капель внутрь, все увеличивая дозы; мало-помалу этотъ жгучій напитокъ становится наконецъ потребностью. Процентъ смертности между эфироманами страшно великъ, а потому какъ бы не было мало число людей, предающихся этой пагубной страсти, мы не можемъ не принимать ихъ въ расчетъ.

Они относятся къ разряду *диссомановъ*, т. е. людей, которые не удовлетворяются обыкновенными спиртными напитками и прибѣгаютъ къ одеколону, эфиру и даже хлороформу.

Нѣсколько примѣровъ всего лучше покажутъ вамъ, какимъ опасностямъ подвергаютъ себя люди, стоящіе на пути къ эфироманіи.

Докторъ Х., пользовавшійся извѣстностью, между прочимъ какъ авторъ весьма распространенной книги, только что былъ назначенъ на мѣсто больничнаго врача, когда ему пришлось подвергнуться одному изъ тѣхъ конкурсовъ, при помощи которыхъ достигается высокое положеніе въ медицинскомъ мірѣ. Онъ выдержалъ его настолько блистательно, что председатель ученаго ареопага почти поздравилъ кандидата съ назначеніемъ. Къ несчастью, остальные конкуренты оказались столь же достойными; они были старше его лѣтами, и при баллотировкѣ докторъ Х. оказался за флагомъ: имя его стояло во главѣ лицъ, слѣдовавшихъ за конкуррентами, получившими назначеніе. Рѣшеніе жюри привело доктора Х. въ такое отчаянье, что вѣсть о немъ дошла до министра, который, призвавъ несчастнаго кандидата, утѣшалъ его, какъ могъ, и подтвердилъ ему, что на слѣдующемъ конкурсѣ назначеніе обезпечено за нимъ. Но слѣдующій конкурсъ долженъ былъ открыться только черезъ три года. Докторъ Х..., продолжая усердно служить, началъ однако запивать; его друзья и ученики съ безпокойствомъ стали замѣчать въ немъ странности: онъ переходилъ отъ отчаянія къ порывамъ преувеличеннаго веселья. Вскорѣ узнали, что онъ запирается, чтобы наединѣ предаваться пьянству. Отъ спиртныхъ напитковъ Х. перешелъ къ эфиру; онъ вдыхалъ его, затѣмъ пилъ и наконецъ дошелъ до такого состоянія, что принужденъ былъ прерывать обходъ больныхъ въ палатахъ и удаляться въ шинельную, чтобы тамъ сдѣлать нѣсколько дыханій эфира.

Подобный образъ жизни длился 3 года. Наступилъ конкурсъ, докторъ явился на него и выдержалъ испытанія, находясь все время подъ возбуждающимъ дѣйствіемъ эфира. Х. получилъ назначеніе; но не долго ему пришлось наслаждаться своимъ торжествомъ: онъ продолжалъ предаваться своей роковой страсти и умеръ, спустя нѣкоторое время, въ сумашествіи и одуреніи.

Я знавалъ одного юнаго аптекаря, привыкшаго вдыхать эфиръ, первоначально для успокоенія своихъ нервныхъ головныхъ болей, а затѣмъ—чтобы доставить себѣ пріятное опьяненіе, о которомъ я только что говорилъ. Съ этой цѣлью, улегшись на постель, онъ покрывалъ себѣ лицо платкомъ,

смоченнымъ эфиромъ и вдыхалъ послѣдній до тѣхъ поръ, пока не испарялась вся жидкость. Увеличилъ ли онъ дозу, или же былъ въ тотъ день дурно настроенъ, но только однажды утромъ молодаго эфиромана нашли мертвымъ въ постели, причемъ лицо его было покрыто платкомъ, а на столѣ стояла пустая стеклянка.

Одна великосвѣтская парижанка тоже вдыхала эфиръ; въ послѣдствіи ее нашли мертвой въ креслѣ; она еще держала въ застывшихъ рукахъ платокъ и стеклянку.

Белюзъ сообщаетъ, что одинъ знакомый ему эфироманъ находилъ смоченный эфиромъ платокъ недостаточнымъ; онъ наливалъ эфиръ въ умывальный тазъ и наклонялъ надъ имъ голову. Однажды его нашли мертвымъ, съ носомъ, погруженнымъ въ эту жидкость.

Одинъ изъ больныхъ доктора Фрерикса ходилъ по берлинскимъ улицамъ, держа подъ носомъ тампонъ изъ ваты, напитанный эфиромъ. Онъ распространялъ вокругъ себя такой дурной запахъ, что всѣ разбѣгались передъ нимъ. Владѣлецъ дома, въ которомъ онъ жилъ, отказалъ ему отъ квартиры, такъ какъ онъ беспокоилъ сосѣдей удушливыми эфирными парами, несшимся изъ его входныхъ дверей.

Злоупотребленіе эфирными дыханіями можетъ вызвать настоящіе припадки злобнаго бѣшенства и развращеніе нравственнаго чувства, сходное съ морфимоманіей. Вотъ тому разительный примѣръ.

З... былъ извѣстенъ всѣмъ парижскимъ полицейскимъ агентамъ подъ названіемъ *человѣкъ съ эфиромъ*: это—молодой человѣкъ высокаго роста, носящій очень громкую фамилію. Онъ плохо учился и могъ только съ большимъ трудомъ сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Во время франко-прусской войны ему было всего 20 лѣтъ; онъ поступилъ въ отрядъ Краснаго креста и здѣсь-то впервые познакомился съ запахомъ эфира, который въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться для него столь роковымъ.

По заключеніи мира З. поступилъ въ одну изъ провинціальныхъ семинарій, но скоро вернулся въ Парижъ и принялся за изученіе права.

Скоро его знакомые замѣтили, что онъ привыкъ вдыхать эфиръ; З. тратилъ на эту прихоть крупныя суммы; его эксцентричныя выходки приобрѣли громкую извѣстность среди товарищей; онъ принялъ спеціальнѣйшій оттънокъ, благо-

даря полученному имъ воспитанію: въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ накопилъ на 30,000 франковъ церковныхъ предметовъ. Это усердіе показалось его роднѣ чрезмѣрнымъ и побудило ее исходатайствовать надъ нимъ опеку.

Находясь подъ бдительнымъ надзоромъ и не имѣя денегъ, З... сталъ прибѣгать къ скандальнымъ средствамъ, чтобы имѣть возможность предаваться своей роковой страсти. Юный эфироманъ нанималъ извозчика и приказывалъ везти себя къ какой-нибудь аптекѣ; выходя изъ кареты, онъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ выманивалъ у кучера 5 фр., затѣмъ покупалъ флаконъ эфира, вновь садился въ карету, приказывалъ возить себя по городу и въ это время вдыхалъ эфиръ до полного опьяненія. Тогда онъ выходилъ изъ кареты, отказывалъ въ уплатѣ кучеру и на его требованія отвѣчалъ ударами трости. Полиція вмѣшивалась въ дѣло и отводила всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ участокъ. Несчастной матери З... приходилось самой являться за сыномъ въ полицію и хлопотать о его освобожденіи. При спорахъ, которые здѣсь возникали, онъ отвѣчалъ на ея увѣщанія самыми грубыми оскорбленіями. Какъ только ему удавалось освободиться, онъ бралъ другую карету, отправлялся въ другую часть города, возобновлялъ ту же сцену и проводилъ ночь въ другомъ участкѣ, такъ что вскорѣ пріобрѣлъ въ мірѣ полицейскихъ широкую извѣстность.

Надо было покончить съ этимъ; по совѣту врачей, родственники рѣшили отправить его на 2 года на корабль въ морское путешествіе до мыса Горнъ. Какъ только корабль входилъ въ какую нибудь гавань, капитанъ отдавалъ приказъ тщательно запираеть своего плѣнника. Онъ выпускалъ его на свободу только когда корабль находился въ открытомъ морѣ. Тѣмъ не менѣе въ Вальпарайсо ему удалось бѣжать и сѣсть на корабль, отправлявшійся во Францію. Онъ возвратился въ Парижъ и на другой же день принялся за вдыхане эфира. Его несчастная мать разослала циркуляръ во всѣ аптеки, съ просьбой не давать ея сыну ужаснаго яда. Но это не повело ни къ чему, такъ какъ неисправимый эфироманъ сталъ обращаться въ москательныя лавки.

Въ теченіи двухъ недѣль З. пять разъ былъ арестованъ и два раза осужденъ судомъ исправительной полиціи.

Съ этихъ поръ его жизнь становится длинной одиссеей по лечебницамъ душевно-больныхъ; онъ перебивалъ во всѣхъ

психіатрическихъ больницахъ и отовсюду ему удавалось бѣжать; пришлось посадить его въ Шарантонъ, гдѣ этотъ рѣдкій субъектъ теперь помѣщается въ отдѣленіи бѣшеныхъ.

Онъ одаренъ геніальностью по части побѣговъ, такъ какъ и отсюда уже убѣгалъ нѣсколько разъ.

Парижскій судъ объявилъ его лишеннымъ гражданскихъ правъ.

Г-жа Д..., живя въ помѣсти, въ центрѣ Франціи, тоже привыкла употреблять эфиръ. Такъ какъ во время блаженнаго состоянія, охватывавшаго ее подъ вліяніемъ эфира, ей было трудно держать на лицѣ платокъ, то она нашла болѣе удобнымъ поливать эфиромъ свой лифъ и юбку. Однажды пары эфира, отличающіеся большей воспламеняемостью, достигли огня, пылавшаго въ каминѣ. Въ одну минуту несчастную охватило пламя и она за-живо сгорѣла.

Всѣ эти примѣры, кажется ясно показываютъ, какія опасности грозятъ каждому эфироману: съ одной стороны его ждетъ сумашествіе, деморализація и бѣшенство; съ другой внезапная смерть, вслѣдствіе прямого воздѣйствія на нервныя центры или даже пожара.

Мнѣ конечно скажутъ, что такія крайности рѣдки, и я готовъ съ этимъ согласиться; но за то насколько часты менѣе острые послѣдствія этого увлеченія? Сколько умныхъ людей тупѣетъ отъ эфироманіи, сколько нервныхъ женщинъ, неспособныхъ для себя и для другихъ, обязаны своимъ жалкимъ положеніемъ злоупотребленію эфиромъ или морфіемъ?

Что же дѣлать? Какъ помочь злу? Можно ли лечить морфиномановъ и эфиромановъ? Разумѣется, но только при одномъ условіи—чтобы они сами того желали. Лучшее средство избѣжать дѣйствія яда заключается конечно въ томъ, чтобы перестать принимать его.

Это съ виду кажется очень просто, на самомъ же дѣлѣ представляетъ много трудностей. Припомните, какія муки выносить пьяница, кающійся въ своемъ порокѣ и курильщикъ, желающій перестать курить; сколько разъ возвращаются они къ старой привычкѣ?

Но такъ какъ терять надежды на исправленіе не слѣдуетъ, то надо увѣщевать токсикомановъ и указывать на угрожающія имъ опасности, не налагая однако слишкомъ густыхъ красокъ на картину; иначе они перестали бы вамъ вѣрить. Во всякомъ случаѣ необходимо сначала дѣйствовать

на токсимана убѣжденіемъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ снисходительно выслушаетъ васъ и тотчасъ же послѣ вашего ухода устремится къ спринцовкѣ или стѣлянкѣ, чтобы искать въ обычномъ опьяненіи забвенія вашихъ тревожныхъ словъ.

Лучше же всего,—разъ болѣзненное (*morbide*) состояніе выяснилось — помѣстить больного въ лечебницу, гдѣ надъ нимъ устанавливается строгій контроль и гдѣ его безъ всякой постепенности или мало по малу будутъ отучать отъ употребленія яда, смотря по тому, какой способъ окажется болѣе цѣлесообразнымъ въ примѣненіи къ данному субъекту.

Практичные американцы основали даже особыя лечебницы для леченія морфиномановъ. Нѣмцы тоже открыли два такихъ заведенія: одно въ Маріенбергѣ, во главѣ котораго стоитъ Левинштейнъ, и другое—въ Шонбергѣ, находящееся подъ руководствомъ доктора Буркарта.

Къ сожалѣнію, наши законы о душевно-больныхъ не позволяютъ дѣйствовать такимъ же образомъ; мы можемъ запираить только токсикомановъ, уже сошедшихъ съ ума или слабоумныхъ, слѣдовательно, неизлечимыхъ.

Такъ какъ мы безоружны передъ открытой морфинманіей, то самое лучшее, очевидно, будетъ предупреждать ея появленіе. Поэтому первымъ дѣломъ слѣдуетъ затруднить для больного приобрѣтеніе яда или, другими словами, необходимо регламентировать продажу морфія такимъ образомъ, чтобы кліенты не могли собирать его въ большомъ количествѣ. Надо, чтобъ отдѣльный рецептъ не мотъ служить болѣе одного раза; Германскій императоръ, по предложенію князя Бисмарка, уже издалъ указъ по этому поводу; не мѣшало бы и намъ сдѣлать попытку въ томъ же родѣ.

Затѣмъ врачи не должны ни прописывать морфія безъ крайней необходимости, ни соглашаться на обычное его употребленіе, кромѣ развѣ тѣхъ мучительныхъ болѣзней, когда пациенту предстоитъ быстрая и окончательная развязка. Тогда на обязанности врача лежитъ только смягченіе предсмертныхъ страданій больного.

Сами больные должны понимать, какъ опасенъ тотъ путь, на которомъ они стоятъ. Хотя чтеніе медицинскихъ сочиненій обыкновенно оказывается вреднымъ для свѣтскихъ людей, но я рекомендовалъ бы имъ брошюры, посвященныя двумъ разобраннѣмъ нами ядамъ. Если и это на нихъ не подѣйствуетъ, то они—рѣшительно неизлечимые морфинманы.

Всѣмъ извѣстно, что, послѣ совершенія преступленія, виновный нерѣдко бродить около тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ оно было совершено, и примѣшивается къ толпѣ любопытныхъ, жадно слѣдящихъ за установкой факта преступленія. Больные похожи въ этомъ отношеніи на преступниковъ, и я нисколько не былъ бы удивленъ, если бы мнѣ сообщили, что на читанной мною лекціи о морфинomanіи присутствовали лица, близко заинтересованныя предметомъ моихъ наблюденій... Имъ бы я сказалъ: „Увѣряю васъ, что я ничего не преувеличилъ, судите сами“.

Но, понятно, что не на однѣхъ семьяхъ больныхъ, а на всѣхъ насъ вообще лежитъ обязанность бороться противъ безумій, о которыхъ я только что говорилъ. Этого можно достигнуть, удерживая близкихъ намъ людей отъ скользкаго пути, по которому они идутъ, лишая ихъ возможности вредить себѣ, наблюдая за ними и неумолимо вырывая у нихъ изъ рукъ орудіе ихъ безумія.

Навѣрно читатель это сдѣлаетъ, если мнѣ только удалось передать ему мою вѣру и если онъ убѣдится, какъ я самъ въ этомъ убѣжденъ, что, несмотря на свое недавнее появленіе, модные яды поглотили болѣе жертвъ, чѣмъ самыя смертоносныя отравы втеченіи цѣлаго столѣтія.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

МАНІЯ ВЕЛИЧІЯ.

Манія величія.

Признавая, что общество, подобно отдѣльнымъ людямъ, можетъ подвергаться болѣзнямъ, нетрудно замѣтить, что характернымъ недугомъ нашей эпохи является преувеличенная любовь къ успѣху и могуществу, желаніе достигнуть ихъ во что бы то ни стало и непомѣрная жажда величія.

То, что у нѣкоторыхъ является лишь странностью ума, можетъ достигать у другихъ размѣровъ сумашествія; вотъ какимъ образомъ создается форма помѣшательства, самая обыденная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая опасная, такъ какъ она обыкновенно служитъ признакомъ неизлѣимаго безумія и близкаго вырожденія индивида.

Я сказалъ, что эта форма помѣшательства сравнительно новая. Дѣйствительно, древніе авторы рѣдко упоминаютъ о ней, и въ то время, какъ маніи или меланхоліи посвящаются ими длинныя описанія, они лишь вскользь упоминаютъ о горделивомъ помѣшательствѣ, которое однако всегда рѣзко бьетъ въ глаза своей изумительной несвязностью и крайнимъ неправдоподобіемъ фантазій больного. Мы можемъ приписать это относительное умолчаніе двумъ причинамъ.

Прежде всего въ древности, а у нѣкоторыхъ народовъ и понынѣ, многіе изъ субъектовъ, одержимыхъ маніей величія и отправляемыхъ теперь безъ всякаго стѣсненія въ психіатрическія лечебницы, внушали народу, въ качествѣ прорицателей, нѣчто вродѣ священнаго страха и суевѣрнаго уваженія, ограждавшаго ихъ отъ послѣдствій признаннаго

сумашествія. И въ наше время можно найти (особенно среди невѣжественныхъ обитателей Африки) людей, окруженныхъ самымъ почтительнымъ уваженіемъ, людей, иногда увлекающихъ массы, сѣющихъ возстанія и ставящихъ въ затруднительное положеніе арміи великихъ державъ; а между тѣмъ эти люди въ дѣйствительности только маніаки, одержимые маніей величія или же паралитики перваго періода.

Если одержимые горделивымъ помѣшательствомъ до сихъ поръ мало извѣстны, то это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что ихъ прежде не считали помѣшанными, а, наоборотъ, приписывали имъ высшія умственныя свойства.

Вторая причина заключается въ томъ, что горделивое помѣшательство является характернымъ недугомъ нашего вѣка. Въ фізіологическомъ и философскомъ отношеніи сущность помѣшательства одна и та же; различіе же его формъ обуславливается внѣшними обстоятельствами или воспитаніемъ субъекта, дѣлающагося его жертвой.

Въ первыхъ двухъ главахъ нашей книги мы представили читателю картину тѣхъ идейныхъ вѣяній, которыя сводили съ ума людей предшествующихъ намъ эпохъ. Мысль ихъ, охваченная страхомъ, блуждала около сатаны и создавала вокругъ себя фантастическій міръ сверхъестественнаго.

Не болѣе сорока лѣтъ тому назадъ наши бабки занимались верченіемъ столовъ, вызывая тѣни умершихъ и вопрошая ихъ о своихъ частныхъ дѣлахъ, причемъ не всегда получались удачныя отвѣты.

Войдите въ настоящее время въ лечебницу душевнобольныхъ и вы не услышите тамъ больше рѣчей ни о сатанѣ съ его полчищами, ни о шабашѣ. Тамъ неизвѣстенъ дьяконъ Пари, и даже отъ трудовъ Алланъ-Кардека остались лишь слабые слѣды.

Обитатели нынѣшнихъ психіатрическихъ лечебницъ трепещутъ передъ тремя таинственными и ужасными явленіями: передъ электричествомъ, полиціей и іезуитами. Это—современная форма помѣшательства. Какова будетъ завтрашняя его форма—не знаю и даже не могу знать, такъ какъ мнѣ неизвѣстны условія, при которыхъ будутъ жить наши потомки. Мнѣ пришлось вернуться къ этимъ фактамъ вслѣдствіе той господствующей роли, которую они играютъ въ исторіи горделиваго помѣшательства, и объясненія, которое

можно изъ нихъ почерпнуть для оправданія частныхъ случаевъ этого недуга въ наши дни.

Въ настоящее время въ литературѣ получилъ полное право гражданства эпитетъ „лихорадочность“ въ примѣненіи къ нашей жизни; достигать успѣха, господствовать, быстро дѣлать карьеру—вотъ цѣль большинства людей послѣдней формаціи. Жизненные условія нашихъ предковъ сильно отличались отъ нынѣшнихъ; кастовой духъ господствовалъ въ своей заранѣе отграниченной сферѣ, изъ которой ему трудно было выйти. Невѣжество, владѣвшее массами, не позволяло имъ питать надежды на полученіе какой нибудь почетной должности; государственныя назначенія переходили по наслѣдству къ представителямъ извѣстныхъ фамилій, никому ихъ не уступавшихъ. Честолюбіе было слабо развито, вслѣдствіе очевидной невозможности удовлетворить его. Совершенно иное мы видимъ теперь. Въ наши дни социальный строй позволяетъ всѣмъ предъавлять къ жизни самыя безграничныя требованія. Между самымъ скромнымъ членомъ общества и властью не возвышается никакого матеріальнаго препятствія. Небывалая удача нѣкоторыхъ геніальныхъ людей, начавшихъ свою карьеру съ низшихъ ступеней общественной лѣстницы и достигшихъ верховной власти, внезапное и часто непонятное возвышеніе ничтожныхъ людей безъ положенія; возможность сразу достигнуть самыхъ высокихъ почестей и должностей, не проходя черезъ всѣ ступени служебной іерархіи, развѣ всего этого не достаточно—если не вскружить головы, то, по крайней мѣрѣ, придать бреду особую форму и направленіе?

Къ этой спеціальной этиологіи необходимо еще прибавить господствующую въ наше время жажду наслажденій.

На смѣну бережливости (нѣсколько даже мелочной) поколѣнія, сошедшаго со сцены, явилась любовь къ роскоши и расточительности, овладѣвшая всѣми слоями общества сверху до-низу.

Наши предки любили деньги, чтобы копить ихъ; мы же хотимъ имѣть ихъ, чтобы немедленно пользоваться ими.

Въ нашихъ рабочихъ классахъ бережливость болѣе не существуетъ. Прибавьте ко всѣмъ этимъ факторамъ алкоголизмъ, развѣдающій нашу расу и подготовляющій благоприятную почву для всевозможныхъ припадковъ безумія.

Казалось бы, что я приписываю цивилизаціи отвѣтствен-

ность за возникновение среди нас горделиваго помѣшательства. Не считайте меня, однако, такимъ врагомъ прогресса; я признаю, что роль цивилизаціи въ исторіи была двойка.

Несомѣнно, что, открывъ новыя средства для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, она вмѣстѣ съ тѣмъ породила и цѣлый рядъ новыхъ, вслѣдствіе чего развила уже не борьбу за существованіе, какъ у первобытныхъ народовъ, но борьбу за наслажденіе.

Дѣловая лихорадка, внезапное наростаніе и исчезновеніе крупныхъ состояній произвели нѣчто вродѣ умственнаго кипѣнія или жизни, протекающей подъ высокимъ давленіемъ и летящей на всѣхъ парахъ, вслѣдствіе чего слабые должны гибнуть съ большей легкостью, чѣмъ въ прежнія времена.

Но рядомъ съ этимъ цивилизація дѣйствуетъ и въ обратную сторону, смягчая и парализуя многія изъ общественныхъ золь.

Паршанъ, мнѣ кажется, разрѣшилъ этотъ споръ слѣдующей формулой: „Успѣхи цивилизаціи имѣютъ сложное вліяніе на число сумашедшихъ, которое они стремятся увеличить одними своими сторонами и сократить—другими“.

Гдѣ остановится антагонизмъ между двумя противоположными ея вліяніями? На какой сторонѣ окажется окончательный перевѣсъ? На это отвѣтитъ только будущее нашимъ болѣе или менѣе отдаленнымъ потомкамъ.

Не слѣдуетъ, однако, ограничиваться этими нѣсколько смутными и общими разсужденіями, чтобъ уяснить себѣ причины маніи величія. Кромѣ общихъ условій, тяготящихся надъ всѣмъ нашимъ родомъ, каждый изъ насъ имѣетъ въ себѣ самомъ спеціальныя и личныя причины, предрасполагающія или предохраняющія его отъ недуга.

Во главѣ субъективныхъ причинъ слѣдуетъ поставить наслѣдственность. Весьма талантливый психіатръ, Марсе, утверждаетъ, что 90% сумашедшихъ—дѣти душевнобольныхъ; въ настоящее время къ нимъ относятся не такъ строго; однако, ничто не можетъ быть опаснѣе этого наслѣдія; къ горделивому помѣшательству это еще болѣе примѣнимо, чѣмъ ко всѣмъ другимъ формамъ безумія.

Мужчины гораздо чаще женщинъ подвергаются маніи величія, и это не удивительно: ихъ жизнь, эмоціи и честолюбіе сильнѣе напрягаются, чѣмъ у женщинъ. Въ нашемъ социальномъ строѣ мужчина служитъ опорой семьи. Любо-

пытно, что холостые чаще подвергаются этой маніи, чѣмъ женатые: подобный фактъ повидимому противорѣчитъ тому, что было сейчасъ только высказано мною, такъ какъ холостые свободны отъ заботъ семейнаго очага; но слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что отсутствіе семьи предрасполагаетъ къ болѣе неправильному образу жизни, къ алкоголизму и къ различнаго рода излишествамъ.

Вдовцы и вдовы еще болѣе предрасположены къ этому недугу, что впрочемъ весьма понятно. Развѣ между ними мало такихъ, которые испытываютъ въ своей жизни одно только горе, не пользуясь ея радостями, — одни заботы и жгучія огорченія, не вѣдая утѣшеній?

Если мы обратимся къ статистикѣ, то увидимъ, что либеральныя профессіи болѣе предрасполагаютъ къ горделивому помѣшательству, чѣмъ другія, а среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ именно отрасли, которыя сопряжены съ наибольшимъ рискомъ и требуютъ отъ человѣка наиболѣе интенсивной борьбы.

Во главѣ всѣхъ стоятъ актеры, затѣмъ адвокаты — одни вѣчно стремятся создать геніальную роль, другіе увлекаются быстрымъ успѣхомъ, который имъ сулитъ политическая арена. Тотчасъ за ними слѣдуютъ лица духовнаго сословія, которыя повидимому не всегда бываютъ лишены честолюбія; затѣмъ идутъ профессора и литераторы.

Къ счастью для невозмутимыхъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, мы встрѣчаемъ ихъ имена въ самомъ низу этой роковой лѣстницы. Суровая дисциплина и неизбѣжная строгость іерархіи удерживаютъ воображеніе бюрократа отъ увлеченій и отъ горделиваго помѣшательства.

Нѣтъ почти примѣра, чтобы этому современному недугу подвергались земледѣльцы. Мирный образъ жизни, простота нравовъ, невозмутимость желаній предохраняли ихъ до сихъ поръ отъ этой напасти.

До сихъ поръ мы касались только ея причинъ; перейдемъ теперь къ слѣдствіямъ. Какъ велико число этихъ маніаковъ и въ какой пропорціи встрѣчаются они среди насъ? Отвѣтить апріорно на этотъ вопросъ очень трудно, такъ какъ не легко установить, гдѣ начинается помѣшательство и гдѣ кончается здравый разсудокъ. Область безумія не имѣетъ строго очерченныхъ границъ. Такъ, однимъ данный субъектъ кажется сумашедшимъ, а по мнѣнію другихъ онъ отли-

чается только эксцентричностью. Или возьмемъ какогонибудь фантазера, создающаго проекты, которые почти всѣмъ кажутся химерическими; но проходитъ нѣкоторое время и мы видимъ, что его химеры осуществляются. Это въ такой степени вѣрно, что, когда въ обыденной рѣчи говорятъ о комънибудь: „онъ сумашедшій“, то никто не предполагаетъ, что рѣчь идетъ о психически больномъ.

Подобный эпитетъ часто примѣняется къ людямъ, не раздѣляющимъ нашихъ убѣжденій. Мори слѣдующимъ образомъ выразилъ эту мысль: „Никто, строго говоря, не бываетъ здоровъ душой и тѣломъ; никто не гарантированъ отъ болѣзней и заблужденій. Но когда помѣшательство становится настолько значительнымъ, что сумма обусловленныхъ имъ заблужденій, рѣшительно перевѣшиваетъ обыкновенное количество ихъ, встрѣчаемое у среднихъ людей, тогда признаютъ, что данный субъектъ дѣйствительно „тронулся“; точно также какъ фактъ болѣзни констатируется только тогда, когда нарушеніе нормальнаго состоянія организма становится настолько серьезно, что сопровождается значительнымъ измѣненіемъ въ одномъ или нѣсколькихъ отправленияхъ“.

Къ горделивому помѣшательству, болѣе чѣмъ ко всякой другой формѣ сумашествія, примѣнима эта условность. Тутъ приходится тщательно взвѣшивать и разбирать цѣлую серію самыхъ сложныхъ обстоятельствъ. Слѣдуетъ ли, напримѣръ, признать безумной мысль объ отдѣленіи Африки отъ Азіи или о разчлененіи Америки на двѣ части? Несомнѣнно, что многіе склонны смотрѣть на нее съ такой точки зрѣнія, а между тѣмъ она стала уже почти совершившимся фактомъ. Развѣ не безумно желаніе получать по 15,000 фр. за часъ, который вы пропоете на подмосткахъ театра? Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ оно навѣрно было бы всѣми признано за сумашествіе. И тѣмъ не менѣе, однако, такая плата превратилась въ обыкновенную норму для гастролей первоклассныхъ европейскихъ пѣвицъ.

Горделивый бредъ нерѣдко можетъ считаться психіатрическимъ только тогда, когда принимается во вниманіе положеніе страдающаго имъ субъекта.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ находится какъ бы въ скрытомъ состояніи, такъ что психіатру приходится рыться въ умѣ и поступкахъ человѣка, чтобы отыскать его слабый пунктъ. Развѣ не одержимъ горделивымъ помѣшательствомъ

тотъ субъектъ, который, желая привлечь на себя во что-бы то ни стало общественное вниманіе, направляетъ не заряженный револьверъ на мимо проѣзжающаго министра, или, проникнувъ въ палату депутатовъ, безъ всякой причины прерываетъ засѣданіе рядомъ пистолетныхъ выстрѣловъ? Вотъ человѣкъ, которому не даютъ спать лавры его предшественниковъ и который послѣ неудачной попытки зажечь фейерверкъ въ людномъ собраніи, пускаетъ въ ходъ револьверъ, чтобы быть арестованнымъ у всѣхъ на виду, пропечатаннымъ въ газетахъ и занять всѣхъ своей особой, словомъ—выдвинуться впередъ, если не заслугами, то хотя скандаломъ и безобразіемъ.

Наше свѣтское общество несомнѣнно увлечено духомъ тщеславія. Развѣ нѣтъ ничего болѣзненнаго въ желаніи обращать на себя вниманіе помимо всякихъ личныхъ достоинствъ? Одинъ удовлетворяетъ своему тщеславію, платя очень дорого за предметы, нестоющіе этой цѣны; другой приноситъ большія жертвы, чтобы присутствовать на первомъ засѣданіи какого нибудь громкаго процесса или на генеральной репетиціи новой оперы; третій блещетъ своими лошадьми и экипажами, по отношенію къ которымъ вся его заслуга исчерпывается только ихъ пріобрѣтеніемъ; четвертый посѣщаетъ нѣкоторыя мѣста только въ дни, установленные для этого модой. Видѣть раньше другихъ, пріобрѣсть репутацію человѣка, посвященнаго въ элевзинскія тайны боговъ, выдаваться хотя бы въ смѣшную сторону и только не тонуть въ толпѣ—вотъ страстное желаніе и постоянное стремленіе членовъ свѣтскаго общества.

Образчики этого страннаго умственного состоянія можно легко наблюдать среди нашей „золотой молодежи“, въ этой пестрой толпѣ выложенныхъ джентельменовъ. Здѣсь перѣдко любовь къ шику есть ни что иное, какъ самая слабая форма горделиваго помѣшательства.

Я слишкомъ долго остановился на этиологіи этого недуга и спѣшу перейти отъ общихъ разсужденій къ изложенію самаго предмета.

Встрѣчаются двѣ категоріи сумашедшихъ, недуговъ которыхъ обнаруживается въ горделивомъ помѣшательствѣ. Ихъ образъ дѣйствія столь различенъ и исходы болѣзни столь противоположны, что мнѣ приходится съ самаго начала строго раздѣлить ихъ.

Первая категорія состоитъ изъ простыхъ мономаньяковъ, то вылечивающихся, то оканчивающихъ свое продолжительное тягостное существованіе въ болѣе или менѣе рѣзко выраженномъ безуміи. Въ представителяхъ другой категоріи, несравненно болѣе поразительной, форма психическаго расстройства развивается теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Шумные, рѣзкіе, неспособные къ послѣдовательному мышленію, они быстро приближаются къ нравственному и физическому паденію, всегда завершающемуся смертію: изъ нихъ вербуются контингентъ общихъ паралитиковъ.

У первыхъ бредъ бываетъ разсудоченъ, послѣдователенъ, логиченъ и не всегда очевидно абсурденъ. Имъ удается внушить довѣріе къ себѣ и заставить другихъ относиться къ нимъ серьезно до тѣхъ поръ, пока они въ одинъ прекрасный день не переступятъ мѣры.

Вторые же сразу дѣлаются безсвязны, смѣшны и преувеличиваютъ все до такой степени, что не могутъ провести даже самаго наивнаго слушателя.

Первые болѣзненные признаки обѣихъ формъ тоже весьма различны.

Посмотримъ сначала, какъ развивается простая, горделивая мономанія. Никакъ не ожидаешь, чтобы она могла быть обычнымъ, логическимъ и почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ періода меланхолическаго помѣшательства,—вѣры въ преслѣдованіе. Фовиль и Маньянъ сильно настаивали на подобномъ теченіи этого процесса.

Во время періода, извѣстнаго у писателей подъ названіемъ инкубации (incubation), могущаго длиться весьма долго, больной отличается только безпокойствомъ. У него мѣняется характеръ, онъ становится страшно раздражительнымъ и приписываетъ всѣмъ происходящимъ вокругъ него явленіямъ значеніе, котораго они далеко не имѣютъ; родня и не подозреваетъ того, что должно случиться, и удивляется только неровности и странности идей, проповѣдуемыхъ заболѣвшимъ членомъ семьи.

Вскорѣ происходитъ новое явленіе, это—галлюцинаціи: больному слышатся ругательства, никѣмъ не произносимыя; онъ находитъ въ пищѣ запахи и вкусы, не свойственные имъ въ дѣйствительности. Я однажды встрѣтилъ въ ресторанѣ господина, который вдругъ направился къ своему сосѣду, совершенно ему неизвѣстному, и наградилъ его пощечиной.

Ему слышалось, что это лицо произнесло оскорбительное для него ругательство, а между тѣмъ вскорѣ выяснилось, что никто не произносилъ ни слова. Газеты кишатъ подобными сообщеніями.

Очень часто психически больной слышитъ голоса, раздающіеся за стѣной: онъ тогда воображаетъ, что его недоброжелатели бродятъ вокругъ дома, сторожатъ его и намѣрены вредить ему. Происхожденіе горькаго вкуса, который онъ подѣвляніемъ галлюцинаціи находилъ въ пищѣ, объясняется тогда очень просто; это—отрава, всыпанная въ его пищу, а, можетъ быть, и нѣчто еще худшее.

Несчастный, преслѣдуемый воображаемыми врагами, полиціей, шпионами, иногда же электричествомъ или магнетизмомъ (въ чемъ мы убѣдились въ одномъ изъ послѣднихъ процессовъ), не знаетъ что съ собой дѣлать. Онъ подозрѣваетъ домашнихъ, правительство и въ одинъ прекрасный день отправляется къ прокурору, чтобы сдѣлать какой нибудь странный и смѣшной доносъ, открывающій наконецъ глаза его близкимъ.

Но случается, что пошатнувшійся умъ избираетъ иные пути. „Чтобы столько несправедливостей могли имѣть мѣсто, говорить себѣ психически больной, чтобы въ нашемъ общественномъ строѣ человѣкъ могъ быть терзаемъ такъ, какъ я—необходимо внимательство высокопоставленныхъ лицъ и прикосновенность къ дѣлу могущественныхъ особъ“.

Теперь уже видно, какъ складывается горделивое помѣшательство. „Но если вліятельныя лица мною занимаются, продолжаетъ логически разсуждать больной, то, значить, я этого заслуживаю, значить, я не тотъ уже скромный гражданинъ, какимъ прежде считалъ себя. Значеніе моей особы, очевидно, вытекаетъ изъ значительности моихъ страданій и важности виновниковъ этихъ терзаній; если же я послѣ всего этого скромно живу, то это объясняется лишь тѣмъ, что у меня были отняты атрибуты, на которые я имѣлъ право.“ Дайте волю больному воображенію—и вотъ субъектъ вообразить себя сыномъ Людовика XVI или герцогомъ Рейхштатскимъ, лишеннымъ наслѣдства. Самые скромные изъ психически больныхъ считаютъ себя депутатами, неправильно забаллотированными.

Съ этого момента сумасшествіе принимаетъ очень ясный характеръ; это—смѣсь тщеславія и воображаемыхъ преслѣдо-

ваній; галлюцинаціи продолжаются и приурочиваются къ этому новому обороту дѣла.

Психически больной ходитъ съ высоко поднятой головой; онъ усваиваетъ себѣ гордый видъ и покровительственный тонъ, медленно отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы, или же, наоборотъ, бываетъ многорѣчивъ и болтливъ; онъ сообщаетъ первому встрѣчному свѣдѣнія о своемъ положеніи, проѣктахъ и теоріяхъ. Но что особенно поразительно, такъ это изумительная логичность, съ которой онъ комбинируетъ свои выдумки. Какъ бы нелѣпы онѣ не были, мономаньякъ тѣмъ не менѣе умудряется придать имъ стройную съ вида форму и если его уличаютъ во лжи, то находитъ иногда очень остроумный выходъ изъ затруднительнаго положенія. Въ этихъ нелѣпостяхъ есть дѣйствительная связь; его бредъ систематиченъ; всѣ его дѣйствія являются ихъ неизбѣжнымъ результатомъ; онъ даже принаравливаетъ одежду и пищу къ своему новому положенію.

Самое изумительное воплощеніе этого типа дано намъ въ безсмертномъ Донъ-Кихотѣ: онъ—рыцарь, а потому ему необходимъ панцырь; онъ приготовилъ его изъ картона, но это его не тревожитъ, такъ какъ панцырь на видъ блестящъ и крѣпокъ; тазъ Мамбрина вѣдь только посуда для бритья, но мономаньякъ назвалъ его иначе, и этого для него достаточно. Онъ возстановитъ справедливость на этомъ свѣтѣ, одержитъ побѣду надъ великанами и останется неизмѣнно вѣрнѣе воображаемой красотѣ Тобозской служанки. Разъ констатирована первая идея бреда, все остальное становится яснымъ и развивается послѣдовательно одно изъ другаго, вплоть до бѣднаго Санхо-Панчо, ожидающаго прибытія на островъ; въ счастливыя минуты проясненія разсудка послѣдній даетъ намъ характерный образчикъ заразительности сумасшествія, примѣры которой такъ часто встрѣчаются въ жизни. Можно сказать, что мы обязаны Сервантесу неподражаемымъ описаніемъ маніи величія. Самый добросовѣстный психіатръ не отказался бы подписаться подъ нимъ.

Чтобы дать читателю вполне точное понятіе о необычайной дѣятельности мозга горделиво помѣшаннаго,—чтобы познакомить его со всѣми формами, въ которыя можетъ облекаться причудливая фантазія больного,—мнѣ бы слѣдовало привести здѣсь исторію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Но это невозможно; вотъ почему я упомяну лишь о нѣ-

которыхъ случаяхъ изъ моей собственной практики и наблюдений лучшихъ французскихъ психіатровъ.

У больного, страдающаго хроническимъ бредомъ или наслѣдственнымъ психическимъ разстройствомъ, манія величія большей частью принимаетъ художественный, научный, литературный или политическій отбѣнокъ. Мономаньякъ вначалѣ слишкомъ хорошо владѣетъ собою, чтобы считать себя королемъ, императоромъ или милліонеромъ; при такихъ безумныхъ идеяхъ, факты не могли бы укладываться въ извѣстную систему и противорѣчія были бы слишкомъ рѣзки. Наоборотъ, даже самый скромный субъектъ можетъ думать и говорить, что онъ—непризнанный геній, непонятый поэтъ или несправедливо всѣми покинутый политическій дѣятель. Разъ образовалась такая увѣренность, все остальное идетъ само собой; читатель, впрочемъ, самъ въ этомъ убѣдится изъ нѣкоторыхъ фактовъ, которые будутъ мною сейчасъ приведены.

Я знавалъ лѣтъ 10 тому назадъ одну бакалейщицу въ Монружѣ. Вслѣдствіе неудачныхъ коммерческихъ операцій ей скоро пришлось перейти къ продажѣ плохихъ картинъ. Эти двѣ профессіи послужили для нея источникомъ самаго необычайнаго и страннаго бреда. Она вообразила себя великимъ ваятелемъ и даже изобрѣтательницей новаго рода скульптуры изъ сахара. Дѣйствительно, она постоянно старалась раздобыть кусокъ этого продукта и при помощи зазубренного перочинаго ножа ей удавалось придать ему болѣе или менѣе отдаленное сходство съ головой или торсомъ.

Легко понять, что подобное новаторство (конечно по ея мнѣнію) не могло не обратить на себя общественнаго вниманія; вотъ почему г-жа Е... получила отъ многихъ царственныхъ особъ всевозможные знаки отличія, которые она и носила на груди. На пальцахъ у ней были надѣты кольца изъ проволоки, въ которыя она тщательно вдѣлывала куски стекла; на головѣ мономанка носила шляпу съ длинными перьями, а на шеѣ—большое ожерелье изъ индійскихъ каштановъ, нанизанныхъ на нитку. Я впрочемъ помѣщаю въ книгѣ ея портретъ, преподнесенный мнѣ самой изобрѣтательницей. Г-жа Е... считала себя тоже знаменитымъ художникомъ; къ сожалѣнію, я не могу привести ни одного изъ ея рисунковъ, такъ какъ она занималась одними фресками. Мономанка что то мазала на всѣхъ стѣнахъ и за недостаткомъ красокъ упо-

требляла въ дѣло чернила, вино или грязь. Домовой архитекторъ считалъ ее настоящей язвой для дома, въ которомъ она жила.

Горделивая мономанка.

(По фотографіи автора).

Желая сохранить одно изъ ея произведеній, я однажды принесъ ей верхушку сахарной головы. Она изъ нея сдѣлала вазу, которую имѣла любезность поднести мнѣ, съ цвѣтами, сорванными ею въ больничномъ саду. Изъ опасенія, какъ-бы

цвѣты не завяли, ей пришла въ голову злополучная мысль — налить въ вазу воды. Вотъ почему втеченіи нѣсколькихъ минутъ погребло мастерское произведеніе искусства!

Г-жа Е... была художницей. Послушайте теперь исторію одного ученаго.

Густавъ Х. совмѣщалъ въ себѣ двѣ болѣзни: эпилепсію и бредъ, такъ какъ въ этой области, увы, совмѣстительство не возбраняется. Онъ вообразилъ себя великимъ астрономомъ: втеченіи семи лѣтъ меломанъ изучаетъ строеніе небесныхъ свѣтилъ и живетъ всегда подъ самой крышей, чтобы ближе находиться къ небесному своду и имѣть возможность ночью дѣлать астрономическія наблюденія. Онъ, впрочемъ, и выражается всегда параболами: „Справедливость справедлива“, говоритъ онъ; „ничтожнѣйшій человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшій, самый низкій есть и самый возвышенный, самый несчастный есть и самый счастливый.“

Втеченіи 7 поколѣній накопляется громадная сумма денегъ, съ цѣлью вознаграждать астронома за всѣ его труды.

Онъ построилъ телескопъ, являющійся ничѣмъ инымъ какъ цинковой трубой, въ оконечность которой вставлено дно съ пробуровленнымъ въ немъ маленькимъ отверстіемъ. Самоотверженный ученый проводитъ въ наблюденіяхъ цѣлые дни, причемъ видитъ солнце сзади и ищетъ центральной точки, которая бы позволила ему найти квадратуру круга и затѣмъ проникнуть во французскую Академію. Онъ страдаетъ галлюцинаціями слуха, причемъ наблюдается любопытное и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкое явленіе, а именно, что галлюцинаціи мѣняются, смотря по уху, черезъ которое проникаютъ въ мозгъ. Черезъ правое ухо злой геній постоянно нашептываетъ ему: „Свиная голова, кабанья голова!“ между тѣмъ какъ въ лѣвое добрый геній говоритъ: „Будь терпѣливъ, продолжай; ты очень хорошо поступаешь“, и т. д.

Среди хроническихъ и наслѣдственныхъ душевно-болѣзныхъ нерѣдко встрѣчаются поэты. Не проходить дня, чтобы директоръ психіатрической лечебницы не получалъ посвященнаго ему посланія или кантаты, между которыми попадаются иногда и весьма недурныя, но рядомъ съ ними встрѣчаются и такія, на которыхъ лежитъ несомнѣнный отпечатокъ самаго полнаго умопомраченія.

Вотъ прежде всего стихотворное письмо, адресованное

Дѣвъ Маріи однимъ торговцемъ аптекарскихъ товаровъ, сидѣвшимъ въ больницѣ Св. Анны *).

Мадонна!

Какъ живое выраженіе
Всѣхъ чувствъ, какъ скорбный мой привѣтъ,
Какъ слабый даръ любви и уваженія,
Прими сей скромный мой сонетъ!

Сонетъ.

О, дѣва дѣвъ! Боговъ парица!
О, наша мать! Въ борьбѣ земной
Для всѣхъ живыхъ твоя десница—
Хранитель-ангелъ ихъ святой!

* *

Ахъ, будь же имъ, небесъ жилища,
И мнѣ! Тронися нищетой
Моей души! Да благъ десница
Заблещетъ снова предо мной;

* *

Да подъ святой твоей охраной
Въ нить быстрыхъ дней моихъ жизнь вновь
Вплететъ и радость и любовь,

* *

И да очищенный предстану,
Тебя любя, тобой хранимъ,
Я предъ Создателемъ моимъ!

Онъ же посвятилъ г. Маньяну стихотвореніе, написанное по поводу домашняго спектакля, имѣвшаго мѣсто въ больницѣ. Поэтъ сопровождаетъ его слѣдующимъ любезнымъ стихотвореніемъ:

Уважаемый докторъ.

Любезный докторъ! Уваженіе
И благодарность,—вотъ какой
Монетой жалкой, безъ сомнѣнья,
Я вамъ вручить вознагражденіе
Могу за трудъ вашъ столь большой.

* *

*) Всѣ стихотворенія, помѣщенные авторомъ въ этой главѣ въ видѣ иллюстрацій къ характеристикамъ лицъ, страдающихъ маніей величія, переведены Н. Л. Пумкаревымъ.

Примите жъ ихъ, мой врачъ почтенный...
Скажу—возлюбленный, когда,
Миюсь съ сей платой малоцѣнной,
Вы мнѣ шепнете: „несомѣнно,
Мы съ вами квитъ—и навсегда!“

Другой больной повидимому питаетъ гораздо менѣе почтенія и благодарности къ своему врачу. Онъ сочинилъ сатиру, состоящую изъ 120 александрійскихъ стиховъ, отъ которыхъ я васъ впрочемъ избавлю. Нѣкоторые изъ нихъ однако звучатъ весьма недурно:

О, эти худшіе изъ всѣхъ живыхъ людишекъ,
Которыхъ Богъ на грѣхъ всѣмъ могъ создать:
Орда безсовѣстныхъ, гнуснѣйшихъ докторишекъ,
Въ грязь ремесло стумѣвшихъ превращать
Одно изъ доблестныхъ, одно изъ самыхъ чистыхъ
Призваній жизненныхъ! О, эти подлецы,
Что психіатрами зовутъ, что въ моралистахъ
Безсмѣнно состоятъ! Они, чтобъ скрыть концы
Позорныхъ дѣлъ своихъ, рвутъ всѣ мои записки.
Они—враги всего: и общества, и всѣхъ,
Всѣхъ благъ общественныхъ, и такъ подлы и низки,
Что цѣнять на рубли свой сатанинскій грѣхъ!

Эти писанія психически больныхъ очень интересны. Приведенные мною образчики ничѣмъ не выдаются изъ ординарныхъ рамокъ; но намъ нерѣдко приходилось наблюдать, какъ возбужденіе умственныхъ способностей сопровождается у людей, повидимому наиболѣе приниженныхъ, созданіемъ замѣчательныхъ твореній.

Встрѣчаются помѣшанные поэты и художники, но существуютъ также сумашедшіе, на которыхъ какъ бы *нисходитъ* поэтический даръ, причемъ не всегда бываетъ легко отличить однихъ отъ другихъ. Я имѣлъ честь быть однимъ изъ послѣднихъ учениковъ Моро-де-Тура, и мнѣ часто приходилось слышать изъ его устъ защиту знаменитаго афоризма о тождественности геніальности и помѣшательства,—разница въ результатѣ обуславливается лишь перевозбужденностью той или другой способности. Талантливому психіатру Сенту пришла въ голову мысль собирать въ Шарантонѣ произведенія душевнобольныхъ, и результатъ, достигнутый имъ, столь

замѣчателенъ, онъ составилъ столь любопытную коллекцію, что мнѣ трудно воздержаться отъ желанія познакомить васъ съ нею. Я увѣренъ, что среди заблужденій, о которыхъ мнѣ придется упоминать, читатель съ удовольствіемъ отмѣтитъ въ ней и нѣкоторые остроумныя вещицы.

Н...., послѣ усиленныхъ умственныхъ занятій, длившихся цѣлое лѣто, вдругъ сталъ чувствовать невыносимыя головныя боли. Вскорѣ его стали преслѣдовать безпричинныя угрызенія совѣсти, такъ что, хотя за больнымъ не было никакой вины, онъ тѣмъ не менѣе постепенно убѣдилъ себя, что долженъ сдѣлаться скорѣ жертвой небесной кары; спустя нѣсколько дней, онъ вообразилъ, что Богъ обратилъ его въ животное, какъ нѣкогда Навуходоносора.

Съ этого момента земля измѣнила въ его глазахъ свой обликъ: больной все сталъ видѣть въ зеленомъ цвѣтѣ; когда онъ говорилъ, то ему казалось, что твари понимаютъ его. Въ ослѣ или лошади онъ видѣлъ товарищей; видъ лужайки давалъ ему желаніе пасться и, если онъ отъ этого воздерживался, то только изъ самолюбія и изъ боязни огорчить родныхъ и знакомыхъ.

Находясь въ этомъ странномъ умственномъ состояніи, онъ принялся писать стихи, предназначавшіеся для одного провинціального конкурса. Онъ провелъ цѣлый день съ непокрытой головой подъ солнцемъ въ поискахъ за римой, а вечеромъ, послѣ испытанныхъ неудачъ, окончательно потерявъ разсудокъ, сдѣлалъ страшную сцену женѣ и матери, бросилъ свою шляпу въ лужу и сталъ яростно топтать ее ногами. Затѣмъ онъ неожиданно высвободился изъ рукъ удерживавшихъ его лицъ, вскарабкался на второй этажъ своего дома, ударомъ плеча вышибъ дверь въ одной мансардѣ и, бросившись на лежавшую тамъ горничную, пытался задушить ее.

Наконецъ его удалось схватить и отправить въ лечебницу. По дорогѣ онъ, не переставая, твердилъ: „я—негодяй“. Войдя къ врачу и увидѣвши на стѣнѣ портретъ императора Наполеона, больной обратился къ нему съ рѣчью, произнесенной въ полголоса; затѣмъ онъ торжественно спросилъ, въ которомъ часу намѣрены его гильотинировать на другой день. Онъ провелъ очень тревожную ночь, лихорадочно исписывая листы бумаги и ежеминутно справляясь о томъ, какъ намѣрены поступить съ убійцей Дюмоляромъ. Въ заключеніе онъ

запечаталъ письмо и отправилъ его на имя императора Наполеона III.

Затѣмъ онъ началъ вырывать у себя волосы изъ бороды крича: „я ищу своего послѣдняго врага“. Спустя нѣкоторое время къ несчастному возвратился разсудокъ; онъ былъ даже настолько покоенъ, что директоръ лечебницы могъ пригласить его къ себѣ обѣдать.

Во время общей бесѣды за столомъ одинъ изъ врачей спросилъ его:

— Разкажите намъ, пожалуйста, почему во время своей болѣзни вы такъ интересовались судьбой Дюмоляра. Поясните намъ смыслъ отвѣта, даннаго вами въ столь трагичной формѣ: „Я ищу своего послѣдняго врага“. Наконецъ, повѣдайте намъ, если вамъ это извѣстно, что происходило тогда въ вашемъ умѣ?

Я буквально привожу отвѣтъ, записанный Сенту со словъ больного:

— Въ началѣ болѣзни мнѣ дали шляпу, которая меня поразила своей странной формой. Все тогда наводило на меня сомнѣніе. Мнѣ представилось, что эта шляпа служитъ признакомъ проституціи; вотъ почему я сталъ топтать ее ногами и, когда моя мать пыталась собственноручно надѣть мнѣ ее на голову, я такъ былъ возмущенъ этимъ, что готовъ былъ убить ее на мѣстѣ. Потомъ, во время обѣда, мнѣ слышалось, что на улицѣ арестуютъ людей и говорятъ обо мнѣ. Чтобы избѣжать этого позора, я бросился изъ квартиры и во время бѣгства попалъ въ каморку, гдѣ засталъ раздѣвающуюся передъ сномъ служанку. Крайне изумленный такою встрѣчей, я невольно спросилъ себя, что же мнѣ здѣсь было нужно. Видъ прислуги навелъ меня на мысль о Дюмолярѣ и затѣмъ безъ всякихъ переходовъ привелъ меня къ убѣжденію, что я самъ никто иной какъ Дюмоляръ, а Дюмоляръ долженъ изнасиловать и задушить горничную. Меня арестовали и привели сюда. Въ кабинетѣ врача я увидѣлъ не портретъ императора, а его самого; онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько горькихъ упрековъ за мои преступныя дѣйствія и объявилъ объ ожидающей меня ужасной карѣ. Войдя въ отведенную мнѣ палату, я вообразилъ, что нахожусь въ тюрьмѣ со всякаго рода преступниками. Когда же мнѣ поставили клистиръ, я подумалъ, что онъ былъ отравленъ и что въ этомъ заключалось возмездіе за мои гнусныя злодѣя-

нія, такъ какъ, по всей вѣроятности, моя голова осквернила бы даже самый ножъ гильотины. Вскорѣ я ощутилъ послѣдствія принятаго мною ада, все мое тѣло покрылось червями, я былъ изѣденъ ими, а куски сгнившаго мяса отваливались отъ меня. Когда я говорилъ, что „ищу послѣдняго своего врага“, то пытался схватить живымъ одного изъ мучившихъ меня червей; но всѣ они раздавливались въ моихъ пальцахъ. Чувствуя приближеніе смерти, я хотѣлъ явиться передъ лицомъ Всевышняго съ однимъ изъ червей въ рукахъ, чтобъ имѣть право сказать Ему: „я дѣйствительно былъ ужаснымъ негодяемъ, но понесенное мною наказаніе превышало всякую мѣру; взгляни, Господи, на этого гнуснаго и отвратительнаго червя; я былъ заживо имъ съѣденъ. Да снизойдетъ на меня Твоя святая милость и всеблагое прощеніе!“. Когда вечеромъ мнѣ принесли какое-то питье, я съ жадностью проглотилъ его, полагая, что ему предназначено ускорить мой конецъ. Это питье усыпило меня; я проснулся крайне удивленный, что еще не умеръ и что избавился отъ червей. „Вѣроятно—подумалось мнѣ—хотятъ продлить мои мученія“. Тогда я вспомнилъ о своихъ дѣтяхъ, увидѣлъ ихъ безпризорными нищими, отъ которыхъ всѣ отворачиваются изъ-за позорнаго имени, завѣщаннаго имъ отцомъ, и рѣшился передъ смертью поручить ихъ заботливости Императора. Чтобъ вѣрнѣе тронуть его, я рѣшился напомнить ему въ письмѣ о сиротскомъ пріютѣ, основанномъ въ честь императорскаго принца; меня одушевляла при этомъ надежда, что, быть можетъ, императоръ велитъ принять туда моихъ дѣтей. Окончивъ посланіе, я сталъ ожидать смерти болѣе покойно. Мнѣ были поставлены пивки и мысли мои сдѣлались тогда менѣе сбивчивы. Я сталъ сознательнѣе относиться къ происходившему и по странностямъ окружавшихъ меня лицъ скоро догадался, что это были не преступники, а помѣшанные. Это послужило лучемъ свѣта, начинавшимъ озарять меня и освѣщать мое положеніе.

Послѣ приведенной бесѣды, одинъ изъ присутствующихъ пошелъ за письмомъ, адресованнымъ несчастнымъ императору. Оно было въ стихахъ. Привожу его цѣликомъ:

1.

Горе уличнымъ дѣтямъ.... о, горе! Они
 Не родимыя груди сосутъ,
 Не рожекъ съ молокомъ,—больше слезы одни.

Злой морозъ щиплетъ плечи имъ ночи и дни;
Непосильныя скорби и трудъ
Гонять краску и жизнь съ миловидныхъ ихъ лбовъ....
И растутъ такъ, растутъ день за днемъ
Эти дѣти грѣха, безъ молитвъ и крестовъ,
Безъ любви, безъ утѣхъ, безъ участливыхъ словъ,
Безъ вождя, что мы честью зовемъ!

И растутъ такъ, растутъ.... словно черви въ тѣни!
И, что змѣй въ ясный солнечный день,
Къ нимъ отвсюду ползутъ лишь пороки одни.
И уходятъ душой въ тѣ пороки они,
Въ ту змѣю, что какъ черная тѣнь,
Что, какъ гидра, мрачить жизнь большихъ городовъ....
Мнимый нищій, конюшій грошъ,
Негодяй, недостойный герой кабаковъ,
Хитрый плутъ подъ личиною простыхъ добряковъ,
Злой грабитель, точащій вамъ ножъ,—
Это—все, все они, дѣти улицъ родныхъ!
На галерахъ, въ тюрьмѣ, а порой
И въ тискахъ гильотинъ, всюду встрѣтимъ мы ихъ,
Тѣхъ дѣтей, не имѣвшихъ у люлекъ своихъ
Божьихъ ангеловъ, ласкъ и родной!

2.

Миръ уличнымъ дѣтямъ! Ихъ ждетъ благодать!
Нѣтъ сирыхъ: на крикъ ихъ сошла
Съ небесъ къ нимъ мать Бога—и смысла опять
Съ ихъ лицъ молокомъ милосердья печать
Грѣха, отверженья и зла.

Ужъ больше ни бѣдность, ни ложь, ни позоръ
Не станутъ тревожить ихъ сонъ,
Чтобъ влить и въ сердца ихъ, какъ въ тѣло и взоръ,
Отраву порока. О, нѣтъ, съ этихъ поръ
И сладокъ, и тихъ будетъ онъ!

Любовь съ милосердьемъ—два стража его....
И позже, когда въ ихъ крови,
Въ сердцахъ ихъ проснется сознанье всего,
Любой за любовь ту себя самага
Отдастъ всего дѣлу любви!

И рай вновь наступитъ тогда на землѣ:
 Всѣ честное дѣло найдутъ,
 И тѣ, что всю жизнь пресмыкались во злѣ,
 Свой медъ, уподобясь полезной пчелѣ,
 Въ общественный сотъ понесутъ!

3.

Но кто-жъ онъ, тотъ Ликургъ, тотъ мудрый полубогъ,
 Что жалкихъ куколокъ спасъ въ сердцѣ благородномъ?
 Что землю показалъ червямъ земли голоднымъ?
 Что могъ осуществить химеру? Кто, какъ Богъ,
 Далъ тѣмъ любовь родной, кто знать ее не могъ;
 Далъ честь и имя тѣмъ, кто былъ рожденъ безроднымъ....

Ужель одинъ изъ тѣхъ, что гонять жизни тьму
 Сіяньемъ собственнымъ? Изъ тѣхъ лже-Прометеевъ,
 Что корчатъ изъ себя какихъ то Моисеевъ?
 Любовь ихъ къ бѣдняку родна лишь ихъ уму,
 И гордость этихъ дней новѣйшихъ фарисеевъ
 Лишь можетъ раздражить, но не помочь ему.

Кто онъ? То—тотъ герой, чье слово въ мигъ одинъ
 Въначало скорбный Лувръ, обвитый повиликой
 Надеждъ Людовика и Валуа! Тотъ сынъ
 Побѣдъ, что дважды спасъ страну, изгнавши дикій
 Культъ звѣрствъ! Что изъ рабовъ кнута и гильотинъ
 Вновь сотворилъ народъ, народъ, какъ самъ—великій!

То—ты, Наполеонъ, чье имя всѣ уста
 Твердятъ восторженно отъ яслей до чертога!
 То—въ мантии твоей, носящей, волей Бога,
 Судьбы Европы всей, укрылся сирота,
 Какъ сынъ твой собственный, съ мечтой, что нищета
 Не перейдетъ всю жизнь ужъ вновь его порога!

Но ты не одинокъ,—о нѣтъ!—Наполеонъ,
 Былъ въ этомъ подвигѣ великомъ и единомъ:
 Хранитель-ангелъ твой посѣялъ въ сердцѣ львиномъ
 Ту славу, что затмитъ величье всѣхъ временъ,
 Какъ нѣкогда затмитъ блестящій Парфенонъ
 Смогъ скромный Назаретъ, взнесенный Божьимъ Сыномъ!

4.

И вотъ, дѣти улицъ, вы всѣ спасены
Въ той мантии Цезаремъ смѣлымъ!
Любовь, уваженіе къ законамъ страны,
Отвага и доблесть отнынѣ должны
Стать вашимъ грядущимъ удѣломъ!
Вы всѣмъ теперь вправѣ вскричать въ униссонъ,
Кто-бъ дерзко объ имени вашемъ
Спросилъ васъ: „Оставьте ироніи тонъ!
„Намъ Франція—мать всѣмъ, а нашимъ
„Отцомъ былъ самъ Наполеонъ!“

А... совершенно выздоровѣлъ, но никогда уже болѣе не могъ написать стиховъ одинаковаго достоинства съ импровизированными имъ въ ужасную ночь, когда онъ отождествлялъ себя съ Дюмоляромъ и заживо былъ извѣденъ червями.

Въ бытность А... въ Шарантонѣ тамъ происходило очень оригинальное броженіе среди больныхъ. Двое или трое изъ нихъ рѣшили основать газету, и вотъ при какихъ условіяхъ.

Въ то время въ Шарантонской лечебницѣ находился нѣкій З..., одержимый маніей величія, сопровождавшейся странными идеями преслѣдованій; это былъ весьма опасный человѣкъ, поклявшійся убить первое попавшееся ему на пути лицо. Недолго думая, онъ оторвалъ съ необычайной силой громадную желѣзную полосу, вдѣланную въ стѣну, и сталъ сторожить за дверью проходящихъ. Къ счастью, его своевременно замѣтили и обезоружили. Съ теченіемъ времени возбужденіе А... значительно ослабло, и больной, за исключеніемъ упорнаго нежеланія писать роднымъ и мѣнять бѣлье, повидимому, вернулся къ довольно нормальному состоянію. Онъ проводилъ цѣлые дни за чтеніемъ и переводомъ романовъ Диккенса.

Одновременно съ нимъ и въ его же отдѣленіи находился офицеръ, развлекавшійся писаніемъ акварелей. Однажды онъ довольно удачно воспроизвелъ главные ворота лечебницы. З..., увидѣвъ рисунокъ, былъ внезапно озаренъ одной мыслью и написалъ подъ нимъ:

Путь въ Мадополисъ.

„Дорога, ведущая въ Мадополисъ, не представляетъ изъ себя шоссе съ каменной насыпью, рвами и откосами; это—

сферическая дорога, величиной съ земной шаръ, а высотой равняющаяся величайшей египетской пирамидѣ.

„При самомъ рожденіи, мы вступаемъ на Мадополицкую дорогу, а сходимъ съ нея лишь со смертью.

„Странно при этомъ, что быстрѣ всего двигаешься по ней, можетъ быть, во время сна, а переступаешь врата знаменитаго города тогда, когда менѣ всего этого ожидаешь. Въ Мадополисѣ живутъ мужчины и женщины; на свѣтѣ почему то распространено весьма ошибочное мнѣніе, будто обитатели Мадополиса свалились съ луны. Но гораздо больше лунатиковъ можно встрѣтить за предѣлами Мадополиса, чѣмъ въ его стѣнахъ. Путь, ведущій къ Мадополису, кишитъ ими. „Бѣдные люди! они уходятъ отъ насъ или идутъ къ намъ! Если бы мы стали припоминать, то увидѣли бы среди этой толпы лунатиковъ васъ, о Мадополитяне, о Мадополитянки!“

Внизу листка онъ добавилъ слѣдующія слова: „Воззвание слѣдуетъ продолжать“. Затѣмъ, передавая листокъ офицеру, З. сказалъ: „Мнѣ бы слѣдовало имѣть собственный органъ для выраженія моихъ мыслей“. „Что же, отвѣтилъ ему тотъ, затѣмъ газету. Я берусь иллюстрировать ее“.

Дѣло было слажено втеченіи нѣсколькихъ минутъ, и наши два маньяка принялись за работу, Газета была названа: „*Мадополискимъ жнецомъ*“.

З. въ качествѣ главнаго редактора лихорадочно работалъ, сочиняя по 5 стихотвореній въ день, обращаясь къ сотрудникамъ съ просьбами о присылкѣ статей, разсматривая, исправляя и сокращая приносимыя ему статьи. Любопытна была его нетерпимость къ похваламъ; онъ грубо прогонялъ лицъ, пытавшихся поздравить его съ новымъ предпріятіемъ. Однажды надзирательница очень вѣжливо попросила дать ей почитать № „Жнеца“. З. рѣзко отказываетъ ей въ этомъ и даже выходитъ изъ себя безъ всякаго видимаго повода. Вскорѣ онъ однако кается въ своей опрометчивости и спѣшитъ передать этой госпожѣ нѣсколько номеровъ, въ которыхъ только что отказалъ ей, сопровождая ихъ слѣдующимъ стихотворнымъ посланіемъ:

Музыкантшѣ!

Сударыня! Вы „Жнецъ“ нашъ непременно
Съ начала самаго желали-бъ весь прочесть?

Желанье дамъ для всѣхъ насъ, несомнѣнно,
Есть честь!

Вотъ почему я страшно бѣсновался,
Что въ первомъ номерѣ на-дняхъ вамъ отказалъ.
Онъ (кто-то имъ, знать, слишкомъ восторгался)

Пропалъ.

Вчера я вновь,—и вмигъ, и безъ помарокъ,—
Весь возсоздалъ его, какъ вспомнилъ, какъ сдумѣлъ.
Желаю, чтобъ тотъ копія-подарокъ

Былъ цѣль

И могъ достигъ до цѣли столь красивой,
То-есть до той, которая, увы,
Была всегда такой нетерпѣливой,
Какъ вы.

„Жнецъ“ задался задачей быть пріятнымъ
Для всѣхъ, кто улаждать умѣетъ нашъ досугъ,
Кто въ радостяхъ, быть можетъ всѣмъ понятнымъ,
Какъ другъ;

А потому, когда (хоть „Жнецъ“ глупѣ,
Чѣмъ мнить) васъ посмѣшитъ моя галиматья,
То посмѣюсь вновь съ музою моею

И я!

Но надо сознаться, что крайне напряженная умствен-
ная дѣятельность не была полезна для З. Онъ грубо обра-
щался со всѣми и оскорблялъ своихъ сотрудниковъ; вотъ
почему статьи перестали притекать къ „Жнецу“, взамѣнъ
того наводненному писаньями своего редактора. Онъ брался
за все, за прозу и стихи. Позволю себѣ привести одно по-
истиннѣ замѣчательное произведеніе, написанное имъ во время
страшно возбужденнаго состоянія. Изъ Шарантона виднѣется
полотно Ліонской желѣзной дороги и Орлеанской вѣтви; по-
стоянно слышны свистки и шумъ отъ мимо проходящихъ
поѣздовъ; это служитъ развлеченіемъ для всѣхъ шарантон-
скихъ обитателей. Вотъ почему „Жнецъ“ не могъ умолчать
объ этомъ явленіи:

Локомотивъ.

Солнце скрылось. Поселяне
Возвращаются съ работъ,
Тихо съ горъ къ родной полянѣ
Стадо мирное бредетъ.
Дилижансъ промчался шибко...
Небо ясно, воздухъ чистъ,

Не колыхнетъ вѣткой гибкой,
 Не дрогнетъ на вѣткѣ листь.
 Вдалекѣ въ огняхъ сверкаетъ
 Дымный городъ... Близокъ сонъ:
 Вся природа понижаетъ
 Голосъ дня на цѣлый тонъ.

„Оно“ весь шаръ земной мгновенно облетитъ...
 „Оно“ закатится, навѣрно, въ океанъ...
 Но сзади рядъ огней, краснѣющихъ въ туманѣ,
 Про кровь, про жертвы говорить...

Кто-жъ то „оно“, что грозно, безъ пощады,
 Крушитъ все на пути? Что смѣло, какъ прогрессъ,
 Уничтожаетъ все, всѣ встрѣчныя преграды?
 То—онъ, локомотивъ! Перлъ мысли! Перлъ чудесъ!

Онъ долженъ въ дребезги бѣ разбиться, несомнѣнно...
 Когда сдержать его не смогъ бы человѣкъ,
 Никто бѣ не въ силахъ былъ сдержать во всей вселенной
 Его безумный бѣгъ!

Ему всѣ груди горъ покорно открываютъ
 Глубь тайныхъ нѣдръ, глубь сердца своего;
 Ему всѣ лучшія селенья уступаютъ
 Свои луга и нивы; для него
 Долины тихія сверкаютъ всѣ огнями:
 Съ нимъ глушь пустынь полна столичной суеты;
 Подъ нимъ надъ безднами и гордыми рѣками
 Взлетаютъ гордые мосты!

Онъ рушитъ все... Прошелъ какъ вихрь... И гдѣ же
 Границы царствъ? Для всѣхъ насъ есть лѣса,
 Есть горы, для него—вездѣ и рельсы тѣ же,
 И тѣ же небеса!

Онъ удлинилъ намъ путь отъ люльки до кладбища,
 Онъ увеличилъ намъ количество часовъ,
 Онъ жизнь внесъ въ самыя пустынные жилища,
 Сбилъ версты въ нѣсколько шаговъ.

Локомотивъ всѣхъ больше защищаетъ
Страну въ дни войнъ: онъ свѣжихъ, полныхъ силъ,
Одѣтыхъ за-ново, солдатъ родныхъ бросаетъ
На землю чуждую, къ врагамъ ихъ, въ самый пылъ
Кровавыхъ битвъ... И какъ онъ гордо мчится
Потомъ назадъ съ толпой героевъ и вождей!
Какъ будто доблестью и славой ихъ гордится,
Какъ будто пульсъ въ тѣ дни въ немъ бьется горячій!

Весь этотъ механизмъ, ничтожный винтъ въ которомъ
Есть плодъ усидчивыхъ мучительныхъ работъ,
Наглядно говорить, что міръ, согласнымъ хоромъ,
Съ прогрессомъ объ руку, все движется впередъ...

Онъ—это общность думъ, плодъ общей цѣли—знанье!
Стихійной силы мощь, которую сдержалъ
Умъ мощью мышцъ своихъ, Господнихъ устъ дыханье,—
Одушевившее безжизненный металлъ.

З... не долго могъ вынести эту усиленную дѣятельность; его горделивыя идеи стали сопровождаться бѣшеннымъ бредомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ принялся пѣть во все горло. Ночью онъ продолжалъ дѣлать то же самое, на слѣдующій день у него пропалъ голосъ; его глаза дико блуждали, дыханіе сдѣлалось затруднительнымъ и издавало дурной запахъ. Онъ умеръ въ тотъ же вечеръ.

Но возвратимся къ „*Мадополискому Жнецу*“ и къ его редакторамъ. Въ то время, когда З... основывалъ газету, въ Шарантонѣ находился молодой инженеръ, преслѣдуемый маніей величія и третій разъ уже поступавшій въ лечебницу. Онъ мало интересовался литературнымъ движеніемъ, происходившимъ вокругъ него, и цѣлыми днями писалъ письма императору, императрицѣ, Дебароллю и своимъ роднымъ.

Приведу нѣкоторые изъ нихъ, чтобъ дать понять читателю, съ какимъ субъектомъ мы имѣемъ дѣло.

„Г-ну Дебароллю. Придите взглянуть на мою руку, пока она еще вся покрыта пузырями и мозолями, образовавшимися отъ кирки и лопаты“. — „Дорогой братъ, не могъ-ли бы ты охранять собственной персоной Вандомскую колонну“. — „Дорогая сестра, хорошо бы было, еслибы ты могла защи-

тить собственной особой и тѣломъ колонну Бастиліи? Возьми съ собой обручъ, хотя бы отъ кринолина, и обрати вниманіе на форму рѣшетки“.— „Дорогая племянница, возстанови согласіе между теткой и дядей“, и т. п.

Однажды главный редакторъ „Жнеца“ обратился къ нему съ просьбою принять участіе въ его газетѣ. Его самолюбіе было польщено этимъ предложеніемъ; онъ немедленно принялся за работу и принесъ свою первую статью, начинавшуюся слѣдующимъ образомъ:

„Что это такое?

„Газета Шарантонской лечебницы предназначена для пріема гноя изъ нашихъ ранъ?

„Будемъ же выпускать гной.

„Когда человѣку захотѣлось жить въ лазоревомъ небѣ (по крайней мѣрѣ послѣ смерти), то онъ придумалъ веревки, чтобъ связать небо съ землей. Нѣчто подобное наблюдается въ нравахъ страуса.

Такъ дѣлають, дѣлають, дѣлають

Маріонетки всегда;

Такъ, дѣлають, дѣлають, дѣлають:

Покружатся, па всѣ передѣлають—

И скроются вновь безъ слѣда.

„Мы вамъ скажемъ, милостивые государи и государыни, что для нѣкоторыхъ разумныхъ сумашедшихъ (*fous sensés*), другіе сумашедшіе съ цензами (*sensés fous*) придумали создать цензуру. Когда хотятъ приготовить заячье рагу, то берутъ для этого зайца? Вотъ еще, возьмите шкуру зайца, срѣжьте съ нея шерсть, сообщающую ей слишкомъ яркій животный или мѣстный оттѣнокъ, дайте это переработать литературныхъ дѣлъ мастеру, который уничтожилъ бы орфографическія ошибки и вы получите „Совершенную Газету“... Вотъ почему я приношу вашимъ ножницамъ все выше и ниже писанное. Но, кстати, чьимъ ножницамъ? Какъ васъ зовутъ, милостивый государь, вооруженный ножницами? Меня же зовутъ Мигъ-Макъ“.

Статья эта единогласно была признана слишкомъ безсвязной и на этомъ основаніи отвергнута.

Нашъ авторъ тѣмъ не менѣе не отчаялся: не удалась проза, онъ принялся за стихи:

J'aime le feu de la Fougère

Ne durant pas, mais pétillant

La fumée est âcre de goût,

Mais des cendres de: là Fou j'erre
On peut tirer en s'amusant
Deux sous d'un sel qui lave tout
De soude, un sel qui lave tout!

Mic-Mac.

Новый отказъ: редакціонный комитетъ, повидимому, не до-люблялъ остротъ. Тогда инженеръ разсердился и написалъ своимъ товарищамъ:

„Научитесь читать вашего Микъ-Мака! Я вамъ предлагаю свое сотрудничество, за которое расплачусь съ вами пинками, если мнѣ придетъ такая охота“.

Это раздраженіе длилось нѣкоторое время. Больной, забывъ литературу, только и бредилъ о томъ, чтобы спасти Францію отъ большихъ опасностей, о которыхъ, по его мнѣнію, никто, кромѣ него, не имѣетъ надлежащаго понятія.

Онъ завязывалъ себѣ глаза, чтобы не видѣть редакторовъ газеты, съ которыми ему тѣмъ не менѣе приходилось вмѣстѣ жить. Но нѣтъ такого гнѣва, который бы не смягчался. Однажды вечеромъ въ общей гостиной происходила игра въ риѣмы. Между прочимъ были предложены слова: удила, уныло, миражъ и ягдташъ. Онъ немедленно написалъ слѣдующее четверостишіе:

Когда Мадополисъ усталый уныло
Заглядывалъ окомъ въ ягдташъ
Того, кто всѣмъ править и держать удила,
Вашъ „Жнецъ“ становился въ тотъ мигъ не миражъ.

Главный редакторъ газеты взялъ бумажку и тотчасъ отвѣтилъ ему:

Тотъ авторъ, что слогомъ безцвѣтнымъ уныло
(Не принять-ли „Жнецъ“ имъ, — вотъ былъ бы миражъ! —
За старую клячу?) поетъ про „удила“,

Тотъ этимъ любезность кладетъ въ нашъ ягдташъ.

Они вновь сдѣлались собратами по литературѣ. Миръ былъ заключенъ и для закрѣпленія его у молодого инженера попросили статью. На слѣдующій же день она была доставлена и принята. Сенту извлечь ее изъ „Жнеца“. Она столь любопытна, что я не могу воздержаться отъ желанія привести ее здѣсь цѣликомъ:

Дорожное приключеніе.

„Я занималъ въ Ахенѣ маленькую квартирку, на краю города; окнами она выходила на небольшую площадь. Направо виднѣлись городскія укрѣпленія, а налѣво маленький холмъ, на которомъ была воздвигнута церковь Св. Адальберта; холмъ составлялъ одно цѣлое съ укрѣпленіемъ. Напротивъ же моихъ оконъ возвышалась городская стѣна, черезъ которую я такъ часто перелѣзалъ ночью, чтобы поспать домой наискратчайшимъ путемъ.

„Моя квартира находилась во второмъ этажѣ; она состояла изъ гостиной, спальни и темнаго чуланчика, предназначавшагося для храненія платья.

„Мебель, полученная мною изъ Парижа, придавала гостиной, не смотря на ея скромное убранство, отпечатокъ, которымъ не могутъ похвастаться комнаты, меблированныя на нѣмецкій ладъ. Въ ней находились: большой письменный столъ изъ краснаго дерева, диванъ, два кресла, два зеленыхъ бархатныхъ стула; по серединѣ комнаты стоялъ круглый столъ, заваленный книгами и бумагами, въ углу былъ каминъ; на письменномъ столѣ возвышались золоченые канделябры работы Барбедьена и часы изъ зеленого пиринейскаго мрамора, надъ которыми красовалась хорошенькая статуетка Діаны.

„Спальня была скромно меблирована. Тамъ стояли кровать, комодъ, шифоньерка, туалетный столъ и большой шкафъ, вродѣ тѣхъ, что встрѣчаются въ деревняхъ у французскихъ крестьянъ.

„Я часто уѣзжалъ по дѣламъ въ Бельгію.

„Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, прорыскавъ цѣлый день по Лиежскимъ улицамъ, я сѣлъ въ курьерскій поѣздъ, который долженъ былъ доставить меня къ 3 часамъ утра въ Ахенъ.

„Въ Пепинстерѣ, станціи развѣтвленія линіи Спа, поѣздъ остановился на нѣсколько минутъ. Съ локомотива уже раздался послѣдній свистокъ, даваемый передъ самымъ отходомъ поѣзда, когда въ вагонъ, запыхавшись, вошла молодая дама и именно въ то его отдѣленіе, въ которомъ находился я вмѣстѣ съ двумя другими путешественниками.

„Такъ какъ мои дорожные товарищи уже занимали весь сосѣдній диванъ, то молодой дамѣ пришлось сѣсть напро-

тивъ меня. Она отличалась изяществомъ фигуры, ловко схваченной въ драповомъ пальто съ большими широкими рукавами, роскошно гарнированными бахромой и стекларусомъ. На ней было шелковое платье, полосатое черное съ коричневымъ; шляпа ея отличалась изяществомъ и простотой. Ей на видъ нельзя было дать болѣе 22—23-хъ лѣтъ; она была брюнетка съ открытымъ и пріятнымъ лицомъ. По ея вышитому саквоюжу, замочку, прифланному къ нему, и по нѣкоторымъ другимъ мелкимъ подробностямъ, я заключилъ, что передо мною нѣмка.

„— Вы чуть было не опоздали, сударыня, сказалъ я ей по-нѣмецки.

„— Это правда, отвѣтила она полуулыбаясь и на полувину озабоченная—но мнѣ почти-что хотѣлось остаться.

„На моемъ лицѣ вѣроятно отразилось удивленіе, такъ какъ прекрасная собесѣдница добавила: „Я путешествовала вмѣстѣ съ братомъ и не знаю, что съ нимъ теперь случилось“. Мое любопытство было возбуждено: я могъ оказать незнакомѣй услугу. Рискаю показаться нескромнымъ, я рѣшился предложить ей нѣкоторые вопросы. Къ тому же языкъ, на которомъ мы объяснялись, оставался непонятнымъ обоимъ нашимъ спутникамъ. Поэтому мы могли разговаривать свободно. И вотъ что я узналъ отъ нея. Въ Люттихѣ братъ ея вышелъ на минуту въ буфетъ, но не успѣлъ возвратиться въ купе ко времени отхода поѣзда. Въ Пепинстерѣ, думая, что онъ вѣроятно находится въ одномъ изъ послѣднихъ вагоновъ поѣзда, она вышла и всюду тщетно розыскивала его; у ней не хватило времени осмотрѣть всѣ вагоны и она все еще не теряла надежды соединиться съ нимъ на Вербьеской станціи, гдѣ поѣздъ останавливается по крайней мѣрѣ на четверть часа, чтобы перейти съ Бельгійской желѣзной дороги на Рейнскую.

„Одно обстоятельство, однако, усиливало ея опасенія: поѣздъ, въ которомъ мы находились, шелъ только до Ахена, куда намъ слѣдовало пріѣхать къ 3 часамъ утра; она должна была остановиться тамъ съ братомъ, а на слѣдующій день продолжать путь до Кёльна.

„Я прекрасно понималъ ея тревогу. Пріѣхать молодой и хорошенькой женщиной одной въ городъ, гдѣ никого не знаешь, быть поставленной въ необходимость провести тамъ половину ночи (отъ 3 до 8 ч. утра), имѣя при себѣ багажъ,

будить прислугу въ гостиницѣ или даже обращаться къ незнакомымъ съ просьбой объ указаніи пути—все это, конечно, не могло ей особенно улыбаться.

„Я попробовалъ предложить ей свои услуги и между нами было рѣшено, что, если она не встрѣтитъ своего брата въ Вербье, то мы займемъ въ рейнскомъ поѣздѣ мѣсто въ одномъ купѣ, а по пріѣздѣ, въ Ахенъ, я повезу и устрою ее въ одномъ изъ отелей. Въ Вербье мы никого не нашли. Оба усталые, мы отлично выспались до Ахена въ купѣ 1-го класса. Тамъ я принимаю на себя всѣ хлопоты о багажѣ, вооружаюсь вышитымъ саквояжемъ и предлагаю ей руку.

„Уже свѣтало, когда мы выходили изъ вокзала.

„— Вамъ не долго придется поспать, сказалъ я своей спутницѣ.

„— Ахъ! я не хочу ложиться, отвѣтила она—а то еще пожалуй опоздаешь на поѣздъ, между тѣмъ, я хочу какъ можно скорѣе пріѣхать въ Кельнъ. Братъ, вѣроятно, уже телеграфировалъ, что отсталъ на дорогѣ, и просилъ кого-нибудь встрѣтить меня на вокзалѣ. Если бы я не пріѣхала, мои родственники очень обезпокоились бы.

„— Я могу предупредить прислугу, чтобы васъ во время разбудили. Вамъ надо немного отдохнуть; утомленіе...

„— Ахъ! вскрикнула она съ легкимъ судорожнымъ трепетомъ, какъ будто бы съ ней уже начиналось непріятное приключеніе.—Я не хочу ложиться въ гостиницѣ: мнѣ будетъ страшно.

„— Неужели вы меня боитесь, сударыня? спросилъ я ее, улыбаясь.

„— Вы были такъ любезны и предупредительны, что... И она взглянула на меня съ довѣріемъ.

„— Въ такомъ случаѣ, вотъ какое предложеніе я осмѣлюсь сдѣлать вамъ. Мы не отправимся въ гостиницу, но завернемъ ко мнѣ; у меня маленькая квартира, состоящая изъ двухъ комнатъ. Я займу одну комнату, а вы другую, и до 8 часовъ утра хозяйинъ квартиры будетъ вашимъ слугой: я самъ васъ разбужу.

„Взгляды, брошенные съ обѣихъ сторонъ—почтительные и доброжелательные съ одной и благодарные съ другой—быстро заключили дѣло.

„Я замѣтилъ однако маленькое колебаніе въ моей спут-

ниці, когда пришлось позвонить у подъѣзда; мнѣ нельзя было не чувствовать, какъ трепетала ея рука, пока я велъ ее по темной лѣстницѣ. Но вотъ наконецъ мы уже достигли цѣли и находимся въ моей квартирѣ.

„Пока я запиралъ дверь, ея глаза блуждали по комнатѣ; но вдругъ взглядъ ея сдѣлался неподвиженъ, и она остановилась, какъ будто пригвожденная къ порогу съ глазами, опущенными въ землю. Ахъ! какъ она была хороша въ этотъ моментъ!

„Я взялъ ее за руки и, обмѣнявшись улыбками, мы сѣли на диванъ; съ этой минуты я почувствовалъ свою власть надъ ней: она была покойна.

„— Я бы посовѣтывалъ вамъ, сударыня, снять пальто и шляпу, сказалъ я ей вставая—мнѣ же позвольте перемѣнить платье, оно все въ пыли.

„Сбросивъ при этихъ словахъ шляпу и пальто на стулъ, я накинулъ на себя черную шерстяную куртку, окаймленную зеленымъ шнуркомъ.

„Она сняла перчатки, пальто и шляпу и пошла къ умывальнику.

„Я досталъ свои лучшія полотенца, и мы оба, освѣжившись и весело улыбаясь, обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ.

„Прекрасная незнакомка распустила свои роскошные волосы, чтобы привести ихъ въ порядокъ послѣ дороги; они ниспадали до земли...

„— Какъ вы хороши! воскликнулъ я, добиваясь второго поцѣлуя, въ которомъ, однако, мнѣ было отказано столь категорично, что о новой попыткѣ нечего было и думать.

„Мнѣ сдѣлалось стыдно и неловко.

„Въ гостиную я возвратился одинъ.

„Когда же она пришла ко мнѣ въ комнату, то я выразилъ ей сожалѣніе по поводу отсутствія въ моемъ холостомъ хозяйствѣ какихъ либо освѣжительныхъ напитковъ или закусокъ.

„— Сядемте и дайте мнѣ мой саквояжъ, отвѣтила она весело.

„Я повиновался. Она вытащила изъ своего мѣшка дюжину сухихъ пирожковъ и большой хрустальный флаконъ съ мадерой, взятой въ дорогу для ея брата.

„Съ этого момента бесѣда наша уже не прерывалась и нашъ скромный ужинъ былъ восхитителенъ.

„Мы обмѣнялись нашими визитными карточками, чтобы въ точности узнать, какъ пишутся наши имена; незнакомка предложила мнѣ массу вопросовъ о моихъ занятіяхъ, вкусахъ, времяпровожденіи и т. п.

„Съ своей стороны я узналъ, что она была сиротой... Бесѣдуя, закусывая и поглощая мадеру, мы засидѣлись почти до 5 ч. утра.

„Г-жа Х... была страшно утомлена и разговоръ начиналъ изсякать.

„— Я бы вамъ совѣтывалъ поспать немного; у васъ еще осталось 2½ часа до отхода поѣзда; ложитесь на мою постель, я же займу диванчикъ, на которомъ вы въ настоящую минуту сидите.

„— Предоставьте мнѣ диванъ, сказала она.

„— Сударыня, вамъ гораздо удобнѣе будетъ на постели.

„— Я не хочу васъ стѣснять; закройте дверь и ложитесь.

„— Я этого ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаю, такъ какъ увѣренъ, что вамъ здѣсь будетъ не хорошо. Бросьте церемоніи! И, схвативъ ее на руки, какъ ребенка, я положилъ ее на постель.

„И мы стали хохотать...

„Ея дружескій взглядъ требовалъ почтенія... Страстный поцѣлуй заставилъ обоихъ насъ вздрогнуть.

„— Прощайте, сказала она: мы въ вагонѣ, и вы мой братъ.

„Проснувшись утромъ, она сказала: „благодарю, благодарю васъ“ и, схвативъ мою голову обѣими руками, поцѣловала меня въ обѣ щеки.

„Не знаю, что со мною сдѣлалось, но мое смущеніе все возрастало; я ничего больше не могъ говорить и стоялъ на мѣстѣ, какъ дуракъ. Потомъ сталъ ходить за ней по пяткамъ изъ гостиной въ спальню и изъ спальни въ гостиную. По мѣрѣ того какъ моя ажитация увеличивалась, ея жесты становились болѣе отрывистыми, а походка—лихорадочной: кризисъ былъ неизбѣженъ.

„Она вдругъ остановилась противъ меня. Въ ея взглядѣ отражались всѣ волненія, испытанныя ею со вчерашняго дня; вдругъ она, рыдая, бросается мнѣ на шею, сжимаетъ меня въ своихъ объятіяхъ и осыпаетъ поцѣлуями, на которые я не зналъ какъ отвѣтить.

„Наконецъ она успокоивается, но все еще удерживая

меня въ объятіяхъ и опираясь головой на мою грудь, говорить мнѣ вся сконфуженная:

„— Ахъ! какъ бы я желала выйти за васъ замужъ!“

Рыданіе вырвалось изъ моей груди и для меня наступила очередь отплатить ей поцѣлуями за поцѣлуи. Мы плакали и цѣловались.

„— Который часъ?“ спросила она вдругъ, проводя рукой по лбу и какъ бы пробуждаясь отъ сна.

„— Вамъ еще остается 25 минутъ“; отвѣтилъ я: надо 5 минутъ, чтобы сдать багажъ, и 15, чтобы доѣхать до вокзала. Намъ еще осталось провести здѣсь 5 минутъ.

„— Запишите мой адресъ. Я остановлюсь на три дня въ Кельнѣ; прїѣзжайте черезъ пять дней въ Х... Я васъ представлю своему опекуну и приму на себя всѣ остальные хлопоты“.

„Во время возвращенія на вокзалъ, мы были очень стѣснены. Чему слѣдовало это приписать? Я, право, не знаю.

„Въ тотъ моментъ, когда она садилась въ вагонъ, мы обмѣнялись послѣднимъ дружескимъ поцѣлуемъ:—Я васъ люблю!— Я васъ люблю! прошептали мы другъ другу на ухо.

„И поѣздъ тронулся!“

Не много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ Р... написалъ эту повѣсть, а между тѣмъ его горделивыя идеи приняли крайне плачевный оборотъ: онъ убѣжденъ, что на его усахъ покоится вселенная и что его шарфъ предохраняетъ имперію отъ опасностей. Во время этихъ безумствъ онъ пишетъ двѣ статьи для „Жнеца“: „Похожденія Полишинеля“ и „Сонъ Омега“. Ему также принадлежитъ проектъ всемірнаго банка. Онъ бьетъ по щекамъ другихъ больныхъ и увѣряетъ, что имъ эти пощечины доставляютъ большое удовольствіе.

Рядомъ съ нимъ помѣщалась въ лечебницѣ одна молодая дѣвушка, считавшая себя „главной шарантонской инспектрисой“. Она надѣляла громкими титулами всѣхъ своихъ посѣтителей. Вспыльчивость „инспектрисы“ достигала такихъ страшныхъ размѣровъ, что ее приходилось подвергать самому тщательному надзору и она неоднократно пыталась убитъ сидѣлку.

Однажды больная вообразила себя важнымъ политиче-

скимъ лицомъ, которое держать въ заключеніи въ Шарантонѣ. По этому поводу она сочинила слѣдующіе стихи:

Дворъ одиночныхъ камеръ.

Когда въ тюрьмѣ моей, на койкѣ, гдѣ порою
Дремлю тревожно я, свободы призракъ—сонъ
Смущаетъ мысль мою, поетъ: „Ко мнѣ! За мною!
„Я подъ крыломъ своимъ отъ всѣхъ тебя укрою
„И дочь у матери не вырветъ самъ Самсонъ!“
Я силюсь отогнать тотъ призракъ, я сурово
Шепчу тогда ему: „Оставъ меня, молю!
Завидѣвъ жребій мой: я жажду, я готова
Всю жизнь страдать, всю жизнь влачить оковы—
И умереть за родину мою!“

Другой горделиво помѣшанный И... вообразилъ, что живетъ на свѣтѣ 500 лѣтъ. Онъ былъ возведенъ въ герцоги Венсенскіе при Карлѣ VII и одержалъ въ то время блестящую побѣду надъ англичанами. При Людовикѣ XIV онъ былъ генераломъ и жилъ въ отелѣ, помѣщавшемся въ улицѣ Траверсьеръ С. Антуанъ. При Людовикѣ XV его уже сдѣлали командиромъ корпуса.

Во время революціи онъ лишился своихъ наслѣдственныхъ вотчинъ, Венсенской и Шарантонской; вотъ почему онъ правильно пишетъ протесты и адресуетъ ихъ въ муниципальный совѣтъ этихъ общинъ.

Другая его идея заключается въ томъ, что всякій человѣкъ имѣетъ гдѣ-нибудь своего двойника. Онъ вѣритъ въ переселеніе душъ и думаетъ, что каждый изъ насъ есть возродившійся экземпляръ существа, жившаго ранѣе.

Онъ составилъ грамматику и предложилъ „Жнецу“ лингвистическія статьи, отъ которыхъ я однако избавляю читателя.

Этотъ больной несомнѣнно уже предвидѣлъ рожденіе волапока. И. не только былъ знатокомъ грамматики, но вмѣстѣ съ тѣмъ ботаникомъ и терапевтомъ: онъ составилъ трактатъ о цѣлебныхъ свойствахъ огородныхъ растений.

Его статьи, посвященныя художественной критикѣ, знамениты; привожу изъ нихъ выдержку:

„Полагаю, что улицы, вытянутыя въ струнку, особенно

въ большомъ городѣ, должны непременно притуплять умъ. Зрѣніе тотчасъ успокоивается на прямолинейности; а между тѣмъ назначеніе его заключается въ томъ, чтобы расширять умъ, при посредствѣ вызываемыхъ имъ идей; быстрота же зрительнаго удовлетворенія должна способствовать ограниченію мыслительной дѣятельности. Я убѣжденъ, что городъ съ извилистыми улицами доставляетъ жителямъ и болѣе покоя, вслѣдствіе того, что вѣтры по такимъ улицамъ могутъ разгуливать менѣе свободно, чѣмъ по прямымъ, а слѣдовательно и менѣе раздражать наше тѣло; благодаря этому, духъ долженъ болѣе господствовать надъ плотью и лучше направлять и сосредоточивать идеи субъекта. Вотъ причины, по которымъ я порицаю измѣненія, производимыя въ Парижѣ подъ предлогомъ его оздоровленія и не могу не видѣть въ этомъ большой ошибки. Меня ни мало не удивитъ, если, пытаюсь провѣтрить городъ, строители на самомъ дѣлѣ нанесутъ только ударъ его промышленности, ослабивъ изобрѣтательность и ловкость всякаго рода ремесленниковъ. Беру примѣръ изъ міра муравьевъ: они прокладываютъ извилистыя, а не прямолинейныя тропинки, ведущіе отъ одного муравейника къ другому. Эти трудолюбивыя насѣкомыя могутъ служить хорошимъ примѣромъ для рабочихъ; ссылаясь на нихъ, я имѣю полное право сказать, что извилистымъ улицамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ улицами, правильность и однообразие которыхъ тотчасъ же удовлетворяетъ зрѣніе и тѣмъ искусственно притупляетъ мозгъ.

„Развѣ неизвѣстно, что рабочіе умнѣе и талантливѣе праздныхъ тунеядцевъ, которые пользуются благами жизни, не ударивъ пальца о палецъ? Мнѣ даже кажется, что во внѣшнемъ видѣ выхоленныхъ богачей, прогуливающихся по своимъ садамъ, и во всемъ ихъ окружающемъ сказывается глубокое презрѣніе даже къ самимъ наслажденіямъ, такъ какъ правильность и ровность мѣста лишаютъ ихъ того интенсивнаго удовольствія, которое имъ могли бы доставлять постоянно измѣняющія свой видъ дикія и заросшія мѣстности.

„Точно также я убѣжденъ, что въ хорошо провѣтриваемомъ городѣ люди должны быть гораздо глупѣе, рабочіе — изнѣженнѣе, а слѣдовательно и хуже, чѣмъ въ городѣ съ улицами, проведенными случайно или по прихоти отдѣльныхъ лицъ, причемъ не было принято во вниманіе никакихъ другихъ соображеній, кромѣ необходимости селиться“.

Въ этой замѣткѣ есть еще какая нибудь связь; но что можно сказать о стихахъ другаго больного, отъ которыхъ неотреклись бы современные франц. декаденты (поэты упадка):

Корпорація обширная,
Часть божественныхъ наукъ,
Медицина—мать всемірная,
Всѣхъ народовъ лучший другъ,

Къ горизонтамъ сферъ практическихъ
Устремляясь, по пути,
Моремъ волнъ діагностическихъ
Пробиваются всѣ пути.

И чуть только патологіи
Заблеститъ заря, такъ вкругъ
Все, весь міръ къ физиологіи
Перейти стремится вдругъ.

И въ такомъ родѣ продолжается на 4-хъ большихъ страницахъ. Казалось бы, что трудно превзойти это произведение въ извѣстномъ смыслѣ, а между тѣмъ это случилось, благодаря дѣйствіямъ и сочиненіямъ душевно больного, нынѣ пріобрѣвшаго извѣстность въ парижскихъ лечебницахъ. Вотъ его исторія въ краткихъ чертахъ.

„Вчера утромъ, сообщаетъ одна газета, вдругъ образовалось стеченіе народа на углу улицы Винегріе. Человѣкъ, которому на видъ можно было дать около 60 лѣтъ, съ длинными сѣдыми волосами и бородой, въ оловянной каскѣ, украшенной многочисленными арабесками, латинскими надписями и пучками кружевъ, съ большими желтыми сапогами на ногахъ, длиннымъ нагрудникомъ, сдѣланнымъ изъ занавѣски и большимъ шерстянымъ одѣяломъ на плечахъ, декламировалъ замѣчательно свободно.

„Я пріѣхалъ изъ Карпантра, говорилъ онъ, и явился, чтобы спасти Францію, церковь и міръ“.

„Приведенный къ полицейскому комиссару, маніакъ объявилъ, что онъ аббатъ Х... и отставленъ отъ церковной должности вотъ уже 24 года. Его немедленно отправили въ лечебницу“.

Уроженецъ Юга, аббатъ Х., принадлежалъ къ семьѣ, уже знакомой съ психическимъ разстройствомъ; его ближайшіе

предки и боковые родственники отличались большими странностями; мы, слѣдовательно, можемъ отнести его къ наслѣдственнымъ душевно-больнымъ. Въ юности онъ бралъ нѣ-

Горделивый мономанъ.
(По фотографіи).

сколько уроковъ латинскаго языка у сосѣдняго приходскаго священника и былъ помѣщенъ въ семинарію, несмотря на то, что эта профессія нисколько не соотвѣтствовала его

наклонностямъ. Онъ, дѣйствительно, обнаружилъ вскорѣ необычайную строптивость. Когда его, по окончаніи курса, назначили священникомъ въ большую приходскую церковь, онъ оказался невыносимымъ для прихожанъ, постоянно со всѣми спорилъ, всюду хотѣлъ играть первую роль и не выносилъ никакихъ противорѣчій... Онъ постоянно занимался безмысленнымъ поддразниваніемъ своихъ товарищей. Изображая изъ себя новаго Панюрга, онъ пряталъ передъ самой обѣдной церковною утварь или книгу священнослужителя и ставилъ его такимъ образомъ въ крайне тяжелое положеніе. Однажды онъ одѣлъ на себя ризу и пошелъ въ этомъ видѣ плясать вокругъ могилы своего отца, крича, вопя и жестикулируя.

Но это чудачество показалось уже чрезмѣрнымъ: онъ былъ удаленъ архіепископомъ и посаженъ въ лечебницу.

Тамъ бывшій аббатъ поставилъ себѣ единственной цѣлью жизни постоянно сѣять смуту. Онъ непрерывно писалъ разнымъ властямъ, увѣряя, что подвергается преслѣдованію за свои убѣжденія, разсылалъ на всѣхъ доносы, устраивалъ возмущенія среди сумашедшихъ, и организовалъ побѣги. Затѣмъ, будучи уличенъ на мѣстѣ преступленія, онъ нагло отрицалъ свое участіе въ дѣлѣ. И въ это же время онъ бесѣдовалъ о литературѣ, искусствѣ, богословіи, третируя съ высоты своего величія самыхъ знаменитыхъ авторовъ, имѣя вѣчно на устахъ, собственныя чудесныя стихотворенія, прекрасныя поэмы и картины.

Аббатъ, дѣйствительно, не лишенъ былъ нѣкотораго таланта; во время свѣтлыхъ промежутковъ онъ написалъ нѣсколько пастелей. Онъ хорошо композируетъ рисунки, имѣетъ вѣрное понятіе о краскахъ и знакомъ съ законами перспективы.

Съ другой стороны, ему бываетъ очень трудно воздержаться отъ того, чтобъ среди самыхъ серьезныхъ вещей не выкинуть какого нибудь колѣнца. Такъ на одной изъ его большихъ картинъ изображены Иисусъ и Самаритянка, а въ углу онъ нарисовалъ обезьяну, вооруженную саблей, и рядомъ съ нею гуся. Въ другой разъ „аббатъ“ рисуетъ картину, на которой представляетъ себя съ крестомъ Почетнаго Легіона, приколотымъ на шляпѣ. Онъ окруженъ лающими собаками и квакающими лягушками, это—его враги. Онъ составляетъ легенду о самомъ себѣ: „Вотъ что совершилъ Кампанъ“.

А между тѣмъ Кампанъ—психіатръ, напечатавшій свои наблюденія надъ нимъ. У него я и заимствую подробности которыми намѣренъ подѣлиться съ читателемъ.

Прошло уже болѣе 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ аббатъ Х... сталъ переходить изъ лечебницы въ пріютъ для душевно-больныхъ, убѣгать, вновь попадать туда и даже получать разрѣшеніе выходить изъ заведенія во время свѣтлыхъ промежутковъ. Во время его ареста на улицѣ Винегрье на немъ было папское облаченіе, и онъ считалъ себя Піемъ IX или еще папой Фульменомъ. Онъ приготовилъ себѣ крайне причудливый нарядъ изъ одѣяль. По нѣкоторымъ днямъ горделивый мономанъ серьезно прохаживается въ бумажной раскрашенной ризѣ, испещренной латинскими надписями его собственнаго изобрѣтенія.

Въ 1885 г. онъ явился кандидатомъ на выборы въ Во-клюзскомъ департаментѣ, и мы сейчасъ увидимъ, къ какимъ пріемамъ, прибѣгалъ помѣшанный, чтобъ обезпечить за собой успѣхъ.

Онъ самъ шлетъ себѣ слѣдующую телеграмму: „Гавасъ. Парижъ.—Авиньонскіе мясники, желая доставить кандидату Фульмену воинственный нервъ для веденія внѣшней и гражданской войны, собрали и преподнесли Пію IX 10,000 фр., въ надеждѣ что онъ, распѣвая передъ княземъ Бисмаркомъ первые 144 куплета своей преображенной „Марсельезы“, заставить его уступить Франціи немедленно Эльзасъ и Лотарингію“. Аббатъ дѣйствительно сочинилъ особенную „Марсельезу“, въ которой рѣчь идетъ только о немъ и такихъ предметахъ, о которыхъ весьма щекотливо было бы распространяться; авторъ убѣжденъ въ литературномъ и политическомъ значеніи этого произведенія. Не будучи въ состояніи напечатать его, онъ тѣмъ не менѣе съ изумительнымъ терпѣніемъ цѣликомъ переписалъ его печатными буквами на громадномъ листѣ, который разукрасилъ довольно забавными виньетками. Его „Марсельеза“ содержитъ въ себѣ до 200 куплетовъ, и я приведу здѣсь только одинъ изъ нихъ:

Предоставьте всѣ голоса рѣшающій
Лишь Ему. Вашихъ мыслей Творецъ,
Пусть одинъ Онъ царить, освѣщающій
Мракъ желаній людскихъ и сердецъ.
Предоставьте судьбѣ, Всемогущему
И пророку хранителемъ быть

Чадъ ребенка, ликуя, грядущему
Ихъ десницею своею осенить.

Остальные куплеты всё въ такомъ же родѣ. Кромѣ Марсельезы, Ксавье Фульменъ писалъ громадныя прокламаціи, представлявшія одну сплошную бессмыслицу; вотъ почему ему и не удалось отбить большаго числа голосовъ у своихъ воклюзскихъ конкурентовъ.

Взбѣшенный неудачей, онъ возвращается въ Парижъ и устраиваетъ по дорогѣ скандалъ, описанный имъ въ посланіи, адресованномъ президенту Французской республики:

„Да, г. президентъ! Пій Х разгласилъ это на всѣхъ значительныхъ станціяхъ, на которыхъ останавливался поѣздъ прямого сообщенія, и его возгласы нашли себѣ отклики, который разнесся по всему міру до засѣданій Конгресса палаты депутатовъ и Сената, созываемаго для выбора президента. Нѣтъ больше ни графа Парижскаго, ни Филиппа VII, ни Наполеона V, ни Гриви, ни Бриссона, ни Фрейсинэ, ни Гоблэ, ни Клемансо, ни Фреппеля, ни Кассаньяка, ни Легранъ дю Соля, ни даже Маньяна (по глупости не желающаго быть великодушнымъ—*magnanime*). Нѣтъ такого властителя на землѣ, который бы помѣшалъ Пію Х, добавочному намѣстнику Льва XIII, быть единодушно избраннымъ въ президенты Всемирной республики“.

Въ такомъ умственномъ и душевномъ состояніи аббатъ Х... былъ заключенъ въ пріютъ для душевно-больныхъ, гдѣ онъ находится и по сию пору; онъ не бросилъ политики, но предпочтительно отдается поэзіи.

Вотъ до какой степени безумія можетъ дойти горделивый маніякъ послѣ 25-ти лѣтъ болѣзни. Я потому такъ долго остановился на этомъ случаѣ, что онъ весьма характеренъ: болѣзнь начинается эксцентричностью, переходящей въ весьма систематичныя горделивыя идеи и завершающейся послѣ продолжительнаго промежутка времени страшнымъ безуміемъ. Всѣ больные идутъ по этому пути, исключая наслѣдственно больныхъ, у которыхъ бредъ появляется внезапными приступами, также быстро исчезающими, какъ и возникающими.

Совсѣмъ иную картину представляетъ исторія болѣзни человѣка, пораженнаго общимъ параличемъ: умъ его разрушается втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, причемъ въ то же время подвергается глубокому паденію и весь его организмъ.

У этихъ субъектовъ особенно неяснымъ является начало недуга. Иногда оно проявляется въ томъ, что люди внезапно становятся неловкими, легко спотыкаются, чувствуютъ въ пальцахъ что-то вродѣ толчковъ, мѣшающихъ имъ заниматься тонкой работой. Если они ремесленники или художники, то это отражается на ихъ работѣ; хозяева и публика начинаютъ замѣчать ухудшеніе ея качества. Особенно же рѣзко выступаетъ ихъ неувѣренность въ рѣчи. Въ началѣ каждаго отвѣта они извѣстнымъ образомъ заикаются и производятъ движеніе кончиками губъ, которыя въ лицахъ опытныхъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно свойствъ начавшагося болѣзненнаго процесса. Затѣмъ въ ихъ памяти начинаютъ обнаруживаться странные пробѣлы. Продолжая вести обычный образъ жизни, они по временамъ совершаютъ поступки, кажущіеся причудливыми и непонятными, если принять во вниманіе условія ихъ воспитанія. Непонятно, какимъ образомъ лицо, принадлежащее къ высшимъ классамъ и вполне обезпеченное, можетъ быть застигнуто посреди дня съ поличнымъ, причемъ похищенный предметъ оказывался даже совершенно для него ненужнымъ. Или вдругъ дѣлается извѣстнымъ, что высокопоставленное лицо бьетъ жену, грубо обращается съ дѣтьми и напивается каждый вечеръ. Здѣсь еще нѣтъ состава помѣшательства въ точномъ смыслѣ, это только страшное нравственное паденіе. Нерѣдко ходъ его настолько замедляется, что дѣло не обходится безъ вмѣшательства судебного вѣдомства и такъ какъ эксперты не могутъ еще обосновать своего мнѣнія ни на одномъ очевидномъ актѣ безумія, то многіе субъекты бываютъ такимъ образомъ опозорены и осуждены, между тѣмъ какъ ихъ дѣйствія вытекаютъ изъ простаго сумашествія, чему они вскорѣ представляютъ разительныя доказательства.

Фовиль слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это состояніе: „Ослабленіе памяти и воли; пониженіе разсудочной и мыслительной дѣятельности; измѣненіе въ характерѣ, чувствахъ и равнодушіе, заступающее мѣсто бывшихъ привязанностей; постепенная потеря чувства справедливости, нравственныхъ устоевъ и понятія о собственности; забвеніе всѣхъ приличій; безпечность передъ значеніемъ поступковъ и послѣдствій, которыя они могутъ повлечь за собой“.

Но вскорѣ появляется бредъ, немедленно принимающій спеціальную форму: въ началѣ въ немъ отражается только

нѣчто вродѣ чувства полной удовлетворенности и неограниченнаго оптимизма; больной, наслаждаясь самообожаніемъ, не придумываетъ еще никакихъ безсмыслицъ. Онъ живетъ въ полномъ разцвѣтѣ силъ, прислушивается къ своимъ собственнымъ словамъ, восхищается всѣми своими дѣйствіями и какъ бы влюбляется въ самого себя. Онъ съ увлеченіемъ говоритъ о своемъ состояніи и обстановкѣ, повѣствуетъ о доблестяхъ своей супруги и подвигахъ своихъ дѣтей. Онъ считаетъ себя замѣчательнымъ человѣкомъ и заставляетъ васъ восхищаться своей фигурой, руками, мышцами и т. д.

Рисунокъ общаго паралитика.
(Изъ коллекціи д-ра Люи).

Если онъ хотя немного учился музыкѣ, то садится за рояль, претенціозно играетъ, затѣмъ поетъ и заставляетъ васъ обратить вниманіе на художественность своего пѣнія.

Другой заставитъ васъ разглядывать свои рисунки, акварели, стихотворенія, или же будетъ излагать сомнительныя научныя теоріи и настойчиво приглашать васъ присоединиться къ нимъ; онъ начнетъ выдавать себя за тонкаго собирателя рѣдкостей и пріобрѣтаетъ, къ общему изумленію родныхъ и друзей, безобразные предметы, которые, по его

мнѣнію, имѣють важное значеніе и замѣчательную генеалогію. Ничто не въ состояніи удержать его отъ выполненія проектовъ, которыми онъ съ вами тотчасъ же подѣлится, а на всѣ ваши замѣчанія только иронически улыбнется и приметъ оспаривать ихъ.

И здѣсь, собственно говоря, нѣтъ еще состава помѣшательства. Сколько людей пришлось бы засадить въ сумасшедшіе дома, если бы задаться цѣлю изолировать всѣхъ влюбленныхъ въ себя людей! Но вотъ появляется настоящій бредъ, обнаруживающійся въ дѣйствіяхъ или словахъ боль-

Эскизъ паралитика.

наго. Предлагаю читателю ознакомиться съ описаніемъ нѣкоторыхъ случаевъ.

А... занимался агрономіей; онъ принадлежалъ къ лучшему обществу, былъ изысканъ и отличался большой любезностью. Маньякъ обладалъ при этомъ хорошимъ состояніемъ и достигъ большихъ успѣховъ въ своей спеціальности. Однажды онъ уѣзжаетъ, не сказавъ никому ни слова; никто не имѣетъ извѣстій о немъ втеченіи цѣлаго мѣсяца. Всѣ въ недоумѣніи... Безпокойство близкихъ еще болѣе усиливается,

когда семья узнаетъ, что проѣздомъ черезъ Парижъ онъ реализировалъ большую часть принадлежавшихъ ему процентныхъ бумагъ.

Возвратившись домой, агрономъ принялся за свой прежній образъ жизни. Но вдругъ посыпались со всѣхъ сторонъ повѣстки, что привело его семью въ ужасъ. Во время своего отсутствія онъ успѣлъ побывать въ Венгріи, гдѣ закупилъ около 500 лошадей, за которыя внесъ деньги; затѣмъ, переехавъ въ Швабію, приобрѣлъ громадное помѣстье, водворилъ тамъ своихъ лошадей и вернулся домой, оставивъ все на произволъ судьбы и почти совершенно забывъ о томъ, что сдѣлалъ.

Его поведеніе очень хорошо характеризуетъ первые шаги полного паралитика.

Какъ часто значительныя состоянія рушатся такимъ образомъ, вслѣдствіе одного безсмысленнаго шага ихъ владѣльца!

Во многихъ случаяхъ больной не довольствуется преувеличеніемъ истины, а сочиняетъ совершенно невѣрные факты; но, хотя и вымышленные, послѣдніе еще не лишены правдоподобности. Все, что онъ утверждаетъ, невѣрно по отношенію къ нему лично, но могло бы быть примѣнено къ другому лицу. Если онъ актеръ, то хвастается аплодисментами, которыми будто бы былъ осыпанъ въ одномъ изъ большихъ театровъ, и жалованьемъ въ 100,000 фр. Онъ прикалываетъ себѣ красную ленту почетнаго легіона, что навлекаетъ на него нѣкоторыя непріятности; описываетъ военныя кампаніи, въ которыхъ никогда не участвовалъ, рассказываетъ о путешествіяхъ, никогда имъ не предпринимавшихся—и все это сообщается безъ зазрѣнія совѣсти, въ присутствіи близкихъ ему лицъ, прекрасно знающихъ, что въ томъ, что онъ говоритъ, не заключается ни единого слова правды. Онъ постоянно будетъ распространяться о роскошныхъ банкетахъ, обѣдѣніяхъ, осыпанныхъ золотомъ и драгоценными камнями, обращаться съ посланіями къ политическимъ дѣятелямъ и государямъ.

Одинъ изъ подобныхъ больныхъ, обладавшій нѣкоторыми средствами, заказывалъ въ большомъ парижскомъ ресторанѣ роскошныя обѣды, на которые разсылалъ приглашенія предсѣдателямъ обѣихъ палатъ, министрамъ, кардиналамъ и маршаламъ. Онъ бывалъ страшно подавленъ тѣмъ, что ему приходилось одному сидѣть передъ своимъ приборомъ.

Другой больной однажды приглашаетъ всѣхъ своихъ пріятелей къ обѣду съ цѣлью отпраздновать полученіе имъ отличія. А, между тѣмъ, „Правительственный Вѣстникъ“ остался на другой день нѣмъ и продолжаетъ хранить свое молчаніе объ его воображаемой наградѣ до настоящаго времени.

Л..., какъ намъ рассказываетъ Сенту, имѣлъ наклонность все преувеличивать въ страшныхъ размѣрахъ и вѣчно жить въ облакахъ, за предѣлами реальныхъ фактовъ. Онъ написалъ сочиненіе, озаглавленное: „Философія—Фотологія—Фотографія“. Авторъ твердо вѣрилъ въ необыкновенный успѣхъ своей книги, но скоро долженъ былъ въ этомъ разочароваться.

Вслѣдствіе такой неудачи, Л. бросился въ противоположную сторону. Онъ вообразилъ себя изобрѣтателемъ воздушныхъ желѣзныхъ дорогъ, владѣльцемъ отеля Понтальба и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ пѣвцомъ, который можетъ брать 5,687 октавъ. У него обнаруживается страсть къ попугаймъ и онъ ихъ покупаетъ на значительныя суммы.

Но что всего замѣчательнѣе—такъ это появленіе въ немъ поэтическаго дара, весьма рѣдко наблюдаемаго у паралитиковъ.

Судите о его талантѣ по слѣдующему описанію, которое онъ самъ даетъ о себѣ:

Мнѣ прежде чуждъ былъ міръ поэзіи святой,—
Теперь я весь тону въ лучахъ его лазури;
Казалось, до сихъ поръ я не жилъ головой,—
Теперь ей выдержать легко всѣ мысли бури;
И свѣту солнечныхъ лучей
Сталъ равенъ свѣтъ моихъ очей.

Я слабъ былъ въ музыкѣ и голосъ мой былъ грубъ, —
Теперь все и играть, и пѣть я сталъ, какъ теній:
Мой баритонъ звучнѣй громовъ землетрясеній,
А теноръ сладостнѣй, чѣмъ шепотъ женскихъ губъ.
Мой голосъ вообще дошелъ до сочетанья
Двухъ крайнихъ гаммъ въ аккордѣ міровомъ—
Отъ гула бурь до колыханья
Эфира въ небѣ голубомъ.

Л. однако не всегда бывалъ столь эфиренъ.

Такъ, однажды, выйдя изъ кабинета уединенія, онъ обратился къ своимъ товарищамъ съ возгласомъ „Понюхайте господа и восхищайтесь—все исходящее отъ меня благоухаетъ розами“.

Впослѣдствіи поэтъ изобрѣлъ адскую машину, отъ которой ожидалъ результатовъ и которую воспѣлъ въ стихахъ.

Затѣмъ онъ рѣшилъ иллюстрировать Библію рисунками собственной композиціи; когда же ему указали на то, что эта работа уже прекрасно исполнена Густавомъ Дорэ, онъ внезапно измѣняетъ его направленіе, разразившись по этому поводу длиннѣйшимъ стихотвореніемъ, отъ котораго мы избавляемъ читателя.

Г-жа Б..., помѣщенная въ больницу Св. Анны, имѣла обыкновеніе посылать поздравленія съ Новымъ годомъ Папѣ, итальянскому королю, Греви и Гамбеттѣ. Въ нихъ ясно проглядываетъ характеръ безсвязнаго бреда паралитиковъ.

Женщина, пишущая государямъ и желающая выйти за нихъ замужъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно понимаетъ, что живетъ въ больницѣ и сообщаетъ объ этомъ фактѣ своимъ высокопоставленнымъ корреспондентамъ; мономанъ навѣрно тщательно скрылъ бы это. Спросите у паралитика, каково его имущественное положеніе—онъ вамъ скажетъ, что онъ банкиръ и что у него 50 милліоновъ франковъ! Спросите у него, что дѣлаетъ его жена—и онъ преспокойно отвѣтитъ вамъ, что она или живетъ въ услуженіи или торгуетъ въ мелочной лавкѣ. Онъ выдумываетъ только о себѣ и ради возвеличенія собственной личности.

Ц..., 36 лѣтъ, по профессіи кожевникъ, вообразилъ, что владѣетъ милліонами; земля покрыта его замками, но чѣмъ Ц. особенно гордится, такъ это своимъ аппетитомъ: онъ сѣдаетъ цѣлаго быка за обѣдомъ и проглатываетъ залпомъ цѣлую бочку сидра. Маньякъ не лишенъ также художественныхъ попоцзновеній — сочиняетъ, распѣваетъ рулады, танцуетъ и сохраняетъ втеченіи цѣлыхъ часовъ театральныя позы.

Теперь мы наконецъ дошли до безсмыслицы. Она характеризуетъ третій періодъ бреда горделивыхъ паралитиковъ. Больной уже не передъ чѣмъ не останавливается; онъ витаетъ среди колоссальныхъ и самыхъ неправдоподобныхъ преувеличеній. Онъ награждаетъ себя безграничными почестями, сокровищами и престолами; онъ одновременно король, папа, императоръ, самъ Богъ, или же повелитель Бога.

Здѣсь опять мнѣ придется сообщить нѣсколько отдѣльных исторій, чтобы дать вамъ понятіе о разнообразіи связанныхъ съ маніей величія заблужденій, въ которыя можетъ впасть нашъ злосчастный умъ.

48-лѣтній актеръ, долго подвизавшійся на провинціальныхъ сценахъ, былъ такъ освистанъ, что лишился вслѣдствіе этого разсудка. Ему кажется, что онъ первый теноръ Большой Парижской Оперы и получаетъ 100,000 фр. въ день; его театральные костюмы осыпаны алмазами, а Ротшильдъ исключительно занятъ веденіемъ его денежныхъ дѣлъ.

Простой конторщикъ можетъ вдругъ оказаться редакторомъ газетъ всего міра. Онъ намѣренъ построить мостъ черезъ Атлантическій океанъ, между Гавромъ и Нью-Йоркомъ.

Сапожникъ превращается въ генерала, императора и короля; онъ братъ царя и кузенъ королевы Викторіи.—Впрочемъ этотъ братъ царя не отрицаетъ того, что онъ сапожникъ, но такой, который поставляетъ обувь только Коклену старшему и Саррѣ Бернарѣ.

Одинъ кожевникъ получаетъ вдругъ 100 митральёзъ отъ Гамбетты. Онъ уничтожилъ нѣмецкую армію въ 15,000 человекъ, назначенъ командоромъ ордена Почетнаго Легіона, и выбранъ депутатомъ съ 200,000 фр. жалованья. Другой даетъ уроки игры на барабанѣ; у него 50,000 учениковъ, платящихъ каждый по 10,000 фр. въ часъ.

Одинъ офицеръ предлагаетъ устроить большую повозку, чтобы помѣстить въ нее весь Парижъ и перевезти его на морской берегъ.

Бѣдный крестьянскій паренъ тоже собирается построить повозку, но такую, которая бы имѣла 45 верстъ длины, съ тѣмъ, чтобы поочередно помѣщать въ нее всѣ европейскія столицы и перевезти ихъ одну за другой по близости своей деревни.

Г-жа Ж..., 37 лѣтъ, собрала громадную коллекцію старыхъ газетъ и съ восторгомъ показываетъ ихъ, предполагая, что все это акціи Суэзскаго канала и банковые билеты. Она рассказываетъ, что ее зовутъ графиня Тэба и что она вышла замужъ за одного изъ Орлеанскихъ принцевъ, отвергнувъ предварительно исканія Генриха V.

У бывшего адвоката, 46 лѣтъ, обнаружился самый странный бредъ, крайне рѣдко наблюдавшійся врачами. Онъ считаетъ себя государственнымъ человекомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

уточеннымъ спортсмѣномъ. Въ его скаковой конюшнѣ стоятъ 12 милліардовъ лошадей. Главнѣйшая его *idée fixe* заключается въ желаніи нивелировать Францію, опрокинувъ горы въ долины и все это вспахать плугомъ. Онъ убѣжденъ, что внутренность горъ состоитъ изъ золота; когда онъ овладѣетъ этими громадными количествами драгоцѣннаго металла, то примется за чеканку монеты и будетъ властвовать надъ міромъ. Большой думаетъ привести въ исполненіе свой проектъ нивелировки при помощи 30,000 львовъ, собранныхъ имъ въ Африкѣ и выдрессированныхъ для возки тяжестей. Въ одинъ прекрасный день бредъ его принимаетъ иное направленіе; онъ проникъ черезъ глубокое отверстіе въ сокровеннѣйшія нѣдра земли, находитъ тамъ новый міръ, гдѣ горы шоколадныя, рѣки-млечныя, медвяныя и сиропныя, и возобновляетъ съ необычайными преувеличеніями легенду о Счастливомъ островѣ.

Одинъ отставной полковникъ считаетъ себя наисчастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ; онъ всегда веселъ и въ восторгѣ отъ собственной особы, да и есть отчего: природа отлила его изъ золота, дала ему громадный саженный ростъ, необыкновенную красоту, ность Людовика XIV и аппетитъ, котораго хватило бы на 500 человѣкъ; онъ съѣдаетъ за каждымъ обѣдомъ по 20 оленей. За то и плодovitость его тоже изумительна—у него ни болѣе, ни менѣе какъ 6,000 дѣтей. Онъ—почтенный изъ почтенныхъ, святой изъ святыхъ, Богъ и властитель Бога. Онъ называетъ всѣхъ превосходительствомъ и при видѣ входящаго врача восклицаетъ: „Да здравствуетъ императоръ!“

Представитель лучшаго общества и очень состоятельный финансистъ придумалъ кареты, двигающіяся безъ лошадей; его система, примѣненная въ Лондонѣ, приносить ему 100 милліоновъ въ мѣсяцъ. Онъ цѣлые дни проводитъ въ разсылкѣ повелѣній и производитъ больничнаго врача въ полковники отъ кавалеріи. Богъ ему повѣдалъ, что онъ проживетъ 9 столѣтій и произведетъ на свѣтъ милліардъ дѣтей, изъ которыхъ 50,000 перворожденныхъ будутъ царствовать. Онъ живетъ въ серебряномъ замкѣ, помѣщающемся на лазурномъ небѣ.

Ласегъ передаетъ, что, изслѣдуя однажды старую скупую женщину, задержанную по обвиненію въ кражѣ, онъ услышалъ, что она похвалялась, будто у ней въ карманѣ находится пистолетъ съ 100 зарядами, которыми можно уничтожить весь міръ; она основала лечебницу для 300,000 больныхъ и

при этомъ тщательно напоминала, чтобы не забыли отыскать ея старое поношенное платье и отвратительный зонтикъ, который у ней только что былъ кѣмъ то похищенъ. Вечеромъ она должна была принимать у себя министровъ и посланниковъ и давать имъ обѣдъ; но она сама стряпала, такъ какъ прислуга доставляла ей слишкомъ много непріятностей.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ ту же непоследовательность, столь характерную для бреда паралитиковъ. Вотъ письмо, которое одна изъ этихъ несчастныхъ передаетъ разъ утромъ г. Маньяну: „Адель Кс... клянется передъ Богомъ и людьми, что она кормилица императора, что она будетъ для него кухаркой и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлается его вѣрной дочерью. Я спроважу всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя сбиваютъ съ толку императрицу, буду чинить бѣлыя и приготавливаю корону“.

Послѣ приведенныхъ мною примѣровъ, казалось бы, что, если существуютъ предѣлы безумія, то мы уже дошли до нихъ. А между тѣмъ это не такъ. Съ выдумками горделиво помѣшанныхъ не въ состояніи соперничать никакія фантазіи, и вы можете ежедневно услышать отъ нихъ какія-нибудь новыя изумительныя комбинаціи.

Больной, приводимый докторомъ Люи, владѣетъ единственнымъ въ мірѣ сливнымъ деревомъ: сливы, растущія на немъ, имѣютъ величину крупныхъ яицъ, а по вкусу превосходятъ ренглоты; онъ намѣренъ продать его съ аукціона, который начнется отъ 10,000 фр., но цѣна, разумѣется, будетъ повышена и достигнетъ 15 милліардовъ. Онъ сознается, что имѣетъ всего 5,000 фр. дохода, но оставляетъ въ сторонѣ свои секретныя фонды.

Одинъ испанецъ, подвергавшійся изслѣдованію врача, воображаетъ, что онъ властитель міровъ и проводитъ цѣлыя дни въ томъ, что пишетъ число этихъ вселенныхъ; это цѣлый рядъ единицъ, которыми испещрены его тетради; онъ сокрушается о своей безтѣлесности, но ожидаетъ, что вскорѣ будетъ перенесенъ къ центру земли, гдѣ его снабдятъ такимъ тѣломъ, какое онъ заслуживаетъ.

Ничто не можетъ быть болѣе странно, какъ соединеніе ипохондрии съ горделивымъ бредомъ. Больной доктора Фальре плохо ѣстъ, плачетъ и падаетъ на колѣни, онъ постепенно разрушается. Подъ конецъ онъ признается въ томъ, что

страшно боится, какъ бы ему не отрубили голову, такъ какъ его позвоночникъ изъ чистаго золота.

Другой увѣренъ въ томъ, что у него похитили кишки, и это опасеніе весьма дурно отражается на его пищевареніи; но такъ какъ онъ очень богатъ, то имѣетъ возможность заказать себѣ новое тѣло, въ которое его и водворять черезъ недѣлю. Онъ будетъ молодъ, хорошъ и получить титулъ французскаго маршала.

Ф... горбатъ, но увѣряетъ, что у него горбъ алмазный; вотъ почему онъ обращается съ нимъ крайне осторожно.

Робертъ Н... рассказываетъ, что когда онъ производитъ то, что великій Мольеръ называлъ „освобожденіемъ себя отъ излишнихъ жидкостей“, то получаютъ цѣлые ручьи топазовъ и рубиновъ.

З... воображаетъ, что у него выросли крылья. Однажды, когда надзоръ за нимъ былъ нѣсколько ослабленъ, онъ полетѣлъ изъ окна, двигая руками, и подобно новому Икару разбился о мостовую.

Иногда удается воспользоваться идеей бреда въ интересахъ больного. Директоръ одной изъ большихъ парижскихъ загородныхъ лечебницъ сообщалъ мнѣ, что ему предстояло овладѣть однимъ политическимъ дѣятелемъ, страдавшимъ самымъ интенсивнымъ горделивымъ бредомъ; этотъ больной былъ крайне опасенъ, такъ какъ, еслибы только онъ могъ подозрѣвать, что его хотятъ засадить въ лечебницу, то навѣрно прибѣгъ бы къ страшнымъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Ему между тѣмъ сообщили, что Бисмаркъ добивается его аудіенціи, но что, не желая вѣзжать въ Парижъ изъ опасенія враждебныхъ манифестацій, онъ рѣшился ожидать его въ одномъ изъ окрестныхъ замковъ; тогда больной самъ вскочилъ въ карету, чтобы ѣхать на свиданіе.

Не такъ давно подвергся горделивому бреду выдающійся врачъ; его увѣрили, что онъ назначенъ вице-директоромъ одной лечебницы; онъ преспокойно отправился туда. Затѣмъ ему сообщили, что его служебныя обязанности несовмѣстимы съ отлучками изъ заведенія; онъ согласился на всѣ условія и, что весьма странно—вошелъ въ свою роль съ такимъ жаромъ, что до самой смерти оказывалъ немаловажныя услуги служебному персоналу лечебницы, утѣшая больныхъ, давая имъ довольно разумныя совѣты—и все это во время ужаснаго помѣшательства. Заканчивая этотъ и безъ

того слишкомъ уже растянувшійся очеркъ бреда парали-
ковъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о литературныхъ
и художественныхъ произведеніяхъ этой категоріи психи-
чески-больныхъ. Неудивительно, что люди, которые такъ много-
рѣчивы, имѣютъ склонность и къ многописанію, но произво-
дятъ при этомъ на свѣтъ самыя безсмысленныя вещи. Многіе
изъ нихъ сочиняютъ, описываютъ свои изобрѣтенія и пишутъ
картины также хорошо, какъ простые мономаніаки, одержимые
хроническимъ бредомъ. Но только здѣсь царить безсмыслица
еще болѣе полная, и, такъ какъ талантъ ослабѣваетъ вмѣстѣ
съ утратой умственной силы, то эти произведенія, тщательно

VOUS FAIRE UN DEVOIR. J'AI JAMAIS
DE VOULOIR. MA QUESTION NE FOT
PAS UNE QUESTION POUR MON FRERE.
FELIX. MON FRERE DE BEDOUEN
TRAV. DE PATIEN. P. 12. 2. 12.
LE 12. JUILLET. DERNIER. IL SET AU, DANS
LA RECOMPENSE DE SE CONSTITUER FINEST
DE L'ENTENTE DEFFENSE. DE
FAIRE. MON DEVOIR. D'HOMME. NE
MANQUANT. PAS DE RESOLUTION
A L'EGARD. DANS CERTAIN AUGUSTE.
SE JERE. QUI L'UN FAISAIT AU
MANS LAIS. PARTI PAR LA BOUTE
DE LA FORCE. Connaissance

Записка горделиво помышаннаго.
(Изъ коллекціи д-ра Маньяна).

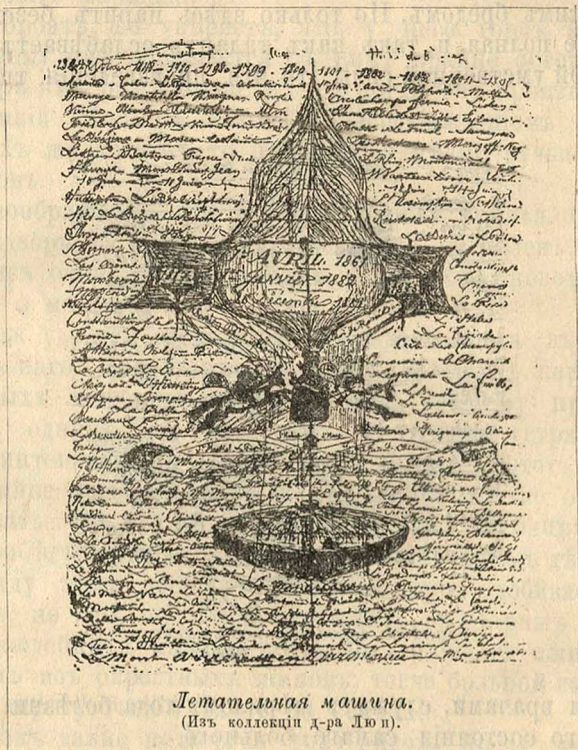
собранныя врачами, служатъ мѣриломъ хода болѣзни и пато-
логическаго состоянія самаго больного.

Первая вещь, бросающаяся въ глаза при видѣ произве-
денія душевно больного, это неясность почерка: ослабленіе
всей мышечной системы распространяется и на мышцы рукъ
и пальцевъ.

Привожу разительный примѣръ только что высказаннаго
мною факта. Это—письмо, написанное больнымъ докторомъ Люи.
Оно поучительно во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ можно
констатировать оптимизмъ, столь обычный у паралитиковъ.
Больной въ восторгѣ отъ всего окружающаго и гордится

своимъ положеніемъ; онъ безгранично восхищается всѣми служащими или ухаживающими за нимъ лицами.

Другая рѣзкая особенность писанія сумашедшихъ, это ихъ страсть придавать словамъ такое значеніе, котораго они вовсе не имѣютъ въ обыденномъ употребленіи. Они стремятся привлечь вниманіе читателя на нѣкоторыя фразы и тогда подчеркиваютъ ихъ; но въ концѣ концовъ доходятъ до под-

Летательная машина.
(Изъ коллекціи д-ра Люп.)

черкиванія всѣхъ рѣшительно словъ, такъ какъ придаютъ каждому изъ нихъ специальное значеніе.

На это же явленіе указываетъ и письмо одного знаменитаго больнаго къ своему врачу. Несчастный подчеркнул всѣ слова по 2 и по 3 раза; но находя и это недостаточнымъ, составилъ его изъ однѣхъ заглавныхъ буквъ.

Эта потребность въ писаніи или мараніи цѣлыхъ полосъ бумаги весьма часто встрѣчается у паралитиковъ въ началѣ

ихъ недуга. Я припоминаю одну женщину въ Сальпетріерѣ, пророчицу по профессіи, которая каждое утро вручала врачу тетрадь бумаги, исписанной словами, лишенными всякой связи. За недостаткомъ времени или отсутствіемъ идей, она довольствовалась, для окончанія заданнаго себѣ урока, чертить отрывочные и безсмысленные зигзаги до тѣхъ поръ, пока вся тетрадь не была исписана.

Въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ рисунокъ, полученный мною отъ доктора Люи. На немъ изображенъ летательный снарядъ. Воздухоплаваніе составляетъ одну изъ са-

Бочетъ Хермиди

Бочетъ Хермиди

Бочетъ Хермиди

Бочетъ Хермиди

Бочетъ Хермиди

Последніе слѣды письма у общаго паралитика.

мыхъ обыденныхъ заботъ горделиво помѣшанныхъ. Какую массу статей, посвященныхъ этому вопросу, получаютъ академіи,—невозможно даже исчислить. Прилагаемый снарядъ отличается исключительными особенностями, такъ какъ сквозь его могутъ проскочить жокен. Для какой надобности—неизвѣстно. Прошу васъ обратить вниманіе на громадное количество географическихъ и историческихъ именъ, а также годовъ, которыми авторъ испещрилъ свое произведеніе. Все это не

имѣть ни малѣйшаго смысла и только одному автору извѣстно, что онъ хотѣлъ сдѣлать, да и то еще вопросъ.

Когда наступаетъ періодъ безумія (démence), то манія къ писанію не пропадаетъ: многіе изъ этихъ несчастныхъ проводятъ цѣлые дни въ нанесеніи на бумагу чертъ, лишенныхъ всякаго смысла.

Я уже упоминалъ, что горделиво помѣшанные не только пишутъ, но также и много рисуютъ. Въ ихъ художествен-

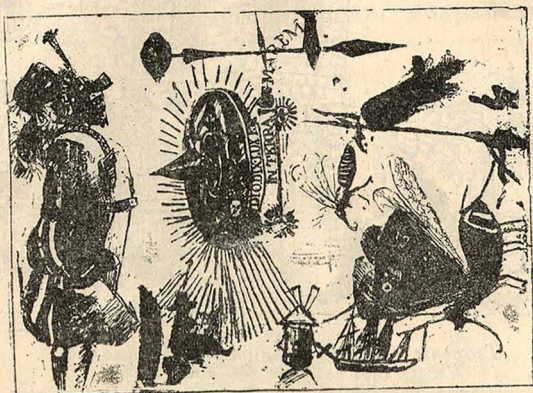
Рисунокъ общаго паралитика.
(Изъ коллекціи д-ра Люи).

ныхъ концепціяхъ отражаются мысли, обыкновенно преслѣдующія больныхъ и сохраняющія на бумагѣ свой преувеличенный и бессмысленный характеръ. Повидимому рука художника (если вообще возможно пользоваться этимъ выраженіемъ) воспроизводитъ мысли больного въ наиболѣе бессмысленномъ ихъ выраженіи.

Несчастный паралитикъ, впавшій въ безуміе, набрасываетъ на бумагу безсвязныя фигуры. Вотъ, напримѣръ, во

оружіе и рыцари, соотвѣтствующіе его идеямъ, но значеніе ихъ для насъ непонятно...

Другой больной доктора Лю, преслѣдуемый мыслью объ

Рисунокъ общаго паралитика.
(Изъ коллекціи д-ра Лю).

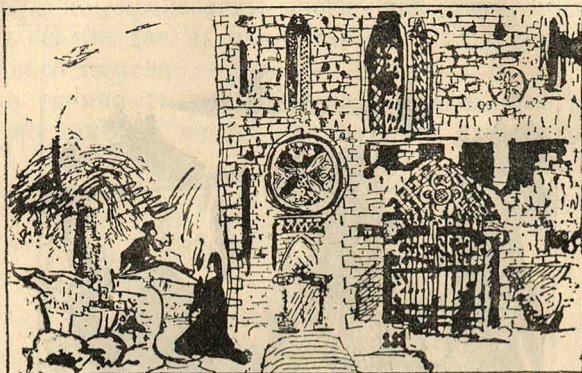
отъѣздѣ и побѣгѣ за границу, не перестаетъ изображать способы, при помощи которыхъ онъ надѣется осуществить

Почтовая карета общаго паралитика.
(Изъ коллекціи д-ра Лю).

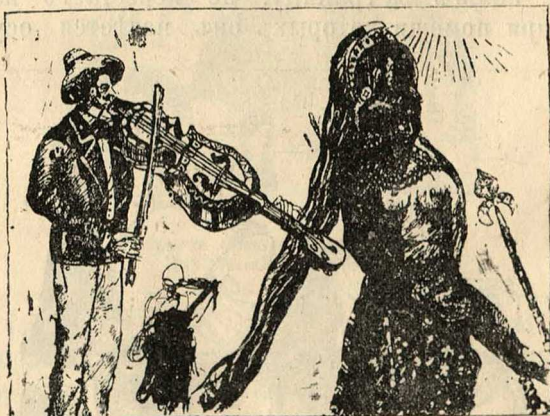
свой планъ, и вотъ передъ нами его почтовая карета, лошади и лакеи.

Другаго больного, находящагося въ пользованіи у того же самаго врача, преслѣдуетъ фантастическій бредъ. Клад-

Твореніе общаго паралитика-меланхолика.
(Изъ коллекціи д-ра Люн).

бище, древній соборъ, могила, привидѣнія—вотъ тѣ мрачныя образы, которые осаждаютъ его. Онъ наноситъ ихъ ка-

Преувеличиваніе въ графическомъ выраженіи идей у общаго паралитика.
(Изъ коллекціи д-ра Люн).

рандашемъ на бумагу и ничто не производитъ столь грустнаго впечатлѣнія, какъ его рисунки.

Вотъ еще горделивый мономаніакъ, воображающій, что онъ великій музыкантъ. Онъ играетъ на скрипкѣ лучше кого бы то ни было; не только его талантъ выходитъ изъ ряду вонъ, но и инструментъ, которымъ онъ пользуется, не менѣ замѣчательнъ. Онъ очаровываетъ музъ своей тонкой игрой. Обратите вниманіе на этотъ рисунокъ, сохраненный докто-

Преувеличеніе пропорцій.—Рисунокъ общаго паралитика.

(Изъ коллекціи д-ра Люи).

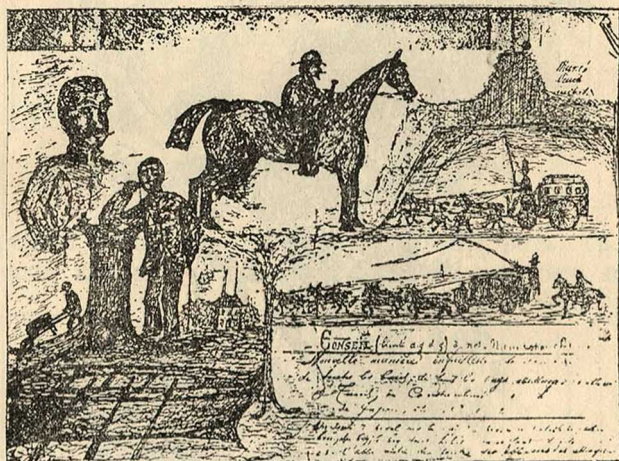
ромъ Люи; онъ, дѣйствительно, характеренъ; въ немъ одномъ какъ бы отражается вся исторія больного и, увы, увѣренность въ ожидающей его будущности.

Свойства, характеризующія рисунки паралитиковъ, заключаются въ непомѣрномъ, бессмысленномъ и неправдоподобномъ преувеличеніи и выраженіи невозможнаго.

Привожу еще факсимиле произведенія одного изъ этихъ больныхъ. Субъектъ, котораго онъ желалъ изобразить, касается головой облаковъ въ то время, какъ его ноги опира-

ются на землю. Онъ испускаетъ изъ себя блестящіе лучи, представляя довольно большое сходство съ фантастическими концепціями индусскаго и китайскаго искусства.

Изобрѣтатели тоже чертятъ свои планы и иллюстрируютъ свои сочиненія. Докторъ Люи, обладающій богатой коллекціей такихъ иллюстрацій, передалъ мнѣ одинъ изъ этихъ любопытныхъ набросковъ. Дѣло касается, вѣроятно, какого-нибудь трубочистнаго предпріятія. Гигантская фигура опирается на трубу, не менѣе значительныхъ размѣровъ. По откосу крыши

Преувеличеніе въ выраженіи идей у общаго паралитика.
(Изъ коллекціи д-ра Люи).

рабочій спускаетъ тачку съ сажей. Сбоку изображена карета, которую везутъ десятки лошадей. Это, можетъ быть, только парадный экипажъ, уносящій счастливаго изобрѣтателя. Подъ рисункомъ находится весьма неразборчивая объяснительная подпись, она состоитъ изъ однозвучныхъ словъ (омонимовъ) и въ результатъ получается такимъ образомъ каламбуръ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что для мозга, пораженнаго болѣзью и сумашествіемъ, звукъ слова напоминаетъ другое съ внѣшней стороны сходное слово, но не имѣющее никакой съ нимъ аналогіи относительно смысла и значенія.

Крайне грустенъ финальный актъ общаго паралича. Ознакомившись съ его послѣднимъ періодомъ, вы поймете почему разсматриваемой нами теперь болѣзни было придано это именно названіе, такъ какъ до сихъ поръ я знакомилъ васъ только съ явленіями умственнаго и физическаго возбужденія, еще весьма отдаленными отъ того, что принято подразумѣвать подъ параличемъ.

Дѣятельный горделивый бредъ продолжается лишь нѣсколько мѣсяцевъ и никакъ не болѣе года. Но затѣмъ больной дѣлается молчаливымъ; его рѣчь замѣняется какимъ-то бормотаніемъ; онъ едва можетъ ходить, спотыкается и обнаруживаетъ крайнюю неловкость. Больной утратилъ уже ту гордую осанку, которая соотвѣтствовала его рѣчамъ, онъ ходитъ сгорбившись; его зрачки неровны и зрѣніе неясно. Онъ неопытно ѣстъ, нисколько не заботится о себѣ и еле отвѣчаетъ на вопросы: надо долго настаивать, чтобы вызвать въ немъ отрывки прежняго блестящаго бреда; хотя маньякъ и поддерживаетъ еще свои безумныя фантазіи, но машинально и вяло. Память исчезаетъ; помѣшанный никого болѣе не узнаетъ; онъ падаетъ ниже животнаго, не держится на ногахъ и постоянно лежитъ въ постели. Несчастный сохраняетъ отъ прежняго состоянія только необычайный аппетитъ, удовлетворяемый имъ съ такой жадностью, что въ случаѣ плохаго надзора, онъ легко можетъ подавиться, задохнуться и внезапно умереть отъ слишкомъ большихъ кусковъ, которые запихиваетъ себѣ въ ротъ.

Параличъ прогрессируетъ и тогда появляются струппы (escarres). Больнаго постоянно тревожатъ эпилептическіе припадки, потеря сознанія и мозговые воспалительные процессы до тѣхъ поръ, пока въ одинъ счастливый день воспаление легкихъ или рожа не положитъ предѣлъ его скорбному существованію.

Но развѣ горделивое помѣшательство неизбѣжно должно вести къ такой ужасной смерти? Большинство психіатровъ такъ именно и относится къ этой формѣ безумія, и если бываютъ случаи выздоровленія, то они предпочитаютъ говорить, что ошиблись въ опредѣленіи болѣзни и что это была простая мономанія. Дѣйствительно, счастливый исходъ или пріостановка въ ходѣ болѣзни у такихъ маньяковъ случаются крайне рѣдко. Два, а въ лучшемъ случаѣ три года отдѣляютъ первый припадокъ отъ роковаго конца.

Весьма интересно было бы теперь установить, какими поражениями головного мозга обуславливаются столь интенсивныя нарушенія нормальнаго состоянія организма. Но, будьте спокойны, я не намѣренъ производить здѣсь вскрытія. Согласитесь, однако, что наше изложеніе страдало бы неполнотой, еслибы мы не пытались уяснить себѣ сокровенныя причины этой ужасной болѣзни. Вскрывая черепа умершихъ отъ такого рода сумашествія, мы найдемъ у нихъ весьма различныя пораженія мозга, смотря потому, былъ ли несчастный одержимъ простымъ хроническимъ бредомъ или же общимъ параличемъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно наблюдается утолщеніе черепныхъ костей, затѣмъ подъ ними болѣе или менѣе интенсивная воспаленность мозговыхъ покрововъ и самаго мозга. Эти признаки впрочемъ не представляютъ еще ничего характернаго, такъ какъ въ этой же формѣ обнаруживаются обыкновенныя пораженія всѣхъ вообще психически больныхъ.

У *общаго паралитика*, наоборотъ, пораженія бываютъ специфическія, какъ по ходу болѣзни, такъ и по ея обычному концу; эти пораженія создаютъ для *общаго паралича* строго обособленное мѣсто.

Вскрывъ черепъ, вы не найдете въ немъ общей расплывчатости мозга; видно, что мозговая оболочка плотно прилегаетъ къ поверхности мозга; во многихъ пунктахъ даже невозможно бываетъ отдѣлить ее безъ разрыва ткани. Подъ оболочкой лежитъ мозгъ, нѣсколько болѣе мягкій, чѣмъ обыкновенно, такъ что струя воды образуетъ отверстіе тамъ, гдѣ прежде оболочка прикасалась къ мозгу.

Въ этомъ заключаются, наравнѣ съ многими другими, характерныя признаки *общаго паралича*.

Если мы станемъ разсматривать въ микроскопъ частицу больного мозга, то замѣтимъ, что въ извѣстномъ періодѣ нервныя элементы какъ бы набухаютъ, причемъ объемъ ихъ увеличивается, а сосуды вздуваются отъ притока крови. Этому періоду, вѣроятно, соотвѣтствуетъ интенсивный горделивый бредъ, милліоны, золото и драгоценныя камни. Впослѣдствіи и при болѣе многочисленныхъ вскрытіяхъ, констатируется атрофія мозговыхъ клѣточекъ, вокругъ которыхъ въ то же время вырастаетъ элементъ, обыкновенно имѣющій своимъ назначеніемъ поддерживать мозговыя клѣтки, это—*невроглія*. При-

бѣгая къ сравненію, можно сказать, что въ данномъ случаѣ дѣятельныя нервныя клѣтки душатся чрезмѣрнымъ расширеніемъ соединительной ткани, подобно тому, какъ полезныя растенія могутъ быть заглушены въ нашихъ поляхъ чрезмѣрнымъ разростаніемъ сорныхъ травъ, вроде сурепицы и повилики.

Все сказанное мною должно подготовить читателя къ слѣдующему выводу. Медицина совершенно безоружна противъ описанныхъ нами недуговъ; и, дѣйствительно, всѣ попытки, предпринятыя терапевтами, не могли измѣнить процента смертности отъ нихъ. Пробовали сдерживать сильныя припадки маніи посредствомъ притупляющихъ ядовъ, пытались противоѣствовать интенсивному воспаленію мозга кровоизлияніями и заволоками (sétons), пускали въ ходъ всевозможныя медицинскія средства—но все напрасно: болѣзнь всегда шла своимъ чередомъ, не измѣняя ни на іоту обычнаго своего медленно-прогрессивнаго и роковаго хода развитія.

Но если мы не въ силахъ спасти больного, то неужели надо сложить руки и оставить помѣшаннаго на попеченіи семьи втеченіи немногихъ лѣтъ, которыя ему еще суждено влачить въ образѣ человѣка?

Здѣсь мы сталкиваемся съ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мучительныхъ вопросовъ социологіи. Несомнѣнно, что если психически больной имѣетъ право на жизнь, то и окружающіе его не лишены этого права. А между тѣмъ сумашедшій, паралитикъ и горделивый мономаніакъ вливаютъ постоянную отраву въ жизнь и счастье своей семьи.

Они на каждомъ шагѣ создаютъ опасность не только для себя и своихъ близкихъ, но и для всего общества.

Сумашедшій, вообразивъ себя птицей, вылетаетъ изъ окна и убивается до смерти. Онъ считаетъ себя вправѣ распоряжаться судьбами всего человѣчества, спокойно убиваетъ жену и дѣтей, поджигаетъ дома, колеблетъ свои денежныя дѣла и разрушаетъ чужія состоянія съ тѣмъ бѣлымъ хладнокровіемъ, чѣмъ онъ сильнѣе убѣжденъ, что такой образъ дѣйствія составляетъ его долгъ и даже священную миссію. Не слѣдуетъ ли поэтому къ горделиво помѣшанному больному больше, чѣмъ ко всякому другому, примѣнять систему изолированія.

Я знаю, что ничто не кажется столь жестокимъ, какъ посадить въ лечебницу больного и разлучить его съ семьей; но

развѣ лучше дать ему возможность умерщвлять и разорять, а нерѣдко и позорить ее какимъ нибудь постыднымъ дѣйствіемъ?

Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ вида, что пребываніе въ лечебницѣ не долго тяготитъ горделиво помѣшаннаго: она быстро превращается для него во дворецъ, а большинство ея обитателей—въ штатъ придворныхъ, съ которыми ему весьма грустно было бы расстаться. И затѣмъ, если для его исцѣленія существуютъ еще нѣкоторые шансы, то они могутъ только увеличиться въ удаленіи отъ его обычныхъ занятій, антипатій и желаній.

Полный покой, совершенное бездѣйствіе, правильное питаніе—вотъ единственный способъ леченія, который еще увѣнчивался иногда нѣкоторыми рѣдкими исцѣленіями.

Прибавьте къ этому самый заботливый ежеминутный надзоръ, невозможность совершенія самоубійства или насилія и, я надѣюсь, что всѣхъ этихъ преимуществъ вполне достаточно, чтобы оправдать изолированіе. Въ сущности мы имѣемъ очень мало средствъ противъ горделиваго помѣшательства, приобретеннаго и окончательно установившагося.

Но что слѣдовало бы сдѣлать, это ограничить его частое появленіе, удерживая человѣчество отъ того роковаго наклона, по которому оно катится.

Для этого слѣдовало бы, чтобъ мы, помня пословицу (пустой колосья кверху носъ деретъ), не подымали слишкомъ высоко голову и не искали быстрыхъ успѣховъ, а шли къ нимъ постепенно, не путемъ легкой наживы, а по стальнымъ рельсамъ труда. Пусть каждый изъ насъ ограничитъ свои желанія возможными вещами и заглушитъ въ себѣ современную лихорадку безумныхъ наслажденій, соединенную съ страстью властвовать и импонировать другимъ.

Многіе думаютъ, что исполненіе всѣхъ этихъ совѣтовъ доставило бы людямъ счастье, сдѣлавшееся столь рѣдкимъ. Но увы! по всей вѣроятности, ни одному изъ выраженныхъ нами здѣсь желаній не суждено осуществиться!..

ЭПИЛОГЪ.

ПСИХОЗЫ ДВАДЦАТАГО ВѢКА.

ЭПИЛОГЪ.

Мы бы измѣнили принципъ, руководившему нами при составленіи этого труда, еслибы рѣшились предсказывать, какой видъ примутъ душевныя болѣзни двадцатаго столѣтія, предполагая, что въ каждомъ вѣкѣ онѣ отливаются въ свою особую форму.

Развѣ мы не указывали постоянно на социальныя условія, поддерживавшія эти умственныя эпидеміи, и не обращали вниманія читателя на то, что этими условіями были внѣшнія обстоятельства и окружающая нравственная среда?

Кто поручится, что въ началѣ слѣдующаго столѣтія не наступятъ такія обстоятельства, которые сдѣлаютъ несостоятельными всѣ наши теперешнія предположенія на этотъ счетъ?

Но въ виду того, что современный читатель отъ всякаго изслѣдованія ожидаетъ какого нибудь практическаго результата, который для даннаго случая является освѣщеніемъ будущаго на основаніи изученія прошлаго—возьмемъ подзорную трубу и посмотримъ, не даютъ ли извѣстные намъ о предыдущихъ эпохахъ факты возможность предвидѣть то, что произойдетъ въ слѣдующемъ вѣкѣ.

Къ тому же насъ отдѣляютъ отъ него всего только 10 лѣтъ, и условія, среди которыхъ онъ впервые выступитъ, намъ приблизительно извѣстны.

Чтобы не нарушать требованій логики, мы должны бросить бѣглый взглядъ на положеніе личности, семьи, государства и общества въ современную намъ эпоху. Просимъ однако читателя не заподозривать насъ въ желаніи призвать на судъ наше время, или подвергнуть его строгой критикѣ. Если въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ говорить о немъ только

дурное и обходить молчаніемъ его хорошія стороны, то это слѣдуетъ приписать тому, что наша задача, какъ патологовъ, состоитъ въ изысканіи причинъ возможнаго и вѣроятнаго недуга. Открыть его мы можемъ лишь въ *дурныхъ* зачаткахъ, которые, разъ проникнувъ въ современное общество, могутъ исчезнуть или развиться.

Господствующій недостатокъ людей конца XIX-го вѣка (я подразумѣваю средняго человѣка), это — эгоизмъ. Мы не живемъ уже въ эпоху, когда для успѣшной борьбы съ природой людямъ нужно было тѣсно спланиваться другъ съ другомъ; мы уже далеки отъ того времени, когда вторженія однихъ племенъ во владѣнія другихъ принуждали людей къ сліянію интересовъ ради общей защиты. Въ настоящее время все такъ хорошо устроено, что является полная личная безопасность; никто не думаетъ объ угрожающей ему опасности, а если какое-нибудь крупное преступленіе или ужасная катастрофа напоминаютъ, что опасность въ сущности не вполне миновала, то всѣ съ удивленіемъ и нѣкоторымъ скептицизмомъ относятся къ этому факту и предаются ликованіямъ по поводу того, что не попали въ число жертвъ.

Такимъ образомъ самый избытокъ цивилизаціи влечетъ за собой нравственную диссоціацію человѣчества и потенциальное разобщеніе его элементовъ. Даже благотворительность стремится исчезнуть, но не та громкая и оффиціальная филантропія, накопляющая милліоны для больницъ, и даже не свѣтская филантропія, увеличивающая число благотворительныхъ базаровъ, баловъ и концертовъ, но истинная благотворительность, являющаяся на смѣну искреннему чувству, чувству состраданія, и сопровождающаяся, въ свою очередь, такими сладостными сердечными движеніями.

Эта чудная добродѣтель специализировалась и приняла нѣсколько сектантскій характеръ; вотъ почему вы нерѣдко встрѣтите людей, которые, видя страданія, болѣзни или нищету, прежде чѣмъ открыть свой кошелекъ, желаютъ удостовѣриться—во всемъ ли убѣжденія субъекта, которому они намѣрены помочь, сходятся съ ихъ собственными убѣжденіями. Въ настоящее время существуетъ двоякаго рода благотворительность, одна—религіозная, другая—мірская. Борьба перенесена даже на эту почву.

Вотъ почему я крайне былъ бы изумленъ, еслибы душевный недугъ XX-го вѣка пришлось приписать чрезмѣр-

ному развитію альтруизма. Не тамъ слѣдуетъ искать его источниковъ.

Не думаю и того, чтобъ эпидемическій бредъ XX-го вѣка носилъ религіозный характеръ... Нельзя также сказать, чтобы мы жили въ эпоху, когда умирають за идею; въ наши дни Маккавеи стали бы ѣсть свинину въ виду палача, а Регуль, вернувшись къ домашнему очагу, началъ бы издѣваться надъ наивностью Кароагенянъ.

Это объясняется ослабленіемъ моральнаго сознанія у большинства людей. Въ предыдущихъ главахъ намъ уже не разъ приходилось указывать на то, что это явленіе обуславливается обостреніемъ борьбы за существованіе.

Я помню, какъ одинъ преступникъ, начитавшійся Дарвина и дававшій его ученію примѣненіе, котораго навѣрно великій и честный англійскій ученый никакъ не предвидѣлъ, при мнѣ сказалъ, обращаясь къ предсѣдателю суда присяжныхъ: „Я убилъ, убейте и вы меня; я имѣлъ право совершить убійство и вы также имѣете его, я—побѣжденный, а вы—побѣдители; не существуетъ ни нравственности, ни социальныхъ принциповъ; на свѣтѣ есть только борьба за существованіе, причемъ успѣхъ всегда на сторонѣ болѣе сильнаго“. Этотъ фанатикъ только преувеличивалъ обычную точку зрѣнія многихъ людей, не считающихъ ее ни постыдной, ни безчестной.

Вотъ почему самой характерной чертой общественнаго духа конца нашего столѣтія является жажда пріобрѣтенія, и если въ какихъ нибудь закоулкахъ существуютъ еще одинокіе поэты и безкорыстные любители искусства и науки, то любопытно видѣть, съ какимъ милымъ пренебреженіемъ свѣтъ издѣвается надъ ихъ наивностью и бѣдностью.

Почитайте газеты, прислушайтесь къ разговорамъ въ гостинныхъ: тотъ художникъ великъ, который получаетъ большія деньги за свои картины; тотъ ученый геніаленъ, для эксплуатаціи изобрѣтенія котораго образуются акціонерныя компаніи; тотъ романистъ талантливъ, книга котораго выдерживаетъ 50 изданій, хотя бы все ея содержаніе исчерпывалось описаніемъ клоакъ и отхожихъ мѣстъ.

На этой-то почвѣ, какъ на навозной кучѣ, зарождается самая изумительная литература. Развѣ мы не были еще недавно свидѣтелями появленія книги, имѣвшей громкій успѣхъ, и идеализировавшей 10-лѣтняго мальчугана, уже развращеннаго до глубины души. Этому предмету посвящено не

менѣе 300 страницъ. Въ другомъ романѣ того же пошиба изображена 20-лѣтняя истеричная дѣвушка, но не изъ тѣхъ, которыхъ сажаютъ въ лечебницу, а салонная психопатка, удивляющая своими познаніями въ извѣстной области своего мужа, совсѣмъ однако не похожаго на новичка, по части эротическаго культа. Дай Богъ, чтобы только Petit Bob и Paulette не сдѣлались героями романовъ XX вѣка! Я все-таки предпочитаю имъ Купо съ вѣчной семьей Ругонъ-Макаровъ.

Вотъ въ какой средѣ проходитъ семейная жизнь. Какіе матеріалы даетъ она намъ для догадокъ о болѣзни, угрожающей нашимъ потомкамъ?

Основа семьи есть бракъ. Но развѣ существуетъ въ настоящее время другое социальное учрежденіе, которому бы угрожало столько опасностей? Если взглянуть на явленія, происходящія въ низшихъ классахъ, то придется констатировать, что бракъ почти исчезъ въ этой средѣ, *по крайней мѣрѣ въ городахъ*. Соотвѣтственно этому разрѣшается и вопросъ о дѣтяхъ: социологи относятъ къ числу обязанностей государства заботу о воспитаніи подросткающаго поколѣнія, т. е. возвращеніе къ древнимъ законамъ Греціи. Но и не доходя до этого вывода, не трудно замѣтить постоянного возрастанія числа незаконныхъ рожденій. Впрочемъ и это явленіе не можетъ еще служить мѣриломъ зла, такъ какъ большинство нелегальныхъ сожитій не даетъ потомства. Въ буржуазномъ (среднемъ) классѣ *свободный* союзъ не существуетъ; здѣсь бракъ еще сохраняетъ свою силу. Но въ какой формѣ онъ практикуется? Взаимное влеченіе двухъ любящихъ и уважающихъ другъ друга существъ, желающихъ физически и нравственно слиться воедино, превратилось въ такое рѣдкое и исключительное явленіе, что многіе даже отказываются ему вѣрить. Приданое, надежды на наслѣдство или карьеру—вотъ сокъ того лимона, кожа котораго называется современнымъ бракомъ. Мужъ занимается лошадьми, а жена нарядами; такіе браки не длятся и двухъ лѣтъ, послѣ чего наступаетъ одна изъ двухъ развязокъ: или адюльтеръ или разводъ.

Разводъ носить скандальный характеръ и неблагоприятенъ, между тѣмъ какъ адюльтеръ есть ничто иное, какъ возвратъ къ свободному сожитію низшихъ городскихъ классовъ; онъ обыкновенно сохраняется въ тайнѣ и остается или

*) Герои романовъ Гюгъ: „Petit Bob“ и „Autour du mariage“.

неизвѣстнымъ, или безмолвно терпимымъ. Встрѣчаясь очень часто, адюльтеръ превратился въ модный вопросъ. Отыщите французскій романъ или театральную пьесу, въ которой рѣчь не шла бы объ адюльтерѣ. Увы, поиски ваши окажутся безплодными: авторы позаботились снабдить этой пикантной приправой всѣ свои произведенія.

Въ средѣ дворянства дѣла обстоятъ не лучше. Брачные союзы въ этомъ кругу можетъ быть, рѣже ставятъ себѣ правиломъ соединять два состоянія; но здѣсь примѣшивается вопросъ объ имени и происхожденіи, которыя тоже затемняютъ цѣль брака. А затѣмъ какъ часто встрѣчается необходимость позолотить гербъ, померкшій, благодаря тунеядству ея носителя! При этомъ извѣстно, какое презрѣніе питаетъ „аристократъ“ къ своимъ новымъ союзникамъ. И не мудрено. Онъ инстинктивно чувствуетъ, что путемъ такихъ необходимыхъ для него, но во всякомъ случаѣ позорно-коммерческихъ союзовъ, мало-помалу тонетъ въ праздности, отупляется и вырождается могучее племя, образовавшееся, благодаря цѣлымъ вѣкамъ подбора, и пробуждавшееся еще изъ апатіи въ моменты великихъ бѣдъ, требовавшихъ готовности къ самопожертвованію, на которое буржуазный духъ, вышедшій изъ лавки, никогда не будетъ способенъ.

Вотъ этиологическіе элементы, изъ которыхъ могла бы возникнуть социальная болѣзнь будущаго. По нашему мнѣнію, они лишь косвенно будутъ способствовать ея образованію. Прямыхъ же и болѣе серьезныхъ патологическихъ признаковъ слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ. Соціальныя неравенства, часто несоотвѣтственные и несправедливыя, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе побуждаютъ людей искать средствъ для уничтоженія нищеты однихъ и непомерной роскоши другихъ. Забывъ, что равенство, не встрѣчающееся ни въ области физической, ни въ области нравственной, тѣмъ менѣе можетъ быть присуще общественному положенію гражданъ, эти теоретики тщетно ищутъ средствъ для осуществленія его въ экономическихъ условіяхъ.

Такъ какъ вновь возникающія передъ ними затрудненія обостряются, то нѣкоторые изъ этихъ теоретиковъ нашли болѣе короткимъ упразднить идею реформъ и замѣнить ее идеей всеобщаго и внезапнаго разрушенія современнаго соціального строя, съ тѣмъ, чтобы создать нѣчто иное на почвѣ, очищенной отъ его развалинъ.

Эти результаты могутъ быть достигнуты лишь при содѣйствіи огня и меча...

Я сильно опасаюсь поэтому, чтобы наиболѣе характерной умственной эпидеміей XX вѣка не сдѣлался бредъ фанатическаго насилія, крови и разрушенія...

К О Н Е Ц Ъ .

ПОВАЛЬНЫЯ ЧУДАЧЕСТВА

ЭТЮДЪ

Д-ра В. О. Португалова.

Природа мститъ за оскорбленія,
написанныя людскими законами.

Токвиль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЬ,

СТРЕМЯННАЯ, 12.

1889

ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ
ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ
ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ

ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ

ПЕЧАТЪ

ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го Января 1889 года.

ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ
ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ
ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ

ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПРАВО СЛОВОТВОРЕНІЯ

1889

Повальные чудачества.

Природа мститъ за оскорбленія, наносимыя людскими законами.

Токиль.

Подъ именемъ культуры слѣдуетъ понимать всѣ произведенія человѣческихъ рукъ и человѣческаго ума во всей окружающей насъ природѣ, а подъ именемъ цивилизаціи—взаимныя отношенія людей между собою. Никакого иного болѣе точнаго и болѣе правильнаго опредѣленія этихъ терминовъ придумать, кажется, нельзя, потому что этимъ опредѣленіемъ охватывается вся жизнь человѣчества во времени и пространствѣ, со дня его появленія на свѣтъ и до послѣдняго переживаемаго нами настоящаго момента, вся его биологическая, доисторическая и социальная исторія.

Какъ культура такъ и цивилизація подчиняются закону эволюціи—закону постепеннаго развитія и совершенствованія.

Придерживаясь Бордье ¹⁾, мы полагаемъ, что человѣчество проходило и проходить четыре фазы цивилизаціи. Первые или первобытныя человѣческія группы были крайне немногочисленны. Еще и теперь обитатели Огненной Земли, Фиджійцы или Пешересы бродятъ по берегамъ рѣкъ небольшими группами. Но то состояніе, въ которомъ находятся первобытныя народы, и есть то социальное положеніе, съ котораго начиналась вообще жизнь человѣчества. Всѣ они находятся въ періодѣ тесаннаго камня и, глядя на нихъ, мы имѣемъ вѣрный образъ нашихъ европейскихъ предковъ въ самую отдаленную доисторическую эпоху. Напрасно стали бы мы искать чего-нибудь идеальнаго, гуманнаго; тутъ было одно занятіе, лишь одна потребность *нсть*: эта фаза по справедливости можетъ быть названа *питательной* фазой культуры и цивилизаціи (*phase nutritive*).

¹⁾ Dr. Bordier. La Geographie medicale.

Ступеню выше человѣкъ уже чувствуетъ выгоды совмѣстной жизни и раздѣленія труда; у него уже настолько досуга и благосостоянія, что онъ можетъ приспособлять свои мозги и на что нибудь другое, кромѣ ѣды: таковы фетишизмъ, разныя религіозныя вѣрованія и улучшенный бытъ. Эту фазу Бордье называетъ *чувственной* (sensitive). Въ этомъ положеніи еще прозябають краснокожіе индѣйцы, наши киргизы, башкиры, остяки, а также готтентоты. Сюда же относятся такія обширныя государства, какъ деспотическія монархіи Судана, или негритянскія имперіи на берегахъ рѣки Танганяйки.

Третью фазу *психическую* (phase psychique) Бордье называетъ такъ потому, что въ ней царила метафизика или политеистическія вѣрованія. Сюда онъ относитъ древнія классическія цивилизаціи, цивилизацію Индіи, Китая и нѣкоторыхъ другихъ государствъ, еще не вышедшихъ изъ этой фазы.

Наконецъ послѣдняя фаза, правда, только что вступающая въ жизнь, *интеллигентная*, знаменуетъ собою паденіе метафизики и полное торжество науки, которая своимъ вліяніемъ и могуществомъ вытѣсняетъ угасающее вліяніе метафизики и языческихъ вѣрованій.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ эти фазы цивилизаціи, весь ходъ поступательнаго развитія находится въ тѣсной связи съ объемомъ и развитіемъ человѣческаго мозга, съ анатомическими его измѣненіями и ростомъ. Эти анатомическія измѣненія прежде всего заключаются въ увеличеніи объема мозга, возрастающаго въ вѣкъ, медленно, какъ бы изъ вѣка въ вѣкъ. Не только у человѣка, но даже у животныхъ Лартэ нашель, что, по мѣрѣ проникновенія въ отдаленную глубь вѣковъ, количество ихъ мозга оказывается все меньше и меньше. То же повторяется и съ человѣкомъ. Начиная съ Неандертальскаго черепа и переходя къ черепу Кро-Маньонъ и другимъ, мы видимъ возрастаніе съ 1,200 кубическихъ сантиметровъ до 1,800.

Но кубическій объемъ еще не все. Простота черепныхъ *швовъ*—черта характерная для ограниченныхъ умовъ—встрѣчается и теперь у первобытныхъ народовъ, причѣмъ ихъ *окостенѣніе* совершается спереди назадъ, отъ лба къ затылку, а не наоборотъ, не сзади напередъ, не съ затылка ко лбу, какъ у народовъ цивилизованныхъ и способныхъ къ цивилизаціи. Это значитъ, что у первобытныхъ нецивилизованныхъ народовъ переднія части мозга прекращають свой ростъ прежде, чѣмъ заднія, менѣе благородныя. У цивилизованныхъ же народовъ дѣло совершается наоборотъ: заднія части прекращають свой ростъ въ то время, какъ переднія продолжаютъ расти и развиваться.

Этотъ поступательный ростъ мозговъ продолжается конечно неудержимо и безповоротно и въ наше время, и Брока измѣреніемъ объема череповъ убѣдился, что кубическій объемъ мозга у парижанъ 12-го вѣка значительно меньше, чѣмъ у парижанъ 19 вѣка. Если даже сравнить черепа 12-го вѣка между собою, то легко убѣдиться, что въ могилахъ и гробахъ аристократическихъ классовъ, тогда наиболѣе просвѣщенныхъ, встрѣчаются черепа болѣе объемистые, чѣмъ черепа простолюдиновъ. Теперь же наиболѣе объемистые черепа принадлежатъ интеллигенціи—этой аристократіи ума. Отсюда можно заключить, что *цивилизация* и *культура* народа завѣсятъ отъ *мозговой анатоміи* народа... Но въ то же время не слѣдуетъ упускать изъ виду и другое болѣе серьезное обстоятельство, именно то, что культура и цивилизація служатъ лучшимъ средствомъ, лучшимъ орудіемъ для роста и развитія мозговой анатоміи и для физиологической шлифовки ея отправленій. Правда, это совершается медленно и въ строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ и качествомъ мозговъ, но самое количество и качество завѣсятъ отъ степени свободы культуры и цивилизаціи.

Однако въ природѣ повидимому не только нѣтъ худа безъ добра, но рѣдко встрѣчается и добро безъ худа. Цивилизація и культура, какъ продукты человѣческаго ума, нерѣдко вызываютъ чрезмѣрную дѣятельность мозговой и нервной системы, притокъ крови къ мозгу бываетъ и слишкомъ обилень и несвоевременъ, вслѣдствіе чего и возвышеніе температуры мозга дѣлается ненормальнымъ, а результатомъ этого случается, что и дѣятельность и произведенія мозга ненормальныя.

(Полный параллелизмъ и соотвѣтствіе между развитіемъ мозга и цивилизаціей подтверждается весьма существенными физиологическими наблюденіями, которыми мы обязаны тому же безсмертному Броку, сдѣлавшему между прочимъ такой опытъ. Онъ окружалъ голову цѣлой короной термометровъ и при этомъ замѣчалъ, что передняя головная область имѣетъ болѣе высокую температуру, чѣмъ задняя. У людей малограмотныхъ даже простое чтеніе уже возвышало температуру передней области, между тѣмъ какъ у людей съ высокимъ образованіемъ серьезная математическая работа возвышала температуру еще больше. Значить, всякая мозговая или умственная работа сопровождается болѣе обильнымъ орошеніемъ мозга кровью, большимъ отдѣленіемъ теплоты въ мозгу, что влечетъ за собой и большій обмѣнъ веществъ и вытекающія отсюда послѣдствія.)

Надо впрочемъ добавить, что съ этимъ зломъ волей-не-волей приходится мириться, тѣмъ болѣе, что нельзя утѣшаться даже и тѣмъ, что зло это обыкновенно соотносительно, т. е., чѣмъ выше степень цивилиза-

ці, тѣмъ разнообразіе и интенсивнѣе вытекающія изъ нея ненормальности. Такъ, первая фаза человѣческой цивилизаціи, названная нами по Бордье *питательной*, почти не знаетъ душевныхъ или нервныхъ страданій: бушмены и фиджійцы не знаютъ душевныхъ болѣзней, всѣ первобытныя племена вовсе незнакомы съ упоми́нательствомъ и у нихъ нѣтъ психопатовъ, психозовъ, нейрастеній и неврозовъ. Тѣмъ сильнѣе и чаще встрѣчаются эти пораженія нервной системы въ психической и интеллигентной или интеллектуальной фазѣ. (Вездѣ съ интеллектуальнымъ, умственнымъ развитіемъ и прогрессомъ мы видимъ увеличеніе числа душевно-больныхъ, людей со странностями, чудаковъ, психопатовъ, людей взбалмошныхъ и мономаніаковъ или просто маніаковъ.) И наоборотъ, чѣмъ ниже степень цивилизаціи и умственного развитія, тѣмъ этого «худа» меньше. Подчасъ за эти явленія просто больно и нельзя не сердиться, не претендовать на природу. Природа какъ будто нарочно оправдываетъ и подтверждаетъ, что мать должна произвести на свѣтъ свой цѣнный плодъ съ мученіями и страданіями... Ну развѣ на самомъ дѣлѣ не досадно, когда наталкиваешься на такого рода фактъ: (въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ по статистикѣ 1862 года, оказывалось, что между неграми-рабами, людьми безкультурными, число упоми́нанныхъ было значительно меньше, чѣмъ между бѣлыми.) Это конечно ничего бы... Но вотъ что достойно удивленія и порицанія въ природѣ, это именно то, что освобожденіе негровъ вызвавъ болѣе широкую и болѣе благородную мозговую дѣятельность, въ силу этого самаго, значительно въ то же время увеличило и число упоми́нанныхъ. Конечно, всякаго рода плантаторы готовы отсюда сдѣлать выводъ, что уничтоженіе рабства и освобожденіе отъ крѣпостной зависимости уже потому вредно, что оно вызываетъ увеличеніе числа упоми́нательствъ, а потому-де лучше... и т. д.

Дѣло въ томъ, что свободное развитіе культуры и цивилизаціи первымъ и самымъ существеннымъ послѣдствіемъ имѣть громадное увеличеніе числа умныхъ, образованныхъ и вообще интеллигентныхъ людей, изъ которыхъ лишь у извѣстнаго процента, у ничтожнаго меньшинства «умъ за разумъ заходитъ». Тамъ же, гдѣ культура и цивилизація первобытны, тамъ и умныхъ людей нѣтъ и некому поэтому и не съ чего и съ ума сходить. Есть вѣдь такіе чудаки, которые предпочитаютъ культуру и цивилизацію «деревни» — городской цивилизаціи. Конечно безспорно, что цивилизація города имѣетъ свои неотъемлемыя и незамѣнимыя выгоды и удобства, но городская жизнь имѣетъ и крупныя недостатки. Вотъ въ силу этихъ-то недостатковъ иные чудаки и требуютъ, чтобы люди селились «внѣ

города», а иные высказываютъ даже желаніе, чтобы города были совсѣмъ упразднены. Понятно, что такія эксцентричности и странности принадлежать уже къ сферѣ чудачества... Къ сферѣ чудачества потому, что бываютъ страны, гдѣ деревня крайне убога, просто нищенствуетъ и голодаетъ, какъ напр. въ Ирландіи; но именно въ Ирландіи, жители которой конечно стоятъ на довольно высокой ступени цивилизаціи, *бѣдность* и *душевныя болѣзни* идутъ рука объ руку. Сказать, стало быть, Ирландіи, чтобы она превратилась въ деревню, значить обречь ее на повальное умопомѣшательство и вырожденіе... «Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить!» Изъ опасенія, что цивилизація можетъ причинить временное излишнее психическое настроеніе и увлеченіе не слѣдуетъ конечно, чтобы совсѣмъ похерить цивилизацію и вернуться въ первобытное дикое состояніе, дѣйствительно свободное отъ всякихъ душевныхъ и психопатическихъ пертурбацій. Но вѣдь и это задача довольно нелегкая. Попробуйте-ка пѣлый народъ, уже вкусувшій отъ древа цивилизаціи, приправленной Парижскими пряностями, повернуть назадъ и возвратить на лоно дикой первобытной породы. Вы убѣдитесь, что этого не достигнуть.

Въ такомъ случаѣ не попытаться ли по крайней мѣрѣ вернуться къ *чувственной фазѣ* (phase sensitive). Но эта фаза цивилизаціи, по словамъ Бордье, отличается тѣмъ, что въ ней душевная болѣзненность принимала почти всегда эпидемическій или повальный, заразительный, подражательный характеръ.

Замѣчательно еще то, что въ этой фазѣ цивилизаціи душевная болѣзненность, какъ читатель могъ уже убѣдиться изъ книги Реньяра, имѣя коллективный характеръ, выражается первѣе всего *мышечнымъ* или *двигательнымъ бредомъ*.

Должно быть, душевныя и нервныя потрясенія тѣхъ временъ были слишкомъ назойливы и часты, слишкомъ бросались всѣмъ въ глаза, что даже лучшіе художники и живописцы избирали ихъ предметомъ или сюжетомъ своихъ классическихъ работъ и произведеній. По крайней мѣрѣ художественная живопись очень была заинтересована этими ненормальностями и мастерски воспроизводила ихъ красками на полотнѣ и на стѣнахъ храмовъ. Профессорамъ-артистамъ своего дѣла, Шарко и Рише, пришла счастливая мысль собрать всѣ эти произведенія искусства. Получилась прелестная книга—«*Les Démoniaques dans l'Art*», изъ которой можно почерпнуть много поучительнаго. «Древность, говоритъ Шарко, не оставила намъ такого матеріала, которымъ мы могли бы по-

пользоваться въ данномъ направленіи. Она повидимому не любила рисовать «болѣзнь». Даже картины, изображающія войну, древность воспроизводила очень изящно, избѣгая тѣ подробности, которыя могутъ вызвать отвращеніе, какъ истеченіе крови, искаженныя черты лица, не совсѣмъ симпатичныя тѣлодвиженія и положенія». «Первыя изображенія демоііаковъ мы нашли въ 5-мъ или 6-мъ вѣкѣ. Они носятъ преимущественно священный характеръ. Въ эпоху Возрожденія произведенія этого рода итальянскихъ живописцевъ, также какъ и Рубенса—уже предметы роскоши».

Все это интересно въ томъ отношеніи, что Шарко и Рише нашли въ собранныхъ ими драгоцѣнныхъ произведеніяхъ живописи самое художественное изображеніе истерики въ разнообразныхъ ея видахъ. Шарко, какъ знатокъ и специалистъ дѣла, увѣряетъ, что произведенія этого рода, принадлежащія кисти Доминикина, Андрея дель Сарто, Рубенса, запечатлѣны самой вѣрной и точной наблюдательностью и совершенно вѣрны природѣ.

Очень ужъ странно, что и русская современная литература также располагаетъ произведеніями этого сорта. Будущій изслѣдователь, правда, будетъ конечно въ большомъ затрудненіи, къ какой категоріи изящной словесности отнести такія вещи, какъ напр. «Первый Винокуръ» гр. Л. Толстого. Есть ли это произведеніе—дѣйствительное изображеніе народнаго міровоззрѣнія или авторскій анахронизмъ, если не что нибудь похуже?

Неужели русскій народъ еще такъ первобытенъ, что онъ не шута вѣритъ въ чорта, торжественно отпраздновавъ тысячелѣтіе своего обращенія въ христіанство? Неужели онъ такъ еще простъ и наивенъ, что эту его вѣру можно избрать орудіемъ и средствомъ для борьбы съ страшнымъ социальнымъ его недугомъ—съ пьянствомъ? Неужели, путемъ литературы утвердивъ въ немъ вѣру въ чорта, можно будетъ двинуть его дальше въ культурѣ и цивилизаціи? Или, быть можетъ, вмѣсто здравыхъ понятій, наводняя народъ этими произведеніями, имѣлось въ виду дать почувствовать народу, что и правящая имъ интеллигенція также раздѣляетъ его міровоззрѣнія. Придерживаясь классификаціи и квалификаціи Шарко и Рише, никакъ нельзя отнести «Перваго Винокура» къ произведеніямъ перваго рода; напротивъ, его слѣдуетъ отнести къ произведеніямъ втораго рода, именно къ тѣмъ, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ дѣйствительностью, ни съ знаніемъ.

II.

«Нашъ первный вѣкъ» вовсе не праздная выдумка Крафтъ-Эббинга, но совершенно вѣрно подмѣченный фактъ, теперь всѣми признаваемый и

слишкомъ назойливо совершающійся на глазахъ у всѣхъ. Этими словами ученые наблюдатели хотѣтъ выразить, что у очень многихъ людей, въ силу современнаго намъ строя и его исключительныхъ особенностей, такъ часто и рѣзко происходятъ приливы крови къ мозгу, температура до того часто бываетъ возвышена, дѣятельность до того возбуждена и напряжена, что происходитъ особое состояніе нашего организма, лучше всего называемое «нервнымъ», «нервностью», «нейрастеніей», и множество другихъ формъ.

Всѣ состоянія этого рода вовсе нельзя назвать душевными болѣзнями, сумашествіемъ, умопомѣшательствомъ, маніями и такъ далѣе. Эти болѣзни происходятъ лишь тогда, когда самыя ткани или такъ называемое существо мозга претерпѣваетъ какія нибудь серьезныя измѣненія, поврежденія или перерожденія. Такія болѣзни, обусловленныя замѣтными и нерѣдко даже осязательными анатомическими измѣненіями мозговыхъ тканей называются *органическими*, въ отличіе отъ цѣлаго ряда ненормальностей, которыя одиѣ насъ здѣсь интересуютъ и которыя называются *функціональными*. Такъ, всѣмъ конечно извѣстно, что человѣку свойственно ночью спать, и что здоровый вполнѣ человѣкъ спитъ спокойнымъ крѣпкимъ сномъ нѣсколько часовъ сряду въ продолженіи ночи; но если человѣкъ не спитъ по цѣлымъ ночамъ, не можетъ уснуть даже на нѣсколько минутъ, то это будетъ функціональное разстройство нервной системы, не обусловленное никакими анатомическими измѣненіями. Все равно какъ человѣкъ тѣмъ нибудь крайне огорченный отказывается отъ пищи и, если его приневолятъ поѣсть, его вырветъ, между тѣмъ какъ желудокъ его совершенно здоровъ. Это будетъ разстройство желудка, не обусловленное органическимъ поврежденіемъ а чисто функціональное разстройство его служебной дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе и функціональныя разстройства нервной системы сопровождаются нерѣдко такими же признаками, такими же явленіями, какъ и органическія и поэтому имѣютъ для человѣка серьезное значеніе.

Вызываются эти нервозности крайне разнообразными обстоятельствами; особенно же серьезное значеніе имѣютъ: умственное и физическое напряженіе, душевныя волненія, половыя излишества, сильныя и всеобщія нарушенія питанія какъ отдѣльнаго человѣка, такъ особенно цѣлыхъ массъ... Эти нервозности принимаютъ два направленія: или возбужденное или угнетенное. Отъ чрезмѣрнаго умственнаго напряженія, сопряженнаго въ наше время столь часто съ душевными волненіями, происходитъ «нервная слабость», причѣмъ поражены бываютъ «нервы головного мозга»

и такое состояніе называется *мозговою нейрастеніей* (Neurasthenia cerebrealis).

У такихъ людей обыкновенно начинаютъ путаться мысли. Далѣ почти всѣ формы нервной слабости сопровождаются болѣзненнымъ явленіемъ—*страхомъ* предъ извѣстными обстоятельствами, на которые здоровый человѣкъ не обращаетъ никакого вниманія.

Воображеніе у такихъ людей въ высшей степени живое и большею частью разстроено — имъ являются видѣнія... Такія видѣнія называются обманами чувствъ: зрѣнія и слуха. Но такіе обманы чувствъ ведутъ нерѣдко къ суевѣрію и мистицизму, и что еще хуже — къ отчаянію, къ самоубійству, къ преступленіямъ...

На этой почвѣ легко развиваются и процвѣтаютъ разныя современныя *увелеченія* спиритизмъ, гипнотизмъ и сомнамбулизмъ.

Нерѣдко люди этого рода приходятъ отъ какого-нибудь вздора въ необычайный восторгъ, въ экстазъ и становятся «пророками».

На этой же почвѣ вырастаютъ исподволь и медленно, или внезапно совершаются взрывы психическихъ эпидемій и всевозможныхъ поварныхъ чудачествъ.

Нерѣдко въ обществѣ и не подозрѣваютъ, какая масса нервныхъ людей и съ какими напряженными нервозностями обращаются въ обществѣ — и вдругъ какое нибудь необычайное событіе вызываетъ совершенно неожиданный взрывъ просто невѣроятныхъ явленій. Такъ, напр., недавно заграничныя медицинскія газеты передавали любопытныя свѣдѣнія о послѣдствіяхъ землетрясенія въ Ниццѣ. У цѣлаго ряда нервныхъ людей послѣ землетрясенія обнаружилось развитіе особаго нейроза: больнымъ кажется, что земля подъ ними колеблется и разверзается; всякое сотрясеніе, какъ-то проѣздъ экипажа, игра на фортепьяно, вызываетъ и усиливаетъ это ощущеніе. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ у больныхъ, какъ только они ложились, развивались галлюцинаціи зрѣнія; такъ, одному господину кажется, будто передъ нимъ раздвигаются стѣны. Но если подъ вліяніемъ землетрясенія нѣкоторые люди заболѣли, зато другіе неожиданно выздоровѣли: такъ, одна дама уже нѣсколько лѣтъ лежавшая въ параличѣ, отъ испуга вскочила, сама выбѣжала на улицу и съ тѣхъ поръ совершенно здорова. Съ нею очевидно повторилась та же исторія, которая была въ 1856 г. въ Hôtel Dieu въ Парижѣ, когда нѣсколько параличныхъ, испуганныхъ внезапнымъ пожаромъ больницы, пустились бѣжать со всѣхъ ногъ. Одна молодая дама, страдавшая со времени замужества очень упорнымъ нервнымъ кашлемъ, тоже внезапно выздоровѣла подъ вліяніемъ землетрясенія;

а одинъ господинъ избавился подъ тѣмъ же вліяніемъ отъ продолжительной и мучительной сѣдалищной невралгій.

Такъ сильно и рѣзко проявляется вліяніе внезапныхъ потрясеній на нервныхъ людей, одаренныхъ особо подготовленной нервной системой.

Въ числѣ такихъ потрясеній безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ войны вообще и религіозныя войны въ особенности.

Весьма существенная и знаменательная черта нервныхъ чудачествъ заключается въ ихъ особенной заразительности, почему онѣ нерѣдко принимаютъ повальный характеръ. Бордье рассказываетъ, что въ 1848 г., напр., въ одной мастерской въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ работало около 400 работницъ, было 115 случаевъ судорожнаго обморока въ теченіи 3-хъ дней.

Въ Лапландіи во время трескучихъ морозовъ и сильныхъ холодовъ, когда населеніе подвержено голодовкѣ и самому дурному питанію, нерѣдко появляется особая галлюцинація, которая свирѣпствуетъ эпидемически. Это называется (*rage des neiges*).

Въ разныхъ мѣстахъ Эфіопіи эти повальные чудачества называются *Astaragaza*.

На Мадагаскарѣ въ 1863 г. король Родама былъ полонъ довѣрія къ Европейцамъ и охотно допускалъ ихъ въ свою страну. Консервативная партія была этимъ недовольна и негодовала; старыя кумушки во снѣ совѣщались съ предками Родамы, которые наказали своему внуку, то есть королю Родамѣ, прогнать иностранцевъ. Словомъ, произошло такое же «гоненіе на иностранцевъ», какое мы видимъ теперь чуть не во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы, даже въ свободолюбивой Англіи. Пошли по этому поводу у Родамы собесѣдованія, совѣщанія, сплетни, преувеличенія и такъ далѣе, какъ водится.

Теперь читатель легко можетъ самъ убѣдиться, что всѣ эти факты доказываютъ зависимость повальныхъ чудачествъ не отъ климата, на который привыкли сваливать всѣ невзгоды, а чисто отъ соціального строя, отъ «самобытныхъ національных особенностей»... отъ невѣжества и отъ низкаго состоянія культуры и цивилизаціи...

Всѣ эти чудачества обходились и обходятся человѣчеству, жалкому и невѣжественному, а подчасъ и привилегированному, крайне дорого. Стократъ правъ д-ръ Реньяръ, когда онъ говоритъ, что колдовство, одно колдовство было для человѣчества гибельнѣе большихъ кровопролитныхъ войнъ. Чтобы это мнѣніе не показалось преувеличеннымъ, стоитъ прочесть тѣ страницы въ «Исторіи культуры» Колба, которая онъ посвящаетъ

процессамъ о вѣдмахъ и колдунахъ. Приведемъ хоть пару словъ. Въ 1659 году въ Бамбергѣ было сожжено нѣсколько женщинъ за то, что онѣ подъ пыткой сознались, что хотѣли заколдовать солнце, чтобы оно перестало свѣтить. Другія женщины были казнены за то, что онѣ своимъ колдовствомъ отравляли скотъ, а потомъ изъ бойни прогоняли въ городъ и продовали еще «живымъ». Въ Суль, въ Геннебергскомъ округѣ, въ 1662 году пытали мнимую вѣдму съ 11 часовъ утра до 5 часовъ вечера другого дня и вѣроятно мучили бы ее еще долѣе, еслибы она не умерла подъ пыткой. Если кто выдерживалъ пытку и не сознавался, то это считали признакомъ дьявольской силы. Самъ Лютеръ вѣрилъ въ колдовство. Онъ рассказывалъ, что мать его была испорчена одной колдуньей...

Сотни невинныхъ людей были предаваемы мучительной смерти. Однимъ изъ самыхъ жестокихъ судей по еретическимъ дѣламъ въ Германіи былъ Бальтазаръ Фоссъ, въ Фульдѣ; онъ хвастался тѣмъ, что сжегъ болѣе 700 человѣкъ и надѣется со временемъ довести число до тысячи. Рассказываютъ потрясающіе случаи. Ни возрастъ, ни полъ, ни положеніе не спасали отъ нелѣпѣйшихъ преслѣдованій. Дѣти 7—9 лѣтъ, старухи 80 и 90-лѣтнія подпадали одинаковой участи *)...

Будетъ этихъ ужасовъ! Да, но вѣдь это была пламенная вѣра, которая руководила злодѣяніями людей! Вѣдь это считалось правосудіемъ, юриспруденціей и совершалось по закону и на законномъ основаніи. Но вѣдь это возводили на костеръ психопатовъ, галлюцинатовъ, истериковъ и истеричекъ; а надъ ними совершали и творили судъ самые темные и ограниченные, попросту, невѣжественные люди и совершали это во славу Божію, во имя правды и справедливости! Что ужаснѣе и позорнѣе изъ этихъ двухъ ужасовъ?

Единственнымъ утѣшеніемъ намъ можетъ служить развѣ то, что теперь уже невозможны такіе ужасы, что теперь уже не повторится весь этотъ средневѣковой мракъ. Мы видимъ, что всѣ эти ужасы имѣли мѣсто во время *чувственной* и *психической* фазы цивилизаціи, когда царило невѣжество, полное и непросвѣтное невѣжество, въ которое насъ готовъ вернуть графъ Левъ Толстой, отрицающій науку. Единственное средство спасенія отъ этихъ ужасовъ мы видимъ въ одной лишь наукѣ, въ той самой наукѣ, которая разсѣяла вѣру и колдовство и потушила костры невѣжества и фанатизма.

*) Кольбъ, Исторія Культуры, Т. 2, стр. 439—440.

Конечно; не такими сочиненіями какъ «Первый Винокуръ» уничтожить въ народѣ вѣру въ чорта и въ колдовство, а только путемъ науки. Чѣмъ-то средневѣковымъ, мрачнымъ вѣтъ отъ словъ графа Льва Толстаго, когда онъ говоритъ: «Но это такъ только можетъ казаться для того, кто вѣритъ въ то, что наука есть что-то самобытное, не подлежащее ошибкамъ, а не просто измышленіе слабыхъ и заблуждающихся людей, которые только для важности подставляютъ внушительное слово—наука, вмѣсто мысли и словъ людей» *).

«И что удивительнѣ всего», продолжаетъ графъ Левъ Толстой, «это то, что эта самая позитивная наука признакомъ истиннаго знанія признаетъ научный методъ и сама опредѣлила то, что она называетъ научнымъ методомъ. Научнымъ методомъ она называетъ здравый смыслъ. И этотъ-то здравый смыслъ на каждомъ шагѣ и уличаетъ ее. Какъ только папы почувствовали; что въ нихъ не осталось ничего святаго, такъ они назвали себя святѣйшими. Какъ только наука почувствовала, что въ ней не осталось ничего здравомыслящаго (*horribile dictu!*), такъ она назвала себя здравомыслящей, то есть научной наукой» (Стр. 293).

Это говорить и пишутъ лучшіе люди въ странѣ, гдѣ и безъ того наука едва въ зародышѣ и гдѣ она и безъ того скорѣе въ загонѣ, чѣмъ въ почетѣ. Видно, въ Россіи наука явилась безъ родовыхъ потугъ, безъ сердечной боли и досталась русскому народу ужъ очень дешево, когда желаютъ ее упразднить совсѣмъ.

Желая обратить Россію въ исключительно земледѣльческую страну (какъ будто она когда нибудь была чѣмъ либо инымъ!) и стремясь осуществить въ ней тѣ идеалы, которые давнымъ давно осуществлены по словамъ Ж. Симона въ Китаѣ, графъ Толстой видитъ въ наукѣ единственнаго противника и единственную помѣху. Но едва ли есть еще страна на свѣтѣ, которая бы такъ уважала науку и управлялась ея представителями, какъ именно Китай. Правда, это наука своеобразная. Но важны нравы и настроеніе... И всетаки позвольте спросить, чѣмъ отличается Китай отъ Европы и чѣмъ Европа могущественнѣе и сильнѣе Китая? А вотъ чѣмъ.

По поводу изслѣдованій о Китаѣ генерала Пржевальскаго С. Георгиевскій говоритъ: «Въ дѣлѣ цивилизаціи, многосторонне и глубоко понимаемой, не Европа должна служить образцомъ для Китая, а Китай для Европы. Последняя можетъ хвалиться не высотой своей цивилизаціи, а развитіемъ у себя *математическихъ и позитивныхъ наукъ*, влія-

*) Знаменитый XII томъ его „Сочиненій“, стр. 283.

ющих на бытовую культуру. Если Китаю слѣдуетъ чѣмъ либо позавидовать отъ Европы, то именно этими науками. Онъ и заимствуется. Китайцы способны и оцѣнять и усваивать то, что полезно. Если теперь въ Китаѣ есть люди, изучающіе по-европейски и математику, и химию, и физику, и технологію; если на территоріи Срединнаго Царства проводятся телеграфы и желѣзныя дороги, тамъ и самъ начинаютъ устраиваться фабрики, заводы, доки; если китайцы пользуются и телефономъ, и швейной машиной, и фотографическимъ аппаратомъ, и многими другими предметами европейской культуры, то нѣтъ сомнѣнія, что не за горами то будущее, когда Китай не только станетъ въ уровень съ Европою въ усвоеніи позитивизма, но и опередитъ ее. (А мы останемся при пиковомъ интересѣ съ 12 томомъ графа Льва Толстаго въ рукахъ!). Въ самой Европѣ научный позитивизмъ съ его практическими примѣненіями развился вовсе не такъ давно. А въ Россіи сколько найдется людей, которые хорошо помнятъ то время, когда въ нашемъ отечествѣ не было ни пароходовъ, ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ! Въ странѣ, гдѣ уваженіе къ наукѣ освящено многими вѣками; въ странѣ, гдѣ вся масса народа любитъ науку, стремится къ ней, привыкла заниматься ею; въ странѣ, гдѣ слишкомъ высоко цѣнятъ земное благоденствіе и стараются дѣлать его содержательнѣе и многообразнѣе; въ странѣ, гдѣ люди готовы усваивать все полезное,—въ такой странѣ европейскій позитивизмъ не только будетъ усвоенъ, но и получить дальнѣйшее развитіе. Прогрессъ Китая, въ смыслѣ позитивно научномъ,—дѣло времени» *).

А что, г. Георгіевскій, станется съ Китаемъ, если въ него проникнуть, вмѣсто европейскаго позитивизма, проповѣдь и ученіе Льва Толстаго? Пропалъ тогда Китай, какъ шведъ подъ Полтавой!...

Но какую же науку мы защищаемъ и отстаиваемъ въ противность графу Льву Толстому? Мы отстаиваемъ «научное творчество», которое, если не превыше, то во всякомъ случаѣ сравняется со всякимъ инымъ творчествомъ.

Древній міръ оставилъ намъ въ наслѣдство одни лишь зачатки точныхъ наукъ. Какой нибудь Египетъ потратилъ государственное состояніе цѣлыхъ вѣковъ на сооруженіе бесполезныхъ пирамидъ, одиноко торчащихъ въ песчаной пустынѣ и никому теперь ненужныхъ. Онѣ не озаряютъ собою ни прошлаго, ни настоящаго и свидѣлствуютъ лишь о бесполезной затратѣ труда и средствъ цѣлаго народа. Какъ ни велики и громки

*) „Вѣстникъ Европы“. Августъ 1887, стр. 793.

имена Аристотеля, Гиппарха и другихъ, какъ ни блестящи ихъ научныя попытки, но древній міръ не додумался до *мировыхъ всеобъемлющихъ законовъ*, управляющихъ и заправляющихъ явленіями природы. Это — дѣло творцовъ науки послѣднихъ столѣтій.

Подъ научнымъ творчествомъ слѣдуетъ понимать такую систему знаній, принциповъ, обобщенія выводовъ, которыми объясняются явленія предшествовавшаго намъ періода развитія и *напрямка* предсказываются явленія въ будущемъ ходѣ развитія природы. Иными словами, научное творчество есть изысканіе законовъ природы, по которымъ совершаются ея жизнь и движеніе. На зарѣ историческаго развитія человѣчества, не только Египеть, но даже Греція всею своею совокупностью знаній не дали намъ ни одного такого закона, ни одной даже такой міровой, всеобъемлющей гипотезы.

Впервые научное творчество въ чистой оригинальной формѣ явилось въ устахъ и въ умѣ Ньютона, какимъ-то не понятнымъ пророчествомъ. Собственно говоря, ученіе Ньютона, его *Законъ* всеобщаго тяготѣнія, есть лишь гипотеза, путемъ опыта недоступная провѣркѣ. Вѣдь еще не нашлось такого геркулеса, который вздумалъ бы взвѣсить въ своихъ рукахъ сперва солнце, а потомъ землю и остальные планеты и опредѣлить ихъ взаимное тяготѣніе въ силу вѣса и квадратовъ разстоянія. Будь такой путь провѣрки доступенъ, скептицизмъ людской непременно вызвалъ бы такого рода опыты и попытки. Къ счастью однакоже, наука не совѣтъ лишена возможности провѣрить этотъ Законъ, эту гипотезу возведенную въ Законъ и провѣряетъ ее чуть не ежедневно если не прямо, то косвенно. Эту провѣрку совершилъ напр. Леверрье. Озадаченный и недовольный беспорядочными движеніями планеты Урана, Леверрье сталъ доказывать, что должна существовать еще одна планета, причиняющая возмущенія Урана. Путемъ вычисленій, сидя у себя въ кабинетѣ, Леверрье измѣрилъ разстояніе этой предполагаемой планеты, опредѣлилъ ея вѣсъ или массу и даже назначилъ ей мѣсто на небѣ: идите и ищите, тамъ она *должна* быть. И что же? Берлинскій астрономъ Галле сталъ рыться по небу среди звѣздъ и 11 сентября 1846 г. нашелъ дѣйствительно ту новую планету и на томъ самомъ мѣстѣ, на которое указывалъ Леверрье. Это былъ Нептунъ. Достоинно глубокаго удивленія, что въ одно время съ Леверрье ту же планету открылъ Адамсъ, тогдашній студентъ Кембриджскаго университета. Вотъ такое предсказаніе существованія неизвѣстной планеты гдѣ-то въ дебряхъ небесной сферы и открытіе ея есть лучшее и самое блистательное подтвержденіе Закона всеобщаго тяготѣнія, то есть научнаго творчества Ньютона.

Нечего конечно прибавлять, что съ тѣхъ поръ каждый день всѣ вытекающія изъ этого закона послѣдствія чуть не ежеминутно подтверждаютъ ся какъ предварительными вычисленіями, такъ и предсказаніями и наблюденіями повседневной жизни. Еще на дняхъ вся Европа была свидѣтельница такого предсказанія науки. Затменіе 7 августа 1887 г. было предвычислено между прочимъ проф. Хандриковымъ еще 25 лѣтъ тому назадъ и вычисленія эти показали, что условія для его будущаго наблюденія не могутъ быть названы весьма благопріятными, такъ какъ во время затменія луна будетъ находиться на среднемъ разстояніи отъ земли; поэтому полоса полного затменія не могла быть широкою. И всѣ предсказанія людей науки исполнились въ точности до малѣйшихъ подробностей, съ поразительной вѣрностью. Вотъ это незыблемый Законъ, и только та отрасль знаній, которая располагаетъ такими законами, заслуживаетъ названіе точной науки. Поэтому астрономія, которая вся сосредоточивается вокругъ и около Закона Ньютона, какъ около центра, занимаетъ въ системѣ наукъ первое мѣсто. Просимъ графа Льва Толстаго опровергнуть Ньютона.

Однако же не одна астрономія обрѣтается въ такомъ счастливомъ положеніи. Остальныя науки тоже стремятся идти по тому же пути. По крайней мѣрѣ, по словамъ Каррингтона-Больтона, новѣйшіе успѣхи химіи совершаются въ указанномъ направленіи. И въ химіи на основаніи точныхъ вычисленій выведенъ законъ, по которому предсказываются будущія открытія. Съ особымъ удовольствіемъ и съ чувствомъ непритворной радости замѣтимъ, что въ химіи роль Леверрье выпала на долю русскаго ученаго, именно Менделѣева. Открытіе это заключается въ слѣдующемъ. По словамъ Больтона, втеченіе многихъ лѣтъ химики смутно понимали вѣроятныя соотношенія между свойствами элементарныхъ или составныхъ частей тѣлъ, между свойствами простыхъ тѣлъ и вѣсомъ ихъ атомовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на это уже раньше указывали Дюма и Ньюландсъ, но только Менделѣеву удалось установить въ 1869 г. законъ, имѣющій величайшее значеніе. Менделѣевъ показалъ, что если элементы размѣстить въ порядкѣ ихъ атомныхъ вѣсовъ, то оказывается, что почти одни и тѣ же свойства повторяются періодически въ цѣлыхъ рядахъ тѣлъ. Этотъ такъ называемый періодическій законъ болѣе сжато представляется такъ: свойства элементовъ суть періодическія функціи ихъ атомныхъ вѣсовъ. Точность выводовъ, основанная на этомъ законѣ, поразительно доказана тѣмъ фактомъ, что Менделѣевъ, найдя незанятое мѣсто въ періодической системѣ, *впередъ предсказалъ общія и спеціальныя свойства* того элемента, открытіе котораго слѣдовало ожидать. И шесть лѣтъ спу-

стя Лекокъ де Буабодронъ открылъ галлій, элементъ или простое тѣло, которое какъ, оказалось, обладаетъ свойствами, почти тождественными съ тѣми, какія были предсказаны Менделѣевымъ гипотетическому эка-аллюминію. А въ 1879 г. точность Менделѣевского предсказанія была подтверждена Нильсоновскимъ открытіемъ *скандія*, соответствующаго гипотетическому эка-бору. Затѣмъ предстояло открыть эка-силиконъ и онъ уже найденъ Винклеромъ, который назвалъ его въ честь своей великой родины, творящей науку, а не выталкивающей ее въ шею, *германіемъ*. Открытіе этого можетъ быть бесполезнаго металла важно какъ новое научное подтвержденіе закона проф. Менделѣева о періодичности элементовъ, еще разъ подтвержденнаго этимъ открытіемъ. Германій въ системѣ Менделѣева занимаетъ мѣсто между кремніемъ и оловомъ. Онъ былъ предсказанъ; предсказаны были Менделѣевымъ его основныя химическія свойства. Замѣчательно, что все это подтвердилось съ поразительной точностью и самъ Винклеръ, готовый было сначала принять открытое имъ тѣло за другой элементъ, впослѣдствіи вынужденъ былъ согласиться съ Менделѣевымъ. Такимъ образомъ научное творчество въ химіи стоитъ, можно сказать, на высотѣ своего призванія: Менделѣевскій законъ—центръ, вокругъ котораго вращается все развитіе этой точной науки. Просимъ покорнѣйше графа Льва Толстаго опровергнуть Менделѣева.....

Долгое время точными науками, располагающими незыблемыми законами, считались одні физическія науки или науки о мертвой природѣ, а наука о живой природѣ или біологія еще не имѣла права претендовать на такое высокое положеніе. Такъ дѣло обстояло до Дарвина; но съ явленіемъ ученія этого внука не графа, а гончара Веджвуда, біологія заняла мѣсто наряду съ другими положительными науками. Можно даже сказать, что никогда еще научное творчество не достигало такой высоты и значенія, какихъ достигло оно съ открытіемъ законовъ Дарвина: борьбы за существованіе, естественнаго подбора и закона эволюціи вообще.

Лѣтъ 20 тому назадъ, въ рядѣ статей о Дарвинѣ въ журналѣ «Дѣло» мы назвали эти законы Дарвина «Послѣднимъ словомъ науки» признаемся, мы сами тогда не понимали, на сколько вѣрно и удачно было это сказано. Теперь тоже самое говоритъ Грантъ Алленъ въ своей книгѣ о Дарвинѣ. Дарвинъ по словамъ Грантъ Аллена «свелъ эволюцію съ неба на землю и примѣнилъ свой блестящій методъ ко всему, что наиболѣе интересуетъ простаго и безхитростнаго человѣка».

Приложеніе эволюціоннаго метода къ явленіямъ жизни составляетъ вѣнецъ философскаго и научнаго движенія 19 вѣка. Грубо, невѣрно и

умышленно дурно понятому Дарвину дѣлались возраженія; ему указывали, что у него все объясняется случайностью, что никто не видѣлъ и не провѣрялъ ни одного изъ его законовъ, а главное—что отсутствіе промежуточныхъ звеньевъ подрываетъ въ основѣ все его ученіе. По словамъ Грантъ-Аллена, однако же, Гексли доказываетъ, что въ теченіе 25 лѣтъ была открыта масса новыхъ фактовъ, укрѣпившихъ эволюціонную теорію именно въ тѣхъ пунктахъ, которые считались наиболѣе слабыми. И какъ въ астрономіи открытіе Леверрье и иныя открытія ежедневно подтверждаютъ истину ньютоновскаго ученія, такъ ежедневныя открытія, предсказанныя Дарвиномъ, постоянно подтверждаютъ его ученіе. Палеонтологія открыла многія изъ тѣхъ недостающихъ связующихъ звеньевъ органической цѣпи, отсутствіе которыхъ въ неполной и отрывочной геологической лѣтописи приводилось противниками Дарвина, какъ главный аргументъ противъ его теоріи, въ прежніе дни борьбы и сомнѣній. Черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ «Происхожденія видовъ» открытіе крылатого и покрытаго перьями существа (*Archeopteryx*), къ счастью сохранившагся въ Соленгофенскихъ сланцахъ съ головой, хвостомъ и зубами ящерицы, съ крыльями, грудью и ногами птицы, заполнило отчасти пропасть между современными птицами и пресмыкающимися. Открытіе ископаемыхъ птицъ, вооруженныхъ зубами, найденныхъ проф. Маршемъ въ мѣловой формациі Сѣверной Америки въ 1872 г., дополнило серію переходныхъ формъ, отсутствіе которыхъ представляло до сихъ поръ самый рѣзкій перерывъ въ цѣпи органическаго развитія. Равнымъ образомъ изслѣдованія Гофмейстера въ растительномъ мірѣ уничтожили пропасть между цвѣтковыми и безцвѣтковыми растеніями, доказавъ, что папоротники и хвощи связаны съ древнѣйшими и простѣйшими деревьями—хвойными. Тотъ же непрерывный прогрессъ совершился и въ другихъ вопросахъ. Годри нашель въ ископаемыхъ животныхъ Аттики переходныя формы между древними и мало развитыми циветтами и современнымъ семействомъ гиенъ; Морисъ открылъ въ Западной Африкѣ предка современной лошади, пятипалыхъ животныхъ, величиной не больше лисицы, которая мало по малу замѣняются четырехпалыми, трехпалыми и наконецъ однокопытными. Фильоль нашель въ кверсійскихъ фосфоритахъ общаго предка самыхъ разнообразныхъ, современныхъ плотоядныхъ кошекъ и собакъ, стопоходящихъ медвѣдей и пальцеходящихъ пумъ; наконецъ Пржевальскій нашель на азіатскихъ лугахъ переходную форму между лошадыю и осломъ. Рѣки Квинсланда дали стройную, дышащую легкими и жабрами «барамезиду», въ которой Гюнтеръ увидѣлъ недостающее звено между гонондами съ одной стороны и

двойнодышами и саламандровыми земноводными—съ другой. На основаніи всѣхъ этихъ открытій, Гексли вправѣ сказать, что по отношенію къ животному міру законъ эволюціи—не гипотетическое умозрѣніе, а выводъ изъ историческихъ фактовъ. Научное творчество Дарвина оправдало всѣ предсказанія и предугадало всѣ открытія будущаго, чѣмъ ежедневно подтверждается точность и вѣрность установленныхъ имъ законовъ.

Есть что-то величественное, чарующее, грандіозное въ словахъ, что небесныя свѣтила вращаются по закону Ньютона, а все живое, весь міръ животныхъ и растений развивается по закону Дарвина!... До Дарвина разные Ламарки и Кювье, даже Ляйели и Овены, все это были камешки, подрядчики и поставщики матеріала, но не было зодчаго, архитектора. Явился Дарвинъ и сразу воздвигъ грандіозное зданіе на незыблемыхъ основахъ вѣчныхъ законовъ природы. До Дарвина всѣ Ламарки и Ляйели сіяли звѣздами первой величины, но они были видны лишь ночью, на темномъ сводѣ научнаго неба; съ появленіемъ же дневнаго свѣтила, въ лицѣ Дарвина, они исчезли и стали незамѣтными.

Покорнѣйше просимъ графа Льва Толстого не трудиться опроверженіемъ Дарвина, такъ какъ этотъ неблагодарный трудъ слишкомъ неудачно выполнилъ Данилевскій и быть можетъ еще неудачнѣе «Старый трансформистъ».

Законы эволюціи внесли свѣтъ и въ самую астрономію; законы Дарвина преобразовали геологію, создали біологію, дали толчекъ и новое направленіе какъ психологіи, такъ и всей соціологіи. До поры до времени казалось, что медицина оставалась совершенно чуждой дарвинизму. Грантъ Алленъ не упоминаетъ объ ней въ своей книгѣ ни единымъ словомъ. Она дѣйствительно и есть самая отсталая наука; но въ послѣднее время и медицина начинаетъ уступать напору новаго направленія. Даже «великаго» Вирхова Грантъ Алленъ называетъ «закоснѣлымъ ученымъ старовѣромъ», такъ ужъ что бы онъ сказалъ и какъ бы онъ назвалъ нашего графа Льва Толстого? Но Грантъ Алленъ просмотрѣлъ и не замѣтилъ, что медицина претерпѣваетъ теперь радикальное преобразованіе, опять таки благодаря ученію Дарвина, примѣняемому къ медицинѣ знаменитѣйшими творцами микробиологіи, правда не врачами, а естествоиспытателями, какъ Пастеръ, Тиндаль, Поль Бэръ, Дюкло и другіе. На основаніи послѣднихъ изслѣдованій организмъ человѣка можно разсматривать какъ собраніе клѣточекъ-микробовъ, ведущихъ борьбу за существованіе какъ между собою, такъ и съ враждебными организму микробами, нападающими на него извнѣ. Пока организмъ настолько мощенъ, что одолеваетъ враждебныхъ ему микробовъ, устраняетъ ихъ, до тѣхъ поръ онъ

здоровъ, а чуть онъ поддастся, онъ заболѣваетъ. Заслуга Пастера заключается въ томъ, что онъ свое ученіе возвелъ въ систему и далъ возможность дѣлать предсказанія и совершать открытія. Онъ учитъ, что всякая заразительная эпидемическая болѣзнь обязана своимъ возникновеніемъ какому нибудь тлетворному микробу: ищите его, и, если вы его найдете, поставьте его въ инныя условія, при которыхъ онъ настолько ослабѣетъ, что вы его этимъ обратите въ предохранительную прививку и тѣмъ предохраните сотни и тысячи людей отъ этого заболѣванія и отъ преждевременной смерти. Это великое научное творчество съ его пророческими предсказаніями подтверждается ежедневно. Вотъ тому новѣйшее доказательство. Руководясь ученіемъ Пастера, докторъ Domingos Freire въ Рио-Жанейро, въ Бразиліи, рѣшилъ изслѣдовать причину желтой горячки. Онъ нашелъ ея микробъ, культивировалъ его, превратилъ въ предохранительную прививку и привилъ его 6,524-мъ лицамъ. Результаты получились неимовѣрные. Съ января 1885 по сентябрь 1886 г., отъ желтой горячки умерло въ Рио-Жанейро 1,675 человекъ. Изъ нихъ только 8 подверглись прививкѣ, а 1,667 не подверглись. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе все населеніе, получимъ одну смерть на 100 *непривитыхъ* и лишь одну смерть на 1000 привитыхъ. Эти цифры слишкомъ краснорѣчивы, особенно если сообразить, что до сихъ поръ необозримыя пространства Южной Америки съ исключительнымъ плодородіемъ были недоступны для европейцевъ изъ-за желтой горячки. Прививки же даютъ право разсчитывать, что опасенія изъ-за желтой горячки наконецъ исчезнутъ и тогда колонизація этихъ странъ воспріиметъ съ новой силой и дастъ пріютъ обездоленной массѣ людей, готовыхъ покинуть старую Европу. Экипажи кораблей въ полномъ составѣ уже подвергаются прививкѣ. Позволительно надѣяться и предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ, въ силу прививокъ, желтая горячка и совсѣмъ исчезнетъ, благодаря вакцинѣ доктора Domingos Freire, потому что въ прошломъ году, благодаря 6,524 прививкамъ сдѣланнымъ рабочему населенію въ Рио-Жанейро, въ средѣ котораго эпидемія свирѣпствовала наиболѣе и формировала свои очаги, въ этомъ году какъ разъ нѣтъ эпидеміи. А этого не случилось вотъ уже 35 лѣтъ. Прививки сдѣланы безвозмездно и оказываются совершенно безвредными. Вотъ такъ благотворительность и благодѣяніе бѣдному люду! Это не то, что печку скласть или сапоги спить. Какая мѣра можетъ еще вѣрнѣе поднять экономику и благосостояніе населенія, чѣмъ такія санитарныя мѣропріятія? Значить, санитарныя мѣры—самыя лучшія средства въ борьбѣ за существованіе для успѣшнаго дѣйствія закона

приспособлений. Не возьмется ли графъ Левъ Толстой опровергнуть и Пастера?

Изъ всего вышесказаннаго позволительно сдѣлать тотъ выводъ, что величайшее и спасительное благо человѣчества—въ научномъ творествѣ. А величайшая гибель народа заключается въ отрицаніи науки, въ пренебрежительномъ къ ней отношеніи, когда наука въ загонѣ и ее держатъ въ черномъ тѣлѣ.

Графъ Левъ Толстой однакоже оправдывается и говоритъ на страницѣ 314: «Я не только не отрицаю науку и искусство—но я только во имя того, что есть наука и истинное искусство и говорю то, что я говорю».

Какая же такая эта наука?

«И такая наука, говоритъ графъ, всегда и до нашего времени была въ людскихъ обществахъ, выходявшихъ изъ первоначальнаго дикаго состоянія. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку, въ этомъ тѣсномъ смыслѣ: науку о томъ, что нужное всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Эта то наука и служила руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній. Такова была наука Конфуція, Будды, Сократа, Магомета и другихъ». (стр. 317).

Мы знаемъ, что *такая* наука царила во все время мрачныхъ среднихъ вѣковъ и къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ она вела. На этой наукѣ преспокойно процвѣтали колдовство, самобичеваніе, инквизиція. Отъ этой «науки» человѣчество было спасено только «научной наукой» Ньютоновъ, Дарвиновъ, Менделѣевыхъ, Пастеровъ, которыхъ графъ Левъ Толстой уличаетъ въ обманѣ...

Въ одномъ отношеніи нельзя не согласиться съ положеніями графа Толстаго чтобы люди вообще занимались черной работой.

Но ради этого и чтобы дойти до такого философскаго міровоззрѣнія и аскетизма вовсе нѣтъ надобности херить всю науку. До этого міровоззрѣнія додумался даже Минусинскій крестьянинъ Бондаревъ, который требуетъ, чтобы всѣ люди безъ исключенія непременно были земледѣльцами по примѣру Китая, гдѣ Богдыханъ даже ежегодно три дня якобы пашетъ землю серебрянымъ плугомъ.

Тогда если и случится какое несчастье человѣкъ и не охнетъ, а съ жадностью устремится къ хлѣбному труду.

Извѣстно по «нашей» наукѣ, что всякое психическое чудачество крайне заразительно. Отъ чудака Бондарева многіе заразились и графъ Левъ Тол-

стой въ томъ числѣ. Вотъ почему графъ Левъ Толстой, возводя чудачество Бондарева въ науку, взываетъ: «Всѣ выдумки медицины и гигиены для людей нашего круга подобны тому, что придумывалъ бы механикъ для того, чтобы, растопивъ неработающій паровикъ и заткнувъ всѣ клапаны, сдѣлать такъ, чтобы паровикъ не разорвало. Въмѣсто всѣхъ сложнѣйшихъ и поглощающихъ столько трудовъ устройства увеселеній, комфорта и медицинскихъ гигиеническихъ приспособленій, долженствующихъ спасать людей отъ ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ болѣзней, нужно только одно: исполнять законъ жизни ¹⁾, дѣлать то, что свойственно не только человѣку, но и животному: выпускать зарядъ энергіи, принимаемый въ видѣ пищи, мускульнымъ трудомъ; говоря простымъ языкомъ: зарабатывать хлѣбъ, не работавши не ѣсть, или—сколько поѣлъ, столько и сработалъ. (Стр. 341).

Позвольте, однакоже, кто же больше русскаго народа, въ числѣ по меньшей мѣрѣ 90 милліоновъ крестьянъ, работаетъ и трудится физически?

Кто больше русскаго крестьянства обрабатываетъ землю въ потѣ лица своего, снискиваетъ хлѣбъ свой потомъ и кровью, но кто больше русскаго народа хвораетъ и умираетъ? Во всемъ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ болѣе болѣзненности и смертности, какъ среди русскаго крестьянства.

Занимая почти шестую часть земнаго шара, стомилліонный русскій народъ въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія ведетъ борьбу съ самыми жестокими и свирѣпыми климатическими условіями и, чтобы сдѣлать такую дику, неблагоприятную, суровую страну сколько нибудь обитаемой, ему приходится затрачивать весь свой физическій и умственный трудъ на эту работу, на эту борьбу и вотъ почему ему приходится платиться такой чрезмерной болѣзненностью и смертностью, такъ какъ онъ крайне плохо вооруженъ средствами и орудіями высокой и разнообразной европейской культуры и цивилизаціи, и вдругъ ему говорятъ: брось все и становись въ еще большую зависимость отъ земли. Находятся въ добавокъ еще такіе чудаки, которые хвастаются и чванятся этой зависимостью русскаго народа отъ земли и считают это его «самобытной особенностью», которую необходимо дорожить и беречь какъ зеницу ока...

Среди этого хаоса противорѣчій на выручку является «научная наука», столь ненавистная графу Льву Толстому и обѣщаетъ избавить человѣка окончательно отъ тяжести земли.

Дѣло въ томъ, что почти одновременно въ двухъ частяхъ свѣта, Эдисонъ въ Америкѣ и Либрейхъ въ Берлинѣ заявили, что химія наканунѣ

¹⁾ Формулированные Бондаревымъ.

великаго открытія. Уже давно ученые стремились къ тому, чтобы искусственнымъ путемъ добыть бѣлокъ. Работаютъ надъ этой задачей сотни умовъ и творцовъ науки и.. кто знаетъ, можетъ быть не сегодня-завтра наука выйдетъ торжествующей побѣдительницей затрудненій. Намеки и знаменія уже предвѣщаютъ это. Въ Германіи вышла недавно новая работа доктора Сименса, извѣстнаго своими физическими и химическими изслѣдованіями, гдѣ онъ положительно утверждаетъ, что мы живемъ *наканунѣ* полного разрѣшенія вопроса объ искусственномъ приготовленіи пищи непосредственно изъ земли, воды и воздуха, откуда всѣ жизненные продукты получаютъ и теперь, только въ переработкѣ при помощи животныхъ и растительныхъ организмовъ. Вся задача въ томъ и заключается, чтобы обойтись безъ этой посредствующей переработки. Задачу эту, по свидѣтельству доктора Сименса, рѣшаетъ химія въ связи съ электротехникой. Въ работѣ почтеннаго ученаго мы не находимъ пока болѣе полныхъ указаній на то, какъ рѣшается эта задача, что сдѣлано въ этомъ отношеніи и что остается еще сдѣлать. Само собою разумѣется, что все сдѣланное до сихъ поръ является только первой (далеко не первой!) пожалуй даже робкой попыткой рѣшенія этого вопроса. Но если даже сдѣлано только первый удачный шагъ, то и это уже составляетъ громадное завоеваніе человѣческаго ума. Не можетъ рѣшиться однимъ взмахомъ такое дѣло, которое грозитъ въ корнѣ измѣнить всю жизнь народовъ всего земнаго шара.

Въ самомъ дѣлѣ, какой переворотъ долженъ произойти въ жизни нашей планеты, если химія будетъ въ состояніи готовить изъ земли, воды и воздуха всѣ жизненные продукты, хотя и не въ такомъ видѣ, какъ мы ихъ имѣемъ теперь, но одинаковаго съ ними качества въ смыслѣ питательности? Исчезнетъ какъ дымъ роковое значеніе закона Мальтуса (столь напугавшаго воображеніе графа Толстого) о переполненіи земли. Не надо полей ни для нивы, ни для пастбища. Вся суша земнаго шара можетъ представить одинъ сплошной городъ (столь ненавистный графу Льву Толстому). Ужъ не тогда ли наступитъ тотъ *золотой вѣкъ*, который по вѣрованію многихъ былъ когда то и будетъ вновь.

Какъ ни смѣла эта идея, къ которой человѣчество начинаетъ повидимому подходить твердо и сознательно, но невыполнимаго, невѣроятнаго здѣсь ничего нѣтъ. Мало ли что было невѣроятнымъ, а теперь сдѣлалось простымъ и очевиднымъ для cadaго? Развѣ повѣрилъ бы древній философъ, что можно переговариваться другъ съ другомъ черезъ безбрежный океанъ? А теперь это становится возможнымъ.

И такъ, въ самомъ дѣлѣ, что если химія начнетъ добывать искусственно бѣлокъ и пищу вообще? Что тогда станетъ съ пресловутымъ общиннымъ, крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ? Вѣдь Бондарева придется отпустить съ миромъ въ отставку и забыть его «первородную заповѣдь—хлѣбный трудъ!» Вѣдь тогда ученіе графа Толстого совсѣмъ потеряетъ всякое свое тенденціозное значеніе и «научная наука» вполнѣ будетъ торжествовать.

Въ одномъ правда трудно спорить съ графомъ Толстымъ, это именно въ томъ, что «научная наука» не сдѣлала человѣчество счастливымъ. Положимъ, допустимъ; но гдѣ гарантія, что человѣчество осчастливитъ «его наука». Прежде всего графъ забылъ изрѣченіе Лессинга, что счастье заключается въ *стремленіи* къ истинѣ, а вовсе не въ тѣхъ пяти положеніяхъ, которыя онъ предлагаетъ. Затѣмъ на основаніи 5 положеній графа можно думать, что счастье подразумеваетъ полное довольство своимъ положеніемъ, «своимъ обѣдомъ и женой». Но къ счастью люди науки этимъ не страдаютъ, да въ интересъ прогресса даже и необходимо, чтобы люди науки были постоянно недовольны успѣхами ея, такъ какъ въ этомъ гарантія ея поступательнаго движенія впередъ. Не то ублажились бы и остановились какъ Китай на одномъ. Но меньше всего возможно и очень мудрено обрѣсти счастье тамъ, куда насъ посылаетъ графъ Толстой. «Наконецъ, говоритъ графъ, пятое условіе счастья есть здоровье и безболѣзненная смерть. И опять, чѣмъ выше люди на общественной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе они лишены этого условія счастья. Возьмите средняго богача и его жену и средняго крестьянина и его жену, не смотря на весь голодъ и непомерный трудъ, который несетъ крестьянинъ, и сравните ихъ, и вы увидите, что чѣмъ ниже, тѣмъ здоровѣе и чѣмъ выше, тѣмъ болѣзненнѣе мужчины и женщины. Изъ нихъ здоровый человѣкъ, не лечащійся постоянно или періодически лѣтомъ, такое же исключеніе, какъ больной въ рабочемъ сословіи» (стр. 384). Вотъ тебѣ разъ.... Представьте, что во всемъ сказанномъ нѣтъ ни одного слова правды. Спросите сейчасъ всѣхъ земскихъ врачей, всѣхъ заводскихъ и фабричныхъ врачей, всѣхъ фабричныхъ инспекторовъ—и всѣ эти эксперты въ одинъ голосъ вамъ скажутъ, что сельское и фабричное населеніе несравненно больше хвораетъ и непримерно сильнѣе вымираетъ, чѣмъ богатое городское населеніе *); во всѣхъ

*) Во всемъ свѣтѣ наименьшая болѣзненность и смертность именно среди богатей: въ Лондонѣ смертность въ средѣ богатаго класса не болѣе 15 съ тысячи,

отчетахъ врачей только и читаешь, что «бѣдность и невѣжество» русскаго народа — главная причина всѣхъ его болѣзней, даже и въ особенности эпидемическихъ заразныхъ, и что только улучшеніе экономическаго благосостоянія уменьшить эту болѣзненность и смертность, а графъ Толстой утверждаетъ противное, — что богатство еще больше вызываетъ болѣзненность и смертность, значить, нѣтъ надобности съ санитарной точки зрѣнія улучшать экономику народа. Но повторяемъ, что это — полное незнакомство съ народной жизнью, такъ тщательно и изумительно правдиво изслѣдованной земскими врачами; и графъ Толстой совершенно ошибается и не знаетъ, что русское рабочее населеніе представляетъ вопіющую болѣзненность и смертность. И звать туда, въ крестьянскую среду, нашу интеллигенцію можетъ только злѣйшій врагъ ея, потому что это значить обречь ее на вѣрную смерть, если конечно интеллигенція не догадается окружить себя всѣми средствами культуры и надѣлать ими же бѣдствующій народъ.

Вопіющая бѣдность, постоянная болѣзненность и первобытная культура держать весь деревенскій народъ въ черномъ тѣлѣ, и вотъ вѣсто того, чтобы вносить въ его среду подходящіе для него европейскіе плоды культуры и цивилизаціи, для него изготовляютъ особую литературу въ родѣ «Перваго Винокура» и стараются убѣдить его, что онъ долженъ для насъ служить образцомъ и чуть не идеаломъ. Русское крестьянство на это смѣло могло бы отвѣтить, что никогда баринъ не влѣзетъ въ шкуру мужика на самомъ дѣлѣ, а не шутя, потому что баринъ очень хорошо понимаетъ и знаетъ, какъ жестка и беззащитна эта шкура и всегда по охотѣ и когда вздумается легко можетъ ее сбросить; мужикъ же другой шкуры кромѣ своей не знаетъ и если бы даже и хотѣлъ, то не въ силахъ ее сбросить; а тутъ «угovarиваютъ его никогда не разставаться съ этой шкурой, что она ему присуща и завѣщена исторіей, традиціей и неумолимымъ слѣпымъ рокомъ. Вотъ гдѣ трагизмъ положенія, такъ какъ что же можетъ быть трагичнѣе, какъ не сознаніе чувства ничтожества!

Наконецъ «научная наука» еще въ одномъ грѣхѣ провинилась предъ графомъ Львомъ Толстымъ. Она вся — обманъ. «Съ страшною борьбою и трудомъ люди по немногу высвободились изъ многихъ обмановъ. И вотъ новый еще злѣйшій обманъ выросъ на пути людей: — обманъ научный. Новый этотъ обманъ точно такой же, какъ и старые: сущность его въ томъ,

а среди бѣдныхъ жителей города Саратова и въ Дуракинскихъ волостяхъ Московской губерніи смертность доходитъ до 70 и до 100 съ тысячи!!!

чтобы подмѣнить дѣятельность разума и совѣсти своей и жившихъ прежде насъ людей чѣмъ нибудь внѣшнимъ; въ научномъ обманѣ это внѣшнее: наблюденіе» (стр. 297).

Конечно, ужъ очень оскорбительно читать, что Ньютоны, Дарвины, Пастеры—обманщики, но тутъ Европа можетъ вспомнить выраженіе Наполеона: *gratez un russe et vous trouverez un tartare*.

Но умыселъ тутъ иной. Утверждая, что «научная наука» вся обманъ и безнравственна, графъ надѣется убѣдить, что нравственность въ человѣчествѣ можетъ поселить, воспитать, вѣдрить и укрѣпить *его* наука. Но для достиженія этой цѣли едвали предстоитъ въ ней надобность, такъ какъ знаменитые путешественники не нахвалятся и не нарадуются, какая завидная нравственность царить у самыхъ первобытныхъ народовъ, гдѣ ни о какой наукѣ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Такъ, предпрошлую зимою Миклуха-Маклай читалъ лекціи въ Петербургѣ и всѣ слушатели были не мало удивлены его сообщеніемъ, что среди его папуасовъ до сихъ поръ живетъ золотой вѣкъ, о существованіи котораго мы до послѣдняго времени знали только по греческой мифологіи. Вотъ что между прочимъ говоритъ нашъ знаменитый путешественникъ: «когда я сошелся съ ними, т. е. съ жителями берега Маклая, меня пріятно поразили хорошія и вѣжливыя отношенія съ женами и дѣтьми. Во все мое пребываніе на берегу Маклая *мнѣ не случилось видѣть ни одной грубой ссоры или драки между туземцами*. Я также не слышалъ ни объ одной кражѣ или убійствѣ между жителями одной и той же деревни. Въ этой общинѣ не было начальниковъ, не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, почему не было ни зависти, ни воровства, ни насилія. Легкость добыванія средствъ къ существованію не заставляла ихъ много трудиться, почему выраженія злобы, ожесточенія, досады не имѣли мѣста». Такъ жили и живутъ до сихъ поръ люди незнакомые ни теоретически, ни практически съ эволюціонной теоріей Спенсера. Въ недавно вышедшей книгѣ Кулишера «Очерки сравнительной этнографіи и культуры» приведены совершенно такія же свидѣтельства путешественниковъ о жизни американскихъ индѣйцевъ и негровъ. Такъ, Шомбургъ говоритъ о краснокожихъ слѣдующее: «Цивилизація обладаетъ несравненно высшимъ благомъ, чѣмъ тѣ, которыми пользуются эти примитивные люди; но ей недостаетъ той *безукоризненной нравственности*, которая является достояніемъ почти всѣхъ индѣйцевъ, не пришедшихъ въ соприкосновеніе съ европейцами. Нравственности и добродѣтели имъ не нужно учиться у цивилизованнаго общества. Объ этихъ вещахъ они вообще не говорятъ: они живутъ и проник-

путы ими. Ихъ слова—дѣло, ихъ обѣщанія—дѣйствія». А вотъ свидѣтельство путешественника о неграхъ: «Тамъ, гдѣ негръ предоставленъ самому себѣ, онъ довѣрчивъ, отличается откровеннымъ нравомъ и честенъ; онъ по природѣ сострадателенъ и гостепріименъ».

Замѣтно однакоже, что рядомъ съ этой высокой нравственностью преспокойно уживаются всевозможные ужасы суевѣрія, колдовство, шаманство, самые непостижимые предрасудки, фетишизмъ и идолопоклонство или даже полное отсутствіе какой бы то ни было хотя бы зачаточной религіи. Но спустимся ступенью ниже. Эспинасъ въ своей «Соціальной жизни животныхъ» и особенно *Houssan* (*Etudes sur les facultés mentales des animaux*) доказываютъ, что нравственность и религіозность — свойства, присущія не одному человѣку, но и животнымъ, разумѣется, въ сравнительной градаціи.....

Значить, высокая нравственность съ печатью цѣломудрія на челѣ можетъ процвѣтать на самой что ни на есть первобытной почвѣ, помимо всякой науки и нисколько въ ней не нуждаясь. Напротивъ того, отсутствіе «научной науки» держать первобытный народъ въ совершенной тьмѣ, на самой низкой ступени культуры и цивилизаціи и даетъ полный просторъ всѣмъ ужасамъ колдовства, суевѣрія, фетишизма и полнѣйшаго невѣжества. Ясно, что замѣнить «научную науку» самобытной наукой никакъ не приходится даже для водворенія той морали, о которой когда то мечталъ другой чудакъ-неудачникъ, Жанъ-Жакъ Руссо. Да не можетъ быть, чтобъ всего этого не зналъ самъ графъ Левъ Толстой; всѣ эти его фантазіи и галлюцинаціи не больше какъ парадоксы и психическое чудачество.

Впрочемъ нужно сознаться, что онъ подчасъ впадаетъ въ вопіющее противорѣчіе. Отрицая всю «научную науку», проклиная всю интеллигенцію, уличая ее въ тунеядствѣ и признавая ея существованіе просто вреднымъ, графъ Левъ Толстой зоветъ всѣхъ вернуться въ народъ, гдѣ обрѣтаются всѣ пять условій счастья на землѣ. Но сравните выше приведенное описаніе нравственности первобытныхъ народовъ съ мрачной картиной, выхваченной графомъ Толстымъ изъ «Власти тьмы» русскаго народа, который вдругъ въ глазахъ графа лишился невинности и является самымъ отвратительнымъ извергомъ. Такъ, Никита, задушивъ собственнаго ребенка, говорить: «Что-жъ это они сдѣлали? Что они (?) со мной сдѣлали? Пищаль какъ... Какъ захруститъ подо мной... Что они со мной сдѣлали! И живъ все, право живъ. Пищитъ... Все пищитъ. И какъ захрустятъ подо мной косточки... и такъ далѣе (смотри народное изданіе Посредника, стр. 133).

Да, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было огородъ городить? Зачѣмъ было сперва такъ идеализировать русскій крестьянскій народъ и выставить его хранителемъ и обладателемъ основъ счастья, а затѣмъ опозорить его въ глазахъ всей Европы, взводя на него клевету въ неимовѣрномъ изувѣрствѣ и безчеловѣчнѣйшей дикости? Зачѣмъ было приглашать всю интеллигенцію, чтобы она пошла поучиться нравственному уму-разуму у народа и тутъ же обезславить его непроходимой тиною, всецѣло васъ поглощающей «Властью тьмы»? Все это нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только продуктомъ психического чудачества.

III.

Въ природѣ вездѣ и во всемъ можно прослѣдить постепенность и градацію. Между двумя рѣзкими крайностями, абсолютной глупостью—общепризнаннымъ дуракомъ или идиотомъ и какимъ нибудь всесвѣтнымъ умницей тянется цѣлая серія переходныхъ ступеней. Каждый человѣкъ можетъ въ кругу своихъ знакомыхъ мужчинъ и женщинъ составить рядъ и разгруппировать ихъ по степени ума, оригинальности, талантности и развитія.

Каждый это и дѣлаетъ, разумѣется на свой аршинъ; у каждого свой собственный критерій. Значить, даже такая невѣсомая матерія, какъ умъ человѣка, душа его, его интеллектъ, его психическое развитіе подлежатъ контролю и классификаціи. И въ обществѣ мы всегда всѣхъ своихъ знакомыхъ распредѣляемъ по своему собственному масштабу. Но мы всегда въ кругу своихъ знакомыхъ можемъ отличить людей совершенно здоровыхъ, нормальныхъ отъ не нормальныхъ, нѣсколько поврежденныхъ. Нерѣдко однако же среди своихъ знакомыхъ мы знаемъ людей, хотя совершенно здоровыхъ и нормальныхъ, но съ какими то особенными странностями, къ которымъ мы привыкли и которыя намъ не мѣшаютъ. Такія странности даже подъ часъ забавны, развлекаютъ, составляютъ тему для разговоровъ, служатъ сюжетомъ для остроумья, для копированія, для пониманія на смѣхъ, и безъ нихъ намъ было бы скучно. Ступеню дальше мы наталкиваемся на разнообразнѣйшія чудачества, подчасъ крайне несносныя, и иногда просто вредныя. Тѣмъ не менѣе, носители этихъ чудаществъ въ тоже время внѣ сферы этихъ чудаществъ люди совершенно здоровые, нормальные, трезвые, но оригинальные и внушающіе безпокойство. Ступеню дальше и предъ нами люди, ведущіе жизнь точно въ

бреду, галлюцинирующіе и свои галлюцинаціи принимающіе за дѣйствительность. Затѣмъ слѣдуютъ такъ называемые психопаты, и цѣль замыкается упоминаясь, которые насъ тутъ не интересуютъ. Насъ интересуютъ люди со странностями и съ чудачествами, но психическое отправление которыхъ весьма трудно отграничить отъ галлюцинацій на яву и на бумагѣ. Поэтому мы начнемъ съ послѣднихъ, чтобы потомъ перейти къ чудачкамъ и чудачествамъ въ тѣсномъ смыслѣ, причѣмъ однакоже коснемся и психопатовъ.

До сихъ поръ однакоже люди «научной науки» еще не вполне между собою согласны относительно галлюцинацій. Одни изъ нихъ того мнѣнія, что галлюцинаціи совершенно аналогичны нормальнымъ отправлениямъ головного мозга и даже увѣряютъ, что есть галлюцинаціи чисто физиологическія, значить, такъ сказать, нормальныя; другіе же утверждаютъ, что всякія галлюцинаціи всегда патологичны, значить болѣзненны. Думаемъ, что трудно, даже почти невозможно, отграничить одни отъ другихъ, еще труднѣе подмѣтить легкіе оттѣнки переходныхъ формъ. Д-ра Айрлендъ *), Кандинскій и Меньеръ держатся того мнѣнія, что галлюцинаціи есть результатъ стимула, принадлежащаго корковому слою сѣраго вещества переднихъ лобныхъ долей. Это значить и есть анатомическая почва образованія галлюцинацій, а также и чудачествъ. Простое возбужденіе можетъ произвести простую галлюцинацію въ видѣ луча и звука, но малѣйшее предрасположеніе къ болѣзненности переводитъ эту простую галлюцинацію въ сложную. Такимъ образомъ требуется два фактора: раздраженіе чувствительныхъ нервовъ и усиленная возбудимость дѣятельности мозга; этимъ путемъ мы не получимъ упоминаясь, а только повышенную возбудимость или усиленную дѣятельность воображенія.

Нѣкоторые ученые доходятъ до того, что не признаютъ рѣзкой разницы даже между помѣшательствомъ и здоровымъ состояніемъ мозга. Таковъ напр. д-ръ Айрлендъ; другіе-же, какъ Ломброзо, готовы признать гениальность и помѣшательство чуть не тождественными.

«Не существуетъ рѣзкой черты, говорить Айрлендъ, между помѣшательствомъ и совершенно здоровымъ состояніемъ мозга; какъ глазъ не совершенно ахромитиченъ, такъ и разумъ, вѣроятно, не бываетъ никогда абсолютно здоровъ. У однихъ мозгъ работаетъ хорошо, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ; у другихъ—порядочно, у нѣкоторыхъ—неправиль-

*) «Психозы въ исторіи».

но; у меньшинства — совсѣмъ не работаетъ. Различія безконечны, нѣтъ двухъ совершенно сходныхъ субъектовъ: они могутъ походить на васъ, на меня, но никогда не будутъ точно такими; обстоятельства могутъ быть сходны, но никогда не идентичны. Исторія никогда не повторяется; если же это иногда и кажется, то потому только, что мы ложно ее понимаемъ, принимаемъ единичное событіе за цѣлое. Такъ и между самымъ свѣтлымъ разумомъ и наиболѣе разстроеннымъ есть отличія, не опредѣлимые для насъ». «Лица, не совершенно помѣшанные, но кажущіяся странными, представляютъ очень частое явленіе».

«Въ міровой исторіи лица, въ нѣкоторой степени разстроенныя разумомъ, имѣли большое значеніе и вліяніе; но чтобы производить такое вліяніе—естественно нужна была подходящая почва: заблужденія ихъ должны были гармонизировать съ заблужденіями толпы» (стр. 74).

Очень оригинально и остроумно характеризуетъ итальянскій ученый, профессоръ Ломброзо, одну породу этихъ чудаковъ, которыхъ онъ называетъ *маттоидами* и другую форму называетъ *графоманами*. Тѣ и другіе близко подходятъ къ психопатамъ Балинскаго или къ невропатамъ Раджи.

«Обыкновенно такія личности, говоритъ Ломброзо, становятся во главѣ тайныхъ обществъ, заставляющихъ въ кафе или политическомъ клубѣ, дѣлаются основателями новыхъ сектъ или только ихъ апостолами, тѣмъ болѣе ревностными, чѣмъ невѣжественнѣе сами.

Тщеславные до крайней степени интеллектуальные маттоиды—подчасъ такіе неудержимые болтуны, что, разъ заговоривъ, уже не могутъ остановить потока своего краснорѣчія, даже если бы и желали этого. Находясь подъ вліяніемъ какого-то лихорадочнаго умственнаго возбужденія, они говорятъ безъ логической связи и нерѣдко приходятъ къ выводамъ, совершенно противоположнымъ тому, что они хотѣли доказать. Иногда у нихъ появляются чрезвычайно странныя фантазіи: напр. сосчитать камешки на мостовой, половицы въ комнатѣ или пристально смотрѣть на кончикъ сапога. Разсѣяны они до такой степени, что по нѣсколько разъ пишутъ объ одномъ и томъ же предметѣ къ одному и тому же лицу; иногда же, напротивъ, у нихъ бываетъ необыкновенно развита память, такъ что они запоминаютъ цѣлыя страницы изъ прочитаннаго или же хорошо помнятъ только числа, иностранныя слова, но забываютъ черты лица даже своихъ друзей. Нѣкоторые отличаются живостью воображенія, вслѣдствіе чего доходятъ до разныхъ абсурдовъ, дѣлаютъ категорическія заключенія отъ общаго къ частному» (стр. 164).

Особенно оригинально и съ мѣткой наблюдательностью живописуетъ

Ломброзо разновидность типа маттоидовъ—именно графомановъ, которые какъ доказали ему событія послѣдняго времени, нерѣдко пріобрѣтаютъ особое значеніе въ соціальной и политической жизни народа, причемъ вредная ихъ дѣятельность прикрывается вначалѣ псевдолитературными стремленіями.

У графомана, по словамъ и ученію Ломброзо, въ большинствѣ случаевъ черепъ бываетъ нормальный. Отличительная особенность его—преувеличенное мнѣніе о себѣ, о своихъ достоинствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительно ему свойственная способность высказывать свои убѣжденія больше на бумагѣ, чѣмъ на словахъ или на дѣлѣ, не возмущаясь нисколько тѣми невзгодами и противорѣчіями, которыя на каждомъ шагѣ встрѣчаются въ практической жизни и обыкновенно не даютъ покоя, какъ геніальнымъ людямъ, такъ и сумашедшимъ. «Такъ напр. нѣкій Чіанкеттини приравнивалъ себя къ Галилею, даже къ самому Христу и въ то же время подметалъ лѣстницы въ казармѣ». «Ненормальность писателей—маттоидовъ не всегда легко было бы замѣтить, еслибы, при всей кажущейся серьезности и увлеченіи данной идеей, къ сочиненіямъ ихъ не примѣшивалось зачастую множество нелѣпыхъ выводовъ, постоянныхъ противорѣчій, многословія, бессмысленной мелочности и главнымъ образомъ себялюбія и тщеславія, составляющихъ преобладающія свойства этого сорта людей» (стр. 167).

«Другая особенность, отличающая этихъ людей, заключается въ томъ, что они, такъ сказать, ни съ того, ни съ сего пускаются въ несвойственные имъ занятія. Далѣе, характеристическое отличіе маттоидовъ отъ преступниковъ и отъ большинства сумашедшихъ составляетъ ихъ умѣренность въ пищѣ, доходящая иногда до подвижничества чисто монастырскаго. Приэтомъ, однакоже, межъ ними встрѣчаются люди безукоризненной идеальной честности и до крайности аккуратные.

Вообще же, эти люди, странные въ своихъ сочиненіяхъ, оказываются довольно разумными въ практической жизни, гдѣ обнаруживаютъ и здравый смыслъ, и расчетливость, и даже хитрость. Все это доходитъ до того, что они состоятъ профессорами, сенаторами, отправляютъ обязанности депутатовъ, и никто не замѣчаетъ за ними никакихъ особенныхъ странностей. (стр. 180).

Нѣкоторые чудаки этого сорта очень любятъ щеголять простотой костюма, съ цѣлью удобнѣе пропагандировать свои идеи. «Развѣ публика, сказалъ одинъ такой писатель, стала бы останавливаться предо мной на лицѣ и разспрашивать меня о моемъ ученіи, если бы я былъ одѣтъ

иначе? Костюмъ мой служить мнѣ *рекламой* моихъ проповѣдей, и я не шу его изъ принципа» (стр. 187).

Такова по Ломброзо общая характеристика этихъ чудаковъ, именующихъ графоманами. При этомъ необходимо сознаться, что это психическое чудачество есть печальный удѣлъ интеллектуальной сферы цивилизации, и въ социальномъ отношеніи оно играетъ роль палки о двухъ концахъ, попадая однимъ концомъ по барину, а другимъ по мужику. Мы этимъ хотимъ сказать, что графоманство поражаетъ иногда выдающихся личностей, играющихъ тѣмъ не менѣ видную роль въ социальной и политической жизни народовъ и нерѣдко приносящихъ своимъ чудачествомъ колоссальный вредъ человѣчеству, подъ часъ просто влекущихъ за собою гибель народовъ. Ломброзо и Айрлендъ приводятъ тому весьма назидательные примѣры, которыми мы хоть отчасти воспользуемся. Вредъ этихъ чудаковъ-графомановъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что они, лично располагая обширною и нерѣдко безконтрольною властью, просто тиранятъ подвластные имъ народы; во 2-хъ, въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ находятъ массу послѣдователей своего чудачества и порождаютъ просто цѣлыя секты, практикующія болѣе или менѣ продолжительное время это чудачество, и въ 3-хъ, нерѣдко они—представители и выразители высокой науки и литературы, но своими чудачествами, такъ сказать, подрываютъ престижъ науки и какъ будто нѣсколько конфузятъ ее. Вотъ почему въ дѣятельности и произведеніяхъ этихъ людей необходимо отличать все то, что составляетъ продуктъ ихъ таланта, генія, интеллекта и здравого разума отъ всего того, что составляетъ продуктъ ихъ психического чудачества. Наука и тутъ является самымъ вѣрнымъ и самымъ лучшимъ критеріемъ.

Такъ, по словамъ Ломброзо, знаменитѣйшій французскій мыслитель, 1) Огюсть Контъ, пока онъ былъ здоровъ, создалъ новую философскую систему—позитивизмъ, и былъ самымъ крупнымъ и выдающимся представителемъ точныхъ наукъ; но потомъ онъ заболѣлъ и въ продолженіи десяти лѣтъ лечился у Эскироля отъ психического расстройства и затѣмъ уже, по выздоровленіи, безъ всякой причины прогналъ жену, которая своими нѣжными попеченіями спасла ему жизнь. Въ сочиненіяхъ Конта, рядомъ съ поразительно глубокими положеніями, встрѣчаются чисто безумныя мысли. Само собою понятно, что когда Контъ творилъ въ силу своего таланта науку, онъ могъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, но когда онъ сталъ выдавать себя за апостола, здравый смыслъ общества сразу понялъ, что Контъ рехнулся. Это очень просто...

Другой примѣръ мы имѣемъ въ лицѣ Ньютона, который въ молодости

покорилъ своимъ умомъ все человѣчество, а въ старости тоже страдалъ настоящимъ психическимъ разстройствомъ, хотя и въ не крайней степени. Тогда то онъ и написалъ свою *Хронологию* и *Апокалипсисъ*, сочиненія туманныя и запутанныя.

Въ 1693 году, послѣ второго пожара въ его домѣ и послѣ непомѣрно усиленныхъ занятій, Ньютонъ, въ присутствіи архіепископа, началъ высказывать такія странныя и нелѣпыя сужденія, что друзья нашли нужнымъ увезти его и окружить самымъ заботливымъ уходомъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ страдалъ маніей преслѣдованія. Было бы большой нелѣпостью со стороны всего человѣчества не преклоняться предъ величіемъ гения Ньютона и не признавать его научныхъ открытій только потому, что онъ подъ конецъ жизни впалъ въ помѣшательство; но также нелѣпо было бы принимать на вѣру, восхищаться и признавать истиной тѣ чудачества, которыя онъ измыслилъ въ больномъ состояніи, только потому что все это измыслилъ и «сочинилъ» великій Ньютонъ.

Третій весьма яркій примѣръ людей этого сорта представляетъ собою Жанъ-Жакъ Руссо. «Кто, говоритъ Ломброзо, не бывши ни разу въ больницѣ для умалишенныхъ, пожелалъ бы составить себѣ вѣрное представленіе о душевныхъ мукахъ, испытываемыхъ мономаніякомъ, тому слѣдуетъ прочесть только послѣднія сочиненія Руссо, особенно его *Исповѣдь*, *Диалоги* и *Мечты прохожаго*».

Однако не одніѣ страсти его отличаются болѣзненной пылкостью; самыя умственные способности были у него съ дѣтства и до старости въ ненормальномъ состояніи, доказательства чего тоже встрѣчаются въ обилии въ «Исповѣди». Ужъ эти *Исповѣди*!.. Всегда онѣ почти являются плодомъ психическаго чудачества.

Стоило Руссо прочесть какую нибудь медицинскую книгу—и ему тотчасъ же представлялось, что у него есть всѣ болѣзни, въ ней описанныя, причемъ онъ изумлялся, какъ онъ остается живъ, страдая такими недугами. Между прочимъ онъ воображалъ, что у него полипъ въ сердцѣ.

Несчастный Руссо перепробовалъ почти всѣ профессии; онъ былъ и часовщикомъ, и фокусникомъ, и учителемъ музыки, и живописцемъ, и граверомъ и лакеемъ и, наконецъ, чѣмъ-то вродѣ секретаря при посольствѣ. Живи онъ въ наше время и притомъ въ Россіи, онъ складывалъ бы бабамъ печки или шилъ бы сапоги. Точно также и въ литературѣ и въ наукѣ онъ брался за всѣ отрасли, занимаясь то медициной, то теоріей музыки, то ботаникой, теологіей и педагогіей. Ради отдохновенія онъ покинулъ большой свѣтъ, гдѣ всегда чувствовалъ себя неловко и удалился

въ уединенную мѣстность, въ деревню. Никонимъ образомъ нельзя назвать Руссо сумашедшимъ или безумцемъ; но онъ всю жизнь чудачилъ и это однако же не помѣшало ему создать силою своего таланта изящныя и выдающіяся своею гуманностью произведенія литературы.

У) Такой же чудакъ былъ напр. и Шопенгауэръ. Объ немъ Ломброзо такъ выражается: «По своему характеру Шопенгауэръ былъ олицетворенное противорѣчіе. Признавая конечной цѣлью жизни уничтоженіе, *Нирвану*, онъ предсказалъ, что проживетъ сто лѣтъ; проповѣдуя воздержаніе, злоупотреблялъ наслажденіями и хотя самъ выстрадалъ много отъ людской несправедливости, позволилъ себѣ однако безъ всякаго повода оскорбить Мошота и Бюхнера и радовался, когда правительство запретило имъ читать лекціи».

«Чувства привязанности были ему совершенно чужды: онъ рѣшился даже оскорбить свою мать, обвинивъ ее въ невѣрности къ памяти мужа и на этомъ основаніи призналъ ничтожество всѣхъ женщинъ, у которыхъ «волосъ дологъ, да умъ коротокъ». Несмотря на то, онъ отрицалъ моногамію и превозносилъ *тетрагамію* (четвероженство), находя въ ней только одно неудобство, возможность имѣть четырехъ тещъ».

Такая же странная чудачка была знаменитая Крюднеръ. «Дѣды наши, говоритъ Ломброзо, вѣроятно еще помнятъ, какимъ громаднымъ значеніемъ пользовалась въ Европѣ Юлія Крюднеръ, эта въ полномъ смыслѣ слова пророчица, страдавшая истерикой. Она вообразила себя избранной Богомъ для спасенія человѣчества и съ пламеннымъ краснорѣчіемъ принялась вербовать себѣ сторонниковъ. Въ Базелѣ Крюднеръ взволновала весь городъ проповѣдью о второмъ пришествіи новаго Мессіи; 20,000 чело-вѣкъ собралось на ея призывъ, такъ что сенатъ въ испугѣ поспѣшилъ изгнать ее изъ города; тогда она переѣхала въ Баденъ, гдѣ 4,000 толпа народа уже дожидалась ее на площади, чтобы поцаловать руку или край платья вдохновенной пророчицы; одна дама предложила ей 10,000 флориновъ на постройку церкви, но Крюднеръ раздала деньги бѣднымъ, «царство которыхъ приближается» ¹⁾. Послѣ того, какъ ее выслали изъ Бадена, она начала странствовать по Швейцаріи, всюду сопровождаемая толпой народа. Вслѣдствіе преслѣдованій полиціи, Крюднеръ изъ городовъ направилась въ деревни, гдѣ ее встрѣчали восторженно, осыпая благословеніями. Поступки свои она приписывала вліянію ангеловъ. На-

¹⁾ Ужъ который разъ это со временъ І. Христа?

полеона, отнесагося къ ней съ презрѣніемъ Крюднеръ называла темнымъ ангеломъ, а императора Александра—свѣтлымъ, и съумѣла даже сдѣлаться совѣтницей этого послѣдняго, такъ что Священный Союзъ былъ заключенъ будто бы исключительно подъ ея вліяніемъ» (стр. 211).

Вотъ вамъ историческій фактъ такой крупной важности, а онъ въ сущности продуктъ психическаго чудачества.

Поразительные чудаки, такіе какъ Лойола, по своему значенію въ жизни человѣчества занимаютъ первенствующее мѣсто. Лойола занялся религіозными вопросами послѣ того, какъ былъ раненъ; затѣмъ подѣ страшнымъ впечатлѣніемъ вспыхнувшего въ Виртембергѣ возстанія, задумалъ основать принесшее столько вреда обществу іезуитовъ, причемъ утверждалъ, что якобы Богородица лично помогла ему въ осуществленіи его проектовъ и онъ слышалъ съ неба ободряющіе его голоса.

Уже въ недавнее время основатель секты квакеровъ, Георгъ Фоксъ, съ крайнимъ увлеченіемъ пропагандировалъ свое ученіе именно подѣ вліяніемъ галлюцинацій. Видѣнія заставили его покинуть семью; онъ облекся въ кожаную одежду, сталъ жить въ дуплахъ деревьевъ и здѣсь получилъ откровеніе, что всѣ хрістіане, къ какому бы вѣроисповѣданію они не принадлежали, должны считаться сынами Божиими. Сначала ему никто не хотѣлъ вѣрить. Послѣ этого Фоксъ пробылъ двѣ недѣли какъ бы въ летаргическомъ снѣ, причемъ тѣло его оставалось неподвижнымъ, точно у мертваго, а мозгъ продолжалъ работать. Подобные же припадки повторялись и съ его послѣдователями, людьми честными, но болѣзненно настроенными, вслѣдствіе чего имъ являлись видѣнія (стр. 213).

Что касается до поэтовъ и писателей, то тутъ значительно труднѣе отдѣлать произведенія таланта и генія отъ произведеній психическаго чудачества; но въ этомъ скорѣе вина и увлеченіе публики и разныхъ сортовъ лицемѣрія, чѣмъ собственно писателя. Поэтъ, художникъ, писатель, сочинитель въ силу своего генія и таланта, подчасъ даже не нормальнаго создаетъ, и творитъ блестящіе типы и образы, вполне вѣрные дѣйствительности и чарующіе своею художественностью. Публика и интеллигенція имѣютъ полное право приходить отъ нихъ въ восторгъ, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобъ кому нибудь изъ насъ нужно было уподобиться этимъ типамъ, избрать ихъ своими идеалами, пожелать сдѣлаться какимъ нибудь Маниловымъ Гоголя, «Идіотомъ» Достоевскаго или Никитой графа Толстаго. Почему обязательно обратиться въ «всечеловѣка» Достоевскаго? почему обязательно принять на вѣру теорію «непротивленія злу», теорію отрицанія науки и искусства?

Признавать у насъ немногіе признають науку, но отрицать ее очень много находится охотниковъ. Однако пусть попробуетъ отрицать науку какойнибудь Титъ Тытычъ,—его, конечно, всѣ тотчасъ же поднимуть на смѣхъ. И кажется, слѣдовало бы быть такъ, что *quod licet bovi non licet Jovi*; но на самомъ дѣлѣ выходитъ иначе: когда любой купчина позволить себѣ отрицать науку, мы на него никакого вниманія не обратимъ, а когда науку вздумаетъ отрицать «знаменитый писатель», мы считаемъ для себя какъ бы обязательнымъ подчиниться ему только потому, что онъ «знаменитый писатель». Но вѣдь писатель можетъ быть знаменитъ въ одномъ отношеніи, напр. какъ художникъ, и въ то же время быть совершенно несостоятельнымъ какъ мыслитель, и тутъ то мы обязаны строго отличать одно отъ другаго. Тѣмъ болѣе, что мы и тутъ опять-таки можемъ руководствоваться наукой. Вотъ что напр. говоритъ Вундтъ въ своихъ *«Основахъ фیزیологической психологіи»*: «Активная дѣятельность фантазіи лежитъ въ основѣ художественной дѣятельности... Весьма ошибочно думать, что идея художественнаго произведенія съ самаго начала является въ душѣ художника въ формѣ логическаго акта мышленія. Если художественное произведеніе и въ началѣ замышляется въ логической формѣ, то оно становится въ разрѣзъ съ законами творческой дѣятельности. Настоящій художникъ никогда не скажетъ впередъ, какой именно цѣли онъ думаетъ достигнуть своимъ произведеніемъ, потому что оно существуетъ въ немъ лишь въ образной формѣ. Этимъ мы вовсе не хотимъ отнять значенія у символирующаго искусства и у дидактической поэзіи. Но произведенія этого рода въ строгомъ смыслѣ не художественныя. Дѣятельность фантазіи отличается отъ логическаго процесса мышленія съ одной стороны живостью и яркостью представленій, съ другой стороны отсутствіемъ общихъ понятій; мѣсто этихъ общихъ понятій здѣсь занято простыми чувственными представленіями. Отъ художественнаго произведенія мы требуемъ, чтобъ оно въ образахъ и событіяхъ воспроизводило предъ нами дѣйствительность и, составляя законченное цѣлое, давало намъ возможность непосредственно пережить суть этой дѣйствительности. Отъ научной же работы требуемъ, чтобъ она установила извѣстныя всеобщія отношенія, приложимыя къ опредѣленнымъ явленіямъ дѣйствительности.» Другими словами поэтъ и писатель и художникъ могутъ быть очень велики какъ таковыя и никуда не годятся какъ ученые. Пока беллетристъ, романистъ, писатель остается беллетристомъ, онъ можетъ быть очень хорошъ, но какъ только онъ пускается въ публицистику, онъ выходитъ очень швахъ... Еще когда беллетристъ остается въ

предѣлахъ и сферѣ своего таланта, дарованія, генія, въ предѣлахъ физиологическихъ нормъ, всякія его увлеченія и экскурси въ неподвѣдомственныя ему области еще терпимы; но когда его постигаетъ психическое чудачество, дѣло становится печальнымъ. Весьма рѣзкій и назидательный тому примѣръ Ломброзо видитъ въ нашемъ Гоголѣ, о которомъ онъ высказывается такъ: «Николай Гоголь написалъ нѣсколько превосходныхъ комедій послѣ того, какъ испыталъ полнѣйшую неудачу въ страстной любви; затѣмъ, едва только познакомившись съ Пушкинымъ, пристрастился къ повѣстствовательному роду поэзіи и началъ писать повѣсти; наконецъ, подъ вліяніемъ Московской школы писателей, онъ сдѣлался первокласснымъ сатирикомъ и въ своемъ произведеніи «Мертвыя души» съ такимъ остроуміемъ изобразилъ дурныя стороны русской бюрократіи, что публика сразу поняла необходимость положить конецъ этому чиновничьему произволу, отъ котораго страдаютъ не только жертвы его, но и сами палачи».

Пока Гоголь оставался этимъ сатирикомъ, онъ давалъ образцы геніальныхъ произведеній юмора, но потомъ съ нимъ совершился переворотъ, онъ началъ чудачить и тогда появилась его знаменитая «Переписка съ друзьями», вызвавшая рѣзкое и исторически безсмертное письмо Бѣлинскаго. Ломброзо такъ формулируетъ душевное настроеніе Гоголя въ этотъ періодъ времени. «Въ это время Гоголь (когда написалъ «Мертвыя души») былъ на вершинѣ своей славы, поклонники называли его за написанную имъ повѣсть изъ жизни казаковъ «Тарасъ Бульба» русскимъ Гомеромъ, само правительство ухаживало за нимъ,—какъ вдругъ его стала мучить мысль, что слишкомъ уже мрачными красками изображенное имъ положеніе родины можетъ вызвать революцію, а такъ какъ революція никогда не останется въ разумныхъ границахъ и разъ начавшись, уничтожитъ всѣ основы общества, религію, семью, то слѣдовательно онъ окажется виновникомъ такого бѣдствія. Эта мысль овладѣла имъ съ такою же силою, съ какою раньше онъ отдавался то любви къ женщинамъ, то увлеченію сначала драматическимъ родомъ литературы, потомъ повѣстствовательнымъ и наконецъ сатирическимъ. Теперь же онъ сдѣлался противникомъ западнаго либерализма; но видя, что противоядіе (Переписка съ друзьями) не привлекаетъ къ нему сердца читателей въ такой степени, какъ привлекалъ прежде ядъ, совершенно пересталъ писать, заперся у себя дома и проводилъ время въ молитвѣ, прося всѣхъ святыхъ вымолить ему у Бога прощеніе его революціонныхъ грѣховъ. Онъ даже совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и вернулся оттуда значительно спокойнѣе; но вотъ въ Европѣ вспыхнула революція 1848 г.—и упреки со-

вѣсти возобновились у Гоголя съ новой силой. Его начали мучить представленія о томъ, что въ мірѣ восторжествуетъ нигилизмъ, стремящійся къ уничтоженію общества, религіи и семьи. Обезумѣвшій отъ ужаса, потрясенный до глубины души, Гоголь ищетъ теперь спасенія въ «Святой Руси», которая должна уничтожить языческій западъ и основать на его развалинахъ панславистскую православную Имперію. Въ 1852 г. великаго русскаго писателя нашли мертвымъ отъ истощенія силъ или скорѣе отъ сухотки спиннаго мозга, на полу возлѣ образовъ, передъ которыми онъ до того молился, преклоня колѣни» (Стр. 110).

Великъ Гоголь и безсмертенъ, но лишь своими неподражаемыми произведеніями юмора и сатиры... тѣмъ не менѣе это не помѣшало русскому обществу отвернуться отъ его «Переписки съ друзьями», а теперь на эту книгу просто слѣдуетъ смотрѣть, какъ на продуктъ психическаго чудачества.

Такой же высокій интересъ возбуждаетъ и другой геніальный русскій писатель въ разбираемомъ отношеніи. Это именно Достоевскій. Въ образцовомъ и рѣдкостномъ сочиненіи доктора Чижъ «Достоевскій какъ психопатологъ» мы имѣемъ такое строго-научное изслѣдованіе, какихъ немного въ европейскихъ литературахъ. «Достоевскій, говоритъ докторъ Чижъ, какъ въ русской, такъ и во всемірной литературѣ представляетъ исключеніе не только по количеству сдѣланныхъ имъ наблюденій, но и по вѣрности и точности описанія, достойныхъ лучшаго естествоиспытателя и наконецъ по глубинѣ пониманія предмета, возбуждающей изумленіе. Собраніе сочиненій Достоевскаго, это—почти полная психопатологія; тамъ можно найти изложеніе всего существеннаго этой науки: многое, очень многое, если не все извѣстное въ психіатріи можно изучить въ произведеніяхъ Достоевскаго» (стр. 5).

Особенно тщательно и мастерски описаны у Достоевскаго эпилептики, страдающіе падучей болѣзью. Вотъ какъ Достоевскій описываетъ субъективныя ощущенія, предшествующія припадку падучей болѣзни: «въ эпилептическомъ состояніи его была одна степень, почти предъ самымъ припадкомъ, когда вдругъ среди грусти, душевнаго мрака, томленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ его жизненныя силы. Ощущенія жизни, самосознанія, почти удесятерились въ эти моменты, продолжавшіеся какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ: всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной гармониче-

ской радости и надежды, полное разума и окончательной причины (?). (Стр. 56).

Обращаемъ особенное вниманіе читателя на слѣдующія слова Чижа: «Считаю необходимымъ прибавить для полной обрисовки эпилепсіи, что психіатры всѣхъ странъ единодушно говорятъ, что у эпилептиковъ часто наблюдается болѣзненная религіозность, переходящая въ ханжество. Не слѣдуетъ забывать, что магометанская религія создана эпилептикомъ; эпилептическія видѣнія Анны Ли послужили поводомъ основанія квакерской секты шекеровъ; Сведенборгъ былъ также эпилептикъ. Кажется и Татаринова страдала эпилептическими припадками».

«Весьма трудно объяснить, какимъ путемъ пріобрѣлъ Достоевскій такъ много свѣдѣній по психопатологіи; еще менѣе возможно категорически отвѣтить на вопросъ: сознавалъ ли ясно самъ Достоевскій, что онъ такой глубокой знатокъ явленій больной души».

«Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Достоевскій даже поверхностно не былъ знакомъ съ теоретическою, научною психіатріей». Но потому Чижъ намъ отчасти все это поясняетъ; онъ говоритъ: «Конечно, многое въ болѣзненныхъ состояніяхъ души уяснила Достоевскому и его собственная болѣзнь».

«Онъ самъ рассказываетъ, что уже въ дѣтствѣ страдалъ галлюцинаціями; также всѣмъ извѣстно, что онъ страдалъ эпилепсіей. Въ психіатріи же извѣстно, какія сложныя патологическія явленія наблюдаются у лицъ, съ дѣтства страдающихъ галлюцинаціями, а также и у эпилептиковъ».

Все это доказываетъ, что Достоевскій былъ глубокой знатокъ *больной* души; но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ былъ такой же глубокой знатокъ *здоровой* души. Совсѣмъ наоборотъ, онъ и не могъ быть знаткомъ здоровой души и его «всечеловѣкъ» также какъ «Переписка» Гоголя не можетъ служить руководствомъ соціальной практической жизни.

Извѣстно, что до сихъ поръ всѣ русскіе писатели, кажется безъ исключенія, являлись художниками-творцами отрицательныхъ типовъ и мастерски художественно описывали отрицательныя стороны русской жизни; что же касается положительныхъ типовъ, положительныхъ идеаловъ, то они имъ до сихъ поръ не удавались. Это—если не ошибаемся—чуть ли не общая участь всей почти русской литературы. Не удавались большинству писателей-беллетристовъ и экскурсіи ихъ въ область науки, публицистики, философіи. Между тѣмъ художественныя произведенія великихъ писателей настолько увлекаютъ и подкупаютъ даже лучшую интеллигенцію, что произведенія этихъ писателей, не принадлежація къ сферѣ ихъ таланта,

тоже становятся предметомъ поклоненія и порождаютъ собою чуть не сектанство, хотя крайне эфемерное и скоро-преходящее. Такое вліяніе имѣлъ напр. «все-человѣкъ» Достоевскаго. Такое же значеніе приходится приписывать и новѣйшимъ теоріямъ графа Льва Толстаго. Самъ графъ Левъ Толстой говоритъ о себѣ: «Снаружи все гладко выходило какъ будто, но въ душѣ я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ. Я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все (?) и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животной жизнью»... ¹⁾).

Далѣе графъ говоритъ: «благодаря искренности моего убѣжденія въ томъ, что лучшее, что я могу сдѣлать—это повѣситься,—я чуялъ, что если я хочу понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла жизни мнѣ надо не у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни и хотятъ убить себя, а у тѣхъ милліардовъ отжившихъ и живущихъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь» ²⁾. Далѣе:

«Жизнь нашего круга не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука и искусство — все это представилось мнѣ однимъ баловствомъ. Я понялъ, что искать смысла жизни въ этомъ нельзя. Дѣйствія же трудящагося народа, творящаго жизнь, представились мнѣ единымъ настоящимъ дѣломъ. И я понялъ, что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и принялъ его ³⁾»... Далѣе:

«Если смыслъ человѣческой жизни въ томъ, чтобы добывать ее, то какъ же я, проживъ паразитомъ тридцать лѣтъ сознательной жизни, могъ получить другой отвѣтъ, какъ тотъ, что жизнь моя есть безсмыслица и зло? Она была безсмыслица и зло» ⁴⁾. Далѣе:

«Все это заставило меня усомниться въ истинности самой нашей писательской вѣры. Усомнившись въ ней, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы эти, писатели, были люди беззавѣстные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ, много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разумной и веселой жизни, но самоувѣренные и совершенно довольные собой. Люди мнѣ опротивѣли, и самъ я себѣ опротивѣлъ» ⁵⁾.

¹⁾ Скабичевскій. Гр. Толстой. Стр. 132.

²⁾ Скабичевскій. I. с., стр. 134.

³⁾ Скабичевскій. I. с., стр. 135.

⁴⁾ Скабичевскій. I. с., стр. 136.

⁵⁾ Скабичевскій. I. с., стр. 131.

Этотъ пессимизмъ и этотъ мистицизмъ напоминаютъ намъ то Гоголя, то Жанъ-Жака Руссо и доказываютъ, что эти душевныя страданія, постигавшія подь конецъ литературной дѣятельности многихъ извѣстныхъ русскихъ писателей, не минули и графа Льва Толстаго...

Но въ то же время всѣ приведенныя въ этой статьѣ цитаты изъ сочиненій графа Льва Толстаго могутъ служить намеками на *графоманію*... Это подтверждается и многими [другими сопоставленіями. Ломброзо, долго изучавшій біографіи великихъ людей, подверженныхъ графоманіи, утверждаетъ, что отличительный признакъ такихъ людей тотъ, что слово у нихъ всегда расходилось съ дѣломъ. А извѣстно, что въ жизни графъ Левъ Толстой расходился съ проповѣдуемыми имъ принципами, на что можно привести множество довольно грубыхъ и несомнительныхъ, хотя и правдивыхъ доказательствъ. Если поэтому графъ Левъ Толстой такъ оскорбительно отнесся къ женскому вопросу, то необходимо понять, что всѣ его теоріи лишь продуктъ психическаго чудачества, вовсе не обязательный для кого нибудь на столько, чтобы имъ слѣдовать. Графъ Левъ Толстой говорить: «Какъ сказано въ библіи, мужчинѣ и женщинѣ данъ законъ—мужчинѣ законъ труда, женщинѣ законъ рожденія дѣтей. Хотя мы по нашей наукѣ nous avons changé tout ça, но законъ мужчины, какъ и женщины, остается неизмѣннымъ, какъ печень на своемъ мѣстѣ, и отступленіе отъ него казнится все также неизбежно смертью» ¹⁾. Но вѣдь такихъ *мысли* и изреченій много; вспомнимъ странности и оригинальныя изреченія Шопенгауэра. Понятно, что такія мысли и изреченія, будучи несомнѣннымъ продуктомъ чудачества, въ практической жизни никакого значенія имѣть не могутъ.

Но всякое чудачество имѣетъ значеніе еще по авторитету лица и глядя по почвѣ. Россія—страна какъ-то особенно расположенная къ воспріятію и распространенію самыхъ странныхъ чудачествъ. Притомъ же въ Россіи всегда чудачества принимаютъ особый оттѣнокъ. На этотъ счетъ очень вѣрно высказывается д-ръ Чижъ. «Каждый знаетъ, говоритъ онъ какъ трудно у насъ въ Россіи изучать родной бытъ. Отсутствие руководствъ, путеводныхъ нитей, проложенныхъ дорогъ ставитъ каждаго начинающаго положительно въ невозможное положеніе. Это тѣмъ болѣе справедливо въ психіатріи, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного изслѣдованія о характерѣ душевныхъ болѣзней у насъ въ Россіи; нѣтъ даже попытки опредѣлить, какія формы преобладаютъ въ Россіи, какія особенности теченія

¹⁾ Скабичевскій, стр. 158.

болѣзней и т. п. Между тѣмъ общіе принципы медицинской географіи не оставляютъ сомнѣнія, что условія жизни, характеръ націи, степень культуры кладутъ особый отпечатокъ на характеръ заболѣваній. Чтобы выяснитъ мысль, укажу на слѣдующіе примѣры: голландецъ въ высокой степени буйства болѣе сдержанъ и спокоенъ, нежели итальянецъ слегка возбужденный; многіе англичане высшаго класса страдаютъ сплиномъ, болѣзнію почти неизвѣстною въ другихъ странахъ (I. с., стр. 108).

Кажется, мы не впадемъ въ большую ошибку, если позволимъ себѣ утверждать, что въ Россіи народъ и все общество русскихъ, за исключеніемъ ничтожной горсти интеллигенціи, находится еще пока въ фазѣ психическаго періода цивилизаціи и еще не развилась до интеллектуальной фазы. Соотвѣтственно этому проявляются и разнообразнѣйшія формы психическаго чудачества, которыя бываютъ въ самой безобидной, подчасъ даже весьма и весьма симпатичной формѣ и доходятъ впрочемъ весьма рѣдко до какой нибудь возмутительной или гибельной формы. Господствующій характеръ этихъ чудаществъ мистическій, удрученный, грустный; весь русскій народъ охотнѣе всего поетъ заунывную пѣсню, онъ пьетъ съ горя и съ тоски, онъ дуритъ и чудачитъ оттого, что нѣтъ ему простора, негдѣ развернуться его широкой натурѣ.

Было бы въ высшей степени поучительно и интересно прослѣдить всѣ формы и проявленія чудаществъ въ исторіи русскаго народа. Но это задача будущаго. Однако такой крупный историкъ, какъ Н. И. Костомаровъ, не могъ не привести нѣсколькихъ такихъ эпизодовъ.....

Русскій народъ, въ теченіи столѣтій испытывшій тяжкія бѣдствія—сперва время удѣльнаго періода, потомъ обезумѣвшій отъ страха во все время татарскаго ига—цѣлые вѣка потомъ коснѣлъ въ рабствѣ. Внезапное освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, экономическій и соціальныя перемены, крупныя историческія событія потрясали нервную систему всего русскаго народа и всего русскаго общества.

На этой психически и нервно потрясенной почвѣ выросли самыя симпатичныя и чисто-идеальныя чудачества, именовавшіеся вполнѣ справедливо увлеченіями. Критическое и безвыходное положеніе народа дѣйствительно внушало участіе и сочувствіе, безпомощность его во всѣхъ отношеніяхъ невольно внушала искреннюю и глубокую къ нему любовь и стремленіе пособить его неумѣнною найти при новыхъ условіяхъ. Психическая страсть «служить народу» доходила до того, что многіе видѣли превосходство русскаго народа предъ Европой въ томъ, что русскій народъ носить полушубокъ, такъ поэтически воспѣтый Энгельгардомъ. И

все любившее «народъ» не только обязательно наряжалось въ полушубокъ, но выражалась неоднократно надежда, что вся Европа пойметъ же наконецъ свое назначеніе и тоже облачится въ полушубокъ... Затѣмъ стали являться «новыя слова» и «новые люди».....

Искреннее стремленіе помочь обездоленному народу искало выхода въ разнаго рода ручныхъ работахъ, пока не осуществилось просто въ образѣ земледѣльца. И вотъ въ то время, когда въ селѣ, въ народѣ раздавались выраженія: «теперь вѣѣ бѣгутъ изъ мужиковъ» и были старанія дѣйствительно бѣжать изъ мужиковъ, интеллигентныя барыни старались опроститься до степени чернорабочей.....

Девятьсотъ лѣтъ на всемъ пространствѣ Россіи раздавался призывъ «творите добро»; девятьсотъ лѣтъ проповѣдывалось Евангельское слово... Но, повидимому, это оказывалось недостаточнымъ и въ помощь къ нему явилась новая якобы теорія: «непротивленіе злу».

Слишкомъ обще и растяжимо понятіе о злѣ. Бываютъ случаи, что не противиться ему просто безчестно, безнравственно, въ высшей степени предосудительно. Мы видѣли двѣ картины изъ жизни и быта русскаго народа. Одна имѣла мѣсто въ Малороссіи. Вся деревня высыпала на улицу и гнѣвно взидала на страшно возмутительное зрѣлище—красивую женщину, совершенно голую, связанную по рукамъ, и съ ней связаннаго мужика, пойманныхъ на мѣстѣ грѣха, водили за веревку по всей деревнѣ. Развѣ мало-мальски развитой человѣкъ имѣлъ бы нравственное право не останавливать этого народнаго позора и не освободить поруганной женщины отъ возмутительнаго глумленія надъ ея личностью властью тьмы? Или другая картина того же художника. Среди степи, какъ среди безбрежнаго океана, одиноко стоитъ телѣга и въ ней баба съ ребенкомъ на рукахъ плачетъ, заливаясь слезами. Поодаль несется русскій крестьянскій конь, особая разновидность, не предусмотрѣнная системой Линнея. Въ сторонѣ котлоковъ на огнѣ. У телѣги двое ребятишекъ въ полномъ недоумѣніи, а у самой телѣги вдоль ея вытянулся во весь ростъ и лежитъ непробуднымъ сномъ уснувшій кормилецъ семьи—самъ-отъ. Это переселенцы!..

Въ виду такого вопіющаго зла, постигающаго хронически весь русскій народъ, развѣ можетъ пройти человѣкъ съ сердцемъ, сколько нибудь равнодушно? Развѣ это не самый возмутительный эгоизмъ? Развѣ такому горю народа можно помочь питьемъ сапоговъ или складываніемъ печки? Развѣ это не лицемеріе и фарисейство скорѣе, чѣмъ истинное христіанское смиреніе? Но стоило на нашей нервной потрясенной почвѣ явиться теоріи Толстого, какъ стали думать, что якоремъ спасенія явятся интел-

лигентныя земледѣльскіи колоніи; но онѣ пока въ зародышѣ, хотя уже были примѣры, что приватъ-доцентъ университета бросалъ кафедру и становился простымъ земледѣльцемъ, все потому, что графъ Левъ Толстой сказалъ, что надо работать руками и добывать хлѣбъ первороднымъ трудомъ. Конечно, «непротивленіе злу», какъ теорія, могло бы имѣть широкое примѣненіе при всестороннемъ развитіи науки, при полномъ ея просторѣ и безпрепятственномъ распространеніи; но графъ Левъ Толстой отрицаетъ науку, а потому теорія «непротивленія злу» оказывается кругомъ несостоятельной. Только полный разцвѣтъ науки могъ бы устранить потребность въ противленіи злу; но отрицаніе науки и есть то величайшее зло, которому всѣ здравомыслящіе и честные люди обязаны оказывать всяческое и всевозможное сопротивление.

Ученіе о «непротивленіи злу» какъ разъ пришлось по сердцу совсѣмъ особенной породѣ людей, выросшихъ на почвѣ, весьма утѣненной событіями послѣднихъ временъ. Банковскія и желѣзно-дорожныя горячки, не менѣе тифа и холеры злокачественныя по своей заразительности и 200,000-ные выигрыши вскружили головы очень многихъ людей и породили особую страсть, жгучую, алчную, ненасытную, страсть къ безграничной наживѣ. Унаслѣдовавъ эти наклонности, цѣлое поколѣніе съ жадностью ухватилося за теорію графа Льва Толстаго, отрицающую науку, совершенно забыло о существовавшихъ и господствовавшихъ въ литературѣ и въ обществѣ идеалахъ и съ искренностью, достойной лучшей участи, ни о чемъ другомъ не мечтаетъ, ни о чемъ другомъ не говоритъ, какъ только о «мѣстѣ» съ опредѣленнымъ жалованьемъ, какъ о карьерѣ, ведущей къ тѣмъ или инымъ земнымъ благамъ. Долой всѣ идеалы, всѣ кумиры, которымъ еще такъ недавно поклонялись всѣ лучшіе люди Россіи, всѣ ея идеальные мечтатели. Всѣхъ вытѣснилъ и вальяжно размѣстился на Олимпѣ одинъ только золотой телецъ,—и въ это-то время какъ разъ подоспѣло отрицаніе науки, искусства, философіи, позитивизма и отреченіе отъ всѣхъ творцовъ литературы. Чего лучше, что же больше?

Какъ бы въ утѣшеніе себѣ мы можемъ развѣ указать на то, что «въ Западной Европѣ замѣчено то же явленіе. Такъ, директоръ имперской канцеляріи Боссе въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ высказался въ томъ смыслѣ, что среди германской молодежи замѣчается поразительное отсутствіе идеальныхъ стремленій, что она преслѣдуетъ чисто практическія цѣли и притомъ въ самомъ узкомъ смыслѣ слова. Одинъ изъ берлинскихъ судей горячо жаловался Боссе на полное отсутствіе высшихъ интересовъ среди многочисленныхъ канди-

датовъ на судебныя должности, на ихъ изумительное невѣжество и меркантильное направленіе. Боссе въ своей обвинительной рѣчи противъ молодежи приводитъ весьма оригинальный фактъ. Одна аристократическая корпорація Гейдельбергскаго университета постановила воспретить своимъ членамъ и фуксамъ посѣщеніе университетскихъ лекцій. Дѣло дошло до того, что аристократическія корпораціи Бонскаго, Гейдельбергскаго и Геттингенскаго университетовъ учредили спеціальныя клубы, чтобы не встрѣчаться съ остальною университетскою молодежью, не принадлежащею къ аристократической средѣ. Но и студенты-плебеи, по словамъ Боссе, преслѣдуютъ чисто утилитарныя цѣли и занимаются лишь на столько, насколько это нужно для поступленія на службу. Наука ихъ мало интересуетъ; все вниманіе направлено на то, чтобы поскорѣ получить доходное мѣсто» ¹⁾).

Если не все и не въ одинаковой мѣрѣ, то многое изъ сказаннаго относительно германской молодежи и германскихъ юристовъ можно повторить и относительно нашей теперешней молодежи и нашихъ юристовъ. А тутъ на подмогу проповѣдь отрицанія науки.

То же подтверждаетъ Карль Фохтъ относительно даже Швейцаріи; въ рѣчи, произнесенной недавно въ Женевѣ и напечатанной въ *Revue Scientifique* (№ 6, 1887 г.), онъ обратилъ вниманіе на то, что даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ интеллектуальное развитіе учениковъ становится какимъ-то механическимъ, безъ личной индивидуальной инициативы.

Студенты тоже какъ-то остаются въ предѣлахъ своего узкаго горизонта, и кругозоръ ихъ все больше и больше суживается. Онъ это объясняетъ во-первыхъ тѣмъ, что въ послѣднее время слишкомъ широкое развитіе принялъ утилитаризмъ, который однако же неизбеженъ въ силу того гнета милитаризма, подъ игомъ котораго стонетъ теперь вся Европа, удручаемая вооруженнымъ миромъ; но Карль Фохтъ винитъ въ этомъ отчасти и то обстоятельство, что преподаваніе въ университетахъ слишкомъ специализируется, что также конечно есть результатъ утилитаризма, отъ котораго страдаетъ общее образованіе.

Мы отсюда видимъ, что люди науки сами хорошо понимаютъ недостатки школы, преподавателей, системъ, понимаютъ причины этихъ недостатковъ и стараются ихъ устранить; но отсюда до отрицанія науки, до повального херенія ея еще цѣлая бездна.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ убѣдиться, что всѣ перечисленные нами психическія чудачества являются результатомъ психической формы развитія

¹⁾ „Новости“, № 227 за 1887 г.

культуры и цивилизація многихъ слоевъ общества въ Европѣ и въ Россіи, а потому надо надѣяться, что со вступленіемъ Россіи въ интеллектуальный періодъ цивилизаціи, эти психическія чудачества, при полномъ просторѣ и разцвѣтѣ науки, сами собою исчезнутъ и изгладятся. Это тѣмъ болѣе желательно и необходимо, что не всегда эти психическія индивидуальныя чудачества остаются такъ скромны. Подчасъ они себя даютъ знать бѣдному человѣку до того чувствительно, что память объ нихъ па долго остается и въ обществѣ, и въ потомствѣ, и даже въ исторіи. Не мало историческихъ несчастій и человѣческихъ бѣдствій объясняется тѣмъ, что Юлій Цезарь, Магометъ и Наполеонъ страдали падучей и подчасъ просто являлись психопатами. Это прекрасно выяснилъ д-ръ Айрлендъ въ своей интересной книгѣ «Психозы въ Исторіи», гдѣ онъ подробно излагаетъ событія, зависѣвшія отъ этого болѣзненнаго психического состоянія.....

Посмотрите на умалишенный періодъ Римской Исторіи. Чтѣ иногда тамъ дѣлалось, буквально уму непостижимо. Клавдій, Юлія, Тиверій, Калигула, Мессалина, Агриппина, Неронъ... Стоитъ сопоставить эти имена, чтобъ передъ нами предстала историческая картина, полная ужаса... «Достоинѣ вниманія, говоритъ Айрлендъ, мнѣніе д-ра Якоби о Юліи. Была ли это женщина сильныхъ страстей, какъ бы выразился романистъ? Сильныя страсти суть главная притягательная сила героя и героини нѣкоторыхъ романовъ; но при этомъ нужно добавить, что *нѣтъ болѣе поверхностныхъ наблюдателей, какъ романисты*». Мы нарочно подчеркиваемъ эти слова для горячихъ и безпардонныхъ поклонниковъ графа Льва Толстаго и Достоевскаго. «*Романисты, говоритъ Айрлендъ, создали воображаемую психологію, не имѣющую ничего общаго съ действительностью*» (1. с., стр. 77). Мотайте на усъ этотъ суровый приговоръ науки, страстные и необузданные поклонники рамановъ... и писателей-беллетристовъ.

Но никому столько, кажется, не досталось на своемъ вѣку, какъ восточному человѣчеству отъ султана Магомета Тохлока. Вотъ маленькая характеристика его обращенія съ могометанами. Его историкъ Фершита говоритъ по поводу его царствованія: «Въ древности проливали кровь магометанъ за всякую бездѣлицу, а за незначительные проступки увѣчили и мучили ихъ, отрѣзая имъ руки и ноги, носъ и уши, выкалывая глаза, раздробляя кости, сожигая, распиная, прибывая гвоздями руки и ноги, сдирая кожу съ живаго, подрѣзая подкожные жилы и отрѣзая по кускамъ части тѣла при жизни» (1. с., стр. 105).

До чего были причудливы его фантазіи и безгранично желаніе

заставить о себѣ говорить—можно видѣть изъ слѣдующаго сообщенія Фершита:

По дорогѣ въ Дулатабодъ у него сильно заболѣли зубы, отчего онъ потерялъ одинъ зубъ. Тогда онъ приказалъ похоронить больной зубъ съ большою церемоніей. Надъ могилой этого зуба былъ воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, который стоитъ и до сихъ поръ, указывая на его тщеславіе и безуміе (1. с., стр. 97).

И стомилліонные народы безропотно выносили этотъ психопатическій деспотизмъ!..

Въ заключеніе приходится добавить, что величайшее несчастіе и величайшее зло человѣчества заключается въ томъ, что всѣ эти «психическія чудачества» по существу реакціонны, а самымъ могучимъ факторомъ противленія этому злу является наука. Вотъ почему она навсегда останется самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ всякой реакціи и вотъ почему человѣчество поневолѣ во всѣ времена наиболѣе дорожило ею и никогда не перестанетъ дорожить.

В. Португаловъ.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

(Продаются во всех книжных магазинах. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. Спб., Лештуковъ пер. № 2).

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ИЗДАНИЯ.

Электрическое освѣщеніе въ примѣненіи въ жизни и военному искуству. Составилъ *В. Чиколевъ*, съ 115 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества. *В. Чиколева*. Ц. 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнетизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье*. Переводъ *Ф. Павленкова*, *В. Черкасова* и *С. Степанова*. Съ 340 рис., Цѣна 1 р. 50 к.

Справочная книжка по электротехникѣ. *В. Чиколева*. Ц. 75 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. Д-ра физ. *О. Хвольсона*. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Пер. *С. Степанова*, со множествомъ рис., 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*, переводъ съ франц. *С. Степанова*, со множествомъ рис. Ц. 2 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его трудовъ, составленный *Гексли*, *Гейки*, *Дайеромъ* и *Романесомъ*. Съ портретомъ Дарвина, гравировъ на стали. Переводъ *Г. Лопатина*. Ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Профессора *Жюли*. Ц. 1 р. 25 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Параллель между великими людьми и помѣшанными. Переводъ съ 4-го итальянскаго изданія *К. Тетюшиновой*. Съ портретомъ автора и рисунками. Ц. 2 р.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона *Н. Корфа*. Ц. 10 к.

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи. *Эспинаса*. Перевелъ съ 2-го французскаго изданія *Ф. Павленковъ*. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Вредныя полевые наѣды. Сост. *В. Иверсенъ*, съ 43 рис., ц. 80 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Со многими рисунками. Цѣна 60 коп.

Частная медицинская діагностика. Руководство для практическихъ врачей. Сост. профессоръ *Да-Коста*. Перевелъ съ нѣмецкаго, по рекомендаціи проф. *В. Манассеина*, д-ръ *Д. Фридбергъ*, 704 стр. съ 43-мя рис., ц. 3 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярной естественно-научной философіи. *А. Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленковъ*. 2-е изданіе, ц. 2 р. 50 к.

Практическій курсъ физиологіи. *Бурдонъ Сандерсона*. Переработанъ русскими профессорами *И. Съченовымъ*, *В. Ковалевскимъ*, *А. Данилевскимъ*, *Н. Введенскимъ* и *В. Михайловымъ*. Со многими рисунками. Цѣна за 2 тома 5 р.

ПАГЛИДНО-ЗВУКОВЫЙ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова: 1) КЪ РОДНОМУ СЛОВУ Ушинскаго (400 рис.). 2) КЪ АЗБУКЪ БУНАКОВА (460 рис.). 3) КЪ ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКЪ Паульсона (430 рис.); 4) КЪ РУССКОЙ АЗБУКЪ Водовозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ ПАГЛИДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

НАПЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школь и дома. Составилъ Баронъ Н. А. Корфа. 14-е издание, съ 200 рисун. и портретами. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго. Для книж. учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій (съ 25 портретами). 3-е изд. Ц. 1 р.

КУРСЪ РУС. ГРАММАТИКИ. В. Миропольскаго. Ц. 1 р.

НАЧАЛЬНАЯ РУС. ГРАММАТИКА. Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.

ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Съ приложеніемъ церковно-славянскіи грамоты и многими рис. Составилъ Т. Лубенца. Ц. 30 к. Вторая книга Цѣна 40 к.

РУКОВОДСТВО къ „ЗЕРНЫШКУ“. Т. Лубенца. Ц. 50 к.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е издание. Ц. 5 к.

РУКОВОДСТВО къ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ“. Т. Лубенца. Ц. 15 к.

КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ. А. Карюкова. 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя“, обучающаго по этой книжкѣ—10 к.

РУССКОЕ СЛОВО. А. Павлова. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для город. училищ. Ц. 1 р.

РУКОВОДСТВО къ „РУССКОМУ СЛОВУ“. Его же. Ц. 60 коп.

АЗБУКА ДОМОВОДСТВА И ДОМАШНЕЙ ГИГІЕНЫ. Сост. М. Климъ. Перевелъ Н. Корфа. Ц. 75 коп.

ТРИСТА ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ. Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы. Н. А. Корфа. 2-е изд. Ц. 15 к.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРАВОПИСАНІЕ. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. Н. Корфа. Ц. 12 к.

СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. В. Разыграева: 1. Элементарны свѣд. о право. словъ. Ц. 50 к.—2. Систематическіи свѣд. о право. словъ. Ц. 50 к.—3. Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.—4. Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

СБОРНИКЪ АРИМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е издание (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ“ по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.

СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Т. Савицкаго. Ц. 40 к.

КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 96 рис. Ц. 1 р.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО съ ФИЗИКОЮ. М. Герасимова. Подъ ред. О. Хвольсона. Съ 96 рис. Ц. 50 к.

ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 25 к.

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ. Н. И. Григоровича. 5-е изд. Съ 52 портретами. Ц. 2 р. Въ переплетѣ—2 р. 75 к.

ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. Поля Бера. Переводъ подъ редакціей проф. Мениджова. Съ 345 рис. 2-е изд. съ портретою автора. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 20 к.; въ перепл. 1 р. 50 к.

КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сізова. Съ 118 рис. Спб. 1888 г. Ц. 50 к.

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А. Колтановскаго. Съ 279 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Популярно-научныя изданія.

Умственные эпидеміи. Историко-психиатрическіе очерки, д-ра П. Ренъяра. Переводъ съ франц. Эд. Зауэръ. Съ 110 рис. и статью д-ра В. Португалова: „Понавѣныя чудачества“. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярныя очерки міровѣдѣнія. 5-е издание, въ первый разъ иллюстрированное (60 рисунковъ). Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. К. Фламмаріона. Переводъ съ франц. В. Черкасова. Со 100 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе въ примѣненіи къ жизни и военному искусству. Составилъ В. Чиколевъ. Съ 151 рис., ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества. В. Чиколевъ, ц. 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. В. Чиколевъ, съ рисунками, ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. А. Гано и Ж. Маневръ. Переводъ Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова съ 340 рис., цѣна 1 р. 50 к.

Справочная книжка по электротехникѣ. В. Чиколевъ, ц. 75 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. Д-ра физ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е издание, ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. Э. Гоститалье. Пер. С. Степанова, со множествомъ рис., ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. Э. Гоститалье, переводъ съ франц. С. Степанова, со множествомъ рис., ц. 2 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его трудовъ, составленный Гексли, Гейки, Дайеромъ и Романсомъ. Съ портретами Дарвина, граверовъ на стали. Переводъ Г. Лопаткина, ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Профессора Жоли, ц. 1 р. 25 к.

Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. Параллель между великими людьми и помѣшанными. Переводъ съ 4-го итальянскаго изданія К. Темпошовой. Съ портретою автора и рисунками, ц. 2 р.

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи социологіи. Эспинаса, Перевелъ со 2-го французскаго изданія Ф. Павленковъ. 500 стр. ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярной естественно-научной философіи. А. Селки. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 2-е издание ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для практическихъ врачей. Сост. профессоръ Да-Коста. Перевелъ съ нѣмецкаго, по рекомендаціи проф. В. Манассеина, д-ръ Д. Фридбергъ, 704 стр. съ 43-мя рис., ц. 3 р. 50 к.

Практическій курсъ физиологіи. Буррионъ Сандерсона. Переработанъ русскими профессорами И. Сиченовымъ, В. Ковалевскимъ, А. Данилевскимъ, В. Данилевскимъ, Н. Введенскимъ и В. Михайловымъ. Со многими рисунками. Цѣна за 2 тома 5 р.

Вредныя полезныя насѣкомыя. Сост. Иерсенъ, съ 43 рис., ц. 80 к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. Н. Жуковскаго. Съ 72 рисунками. Цѣна 60 коп.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

СОЧИНЕНИЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. Полное собраніе въ двухъ большихъ томахъ, съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Цѣна за два тома **3 р.**

СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА. Съ портретами, биографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-омъ томѣ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт. **1 р. 50 к.** Съ картин. — **2 р. 50 к.** На лучшей бумагѣ — на **50 к.** дороже. Съ переплеты для 1-томнаго изданія — **40 к.** и **1 р.** Для 10-томнаго (5 переплетовъ) **1 р.** и **2 р.**

СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА. Полное собраніе стихотвореній и всѣхъ безлѣтнѣй въ прозѣ, т. е. безъ историческихъ и критическихъ очерковъ и безъ писемъ. Въ одномъ томѣ (1006 страницъ). Съ биографіей, портретами, сценой дуэли и снимкомъ почерка Пушкина. Цѣна — **1 р.** Съ картин. — **2 р.**

СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА. Полное собраніе. Съ портретами, биографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.). Цѣна: безъ картинъ — **50 к.** Съ картинками — **1 р. 25 к.**

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина“, составленъ по рисункамъ художниковъ: Васнецова, Загорскаго, Зомова, Каменева, Карамзина, Крюкова, Лебедева, Малышева, Матѣ, Панова и Штейна. 44 иллюстраціи съ подписями, портреты Пушкина и снимкомъ съ его почерка. Цѣна въ папѣ **1 р. 50 к.**

МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рѣзаны на деревѣ нашими лучшими граверами. Ц. въ колѣнокъ, переплетъ — **1 р. 25 к.**

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. **15 к.** **ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИННОЙ** Макс. Нордау.

Перев. съ 4 вѣм. изданія Э. Л. Зауэръ. Ц. **2 р.** **СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ.** А. Кюллера.

Переводъ съ франц. Ц. **1 р. 50 к.** **СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ.** П. Мантегацци. (Профес. антропологии во Флоренціи). Ц. **75 к.**

БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ. (Азбука законовѣдѣнія) для грамотныхъ крестьянъ. С. Горюхиной, подъ редакціей Я. Абрамова. Цѣна **15 к.**

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ Фармаковский. Изданіе 4-е, дополненное. Ц. **1 р. 25 к.**

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНѢНІЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Проф. Гольцендорфа. Ц. **75 коп.**

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домашн. чтенія. А. Двѣткова. Съ 17 портретами и биографіей, словаремъ. Ц. **3 р.**

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ (земскаго, городского и селскаго). С. Приклонскаго. Ц. **2 р.**

БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ. Бытовые очерки И. Тимошенкова. Съ предисловіемъ А. Скабичевскаго. Ц. **1 р.**

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. Общественно-физиологическіе очерки А. Бахтіарова. Сиб. 1888 г. Цѣна **1 р. 50 к.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА

(Изданіе Ф. Павленкова)

состоитъ изъ 40 книжекъ и биографіи Пушкина (№ 41), написанной А. Скабичевскимъ.

Отдѣльные произведенія.

1. Руслаиъ и Людмила. Съ 8 рис. Ц. **10 к.**
2. Кавказскій пѣвнѣкъ. Съ 3 рис. Ц. **3 к.**
3. Братья-разбойники. Съ 3 рис. Ц. **2 к.**
4. Бахчисарайскій фонтанъ. 3 рис. Ц. **3 к.**
5. Игнаны. Съ 3 иллюстраціями. Ц. **3 к.**
6. Полтава. Съ 5 иллюстраціями. Ц. **6 к.**
7. Галубъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. **2 к.**
8. Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ 3 р. Ц. **4 к.**
9. Сказка о пойнѣ. Съ 2 иллюстр. Ц. **2 к.**
10. Сказка о мертвой царевнѣ. 2 р. Ц. **3 к.**
11. Сказка о пѣтушкѣ. Съ 2 рис. Ц. **2 к.**
12. Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ. 2 рис. Ц. **2 к.**
13. Пѣсни запад. Славянъ. Съ 3 ил. Ц. **4 к.**
14. Евгений Онегинъ. Съ 11 рис. Ц. **20 к.**
15. Графъ Нулинь. Съ 3 рис. Ц. **2 к.**
16. Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 рис. Ц. **2 к.**
17. Мѣдный всадникъ. Съ 3 рис. Ц. **3 к.**
18. Анжели. Съ 3 иллюстраціями. Ц. **3 к.**
19. Борись Годуновъ. Съ 9 рис. Ц. **10 к.**
20. Скупой рыцарь. Съ 2 иллюстрац. Ц. **2 к.**
21. Монархъ и Сальеръ. Съ 2 рис. Ц. **2 к.**
22. Каменный гость. Съ 3 иллюстр. Ц. **3 к.**

23. Пиръ во время чумы. Съ 2 рис. Ц. **2 к.**
24. Русалка. Съ 4 иллюстраціями. Ц. **3 к.**
25. Выстрѣлъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. **2 к.**
26. Мятель. Съ 2 иллюстраціями. Ц. **3 к.**
27. Гробовникъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. **2 к.**
28. Ставлющій смотритель. Съ 3 р. Ц. **3 к.**
29. Барышня-крестьянка. Съ 2 р. Ц. **4 к.**
30. Пиковая дама. Съ 3 иллюстрац. Ц. **5 к.**
31. Дубровский. Съ 5 иллюстраціями. Ц. **10 к.**
32. Арапъ Петра Великаго. Съ 3 р. Ц. **6 к.**
33. Капитанская дочка. Съ 11 рис. Ц. **20 к.**
34. Исторія Пугачев. бунта. 12 р. Ц. **20 к.**

Сборники.

35. Всѣ поэмы. Съ 21 иллюстраціей. Ц. **25 к.**
36. Всѣ сказки. Съ 6 иллюстраціями. Ц. **10 к.**
37. Всѣ баллады и легенды. Съ 4 р. Ц. **10 к.**
38. Всѣ драмат. произведенія. 17 р. Ц. **20 к.**
39. Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 рис. Ц. **10 к.**
40. Всѣ письма. Съ 26 портретами. Ц. **25 к.**

41. Биографія Пушкина. А. Скабичевскаго. 40 рис. Ц. **15 к.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15-го Декабря 1888 года.

Типографія и хромолитографія А. Траншель, Стремляная, № 12.

2011141888